БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
Кафедра теории и практики перевода

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Материалы
V Международной научно-практической конференции,
посвященной 20-летию основания
кафедры теории и практики перевода
факультета социокультурных коммуникаций
Белорусского государственного университета

Минск, 24–25 октября 2019 г.

Минск
БГУ
2019

УДК 81.1(082)
ББК 81я43
Я41

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук, доцент *С. В. Воробьева* (отв. ред.);
кандидат филологических наук *О. С. Брагарник-Станкевич*;
старший преподаватель *Н. С. Зелезинская*;
кандидат филологических наук, доцент *Д. О. Половцев*;
кандидат филологических наук, доцент *А. Г. Торжок*

Рецензенты:
директор Центра белорусского языка, литературы
и этнокультуры Литовского эдукологического университета доктор филологии,
отличник образования Республики Беларусь *Л. Л. Плыгавка*;
профессор кафедры истории и грамматики английского языка
Минского государственного лингвистического университета
доктор филологических наук, профессор *Д. Г. Богушевич*

Я41 **Языковая** личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию основания каф. теории и практики перевода фак. социокультур. коммуникаций Белорус. гос. ун-та, Минск, 24–25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. В. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 323 с.
ISBN 978-985-566-794-1.

Освещаются различные стороны взаимоотношения языка, культуры, ментальности; рассматривается феномен языковой личности в разнообразии речевых практик (межличностное и профессиональное общение, дискурс, литературное творчество, перевод); представлена специфика языкового кодирования мира в различных лингвокультурах; анализируются современные технологии реализации образовательного процесса в аспекте формирования коммуникативных компетенций учащихся.

Адресуется преподавателям вузов, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам, студентам.

Авторы несут ответственность за достоверность и качество представленных материалов.

УДК 81.1(082)
ББК 81я43

ISBN 978-985-566-794-1

© БГУ, 2019

РАЗДЕЛ 1
МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

М. С. Рогачевская
Минский государственный лингвистический университет
Минск, Беларусь
e-mail: marinaragachewskaya@gmail.com

В статье рассматриваются особенности взаимодействия художественной литературы и общества и выделяются несколько аспектов: автор как проводник знаний и культурной памяти, издательства как гибкий механизм налаживания контакта между печатным словом и различными читательским запросами; литературные ассоциации и книжные клубы. Делается вывод, что роль художественной литературы в современной Великобритании состоит преимущественно в развитии плюрализма мнений, исследовании истории и сознания.

Ключевые слова: литературное сообщество/ассоциация; книжный клуб (Reading Group); автор; читатель.

FICTION AND SOCIAL ENVIRONMENT IN CONTEMPORARY BRITAIN

M. S. Ragachewskaya
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: marinaragachewskaya@gmail.com

The article discusses the peculiarities of interaction between fiction and society and focuses on the following aspects: the author as a transmitter of knowledge and cultural memory; publishers as a flexible mechanism of establishing contact between the printed word and diverse readership preferences; literary societies and reading groups. The article concludes that the role of fiction in contemporary Britain consists primarily in the promotion of pluralism of opinions, research into history and consciousness.

Key words: literary society; Reading Group; author; reader.

«Без печатного слова не было бы цивилизации. Есть что-то особенное в людях, которых влечет печатное слово. Это особая раса – люди образованные, добрые, умные и гуманные» [5, с. 20]. Эти слова принадлежат Натану Пайну, директору книжного магазина в Нью-Йорке еще 40 лет назад. С того времени в развитии цивилизационных и культурных процессов произошли прорывные изменения. Эпоха преодолела скорость кинетического движения, и ее измерением стало не пересечение дистанций и освоение территории, а моментальность электронного сигнала. Ин-

тернет повлиял на то, как и что мы читаем. Мы стали свидетелями и участниками большого дебата традиционалистов и прогрессистов. Первые сетуют, и в большинстве случаев справедливо, на упадок интереса к художественной литературе и к книге как формату ее бытования. Другие заявляют, что такой формат устарел, а вместе с ним – и традиционный роман. В состоянии постоянной нехватки времени мы отдаем предпочтение кино, где все удобно упаковано для нашего пользования в формате 3 в 1: контент, картинка, звук.

В этом отношении интересно проанализировать литературную сторону британской культуры, которая является одной из ведущих в Европе. Английская литература задавала тон в течение многих эпох. На Чосера и Шекспира, Остин и сестер Бронте, Диккенса и Байрона до сих пор молится весь мир любителей изящной словесности. Британия учредила одну из самых престижных в мире литературных премий – Букеровскую. 10% Нобелевских лауреатов по литературе представляют Великобританию. И если многое известно о том, как читали в XIX веке, как ценили и боготворили талант писателя, то о настоящем положении вещей еще далеко не все сказано.

«Сама техника повествования, – пишет П. Боксолл, – наша способность запечатлевать и воспроизводить события по мере их развертывания во времени и пространстве – претерпела трансформацию, и в свете этой трансформации художественное повествование вынуждено создавать для себя свой собственный мир» [3, с. 6]. Какой же современный контекст может быть заложен в осознание нового этапа в британской литературе? Безусловно, это политика, классовые вопросы, гендер и сексуальность, постколониальные проблемы, мультикультурализм и национальная идентичность, а также проблемы молодежи и субкультуры.

В историю XXI век шагнул, начиная с терактов 9/11, определив серьезное художественное переосмысление радикальных взглядов, заложив основы новой идейно-тематической канвы. После террористической атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке немецкий композитор К. Штокхаузен назвал 11 сентября «величайшим произведением искусства, когда-либо существовавшим в космосе» [цит. по 1], за что заслуженно был подвергнут глобальному остракизму. Однако, если вдуматься, он выразил своим неоднозначным высказыванием всеобщую цель любого истинного искусства – проникнуть в культурную психологию. Один из героев романа «Падающий» (2007) американского писателя Д. Делилло считает, что главной функцией литературы является её способность провоцировать мысли посредством эффекта шока. Помимо этой амбициозной задачи литература сегодня решает и ряд других: вызвать чувство эм-

патии, изучить сознание, через «остранение» дать новое, нестандартное представление о нашей жизни, поразмышлять о природе человека и подвигнуть к социальным переменам.

Как реагирует современная Великобритания, ее писатели и читатели, на происходящее в мире? Вот лишь несколько аспектов положения художественной словесности в контексте социума: собирательный образ писателя, читателя, а также разнообразие тематики и проблематики современной литературы.

После ухода со сцены модернизма, так называемой «высоколобой» литературы 1920-х, справившись с приземлением изящной словесности на грешную послевоенную землю, новый импульс литературе был дан в 1960 г., когда после тридцатилетнего запрета издательство Penguin Books издало полную версию романа Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» (1928), за что предстало перед судом присяжных. После шести долгих дней судебного разбирательства – а ведь фактически судили книгу и ее автора, уже 30 лет как умершего на тот момент, – был вынесен приговор: невиновны. Присутствовавшие в суде встретили вердикт громким взрывом аплодисментов. После этого в течение года было продано более 2 миллионов экземпляров освобожденного романа. Вся Британия, похоже, участвовала в процессе. Так было отвоевано право на писательскую свободу, на откровенный разговор, на признание любой темы в литературе важной и достойной читателя.

С этого эпохального момента вхождения сакрально-интимного текста в свободный дискурс и начинается эпоха формирования нового сознания британской нации. Образ писателя за столом, заваленным книгами, задумчиво глядящего в окно, держащего в руке перо или ручку, безнадежно устарел. В современном мире только воображения, подкрепленного знаниями, определенно недостаточно. Современный писатель в Великобритании – это ученый, исследователь, преподаватель университета. Чтобы создать действительно высокорейтинговый роман, многие проводят годы в архивах и библиотеках, занимаются дополнительными исследованиями и получают консультации специалистов в отдаленных от литературы областях. Вот несколько примеров. Пэт Баркер, создатель трилогии о Первой мировой войне, лауреат Букеровской премии, историк по образованию, провела много лет работая в архивах, чтобы создать произведения, которые оказали длительное и шоковое воздействие на читательскую аудиторию невероятной и честной натуралистичностью, неприкрытой правдой о Великой войне. В авторском послесловии к роману «Возрождение» (1991) она благодарит восемь библиотек, упоминает как минимум пять научных трудов по психиатрии. Хилари Мантел, создатель

двух 600-страничных романов о временах короля Генриха VIII, провела невероятную по объему работу как с историческим материалом, так и лингвистическим, ведь в этих романах персонажи говорят на пяти языках. Джонатан Коу в авторском послесловии к роману «Какое надувательство!» (1994) цитирует десятки источников по таким разным тематикам, как здравоохранение, политическая история, журналистика, искусствоведение, военное дело…

Современные писатели ведут блоги, общаются со своими читателями в социальных сетях, организуют онлайн семинары, выступают на различных конференциях, представляя не столько себя как знаменитость, сколько хорошо информированное мнение эксперта в области жизни Человека. Зачастую это происходит не без гонорара, который также может не отличаться скромными размерами. Писатели могут представлять академические круги – как Дж. М. Кутзее, Д. Лодж, И. Макьюэн, преподавать писательское мастерство, а могут, как, например, М. Макинтайр, перепробовать себя в самых разнообразных сферах бизнеса и предпринимательства.

Второй компонент создания художественного пространства в реальном социуме – это издательства. Выпуская в свет бумажный вариант, они предусмотрительно создают и электронный, предлагая самые разные способы знакомства с книгой, гибкие цены, коммерческие акции. Популярность, которой пользуется служба доставки книг «Амазон», сложно переоценить. Их голубовато серые минивэны с надписью «Prime» можно увидеть повсюду. Как только стало известно о выходе в свет новой книги Маргарет Этвуд «Завещания» (2019), составившей дилогию к роману «Рассказ служанки» (1985), казалось, все решили немедленно приобрести ее, загрузив службу доставки на месяцы вперед.

Третьим компонентом можно считать различные экранизации. Практически ни один художественно значимый роман не обходится без киноверсии, в создании которой обязательно участвует и автор. Многие получившие престижные литературные премии романы последних десятилетий были экранизированы.

Четвертый компонент – обратная связь, интерактивные обсуждения, фан-клубы и иные формы читательской критики. В Великобритании зарегистрировано на сегодняшний день 123 литературных сообщества (правильнее будет назвать их, по аналогии с нашими реалиями, ассоциациями) [2]. В лучших традициях английских клубов, такие ассоциации объединяют любителей того или иного автора, художественного направления. Это сообщества Шекспира и Байрона, Китса и Диккенса, Джейн Остен, Роберта Бернса и сестер Бронте. Но ассоциации формировались не

только вокруг всемирно известных имен. Любители литературы объединяются и ради местных поэтов и писателей с весьма скромным вкладом в литературу, а также критиков (например, Ф. Р. Ливиса), и даже литературных героев – это, например, сообщество Дракулы!

На примере сообщества Д. Г. Лоуренса можно продемонстрировать, как это работает. У литературного сообщества/ассоциации есть свои Совет, правление, председатель, казначей и секретарь. Есть и свой почтовый адрес, и здание, закрепленное за ассоциацией для проведения мероприятий. Членство платное. Ежемесячно ассоциация проводит заседания, а также ежемесячно приглашаются лекторы и писатели, актеры и просто желающие поделиться своими знаниями люди не из академических кругов. Несколько раз в год издается бюллетень, в котором печатаются не только новости о всех конференциях и событиях, связанных с писателем, но и статьи, и художественные произведения читателей.

Особенно популярны *Reading groups*. Например, такие группы собираются в Ноттингемшире и Лондоне. Людям (которым от 20 до 100 лет) заранее рассылается текст рассказа или нескольких стихотворений, или предлагается перечитать тот или иной роман. Ведущий такого читательского вечера – чаще всего преподаватель университета. Он проводит занятие по обсуждению текста с разновозрастной и по-разному социально структурированной аудиторией. На литературные вечера приходят и не члены ассоциации, для которых вход становится платным. Местная пресса с удовольствием рассказывает о таких мероприятиях. В числе видов деятельности – выставки фотографий и других произведений искусства, книг, артефактов, походы в музеи, связанные с данным писателем, на спектакли и фильмы. История и литература, религия и литература, социальная жизнь и литература ведут диалог на музыкальных вечерах в пабе и в церкви, в ратуше и на деревенском лужке.

По мотивам произведений писателя, который оказал честь населению, родившись или прожив в их местности, создаются картины, стихи, музыкальные композиции. По местам «славы» любимого автора можно сходить в небольшой пеший поход: вот здесь он родился, вот здесь учился, на этой скамье в этой церкви частенько сидел, на этой ферме бывал. А в этом доме, где позже прожил несколько лет, можно даже переночевать среди его мебели, книг, семейной Библии и других артефактов в надежде увидеть его ночью в виде призрака. Таковы увлекательные предложения сообществ Байрона и Лоуренса в Ноттингемшире.

Согласно информации, представленной в книге К. Хьюитт «Понять современную Британию» (2009), на момент ее выхода в свет в Великобритании насчитывалось по меньшей мере 60 000 литературных клубов

(reading groups). На этом зарабатывает и бизнес, особенно издатели, помещая на обложке надписи, вроде «Эта книга – для вашего литературного клуба» [4, с. 229].

Тематика современных произведений британских авторов находится в системе координат «психологическое – историческое». Возвращение интереса к национальной истории в британской литературе последних десятилетий – тенденция, набирающая все большие обороты. Такие писатели, как Х. Мантел, Х. Данмор рисуют «'актуальность' прошлого» [2, с. 12], перед которым писатель чувствует свой долг.

Особый пласт произведений в британской литературе XXI века можно объединить в жанровую разновидность «романа сознания». В таких романах, как «Думают…» (2001) Д. Лоджа, «Загадочное ночное убийство собаки» (2003) М. Хэддона, «Суббота» (2005) И. Макьюэна происходит переосмысление природы человека, соотношения биологически, психологически и социально мотивированных действий.

При этом все еще преобладает плеяда авторов, так называемых выходцев из верхушки среднего класса, которые сделали проблему классовости материалом своего художественного творчества: М. Али, М. Эмис, Дж. Барнс, А. Байатт, Дж. Коу, А. Холлингхерст, Н. Хорнби, К. Ишигуро, И. Макьюэн, Дж. Роджерс, С. Рушди, С. Уотерс, П. Баркер, Дж. Берчилл, А. Грей, Дж. Келман, З. Смит, А. Уорнер, И. Уэлш и Дж. Уинтерсон. Каждый год создаются романы, местом действия которых являются рабочие районы, даже бедные трущобы, а главными действующими лицами – выходцы из рабочих слоев.

XXI век отличает радикально иное освещение вопросов сексуальности в литературе, в частности, отношение к гомосексуальной тематике. Романы таких авторов, как Дж. Берчилл, Х. Курейши, А. Холлингхерст, Дж. Уинтерсон и С. Уотерс еще в 80-е годы могли быть маргинальными, но сейчас – это богатый пласт художественной формы осмысления лесбийских, гомосексуальных и бисексуальных отношений, а также культурная основа для постановки этих проблем в политическом и социальном контексте.

В очередной раз в литературе переосознается наше отношение к собственному телу. Разрыв между все расширяющейся сферой сознания и постоянно меняющимся состоянием тела служит пищей для художественного воображения и рефлексии. Тело становится предметом эстетического дискурса, биологических и политических сил; оно стало более гибким и податливым, адаптирующимся к новым климатическим и культурным условиям, более мобильным, вмещающим в себя все больше химических и физических элементов, и в то же время более управляемым и

неизбежно сталкивающимся со старением, которое опережает старение сознания. Над этими вопросами размышляют в художественной форме Д. Лодж («Думают…», 2001, «Глухой приговор», 2008), Дж. Барнс («Ощущение конца», 2011), Дж. Бэнвил («Море», 2005), И. Макьюэн («Амстердам», 1998) и Дж. Коу («Дом сна», 1997).

Информационные технологии ускорили и усовершенствовали доступ к литературным произведениям. Неожиданный парадокс заключается в том, что художественный текст (роман, рассказ, стихотворение) при всей его формальной подвижности, в отличие от новостных статей, исторических очерков, результатов научных изысканий, остается неизменным в своем контенте. Невозможно издать роман и через день опровергнуть сказанное, изменить точку зрения, «переписать» художественную историю в угоду тому или иному политическому режиму. Роман/рассказ сродни каменной статуе: как только с нее снят покров, ее нельзя ни «подогнать», ни «отточить», ни «изъять», и печатная версия обязана соответствовать электронной.

Неизменной остается и индивидуализирующая функция художественной литературы: личный опыт невозможно подменить коллективной историей. Художественный вымысел не испытывает страха перед нелицеприятной правдой. Художественный текст, даже домысливая и фантазируя, неизменно говорит языком правды, ибо только этот порыв оправдывает усилия и время, потраченные на написание романа. История стремится все упростить и подчинить категориям, художественная литература, наоборот, – вывести за рамки категорий и дать понять, что значит быть человеком.

Такое «выведение за рамки» происходит в сонме невероятного разнообразия национальностей, стилей и взглядов писателей XXI в. По мнению П. Боксола, роман как раз и является привилегированной формой изучения и передачи опыта как всего этого разнообразия, так и скорости, с которой меняется окружающий мир. И если писатели принадлежат различным культурным и национальным пространствам, то роман как форма остается международной, объединяющей человечество реалией.

Таким образом, судя о всей тематически богатой и разнообразной картине современной жизни, запечатленной высокообразованными, граждански активными и, несомненно, талантливыми писателями Великобритании, представляется, что роман пока что едва ли не единственный инструмент в XXI в., помогающий независимо осознать изменившиеся условия нашего бытия и намечающий некие новые парадигмы осмысления времени, телесности и сознания.

Библиографические ссылки

1. Генин В. Теракт как произведение искусства // Сноб [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://snob.ru/profile/8356/blog/24244 (дата обращения: 15.10.2019).
2. Alliance of literary Societies [Electronic Resource]. Mode of access: https://allianceofliterarysocieties.wordpress.com/2017/05/23/member-societies-f-to-h/ (date of access: 15.10.2019).
3. Boxall P. Twenty-First-Century Fiction. A Critical Introduction. N.Y. : Cambridge University Press, 2013. 266 p.
4. Hewitt K. Understanding Britain Today. Oxford : Perspective Publications, Ltd, 2009. 308 p.
5. McDowell E. Nathan Pine, 90, bookseller and literary world legend. The New York Times. Dec. 9, 1982. P. 20.

ОБРАЗ МИРА: ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА НА НОВОМ ЭТАПЕ СВОЕГО РАЗВИТИЯ

А. А. Кожинова
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
kozhinova@bsu.by

В статье рассматривается возможность когнитивного подхода к анализу текста и делается вывод о том, что тексты разных типов (современные политические и древние религиозные) требуют применения различных аналитических методов.

Ключевые слова: лингвистика текста; когнитивная лингвистика; современные тексты; древние тексты.

IMAGE OF THE WORLD: TEXT LINGUISTICS AT A NEW STAGE OF ITS DEVELOPMENT

A. Kozhinowa
Belarusian State University
Minsk, Belarus
kozhinova@bsu.by

The article considers the possibility of a cognitive approach to text analysis and concludes that texts of different types (modern political and ancient religious) require the use of various analytical methods.

Key words: text linguistics; cognitive linguistics; modern texts; ancient texts.

1. Введение. Научный интерес к тексту не ограничивается рамками XX столетия. Можно предположить, что он возник в глубокой древности с появлением первых герменевтических трактатов и риторических руководств. Однако этот интерес был достаточно односторонним. Если рассматривать текст как сложный языковой знак (а возможность подобного

рассмотрения в наше время ни у кого не вызывает сомнения), можно предположить, что его смысловая сфера формируется под влиянием четырех аспектов – сигматики, учитывающей связь текста со внеязыковой реальностью; прагматики, определяющей отношение между текстом и его производителем и потребителем; синтактики, выводимой из линейной последовательности единиц, формирующих текст; семантики, рождающейся за счет совместных усилий единиц различных уровней в пределах текста и взаимодействия поверхностного и глубинного смыслов [см. 1, с. 120].

Древнейшие исследования в области текста были связаны с двумя аспектами, обращенными ко внеязыковой реальности, – сигматикой и прагматикой. Герменевтические штудии явно тяготели к исследованию в рамках сигматики – в них пытались определить, какой реальный факт представлен в данном фрагменте и почему он получил именно такое представление. Прагматикой были пронизаны риторические руководства – именно они учили потребителя обращаться с текстом. Но аспекты, связанные с исследованием текста в пределах языковой системы, – синтактика и семантика – не разрабатывались.

2. Основная часть. Своего расцвета лингвистика текста достигла в 1970 – 80-е годы, «породив 20 новых журналов и 10 новых обществ» [2, с. 1]. Исследования стали двигаться в двух направлениях. В первом случае в работах, относящихся к направлению, которое можно было бы определить как синтактическое, анализу подвергались внутритекстовые связи (когезия) частей текста, цельность текста, его завершенность по отношению к заданию, указанному заголовком.

Второе направление можно обозначить как семантическое. Наиболее крупные работы этого направления были созданы в русле тартуско-московской семиотической школы, согласно основным положениям которой текст может рассматриваться как знак с независимым содержанием и вместе с тем знак может рассматриваться как последовательность элементарных знаков [3, с. 25].

В первом случае рассмотрению подвергается целостный текст, переплавляющий в себе входящие в него отдельные знаки. Рассмотрение знака в исследованиях второго типа сопряжено с выделением и воссозданием (реконструкцией) текста благодаря расшифровке конденсированного смысла, заключенного в словесном знаке. Содержательная конденсированность входит в параметры, характеризующие символ, который может быть представлен как посредник между содержащим его текстом и памятью культуры. С символом связана установка на символизирующее и де-

символизирующее прочтение текстов, причем первое позволяет придать бытовому обрядовому тексту статус сакрального.

Однако к 1990-м годам оба направления достигли определенных, во многих случаях непредвиденных, результатов. Было установлено, что не всегда описание техники связи между предложениями позволяет найти путь к смыслу текста, что является более важной и более трудной задачей [4, с. 120]. С другой стороны, семиотический подход, признающий право любого артефакта считать сложным семиотическим целым, которое может быть прочитано подобно тексту, привел к тому, что многие исследователи почти полностью отошли от анализа вербальных текстов, заменив его анализом «доязыкового» текста вещи [см. 5].

В работах по лингвистике текста конца XX в. предполагалось перенесение исследований в когнитивную плоскость. Признавалось, что текст играет важную, а иногда и определяющую роль в построении когнитивной парадигмы: «Реализация когнитивной функции языка происходит в процессе его функционирования путем передачи через язык обширной текстовой информации о приобретенных обществом сведениях об окружающем мире... Попадая в человеческое сознание сначала через текст, такая информация постепенно, на протяжении жизни поколений оседает в языковом устройстве и превращается в его часть» [6, с. 17].

Таким образом, система концептов, структурирующая человеческое сознание и определяющая его мировоззрение, в конечном итоге образ мира, строится, с одной стороны, под давлением текстов действительности, продуктов человеческой работы в мире, поскольку человек начинает свою жизнедеятельность не с самостоятельного созидания, а с освоения созданного. Постепенно он сам включается в процесс взаимодействия с реальностью, используя ту систему концептов, которая у него сложилась, и не только преобразует (или пытается преобразовать) реальность, но и соответствующим образом корректирует свое сознание.

С другой стороны, концепты формируются при помощи вербальных текстов. Говоря об участии языка в построении мыслительных структур, следует учитывать, что язык проникает в сознание человека исключительно в виде текстов. Таким образом, основную роль в процессе образования концептов в частности и упорядочивания сознания человека вообще играет не идеальный дух, а материальная речь, непосредственное общение людей между собой. Если говорить об этой второй стороне формирования образа мира более подробно, то следует отметить, что информация, проникающая этим путем, будет по крайней мере двоякого рода. Во-первых, это атомарная информация, привносимая элементарными лексическими и грамматическими значениями. Во-вторых, это полный

смысл текста (но выводимый, как известно, из значений отдельных лексем), готовый слепок действительности, изготовленный иным человеческим сознанием, действительности, нередко не известной сознанию реципиента. «Один из аспектов влияния текстов на язык состоит в том, что те или иные фрагменты знаковых текстов или даже целые тексты прямо отражаются в новых производимых текстах с осознанным или неосознанным представлением о том, что они улучшат способ передачи мыслей в производимом тексте и будут способствовать его адекватному пониманию и большей эффективности. Это представляется связанным с тем, что то или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенные отношения производимого текста с предшествующими, т.е. включает его в вертикальный контекст языкового универсума, в тот словесный мир, который создается... языком и в котором мы живем» [6, с.17].

Образ мира, созданный подобным путем (разумеется, не без влияния реальности), оказывает обратное влияние на породившие его структуры. Устанавливая коммуникацию с себе подобными, человек производит свои собственные тексты, где усвоенные значения неминуемо преобразуются, и эти значения-тропы «либо подчиняются регламентациям языкового кода, либо представляются отклонениями от него, диктуемыми ad hoc [случаем]» [7, с. 315]. Отклонения от языкового кода вносят изменения в сам языковой код, который начинает обратное влияние на систему концептов.

Следовательно, комплексный образ мира в сознании человека складывается как за счет реальной действительности, так и за счет действительности идеальной, концентрирующейся в сознании человека в основном под воздействием текстов. Выше уже говорилось о том, что этот образ мира делится на определенное количество сфер, причем поведение человека (в том числе и речевое) определяет отдельный, более или менее независимый от других, виртуальный образ мира. Можно предположить, что некоторые из этих образов будут складываться под преимущественным влиянием реальности, другие, наоборот, воспримут в качестве своей основы иллюзорную действительность, привнесенную чужими текстами и идеальной системой языковой семантики.

Также и тексты, продуцируемые человеком, можно разделить на два типа. Первый получает именование экстравертированного типа текста, поскольку лежащий в его основе виртуальный образ питается информацией, поступающей преимущественно из реальности. Именно на анализ подобного текста направлены усилия Т. А. ван Дейка и его школы. Полу-

ченные в ходе подобных исследований результаты, действительно, могут быть воплощены в социальной практике.

Второй тип текста получает именование интровертированного, поскольку на формирование образа мира действительность, окружающая создавшего его человека, не оказывает никакого влияния, и все концепты, формирующие этот виртуальный образ, сложились под влиянием чужого опыта. Разумеется, чаще всего мы имеем дело с текстами смешанного типа, в которых взаимодействие подлинной и мнимой информации дополняется также и вкладом самого порождающего сознания, вносящего в производимый текст и свой собственный взгляд на мир. Таким смешанным характером отличаются и крупные модели сознания, при построении которых исследователи стремятся представить мировоззрение не только отдельного человека, но и целого социума, мировоззрение, определяющее все или по крайней мере большинство сторон его жизни. Таким универсальным характером отличается, например, модель мира в концепции Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, их сотрудников и последователей. Однако как эта модель создается при анализе разнородных текстов, так и при помощи ее можно создавать множество текстов, каждый из которых будет в большей или меньшей степени принадлежать к одному из описанных выше типов и которые, соответственно, обнаружат в объединенной модели множество частных виртуальных образов мира.

3. Заключение. Для анализа текстов, созданных в рамках обоих направлений, должны использоваться различные принципы и методы. И если при анализе современных политических текстов, относящихся к текстам экстравертированного типа, может быть использован анализ поверхностных связей, то для анализа текстов интровертированного типа, к которым, прежде всего, относятся древние тексты, необходим глубинный анализ, уходящий корнями в историческую память слова – его этимологию и историю употребления в текстах предшественников.

Библиографические ссылки

1. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Мн. : Бел. фонд Сороса, 1996. 287 с.
2. Models of understanding text / ed. by B.K.Britton, A.Graesser. Mahwah, New Jersy : Lawrence Erlbaum associates, 1996. 366 p.
3. Успенский Б. А. К проблеме генезиса Тартуско-Московской семиотической школы // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. (1987). Тр. по знак. системам. [Сб.] 20. С. 18–29.
4. Золотова Г. А. Говорящее лицо и структура текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М. : Ин-т русского языка РАН, 1995. С. 120– 132.
5. Хелльберг Е. Загадка матрешки // Scando-slavica. 1991. Т. 37. С. 84–101.

6. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–30.
7. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С.30–92.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НАРРАТИВА И АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА ВЛ. ШАРОВА

Т. Г. Мегрелишвили
Грузинский технический университет
Тбилиси, Грузия
e-mail: tatamegre@gmail.com

Анализ процессов, протекавших в русской литературе конца XX столетия и наблюдаемых в первые десятилетия XXI века, позволяет утверждать, что в произведениях Вл. Шарова наблюдается синтез постмодернисткой эстетики с опытом реализма в его современной – постреалистической – трансформации. Нарративные стратегии Шарова являются «формами времени» и отражают установку эстетической прозы на самопознание.

Ключевые слова: авторская картина мира; коммуникативные стратегии; Вл. Шаров.

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF NARRATIVE AND AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD BY VL. SHAROV

T. G. Megrelishvili
Georgian Technical University
Tbilisi, Georgia
e-mail: tatamegre@gmail.com

An analysis of processes that took place in Russian literature at the end of the 20th century and were observed in the first decades of the 21st century proves that the synthesis of postmodern aesthetics with the experience of realism in its modern – postrealistic – transformation is revealed in Vl. Sharov's works. Narrative strategies of Vl. Sharov are "forms of time" and reflect the establishment of aesthetic prose toward to self-knowledge.

Key words: author's picture of the world; communicative strategies; Vl. Sharov.

Осмысление художественного произведения как сложной коммуникативной системы актуализирует один из значимых планов нарратологии – коммуникативную стратегию нарратива [1, с. 3]. Этот план реализуется в модусе «автор – читатель», что отражается в художественном тексте в виде различных повествовательных приемов (акцентирование вымышленности или достоверности повествуемой истории, авторские маски, повествовательная стратегия «текст в тексте», метаповествование, метатекстуальность и т.д.), а также в модусе

«нарратор – наррататор», и между этими модусами существует качественное различие. Разграничение проходит по линии когнитивной природы модуса «автор-читатель», то есть не речевого взаимодействия автора с читателем [2, с. 296], в то время как модус «нарратор – наррататор» реализуется исключительно в плане специфики речевой партии, то есть прямого речевого воздействия транслирующей инстанции на реципиента.

Анализируя коммуникативные стратегии нарратива, следует в первую очередь учитывать тот факт, что любое художественное произведение есть целостное авторское высказывание, реализующее в себе единую авторскую творческую интенцию. Следовательно, автор несменяемая фигура в тексте, в отличие от нарратора, который по воле автора может не только изменять свой голос в тексте (ср.: «Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов» [3, с. 263], но и менять свою точку зрения и коммуникативные стратегии).

Если раньше дискурсивная природа нарратива понималась в основном как просто процесс обмена информацией, а эстетическая сторона текста не учитывалась, то на данном этапе развития гуманитаристики наблюдается стремление различать типы нарратива в различные эпохи [4]. Таким образом, особенности исторического контекста, эстетическая позиция автора, а также особенности литературного направления все чаще учитываются при анализе коммуникативных стратегий в том или ином произведении. Косвенно эта позиция выражена у В. Шмидта: «Носителем эстетического намерения является не нарратор, а изображающий и его, и повествовательный акт автор или текст» [5, с. 37].

В русской литературе 1990-х годов магистральным способом репрезентации художественных смыслов был постмодернистский дискурс. Наряду с корифеями русского постмодернизма (В. Ерофеев, А. Битов, Саша Соколов, Т. Толстая, Л. Петрушевская и др.), прозой «сорокалетних» (В. Маканин, А. Ким, Р. Киреев, А. Курчаткин), а также «новым автобиографизмом» (проза С. Довлатова, «*Трепанация черепа*» С. Гандлевского, «*Альбом для марок*» А. Сергеева, «*Бесконечный тупик*» Д. Галковского), в литературном ряду этого периода выделяется течение, которое обычно характеризуют как постреализм в том смысле, в каком наука понимает наполнение данного термина.

В русле этого течения, в котором оказываются «Искупление» и «Псалом» Ф. Горенштейна, «Монограмма» А. Иванченко, осмысливается и романы Д. Шарова, в том числе «*Репетиции*». Н. Лейдерман и

М. Липовецкий однозначно относят все перечисленные произведения к постреализму. Следует, однако отметить, что Шаров сознательно старался избегать включения себя в рамки какого-либо литературного направления, подчеркивая в публичных высказываниях, что каждый писатель интересен прежде всего своей непохожестью на других. Думается, не лишена оснований позиция, с которой творчество Шарова может быть рассмотрено как вариант *художественного авторского сознания переходной культурной эпохи*, в художественной авторской картине мира которого традиционные (классический реализм) и новейшие (постмодернистская эстетика) черты литературного дискурса присутствуют в сложном, взаимопроникающем единстве.

Синтетичность авторской картины мира проявляется на всех уровнях повествовательных стратегий, но особенно в авторской философии жизни и истории. По специальности историк, Вл. Шаров сопрягает в художественном пространстве романа «Репетиции» события русской истории XVII века с веком XX веком – ГУЛАГом и т.д. А связующим звеном нарратива выступает опыт, присутствующий в художественном сознании автора-историка – опыт соприкосновения и столкновения с неведомым. Шаров рассматривает травматический опыт русской истории с позиций деконструкции мифологем исторического нарратива, отсутствия предначертанности хода исторических событий, а значит его многовариантности.

Думается, эта авторская мысль подспудно звучит в названии романа – «Репетиции», призванном подчеркнуть особый смысл долгих репетиций Сертана «Мистерии о втором пришествии Христа», ибо эти репетиции с распределением ролей, их трудным разучиванием стали важной частью жизни самодеятельных актеров и сформировали их взгляд на мир через призму средневековой мистерии: «И потом еще очень долго, два века, они держались и верили в это. Изменила все только революция», – так автор выстраивает мост между видами опыта, разделенными во времени, но обладающими типологической схожестью.

Коммуникативная проблематика романа Шарова – утопизм эпохальных проектов изменения жизни в России, и в рамках этой проблематики в произведении сопрягаются христианско-православный и коммунистический метанарративы. Эти два метанарратива размельчены на частные нарративы, которые смешиваются друг с другом, что порождает в сознании читателя ощущение абсурда. В результате совмещение разных идеологически, но в равной мере утопических культурных кодов порождает «шизофренический дискурс». Подобное выстраивание нарратива превращает образ истории в сотворенный людьми шизофренический бред.

Теория травмы и способы ее репрезентации в художественном тексте [см., к примеру: 6; 7, с. 48–51], ставшая одной из наиболее развивавшихся в последнее десятилетие прошлого века гуманитаристких теорий, соотносится с коммуникативными стратегиями романа Вл. Шарова. Более того, эта проблематика может быть рассматриваема едва ли не как центральная в творчестве этого автора: травматический опыт революции и существования в период советской эпохи рассматриваются в романах «*Воскрешении Лазаря*», «*След в след*», «*Старая девочка*», «*Будьте как дети*», историческая травма времен раскола – в романе «*Репетиции*». Так размышления о непроработанности нацией памяти об исторических катастрофах становятся своеобразным авторским метанарративом.

Так почему же можно говорить о синтетическом характере авторской картины мира у Вл. Шарова? Анализ процессов, протекавших в русской литературе конца XX столетия и наблюдаемых в первые десятилетия XXI века, позволяет утверждать, что в произведениях Вл. Шарова наблюдается синтез постмодернисткой эстетики с опытом реализма в его современной – постреалистической – трансформации. Это проявляется в том числе в авторских стратегиях текста, сконструированного в виде сложного духовно-риторического пространства. В пределах этого пространства мифы и религиозные концепты выступают в качестве движущей формы нарратива, обеспечивая сопрягаемость современных сюжетов с традицией. Реальные исторические детали, факты, которые сегодня могут показаться безумными, выступают у Вл. Шарова как значительный компонент архитектоники текста.

Было бы наивным отрицать наличие в авторской картине мира Вл. Шарова системы ценностных ориентаций, включающих в себя базовые компоненты реализма русской классики: осмысление сложных связей между человеком и миром, добро и зло, человек и Бог, личность и эпоха – категории, развитые в вершинных произведениях русской литературы XIX столетия. Однако у автора эти категории предстают как бы преломленными сквозь призму достижений последующих этапов развития русской литературы. Поэтому в текстах обнаруживаются постмодернисткие приемы: нелинейная структура нарратива, восприятие истории как Хаоса. При этом Хаос – и в этом отличие прозы Шарова от постмодернистких образцов – может быть преодолен светом высших истин.

Вл. Шаров выстраивает новую систему ценностных координат, в которой трагические метания личности между отчаянием и поисками твердого основания бытия в итоге позволяют обнаружить в пучинах хаоса смыслы, позволяющие оправдать страшную жизнь. Так две литературные стратегии – реалистическая и постмодернистская – лишаются своего тра-

дицонного противостояния, но при этом не утрачиваются, а присутствуют в тексте в сложном взаимопроникающем единстве. Возможно, диалогических характер, если использовать термин М. Бахтина, этой прозы вызван к жизни потребностью культуры к уравновешиванию системы ценностных координат, в эпоху неустойчивой культурной парадигмы подвергающейся сильнейшему раскачиванию.

Романы Вл. Шарова, написанные в 1990-2000-е годы (*Репетиции* (Нева, 1992, № 1–2); *До и во время* (Новый мир, 1992, № 3–4); *Мне ли не* пожалеть... (Знамя, 1995, №12); *Старая девочка* (Знамя, 1998, №8–9); *Воскрешение Лазаря* (Знамя, 2002, №8–9); *Будьте как дети* (Знамя, 2008, № 1–2); *Возвращение в Египет (*Знамя, 2013, №7–8), в полной мере отражают трагическое осмысление опыта взлетов и падений империй, социальных катастроф и торжество хаоса как универсального закона. В такие разрушительные эпохи естественно возникает желание обрести твердую почву, опереться на константы бытия. Такой почвой становится память, в которой живет потомственная целостность культуры. Постмодернистская относительность всего и вся порождает потребность в незыблемых ценностях и актуализирует ценность отдельной личности, способной взять на себя ответственность за свой выбор. Жизнь отдельного человека оценивается как часть судеб человечества в рамках общецивилизационных, общекультурных ценностей.

В итоге хотелось бы отметить, что проведенный анализ позволил увидеть важное качество «эстетической» прозы рубежа XX–XXI веков – особую организацию повествования. Нарративные стратегии Шарова являются «формами времени» и отражают установку эстетической прозы на самопознание.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С.7–181.
2. Дейк Т. А. ван. Эпизодические модели в обработке дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
4. Fludernik M. Histories of Narrative Theory // A Companion to Narrative Theory / Ed. by J. Phelan and P. J. Rabinowitz. Blackwell Publishing, 2005. P. 36–59.
5. Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
6. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
7. Эпштейн М. Постмодерн в русской литературе. М. : Высш. школа, 2005. 495 с.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Л. Н. Попова
Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова
Киев, Украина
e-mail: elena-bastun@mail.ru

В статье рассматриваются лингводидактические технологии формирования готовности к межкультурному общению, исследуется сущность функционального переосмысления базовой лексики английского языка в сфере современных информационных технологий, раскрываются наиболее характерные черты и особенности феномена.

Ключевые слова: инновационные лингводидактические технологии; функциональное переосмысление лексики; информационные технологии; глобализация; интеграция культур; уровень компетентности; коммуникативные навыки.

LINGUO-DIDACTIC TECHNOLOGIES FORMING READINESS FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION IN ENGLISH IN THE SPHERE OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES

L. N. Popova
National Pedagogical University named after M.P. Drahomanov
Kyiv, Ukraine
e-mail: liudmila-pln@ukr.net

The article discusses linguodidactic technologies for creating readiness for intercultural communication, explores the essence of functional rethinking of the basic vocabulary of the English language in the field of modern information technologies, reveals the most characteristic features and pecularities of the phenomenon.

Key words: innovative linguo-didactic technologies; functional rethinking of English vocabulary; information technology; globalization; cultural integration; competence level; communication skills.

Исследование проблемы межкультурной коммуникации как сложного разнопланового феномена приобрело особую актуальность и значимость в эпоху тотальной глобализации. Международный энциклопедический словарь содержит более ста словарных статей, в названия которых входят слова «глобализация» и «глобальный», отражая тем самым широту потока глобализации, который охватил важнейшие сферы жизни многих стран мира. Поскольку основным орудием всех сфер общественной жизни является язык, можно без преувеличения утверждать, что важнейшим из названных процессов является языковая глобализация, которая

определяется в этом словаре как «процесс чрезвычайно активного взаимопроникновения языков в условиях глобализации, которая характеризуется доминированием английского языка» [1]. Формирование всемирной культурной, политической, экономической и религиозной унификации и интеграции внесли свои коррективы в развитие мирового сообщества. Создание современных информационных технологий во многом ускорило развитие новой идеологии, становление парадигмы существования человечества в условиях постиндустриальной среды.

Рост научно-технического потенциала в результате объективных факторов международного прогресса, либерализация торговли и всех экономических отношений, рост научно-технического потенциала в результате объективных факторов международного прогресса в свою очередь способствовали небывалому развитию, переосмыслению функций и значений языка. Потребность в международном общении – явление характерное для современного общества, в полной мере способствовало лингвистической адаптации. В сложившихся исторических реалиях английский язык становится первым мировым универсальным языком, имеющим громадное значение для мирового общения. Возникновение единого международного языка помимо таких причин, как стремление наций к объединению, развитие международных и, как следствие, языковых контактов, объясняется свойствами, находящими отражение в языке и являющимися важными для понимания его развития [1, с. 104].

Б. А. Серебренников выделяет основные свойства, а именно: особый характер взаимодействия со средой; особый характер взаимодействия между составными частями системы; относительная автономность отдельных звеньев системы в процессе её общего преобразования; относительная независимость внутренней структуры системы от её вещественного субстрата [2, с. 21]. Коммуникативная функция включает в себя контактоустанавливающую и информационную функции, функцию воздействия, социальную функцию, которая находит свое отражение в языковой политике. Так, по мнению Э. Бенвениста, человек может рассматривать понятие функции применительно к языку и речи, но мы должны считаться с тем, что, что для того, чтобы «речь обеспечивала «коммуникацию» она должна получить полномочия на выполнение этой функции у языка, так как речь представляет не что иное, как актуализацию языка» [3, с. 293].

На изменение значения оказывают влияние внешние, экстралингвистические факторы, что служат отражением процессов, происходящие во всех сферах жизни общества. Анализ более тысячи наиболее употребительных лексических единиц сферы современных информационных тех-

нологий позволяет сделать вывод, что появлении нового денотата в терминологическом пласте языка чаще всего происходит при использовании слов общелитературной лексики под воздействием внеязыковых причин. Сдвиг, или смещение, значения на основе переноса наименования занимает одну из центральных позиций среди лингвистических причин переосмысления и изменения значения слова, что определяется гибкой связью между такими его компонентами как понятие и форма. При наличии разных денотатов возможна определенная общность в их восприятии и осмыслении, что отражается в использовании для нового понятия старой формы, при котором виды переноса зависят от типа связей между денотатом и его наименованием. Импликационный тип, основанный на логической посылке, подразумевающей имплицирующей связь между частью и целым, и квалификационный тип, предполагающий наличие общего признака у разных денотатов.

Квалификационный тип переноса основан на наличии общего признака у нескольких денотатов и включает метафору, синэстезию и функциональный перенос, делая акцент на процесс развития значения слова в системе языка, а не на стилистических приемах, действие которых ограничено рамками определенного текста. Метафора, говоря иными словами, «перенесение» представляет собой объединение под общим наименованием нескольких денотатов, имеющих общий признак. Метафорический перенос хорошо виден на примере многозначного слова *cloaking*, варианты значения которого «плащ, мантия, покров, личина, маска» и новое значение, употребляемое в компьютерном лексиконе «оптимизация поиска при которой информация, что выдается пользователю компьютера на одной и той же странице, существенно отличается» объединяет общий признак, а именно желание скрыть или спрятать что-то.

Объединение денотатов по сходству восприятия их органами чувств синэстезия (например, органы зрения, слуха, осязания, обоняния восприятия вкуса), которые обеспечивают получение и первичный анализ информации из окружающего мира. В сфере информационных технологий такие лексические единицы стали элементами ассоциативных рядов. Так, внешнее подобие оказалось одинаковым у слова «мышь»: *mouse – a small furry animal with a pointed nose and a long tail that lives in people's houses or in fields* и небольшого приспособления для работы с компьютером: mouse – *a small object connected to a computer by a wire, which you move with your hand to give instructions to it,* что нашло отражение в их общем названии. Слово «окно» *(window – a space or an area of glass in the wall of a building or vehicle that lets in light)* трансформирует свое первоначальное значение и используется для описания части процесса в работе ком-

пьютера: *window – one of the separate areas on a computer screen where different programs are operating.*

Функциональный перенос значения основан именно на такой общности, когда два разных денотата получают общее наименование, поскольку выполняют одну и ту же или сходную функцию. Понятие «сеть», применимая в ловле животных и рыб *(net – something used for catching fish, insects, or animals which is made of threads or wires woven across each other with regular spaces between them),* отображает функциональные особенности нового вида связи: *net – the system that allows millions of computer users around the world to exchange information.* А слово «чириканье» *tweet (the short high sound of a small bird),* передающее поведенческий стиль птицы, нашло свое отражение в передаче стиля общения в сети интернет, где *tweet – entry into micro blog on Twitter* и отображают одинаковую коммуникативную функцию, иллюстрирует тот факт, что «лексическая эволюция не только следует за эволюцией материальной жизни человека, но и определяется в конечном счете ею же» [2, с. 32]. Другим, оценочным результатом изменения значения может быть его улучшение или ухудшение. Изначально слово *geek,* употреблявшееся в определении человека низкого социального статуса «глупец, дурачок» *(someone who is not popular because they wear unfashionable clothes, do not know how to behave in social situations, or do strange things*), приобрело в лексиконе информационных технологий положительную оценочность, характеризуя специалиста высокого уровня *(geek –the person with the most technological prowess in an office or department).*

Таким образом, значение может меняться и в количественном, и в качественном отношении под влиянием причин как языкового, так и внеязыкового свойства, накапливая различные варианты, что приводит к появлению многозначности (полисемии) и расширению функциональных возможностей лексики для эффективного общения в разных сферах. Дидактический принцип сочетания теории и практики предполагает не только наличие источников модели культуры, но и выполнение системы коммуникативно ориентированных заданий, направленных на формирование следующих аспектов межкультурного общения: 1) психологического (развитие способностей к познавательной и эмоционально-оценочной деятельности); 2) педагогического (воспитание нравственности, гуманизма и т.д.); 3) социального (развитие способностей пользоваться языком в соответствии с ситуацией общения, социальными); 4) культуроведческого, включая языкознание как неотъемлемый компонент этой культуры.

Библиографические ссылки

1. Назаренко А. Л. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: дистанционное обучение. М. : Издательство МГУ, 2013. 271 с.
2. Кащук С. М. Лингводидактические константы и технологии Веб 2.0 в обучении иностранным языкам (на примере французского языка). М. : Книжный дом Университет, 2013. 187 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика; пер. с франц. М. : Прогресс, 1974. 447 с.

СОЦИАЛЬНО-ЛОКАЛЬНЫЕ ФОРМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГИБКОСТЬ МЫШЛЕНИЯ» В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКОЙ ЭЛИТЫ

Т. А. Островская, З. Р. Хачмафова
Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия
e-mails: ostrovska.t@mail.ru; zaineta@nextmail.ru

Л. М. Середа
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь
e-mail: ludmix50@list.ru

В статье рассматриваются лингвистические и экстралингвистические причины модификации дискурсивных практик носителей современного английского языка и новые формы языка британской элиты как результат актуализации одного из базовых концептов элиты, «гибкости мышления» на примере анализа социолокального диалекта Estuary English.

Ключевые слова: дискурсивные практики; социальные практики; элита; гибкость мышления; Estuary English; фонетическая вариативность.

SOCIO-LOCAL FORMS OF THE ENGLISH LANGUAGE AS REALIZATION OF THE CONCEPT “FLEXIBLE THINKING” IN THE DISCOURSE OF THE BRITISH ELITE

T. A. Ostrovskaya, Z. R. Khachmafova
Adyghe State University
Maikop, Russia
e-mails: ostrovska.t@mail.ru; zaineta@nextmail.ru

L. M. Sereda
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus
e-mail: ludmix50@list.ru

The article deals with the linguistic and extralinguistic causes of the discursive practices modification of modern native English speakers and new forms of the language of the British elite as a result of the actualization of one of the basic concepts of

the elite "flexible thinking" as exemplified in the analysis of the socio-local dialect of Estuary English.

Key words: discursive practices; social practices; elite; “flexible thinking”; Estuary English; phonetic variation.

В связи со значительными изменениями социальных практик в Великобритании, за последние десятилетия подверглись изменениям и формы языка элиты. Концепт «гибкости мышления» элиты проявляется в новых формах языка (Estuary English), носителями которой стали и некоторые члены королевской семьи, причем при практически сохраненной грамматике, значительным изменениям подверглась орфоэпическая норма, а также, в меньшей степени, лексический состав Стандартного Английского. В связи с этим, британская лингвистика и социолингвистика рассматривают фонетическую вариативность как базовый социальный маркер. Питер Традгилл наглядно отразил зависимость произношения от социального статуса в так называемой «пирамиде»: чем выше социальный и образовательный статус говорящего, тем ближе его речь к нормативному произношению – RP [1, с. 32]. Д. Роузварн видит причины распространения Estuary English в том, что «демократизация английского общества во второй половине XX века привела к расширению границ допустимого в RP, а именно к проникновению некоторых черт региональных и более низких социальных типов произношения. Так, стало заметным влияние на произносительный стандарт локального типа произношения Estuary English, на BBC работают дикторы с региональными акцентами, что невозможно было представить в середине XX века» [2].

Выделяя связь нового варианта языка и социальных изменений в британском обществе, Д. Кристал [3, с. 327] пишет, что Estuary English может быть результатом двух социальных тенденций – продвижением на более высокие позиции носителей Cockney и снижением социального уровня тех представителей среднего класса, кто ориентирован на Posh English. Его мысль продолжает П. Керсуилл: «Люди, которые говорят на Estuary English отличаются большой мобильностью, как социальной, так и географической; они легко «переключаются» с более «высокого» RP на более «низкий» местный диалект. Из-за своего размытого социолингвистического происхождения Estuary English привлекателен для многих. Для тех, кто поднимается или опускается по социальной лестнице, это неосознанная мотивация влиться в новое для себя окружение, уступив ему, не потеряв своей языковой идентичности» [4].

Интересно отметить, что вопрос употребления того или иного варианта языка обсуждается не только лингвистами, социологами и антропологами, но также является предметом дискуссии в социальных сетях [5].

1) *Why do you deplore Estuary English. Because you are a dreadful snob, that's why. You can't quite bring yourself to say you deplore Eliz Doolittle's cockney, but you do. What YOU like is the way the Beeb used to speak in the 1950s. Up yours, lady*. 'Почему вы осуждаете Estuary English – да потому, что вы ужасный сноб, вот почему. Вы не осмеливаетесь сказать, что вы осуждаете кокни Элизы Дулитл, но это так. Что ВАМ нравится, та это как говорили дикторы БиБиСи в 1950-х. Иди-ка ты подальше, леди'.

2) *I deplore Estuary English because it is fake, without any character and is used by Politicians and others to hide behind. I much prefer regional accents, have nothing against genuine cockney and the beautifully spoken English that as you say is quite lost now*. 'Я осуждаю Estuary English, потому что он фальшивый, у него нет характера. Его используют как ширму политики и прочие. Я предпочитаю региональные акценты и прекрасный разговорный английский, который, как вы утверждаете, уже исчез'.

Лицемерие высшего класса приводит к тому, что стало модным принижать свой социальный статус, одна из форм которого отражается в речи и внешней самоидентификации, что и отмечает выше один из участников обсуждения. Об этом же пишет Тоби Янг в статье «Британский высший класс слишком большой сноб, чтобы называть себя высшим классом», сопровождаемой подзаголовком «Чем больше у нас неравенства, тем неохотнее мы говорим об этом»: «Britain's upper class is now too snobbish to speak its name. The more unequal we get, the less we want to talk about it" [5].

YouGov 1conducted a poll in which people were asked to judge how middle class the party leaders are. Only 15 per cent judged him 'middle class', against 77 per cent who thought him 'upper class'.

I've only ever heard one person describe themselves as upper class. To complicate matters, the person in question was, in fact, middle class. It's become so unfashionable among the upper classes to be thought of as posh that anyone who identifies themselves as such is, almost by definition, not. These days, even calling yourself 'upper middle class' is taboo. <…>genuinely posh people are too snobbish to call themselves upper class. I've never asked David Cameron what class he is, but I'm sure he'd say middle class. Or, to use the correct phrase: 'I don't know, middle class I suppose. I've

---

[1]YouGov – британская компания, занимающаяся профессиональными исследованиями рынка. Она основана в мае 2000 года. YouGov одна из первых стала использовать Интернет для проведения полноценных маркетинговых исследований. Участниками опросов, проводимых YouGov, являются активные респонденты разного возраста и социально-экономического статуса.

never really thought about it» [5]. ‘YouGov провела опрос, в котором у людей спрашивали мнение о принадлежности партийных лидеров к среднему классу. Только 15 процентов опрошенных относят партийных лидеров к среднему классу, 77 процентов относят их к высшему классу.

Я слышал лишь однажды, как один человек открыто признал себя членом высшего класса, но дело в том, что на самом деле он относился к среднему классу. Среди высшего сословия стало столь непопулярно говорить о себе как об элите, что любой, кто открыто признается в своем благородном происхождении, сразу же исключается из него. Нынче неприлично даже относить себя к богатой буржуазии. Те, кто действительно относится к высшему классу, слишком большие снобы, чтобы признать это. Мне никогда не приходилось спрашивать об этом Дэвида Камерона, но я уверен, что он бы сказал, что принадлежит к среднему классу. А точнее, он бы сказал: «Я не знаю, возможно, к среднему классу. Никогда об этом не задумывался»’.

«Estuary English» – это термин, введенный британским лингвистом Дэвидом Роузварном для определения варианта (акцента), который он характеризовал как «variety of modified regional speech», it becomes «a mixture of non-regional and local south-eastern English pronunciation and intonation» [6]. ‘(…) разновидность модифицированной региональной речи, смесь нерегионального и местного юго-восточного английского произношения и интонации’.

Первоначальная расплывчатость данной дефиниции за прошедшие десятилетия не исчезла и вопрос четкого определения функций Estuary English (за исключением орфоэпических особенностей) по-прежнему вызывает затруднения.

Относительно «внезапного» появления термина Estuary English, надо отметить, что это сравнительно новое название, но не новое явление. Estuary English – это проявление тенденции в развитии английского языка – более пятисот лет манера речи, популярная в Лондоне, расширяет свои границы как географически, так и социально. Это происходит в полном соответствии с общими законами развития общества – явление зарождается в центре, а затем распространяется на периферию, и это еще одно доказательство социальной природы языка. Разрушение классовой системы и рост социальной мобильности в Великобритании способствовали более яркому, чем ранее проявлению изменений, происходящих в английском языке. Еще в 1992 году в журнале «On Language» была опубликована статья Стива Лора, красноречиво озаглавленная THE ACCENT GAP (Пропасть между принцем и принцессой из-за акцента), посвященная анализу речевых особенностей принца Чарльза и принцессы Дианы.

Анализ речевых особенностей провел британский лингвист Джон Хани, автор изданной в 1989 году книги «Does Accent Matter? The Pygmalion Factor». Дж. Хани отмечает, что Чарльз и Диана употребляли разные стили языка, присущие речи высшего класса. Чарльз говорит на языке, характерном для элиты, который отражает привилегированное положение его носителей – членов королевской семьи, выпускников Итона, пожилых преподавателей Оксфорда и Кембриджа [7]. Речь принцессы Дианы отличали признаки того языка, который находится на другом конце спектра Received Pronunciation. Этот вариант английского языка впитал в себя многие черты лондонского диалекта кокни – Estuary English [8].

Принц Уильям унаследовал свою манеру речи от матери [9]. Было отмечено, что его речь в интервью накануне свадьбы близка к Received Pronunciation / Standard English, при этом наблюдается некоторое количество локальных единиц и «модных» словечек. Однако акцент Уильяма близок к Estuary English.

По мнению Джона Хани, речь принца ближе к речи простых парней, чем речь его жены-простолюдинки, которая, по иронии судьбы, говорит с «королевским акцентом».

Какие же выводы делает ученый из этого лингвистического анализа?

1) Если (и когда) Уильям станет королем, то он будет первым в истории Британии монархом, который будет говорить на языке, достаточно близком к языку «среднего» англичанина.

2) Взаимосвязь между классовой принадлежностью и языком продолжит ослабевать. Распространение Estuary English, похоже, будет напоминать продвижение General American в США в середине 20 века.

3) Звонят ли колокола по Нормативному Произношению? Если через несколько десятилетий мы увидим короля, который не говорит на Королевском Английском, как долго продержится этот аристократический акцент?

Как отмечают ученые-лингвисты, за три десятилетия Рождественских посланий манера произношения королевы Елизаветы стала демократичнее. Анализ показал, как утверждает Джонатан Харрингтон [10], что на произношение Ее Величества в 1980-е годы оказал влияние южноанглийский диалект, который ассоциируется с более молодыми людьми, стоящими ниже на социальной лестнице, и что королева более не говорит на Королевском Английском, типичном для нее в 1950-е годы. Также был отмечен сдвиг в сторону кокни, что свидетельствует о размывании классовых различий, отражаемых в языке.

Британские исследователи установили, что акцент королевы все больше напоминает манеру произношения, свойственную молодому поколению [10].

На наш взгляд, это скорее штрихи, которые, учитывая жанр телевизионного обращения, носят прагматический характер и свидетельствуют о гибкости мышления, присущей лучшим представителям элиты, т.е. являются примером актуализации концепта «гибкость мышления» элитарной дискурсивной личности

Библиографические ссылки

1. Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. L. : Penguin Books, 2000. 222 p.
2. Rosewarne D. Estuary English – tomorrow's RP? // English Today. 1994. # 37. P. 3-8.
3. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 1200 p.
4. Kerswill P. Estuary English: Posting on the Linguist List [Electronic resource]. 1994. May 6. Mode of access: http://www.phon.ucl.ac.uk /home/estuary/kerswill.htm (date of access: 15.09.2019).
5. Young T. Britain's upper class is now too snobbish to speak its name [Electronic resource] // The spectator. 2014. 25 January. Mode of access: http://www.spectator.co.uk /life/status-anxiety/9121471/the-class-thats-too-snobbish-to-speak-its-name/ (date of access: 15.09.2019).
6. Rosewarne D. Estuary English [Electronic resource] // Times educational supplement. 1984. Mode of access: http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/rosen.htm (date of access: 15.09.2019).
7. Honey J. Does Accent Matter? The Pygmalion factor. L. : Faber & Faber, 1991. 208 p.
8. Lohr S. On language; The Accent Gap [Electronic resource] // The new York Times. 1992. 23 August. Mode of access: http://www.nytimes.com/1992/08/23/magazine/on-language-the-accent-gap.htm (date of access: 15.09.2019).
9. Prince William & Kate Middleton… Mode of access: http://www.youtube.com/watch?v=Bn-eglpPKh8] (date of access: 15.09.2019).
10. Harrington J. Phonetic Analysis of Speech Corpora [Electronic resource]. Wiley-Blackwell, 2010. 424 p. Mode of access: http://eu.wiley.com/WileyCDA/WileyTitle/ productCd-1405141697.html (date of access: 15.09.2019).

РАЗДЕЛ 2
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПАРАМЕТРЫ, СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ДИСКУРСА

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ

Л. А. Борботько, Т. Г. Мочалова
Московский городской университет
Москва, Россия
e-mail: ludmilaborbotko@gmail.com

Статья предполагает рассмотрение коммуникативных стратегий, используемых для достижения коммуникативной цели и реализуемых с помощью ряда коммуникативных тактик. Коммуникативные стратегии и тактики применяются медиаторами авторских программ, позволяя моделировать ситуацию для достижения успешной коммуникации. В случае коммуникативной неудачи происходит сбой в общении, при котором коммуникативные намерения коммуникантов не осуществляются в полном объеме.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; авторская программа; коммуникативная неудача; медиатор.

STRATEGIES AND TACTICS TO AVOID COMMUNICATION FAILURE

L. A. Borbotko, T. G. Mochalova
Московский городской университет
Москва, Россия
e-mail: ludmilaborbotko@gmail.com

The article regards communication strategies realized through a range of tactics relevant to achieve the major communication goal. Communication strategies and tactics are the tools of talk show mediators' applied to reach communication success. Communication failure implies communicators' intentions fail to be fully realized.

Key words: communication strategy; communication tactics; talk show; communication failure; mediator.

Современный медиадискурс представляет собой совокупность процессов речевой деятельности в сфере массмедиа во всем многообразии и сложности их взаимодействия. Авторская программа как элемент медиадискурса характеризуется групповой соотнесенностью, публичностью, противоречиями при ведении дальнейшей дискуссии, а также инсценированностью и массовой направленностью. Ключевым выступает тот факт, что автор программы является ее ведущим и создает ее индивидуальный

дискурс. Ток-шоу считается одним из наиболее распространенных видов авторских телепрограмм.

Любая из представляемых в рамках авторских программ коммуникативных ситуаций базируется на коммуникативном акте. Отметим, что коммуникативный акт представляет собой «акт речевого взаимодействия между носителями языка, в ходе которого носители языка решают, прежде всего, коммуникативные задачи» [1, с. 11]. Таким образом, в процессе коммуникации происходит обмен сведениями по определенному вопросу, при решении которого имеет место переход к следующей задаче коммуникации и возникает другой коммуникативный акт.

Когда участники коммуникативного акта осознают каждый из своих речевых «поступков», которые являются преднамеренными и обладают определенной целью, в силу вступает коммуникативный кодекс. Последний определяется как «сложная система принципов, регулирующих речевое поведение обеих сторон в ходе коммуникативного акта и базирующихся на ряде категорий и критериев» [1, с. 112]. Поэтому коммуникативный кодекс характеризует интенцию адресанта и возможный исход коммуникативной ситуации. Отметим, что коммуникативный кодекс регулируется коммуникативными намерениями и целью говорящего.

Для достижения коммуникативной цели используется коммуникативная стратегия, которая понимается как «планируемая магистральная, долговременная линия речевого поведения, избранная коммуникантом для достижения главной цели во взаимодействии» [2, с. 245]. Другими словами, в процессе коммуникации адресант, взаимодействуя с адресатом, рассчитывает на определенный результат и итог общения, выгодный для себя. Последнее составляет его коммуникативную цель. Для ее достижения индивид обдумывает и планирует наиболее правильные пути речевого поведения, объединяя их в единое целое, что и представляет собой коммуникативная стратегия.

Коммуникативная стратегия также «включает в себя планирование взаимодействия в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов» [там же]. Отметим, что подбор коммуникативных средств и выбор коммуникативной стратегии будет зависеть от пространства, где осуществляется коммуникация; от состава участников (имеет значение их профессия, возраст, пол, социальный статус и т.д.); от коммуникативной цели, которую желает достичь адресант при взаимодействии с адресатом (воздействие на точку зрения собеседника, завоевание его расположения, получение согласия на сотрудничество, уход от конфликтных ситуаций и др.).

С другой стороны, стратегия предполагает «отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы адресата» [3, с. 86]. В зависимости от контекста адресантом осуществляется подбор конкретных коммуникативных ходов, целью которых является манипулирование поведением адресата.

Коммуникативная стратегия реализуется с помощью ряда коммуникативных тактик, т.е. «совокупностей практических ходов в процессе речевого взаимодействия» [1, с. 11]. Применение коммуникативной стратегии как общей модели коммуникативного поведения подразумевает коммуникативную тактику как процесс реализации нескольких этапов общения. Коммуникативная тактика – это единица, являющаяся предметом более подробного анализа процесса коммуникации, чем коммуникативная стратегия. Она соотносится не с коммуникативной целью (результатом стратегии), а с набором коммуникативных намерений (практических ходов, соответствующих общей стратегии и направляющих общение к соответствующей коммуникативной цели) [там же].

Выделяются следующие типы коммуникативных стратегий: позитивная вежливость, сотрудничество, уступчивость, компромисс.

В свою очередь, тактика также определяется, как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [4, с. 110] или, другими словами, как «некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели» [5, с. 278]. Следовательно, сформировав цель коммуникации, адресант прибегает к коммуникативным действиям для ее достижения, решая совокупность последовательных задач, т.е. выбирая особого ряда тактики, которые все вместе приводят к реализации стратегии.

К наиболее распространенным коммуникативным тактикам относятся: обобщение, приведение примера, поправка, усиление, уступка, повтор, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение, апелляция к авторитету, юмор [6, с. 77] и т.д.

Следует отметить, что в настоящее время вышеобозначенные коммуникативные приемы широко используются медиаторами различных токшоу. В роли медиатора несомненно выступает телеведущий, являющийся основным центром полилога. В отличие от монолога и диалога под полилогом понимается разговор между несколькими людьми. Полилог предполагает многоплановость обсуждаемых вопросов и участие нескольких коммуникантов [7, с. 65], что характерно для ряда авторских программ.

Медиатор не только инициирует полилогическую коммуникативную ситуацию, но также является ее непосредственным активным участни-

ком. Он занимает позицию знающего интерпретатора и моделирует полилог при помощи коммуникативных стратегий и тактик, что возвышает его статус над другими участниками. В связи с этим имеет место «вербальное моделирование, позволяющее при определенных условиях воздействовать на пользователей СМИ и регулировать их отношение к происходящим событиям, и основанное на важнейшей функции языка – функции воздействия, или манипулятивной функции» [8, с. 42].

Медиатор может манипулировать ценностями адресата, таким образом, склонять собеседника к своей точке зрения. Тем не менее, отметим, что успешность подобного манипулятивного воздействия гарантирована, если объект влияния не догадывается об истинных намерениях воздействующего. Следовательно, для успеха стратегии манипуляции реальные интенции адресанта должны быть скрыты, а сам адресант «должен быть максимально «представлен» в кардинально измененном облике, сигнализирующем о прямо противоположных намерениях» [9, с. 148].

Справедливо заметить, что коммуникативные стратегии в целом отличаются гибкостью, поскольку в ходе общения они корректируются посредством экстралингвистических факторов, зависящих от действий оппонента и постоянно изменяющегося контекста коммуникативной ситуации [10, с. 236].

Коммуникативная неудача понимается как «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, т.е. имеет место неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего» [11, с. 69]. Другими словами, когда коммуникация приобретает качества, вносящие дисгармонию в речевое общение, когда частично или полностью нарушаются правила диалогического взаимодействия, тогда коммуникативные намерения участников не осуществляются в полной мере, что приводит к коммуникативной неудаче.

При изучении данного явления учитываются ключевые источники и последствия неуспеха коммуникации. Источники классифицируются следующим образом: коммуникативные неудачи, которые возникли в результате неверных речевых действий самого коммуниканта, и коммуникативные неудачи, которые были вызваны обстоятельствами коммуникативного акта [11, с. 69]. К внеречевым факторами, ведущим к коммуникативному провалу, относятся эмоциональное состояние индивида, его настрой на общение, экстралингвистические знания о мире, коммуникативное пространство, мировоззрение собеседников и т.д. Коммуникативные неудачи, возникающие в результате речевых действий самого коммуниканта, связаны с этической стороной общения, с учетом правильно-

сти применения стратегий и тактик адресантом, а также с невыполнением постулатов Г. П. Грайса и других возможных принципов общения, направленных на коммуникативный успех.

Коммуникативные неудачи подразделяются на глобальные и частичные. Первые характеризуют те случаи, когда коммуникативная цель не достигается, и речевое общение прекращается. Частичные коммуникативные неудачи выражаются в задержке, временном сбое в коммуникативном процессе. В контексте авторских телепрограмм частичные коммуникативные неудачи могут возникать в ходе дискуссии и разрешаться при помощи кооперативной стратегии посредством тактики наводящих вопросов и комментариев телеведущего. В случае открытого конфликта в конце программы и недостижения коммуникативной цели до завершения эфира коммуникативные неудачи приобретают глобальный характер.

С учетом вышеизложенных категориальных признаков сконструирована возможная модель неуспешной коммуникативной ситуации (см. рисунок).

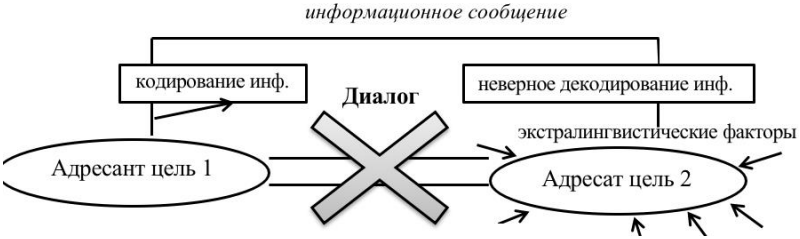

Рисунок – Возможная модель неуспешной коммуникативной ситуации

Таким образом, в сфере массмедиа телеведущим приходится прибегать к коммуникативным стратегиям, чтобы направить коммуникацию в нужное русло и реализовать установку на коммуникативный успех. В зависимости от разного исхода коммуникативных ситуаций медиаторы применяют соответствующие коммуникативные ходы речевого воздействия. Рассмотрение подобных примеров обуславливает актуальность исследования в связи с особой значимостью коммуникативного успеха в современной лингвистике.

Библиографические ссылки

1. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М. : Рипол Классик, 2002. 320 с.
2. Викулова Л. Г., Шарунов А. И. Основы теории коммуникации. Практикум. М. : АСТ Восток – Запад, 2008. 316 с.
3. Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов : Колледж, 1999. С. 81–96.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.
5. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2002. № 24. С. 276–288.
6. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : Либроком, 2013. 344 с.
7. Винокур Т. Г. Полилог // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 381 с.
8. Викулова Л. Г., Новиков Н. В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера спорт // Вестник МГПУ. М., 2015. С. 42–49.
9. Оляних А. В. Презентационная теория дискурса автореф. дис. … докт. филол. наук. : 10.02.19. Волгоград, 2004. 40 с.
10. Ручкина Е. М. Взаимодействие коммуникативных стратегий и стратегий вежливости в аргументативном диалоге на // Вестник ЧГУИ им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2008. С. 236–241.
11. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 64–78.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЮРИСТОВ

О. И. Васючкова, Т. В. Коваленок
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mails: vasuchkova@bsu.by, kovalionaktv@bsu.by

В статье рассматриваются особенности межкультурной коммуникации юристов. Обсуждается сравнительный подход к анализу отечественных и зарубежных правовых систем. Подчеркивается роль современных технологий как факторов, способствующих эффективности межкультурной коммуникации в правовой сфере.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; правовые системы; сравнительный анализ; современные технологии; электронная обучающая среда.

PECULIARITIES OF PROFESSIONAL CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AMONG LAWYERS

O. I. Vasuchkova, T. V. Kovalionak
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mails: vasuchkova@bsu.by, kovalionaktv@bsu.by

The article deals with peculiarities of cross-cultural communication among lawyers. The comparative approach to the analysis of native and foreign systems is dis-

cussed. The role of modern technologies as factors contributing to the effectiveness of cross-cultural communication in the legal sphere is stressed.

Key words: cross-cultural communication; legal systems; comparative analysis; modern technologies; electronic learning environment.

Создание ситуаций иноязычного общения в сфере профессиональной коммуникации – одна из глобальных задач в деле обучения говорению в неязыковом вузе. Для успешной реализации межкультурной коммуникации необходим определенный подготовительный этап, связанный не только с грамотным лингвистическим оформлением высказываний, но и приобретением соответствующих фоновых знаний, которые делают подобные высказывания аргументированными.

Социокультурный компонент играет важную роль при моделировании ситуаций делового общения будущих юристов. Прежде чем вовлечь студентов в профессиональную дискуссию, необходимо транслировать им значимую аутентичную информацию об особенностях правовой системы страны изучаемого языка, обсудить в компаративном аспекте отличительные моменты национального, британского и американского законодательств, способы ведения процессуальных и следственных действий. Аутентичная информационная поддержка – неотъемлемый компонент грядущих ролевых игр, симуляций, дискуссий. Здесь проявляется важная роль межпредметных связей между иностранным языком и профилирующими дисциплинами. Подобного рода синтез профессиональных и лингвистических связей содействует созданию потенциальных ситуаций делового общения и обеспечивает успешную межкультурную коммуникацию.

Популярной формой моделирования ситуаций делового общения на юридическом факультете БГУ являются *mock trials* ‘симуляции судебных процессов’. Участники игры получают возможность не просто «поиграть в процесс», но средствами ролевой игры изучить тонкости его проведения. Студентам предоставляется возможность попробовать себя в роли судей, обвинения, защиты и других участников уголовных и гражданских дел. Обсуждаемые симуляции невозможны без соответствующих знаний о культуре и традициях организации данного вида деятельности в стране изучаемого языка. На коллизиях, вызываемых спецификой функций членов судебного процесса в Англии, строится целый ряд детективных сюжетов, знание которых обеспечивает понимание сути происходящего. Например, возможность барристера выступать в роли адвоката на одном процессе и быть в роли обвинителя на другом является ключом к пониманию неожиданных интерпретаций судебных решений в британских судах. Сравните с ситуацией, существующей в национальной правовой

практике, где функции адвокатуры и прокуратуры диаметрально противоположны и составляют основу состязательной системы в судах.

Знания, почерпнутые из аутентичных специальных текстов, в значительной мере способствуют успешной межкультурной профессиональной коммуникации, что учитывается преподавателями-практиками при создании профессионально ориентированных учебно-методических пособий по обучению иностранному языку в неязыковом вузе [1]. Не лишним будет упомянуть, что студенты юридического факультета небезуспешно принимают участие в международных состязаниях по вышеобозначенному виду деятельности.

В связи с обсуждаемым вопросом хотелось бы отметить и такой эффективный инструмент, снимающий трудности иноязычного общения в профессиональной среде, как видеоряд. Видеоматериалы для обучения иностранным языкам включают художественные и учебные фильмы, сюжеты из YouTube, водкасты (подкасты с видеофайлами) и др. Аутентичные видеоматериалы предлагают большое разнообразие моделей языка и речи, обеспечивают широкие возможности для знакомства с традициями взаимоотношений и культурой страны изучаемого языка. Динамичность видео, соединение зрительного и звукового восприятия дает возможность предъявлять образцы аутентичного языкового материала в реальном коммуникативном контексте, слышать и изучать живую речь носителей языка. Зрительные образы выпукло выделяют национально-культурные особенности изучаемого явления, что не остается вне зоны внимания преподавателей иностранного языка юридического факультета. И необычные законы в странах Европы и Азии (видеоклип *The Laws of Singapore* ‘Законы Сингапура’), и особенности судебных процессов в Британии (*Witness for the Prosecution* ‘Свидетель обвинения’), и работа суда присяжных по вынесению вердиктов в уголовном судопроизводстве (*Twelve Angry Men* ‘Двенадцать разгневанных мужчин’), и работа полиции (видеоклипы *History of British and American Police* ‘История британской и американской полиции’) [2] становятся отправной точкой многочисленных обсуждений, симуляций, драматизаций. Видеофильмы создают благоприятную почву для соответствующих профессиональных сравнений, на фоне которых рельефнее проявляются социокультурные черты анализируемого феномена. В обсуждаемом контексте нельзя не подчеркнуть роль иностранного языка как межкультурного медиатора, устраняющего не только языковые, но и культурные барьеры между коммуникантами. Полагаем, что заявления студентов о том, что при сдаче экзаменов по специальным дисциплинам им помогли знания, почерпнутые на занятиях по иностранному языку, можно расценивать как высокую оцен-

ку прикладного характера дисциплины «иностранный язык» в формировании современного выпускника высшей школы.

Еще большие возможности для межкультурного профессионального общения студентов и преподавателей предоставляет всемирная сеть Интернет. Создание электронной обучающей среды (в БГУ – электронные поддерживающие курсы в системе Moodle), использование возможностей Интернета с целью получения информации и коммуникации способны вывести обучение иностранным языкам на новый уровень. Получение информации обеспечивают справочные ресурсы Интернета, такие как словари, электронные библиотеки, электронные СМИ, образовательные порталы и др. Коммуникация осуществляется посредством web 2.0 технологий: электронной почты, публикации блогов, ведения сетевых журналов, дневников, а также участия студентов и преподавателей в профессиональных интернет-конференциях, вебинарах, web проектах, online курсах, форумах и чатах прямого общения, социальных сетях [3].

В свете обсуждаемой проблематики представляется небезынтересным напомнить об опыте наших коллег из МГУ им. Ломоносова, которые ввели в практику профессионально ориентированного обучения иностранному языку на юридическом факультете курс «лингвострановедение». В рамах данного курса [4, с. 252-256] через сопоставительный анализ терминосистем изучаемого и родного языков обсуждается картина мира с позиций профессионалов в области права. Подобный подход углубляет специальные знания, полученные в ходе изучения дисциплин юридического профиля, создает основу для адекватной интерпретации иноязычной информации по специальности. К сожалению, курс лингвострановедения не предусмотрен в учебных программах гуманитарных факультетов БГУ, поскольку на это требуется дополнительное аудиторное время, хотя он мог бы сослужить добрую службу в деле совершенствования навыков межкультурной коммуникации между студентами-гуманитариями.

В русле обсуждаемой проблематики представляется целесообразным затронуть вопрос, связанный с актуальным на современном этапе развития общества образованием в области бизнеса. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в учебных программах национальных вузов отсутствует такой предмет, как *Business Law* ‘бизнес-право’, тогда как в британских университетах невозможно себе представить юридическое образования без изучения именно этого предмета. Подобное положение дел не означает, что у наших студентов существует пустующая ниша в профильных знаниях, как это может показаться на первый взгляд. Перечень вопросов, входящих в проблематику бизнес-права, коррелирует

с проблемными полями гражданского, экономического, международного торгового права. Тем не менее, англоязычные учебные пособия по данному предмету являются бесценным источником информации, аккумулирующим весь спектр вопросов, относящихся к данной сфере правовых отношений с фокусом на вопросы, касающиеся бизнеса. Поэтому при работе со студентами-юристами, особенно специализирующимися по внешнеэкономической деятельности, необходимо изучать подобную литературу при написании курсовых, дипломных, реферативных работ. Британские специалисты советуют создавать так называемые "*language support courses*" 'языковые информационные поддерживающие курсы', представляющие собой пакет аутентичных материалов, извлеченных из специальной литературы, чтобы ознакомить студентов с базовыми темами и подачей материала в той или иной отрасли правовой науки, а также с изучением реальных ситуаций делового общения – кейсов [5, с. 20-25]. В кейсы включаются практические задачи, решение которых требует определенных знаний по правовой культуре и традициям стран изучаемого языка. Анализируя ситуации, представленные в кейсах, студенты опираются на знания систем отечественного права и культурологические знания, полученные на занятиях иностранного языка. Поскольку при работе с кейсами необходимо не только дать ответы на поставленные вопросы, но и представить аргументированное суждение по данной ситуации, ведущее место отводится дискуссии как методу решения спорных вопросов. Таким образом, кейс-технологии как процесс, включающий исследование, анализ, проработку и обсуждение реальных профессиональных ситуаций могут с успехом применяться на занятиях по иностранному языку на старших курсах. Обучение с использованием данной технологии позволяет объединить теорию с практикой, формировать навыки работы с аутентичными источниками, приблизить процесс обучения к реальной жизни, сформировать навыки профессиональной межкультурной коммуникации. Не без основания полагаем, что обсуждаемый материал вносит определенный вклад в облегчение межкультурной профессиональной коммуникации, помогает студентам-правоведам увереннее чувствовать себя, присутствуя на лекциях зарубежных специалистов, круглых столах, международных олимпиадах и т.п.

Поскольку современный этап развития высшей школы характеризуется высоким градусом международных контактов, нельзя также упускать из виду вопросы иноязычной письменной коммуникации с ее национальными особенностями. Как правило, студенты мало информированы по данному вопросу. Ослабленный тип английской пунктуации, имеющей ограниченное число жестких правил, семантическая природа многих

знаков препинания, в отличие от синтаксической русского языка, также требуют определенного внимания в контексте межкультурного общения, особенно в моментах несоответствия русской и английской пунктуационных традиций.

Поскольку в лингводидактике третьего тысячелетия культурологичесий подход к изучению иностранных языков является доминирующим, преподавателям-практикам следует руководствоваться им при подборе аутентичного материала для учебно-методических пособий, используемых для конкретной целевой аудитории, с целью обеспечения успешной устной и письменной деловой коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Английский язык для студентов-правоведов = English for Law Students: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2011. 295 с.
2. Legally Speaking [Электронный ресурс] : электронный курс. Режим доступа: https://eduenglish.bsu.by/course/view.php?id=2 (дата обращения: 10.09.2019).
3. Атабекова А. А. Информационные технологии обучения иностранному языку для специальных целей. М. : РУДН, 2009. 186 с.
4. Соболев С. А. О роли лингвострановедения при обучении языку права : сб. статей Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. М. : РУДН, 2012. С. 252-256.
5. Carreras A. Knowledge management and the problem of case study writing: Lessons for International cooperation. Minsk : BSU, 1999. P. 20-25.

ДИСКУРС-ПОРТРЕТ РЕЦЕНЗЕНТА НАУЧНОЙ СТАТЬИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Л. Д. Гайдук
Белорусский государственный экономический университет
Минск, Беларусь
e-mail: gailarissa55@gmail.com

В статье рассматриваются различные способы вербализации дискурсивных особенностей речевого портрета рецензента в научно-критической коммуникации в сфере экономики.

Ключевые слова: дискурс-портрет; рецензент; дискурсивное научно-экономическое сообщество; дискурс-тип; адресат.

A REVIEWER DISCOURSE PORTRAIT OF A SCIENTIFIC ARTICLE IN ECONOMIC DISCOURSE

L. Gaiduk
Belarusian State Economic University
Minsk, Belarus
e-mail: gailarissa55@gmail.com

The article touches upon various verbalization means of a reviewer discourse-portrait peculiarities in scientific-critical communication of economic sphere.

Key words: discourse-portrait; reviewer; discourse scientific-economic community; discourse-type; addressee.

При создании *дискурс-портрета* рецензента в фокусе нашего внимания находится методика, разработанная И. Ф. Ухвановой-Шмыговой [1, с. 16–56], которая учитывает «полифонию содержательного текстового пространства и получение максимально обширной информации об адресанте» при помощи «реконструкции социального взаимодействия людей, познания мира и нас в нем», включая выявление типологии дискурс-категорий текста, а также интерпретацию дискурс-типов исследуемого субъекта [1, с. 10; с. 355].

В ходе дискурсивного исследования особенностей личности рецензента с учетом осуществляемых им видов речевых практик мы опирались на категориальный аппарат упомянутого лингвиста: *самоидентификация рецензента*, эксплицируемая языковыми средствами, отражающими его различные роли в конкретных временных и пространственных рамках; *идентификация адресата* как номинация в тексте потенциального читателя и использование соответствующих коммуникативных стратегий; *идентификация дискурсивного сообщества* в терминах интертекстуальности, интерсубъектности и интерсобытийности; *идентификация дискурсных особенностей* рецензента, вытекающая из общей тональности и модальности текста рецензии, базовых концептов, ключевых слов и лингвистической компетенции автора рецензии [2, с. 202–215].

Самоидентификацию рецензента можно отнести к описательному дискурс-типу институционалиста с сильным *мы* и значимым *я*: ***we*** *see the truth…; the author has provided* ***us*** *with a masterful single-volume description….* Часто повторяемое *мы* связано с научным сообществом экономистов, а редко употребляемое *я* носит интегративный характер, т.к. критик наделен официальным правом вынесения публичной оценки. Самостоятельность ученого эксплицитно вербализована в резюмирующей части рецензии: ***I'm*** *sure he'd agree, it is an invaluable aid to understanding a conflict.*

Дискурс-тип рецензента уточняется с помощью категорий «время» и «пространство». Так, прошлое время вполне актуально для современной экономики в примере *This work is "****a possession of all time****"*, и проекция рецензента направлена из прошлого в позитивное и познавательное будущее глобального геополитического *пространства* и ориентирована на мировое сообщество.

Рецензент как ведущий субъект научно-критического полилога оценивает первичный текст, используя ряд дискурсивных маркеров: a ***masterful*** *comparison; consistently one of* ***the most reliable guides****; a* ***prominent*** *single-volume description; the author's* ***clarity and illumination***. Весомый результат работы автора передается высказыванием типа *With* ***his wry wit*** *he* ***succeeded magnificently*** *in his aim…; the book is* ***a paramount*** *issue.* Критик подытоживает свои рассуждения с помощью дискурсива-клише *as such*: ***As such****, it becomes the single* ***best*** *volume.*

Идентификация адресата осуществляется посредством установления определенного отношения рецензента к конкретному адресату, который не обезличен, а является представителем академического круга ученых-экономистов. Фокусируя свое внимание на достоинствах книги, рецензент использует коммуникативную стратегию презентации (*theorists and international relations diplomats; leadership scientists; students of economy, classical culture and civilization)* и ставит себя в один ряд со всеми исследователями закономерностей разрешения и предотвращения конфликтов. Он также солидарен с читателем, ученым в экономической области знания, проявляя свой интерес к ведению дебатов по экономике.

Дискурсивное экономическое сообщество идентифицируется в терминах интертекстуальности, когда рецензент прибегает к использованию

– *цитаты-аргумента* как средству поддержания своей точки зрения с целью придания убедительности выносимой оценки как аксиологической опоре: *History has shared* ***his assessment****;*

– *цитаты-примера* как иллюстрации фрагмента из первичного текста с целью подтверждения слов его автора: *It demonstrates the "revolution in economics affairs"*;

– *именной ссылки*, приводимой в качестве аргумента рецензента подчеркнуть высокий научный статус / должность автора: *Dr.William D. Nordhaus,* ***Sterling Professor*** *of Economics at Yale University…;*

– *автоссылки* на ранее опубликованные работы автора первичного произведения: *Dr. Nordhaus is* ***world famous*** *for his earlier volumes, such as…*

Модальность рецензии проявляется в выражении различных модальных оттенков действий адресата, как-то: *No accurate telling of the facts* ***can*** *ever hope to capture…; what human nature* ***is capable of*** *doing…; a reader who* ***might not have*** *a need or desire…; I am sure the reader* ***would*** *agree.*

В ходе критического разбора научной статьи рецензент создает в тексте рецензии собственный речевой портрет как элемент дискурс-портрета, используя следующие риторические приемы и коммуникатив-

ные технологии из арсенала ценностного и фактологического изложения реальных фактов:

– лексические повторы (*the single best* ***volume****; a masterful single-****volume*** *history; one-****volume*** *overview*);

– метафоры (*see through to the* ***root causes*** *of things: a realm of* ***timeless truth****; praise* ***heaped*** *upon his scrupulosity);*

– экспрессивные средства и лексико-стилистический прием нарастания (*inflation,* ***excessive*** *inflation,* ***great*** *inflation,* ***powerfu****l inflation, a revolution in* ***persistent*** *inflation affairs*). Фон градации усилен эксплицитно цепочкой прилагательных, расположенных в порядке возрастания содержащихся в них оценки инфляции и повтором существительного *inflation;*

– параллельные синтаксические конструкции: ***It contains*** *powerful examples:* ***It demonstrates*** *vividness;* ***It shows*** *relationship;* ***It is*** *not the mind.* ***It is the fact****.*

Экономическая тематика консолидирует дискурс критика, придает ему объемность, позволяет адекватно реализовать свои цели и объединяет тематический ряд ключевых слов рецензии научно-критического дискурса посредством концепта «экономика»: *economics, markets, interest, supply, demand, capital,investment, purchasing power.*

Проведенный анализ научной рецензии на тему экономики позволил высветить наиболее характерные черты речевой деятельности рецензента с дискурсивных позиций. Нами составлена типология *дискурс-типов / социальных ролей* рецензента, лежащих в основе идентификации ученых-исследователей экономической проблематики, а также представлена интерпретация данных дискурс-типов рецензента.

Наблюдения над вербализацией в тексте дискурс-категорий времени, пространства, атрибутивности, роли, модальности, интертекстуальности и пр. позволяют сделать вывод о том, что конкретный рецензент актуализирует несколько своих дискурс-типов / социальных ролей:

– *институционалист* (выражает интересы экономического института как дискурсивного научного сообщества с организационной структурой, использует самоидентификацию ***мы***, демонстрирует связь с коллективом, сохраняя при этом собственное **я** как сильное личностное начало);

– *критик / эксперт* (публично представляет критический разбор научной публикации и выносит ее эксплицитную оценку);

– *профессионал* (является квалифицированным компетентным специалистом – экономистом);

– *коллега* (выступает как равноправный член дискурсивного сообщества);

– *сторонник взглядов* (разделяет научные взгляды автора рецензируемой статьи / книги);

– *популяризатор* (нацелен на передачу важной информации / ценностей в области экономики);

– *интеллектуал* (является приверженцем определенной научной школы, обладает ученой степенью в области знания экономики, начитан, эрудирован);

– *оппонент* (подвергает сомнению взгляды и убеждения своих коллег);

– *идеолог* (представляет идеологические интересы сообщества);

– *наставник* (дает советы / рекомендации);

– *ритор* (владеет риторическими приемами воздействия на читателя и навыками убеждения);

– *интерпретатор* (анализирует, аргументирует и обосновывает как собственную, так и чужую позиции);

– стратег (умело использует коммуникативные стратегии и способы реализации категории оценки);

– *тактик* (прибегает к конкретным приемам речевого воздействия, обладает высоким лингвистическим статусом).

Дискурс-портрет рецензента как ведущего субъекта научно-критической коммуникации по экономической проблематике, построенный на основе декодирования содержания исследуемых нами рецензий, позволяет осмыслить специфику его самовыражения в дискурсивном научно-экономическом сообществе и диапазон влияния на конкретного адресата. Рецензент научной рецензии – это реальное лицо, ученый XXI века, приверженец демократических ценностей, этно- и социокультурных стереотипов отдельной страны. Дискурс критика-экономиста можно охарактеризовать как последовательный, экспрессивный, насыщенный фактами и аргументами, новыми идеями и оценочными суждениями, высокой степенью профессиональной компетентности в сфере экономики. В нем четко прослеживается баланс между критикой и позитивностью, фактологичностью и эмоциональностью, что передается разнообразными языковыми средствами.

Библиографические ссылки

1. Методология исследований политического дискурса: актуал. проблемы содерж. анализа обществ.-полит. текстов. Минск : Технопринт, 2002. Вып. 3. 360 с.

2. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Операционализация коммуникативных стратегий с помощью каузально-генетической теории // Методология исследований политического дискурса: актуал. проблемы содерж. анализа обществ.-полит. текстов. Минск : Технопринт, 2000. Вып. 3. С. 202-215.

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАНЦУЗСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В РЕЧЕВОЙ ФУНКЦИИ ИНТЕРЛИНГВАЛЬНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ

Н. Р. Кучминская
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: n.kuchminskaya@lengu.ru

В статье рассматриваются особенности употребления заимствованных французских выражений языковой личностью в ситуации коммуникации. Мотивационный уровень языковой личности, языковые причины заимствований, теория эгоцентризма речевой деятельности позволяют раскрыть и описать данный тип языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность; заимствования; французские стереотипы; мотивационный уровень; переключение кода; эгоцентризм речевой деятельности.

FRENCH STEREOTYPES' COGNITIVE SPACE IN THE SPEECH FUNCTION OF THE INTERLINGUAL INCLUSIONS

N. Kuchminskaya
Pushkin Leningrad State University
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: n.kuchminskaya@lengu.ru

This article represents the analysis of French phraseological stereotypes used by a humorous character during the situation of communication. The motivation's level of Karaylov, the reasons of loan words being in use of the Russian people, the Khomyakova's theory of speech and thought can discover and explain this language person.

Key words: language person; loan words; French stereotypes; motivation's level; code-switching; egocentrism of speech activity.

В художественной литературе 20 века встречаются персонажи, средствами формирования языковой личности которых становятся французские устойчивые выражения. Так, в речи Аметистова, героя пьесы М. А. Булгакова «Зойкина квартира», было обнаружено более 20 случаев употребления иноязычных высказываний. Хорошо знакомый Остап Бендер из романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» также любит вставить в разговоре французские выражения. Яркий и немного искусственный герой произведения братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» по имени Выбегалло пытается «украсить» свою речь французскими изречениями.

Три вышеназванных героя прибегают к французскому языку с определенной, их объединяющей, целью. Персонажи стараются продемон-

стрировать свою эрудированность, тем самым произвести впечатление на слушателя, используя французский язык как признак сословной идентичности русских дворян, получить «дивиденды» от его использования.

«… Товарищ научный консультант! Сколько ног у осьминога? Семь или восемь?

Выбегалло не знал. Он осклабился, потянул себя за бородку и произнес:

– Эта… Ног сколько?.. Значить, ***се шарман илья кельке шоз де си мелоде?***

– Чего? – сказал Хлебовводов.

– ***Ту кампрандр се ту пардоне,*** *– пояснил Выбегалло, чувствуя себя на верном пути*» [4, с. 289].

« *– Сами же на прошлом инструктаже велели, если нет у человека ФИО, пускай будет хоть описание. Вот товарищ Выбегалло и составило… говорят, говорят, и сами не знают, что говорят…*

– Эта… – решился вставить Выбегалло. – ***Фэ се ке дуа адвиенн се ки пурра,*** *значить*» [1, с. 293].

Возникает вопрос, почему персонаж, общаясь на своем родном языке в привычной для себя коммуникативной ситуации (место общения – Россия, участники общения – носители русского языка, цель высказывания – информативная и т.д.), без видимых причин обращается именно к французскому языку. Ответ на данный вопрос попытаемся найти, во-первых, в причинах заимствования, во-вторых, в факторах речемыслительной деятельности персонажа, в частности, в теории эгоцентризма.

В теории языкового заимствования выделяются две основные группы заимствований: неязыковые и языковые. К первым, по мнению Л. П. Крысина, относятся престижность иноязычного слова (выражения) по сравнению с исконным, коммуникативная актуальность слова (выражения), двуязычие [2, с. 189]. Наличие «чужого» выражения в речи на родном языке подчеркивает роль иностранного языка, его слов, выражений в русском контексте. Коммуникативная актуальность слова (выражения) подразумевает под собой определенный период времени (в рамках одного века, например), либо определенное место общения (действие в той или иной стране). Двуязычие рассматривается как результат соприкосновения носителей данного языка с иной языковой средой [там же, с. 34].

К собственно языковым причинам заимствования слов (выражений), в число которых входят и интерлингвальные включения, некоторые лингвисты относят отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора, установление позитивных или негативных конно-

таций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе, обеспечение эмфатического эффекта и т.д. [3, с. 53].

Интерлингвальные включения *се шарман илья кельке шоз де си мелоде, Ту кампрандр се ту пардоне, Фэ се ке дуа адвиенн се ки пурра,* написанные кириллицей, представляют собой французские заимствованные стереотипы и воспроизводят их значение и форму из языка-оригинала. Однако оформление в речи Выбегалло искажено, с отступлением от выражения в языке-источнике – как фонетическим, так и фонетико-этимологическим. Это дополняется нарушением дистрибутивных связей при включении их в коммуникативную ситуацию. Тем самым подтверждается слабое владение персонажем того языка, на котором он старается изъясняться. В связи с этим авторы сопровождают речь доктора наук Амвросия Амбруазовича Выбегалло свои переводом, отмечая любовь Выбегалло к «отдельным словосочетаниям на французском, как он выражается, диалекте. Никак не отвечая за его произношение, мы взяли на себя труд обеспечить перевод» [1, с. 87]. Так, «*Фэ се ке дуа адвиенн се ки пурра*» (фр. *Fais ce que dois, advienne que pourra* – поговорка ‘будь что будет’) Стругацкими переводится, как «поступай, как следует, а там будь, что будет», для фразы «*се шарман илья кельке шоз де си мелоде?»* (фр. *c’est charmant, il y a quelque chose de si mélodieux*) авторы предлагают следующий перевод «это прелестно, в этом есть что-то мелодичное», псевдофранцузское выражение «*Ту кампрандр се ту пардоне*» (фр. *Tout comprendre, c’est tout pardonner*) переводится ими, как «все понять – значит все простить» [там же, с. 289].

Переключение кода с родного на иностранный в процессе речепорождения имеет место при языковом контакте, когда «коммуникант, более или менее компетентный в двух или нескольких языках, рассчитывает на понимание собеседника» [4, с. 345]. Для этого используются языковые штампы, распространенные и легко узнаваемые стереотипы. Речь профессора Выбегалло, наполненная вербальными средствами иностранного языка,не органична. Французские вкрапления, к которым он прибегает, не способствуют уточнению мысли и достижению контакта, а скорее наоборот. Они непонятны участникам ситуации общения. Выбегалло употребляет выражения, чтобы скрыть незнание ответа на вопрос, а осознавая то, что он не понят, вместо пояснения своей мысли, продолжает дальше сыпать выражениями из чужого языка, с их помощью пытаясь выбраться из неловкой ситуации и не потерять лицо.

Изучение мотивов персонажа перейти с одного кода на другой подразумевает под собой исследование мотивационного уровня языковой личности, самого высокого по классификации Ю. Н. Караулова. Мотивации-

онный уровень определяет «иерархию смыслов и ценностей в языковой модели мира языковой личности» [5, с. 37]. В своем исследовании Ю. Н. Караулов определил следующую организацию языковой личности: нулевой уровень – ассоциативно-семантический, представленный фондом лексических и грамматических средств, использованных языковой личностью; первый уровень – лингво-когнитивный, отражающий понятия, крупные концепты, идеи языковой личности; и более высокий, второй, уровень – мотивационный, включающий мотивы и цели, движущие развитием, поведением языковой личности [там же, с. 37-38].

Изучение кода языковой личности, ее когнитивного пространства включает в себя изучение трех основных стадий формирования речемыслительной деятельности индивидуума: фазы номинации, предикации и эго-референции. Е. Г. Хомякова описала номинативную стадию, как характеризующуюся осмыслением, означиванием, распознаванием, владением лексемой. Предикативная стадия, по мнению ученого – это «стадия развития языковой личности, когда усваивается «синтаксис речи» и «синтаксис мысли» [6, с. 160]. На эгореференциальной стадии развития речемыслительная деятельность представляет собой реализованную способность индивидуума к осознанной коммуникации и производству текстовых образований, ориентированных относительно эго-координат говорящего. Эго-референция – это способность индивидуума соотносить себя и свою деятельность с окружающим миром. Три фазы «представляют собой три обязательных уровня эгоцентрической модели восприятия мира человеческим организмом, которые (…) осуществляют его речемыслительную деятельность на последующих этапах его существования» [там же, с. 163].

На фазе эго-референции говорящийобнаруживает соответствие между я-координатами и своим коммуникативным побуждением, примененным в данной коммуникативной ситуации. Перед тем, как употребить иностранные высказывания в своей речи, говорящий наделяет их иллокуцией, которой предшествует намерение. Соответственно, несмотря на неуместность французских стереотипов, невозможно представить, что они используются случайно, без учета интенции. Намерениемв речи такого типа языковой личности, как Выбегалло, Аметистов, Бендер является эмфатический, т.е. выразительный эффект, производимый на адресатов, который и становится конструктом их личностного тезауруса.

Таким образом, интерлингвальные вкрапления в речевых актах определенного типа языковой личности персонажей в русской художественной литературе выполняют функцию «маркировки»: либо они определяют высокий уровень владения иностранным языком, либо – как в выше-

приведенных примерах – являются фальшивой этикеткой. В любом случае они являются конструктами языковой личности, но разных ее типов.

Библиографические ссылки

1. Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу. СПб. : Интероко, 1993. 448 с.
2. Крысин Л. П. Русское слово: свое и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
3. Брейтер М. А. Процесс языкового заимствования как способ реализации коммуникативных потребностей в рамках межкультурного воздействия // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М. : 1997. С. 49-66.
4. Устинова Т. В. Переключение языкового кода как актуальное явление современного художественного дискурса // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Н. Новгород : НГЛУ, 2005. С.345-347.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : ЛКИ, 2007. 264 с.
6. Хомякова Е. Г. Эгоцентризм речевой деятельности. СПб. : изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. 239 с.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ РЕПОРТАЖ В ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

О. В. Лапунова
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: olga-2980@mail.ru

В статье рассматривается функциональный потенциал речевого акта «сообщение» в телевизионном репортаже с позиции теории речевых актов. Выявляются основные характеристики пропозиционального содержания речевого акта «сообщение» в телевизионном репортаже, особенности взаимодействия его локутивного, иллокутивного и перлокутивного компонентов.

Ключевые слова: телевизионный репортаж; речевой акт; локуция; иллокуция; перлокуция; пропозициональное содержание.

TELEVISION REPORT IN THE SPEECH ACT THEORY

O. V. Lapunova
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: olga-2980@mail.ru

The article considers the functional potential of the speech act “message” in a television report from the perspective of the speech act theory. The main characteristics of the propositional content of the speech act “message” in a television report are being analyzed. The features of the interaction of its locutionary, illocutionary and perlocutionary components are identified.

Key words: television report; speech act; locution; illocution; perlocution; propositional content.

Теория речевых актов занимается изучением и интерпретацией актов коммуникации, которые функционируют в процессе общения. Дж. Остин утверждает, что высказывания используются не только для того, чтобы донести какую-то информацию. В каждом высказывании говорящий совершает действие, заявляя о каком-то факте, констатируя какое-то намерение, подтверждая или отрицая что-либо [1].

Идеи Дж. Остина основываются на суждении, что деятельностной природой обладают все высказывания. Дж. Остин утверждает, что локутивный акт эквивалентен произнесению высказывания с определенным значением в традиционном смысле [там же].

Иллокутивный акт – это информирование, предупреждение или обязательство. Дж. Сёрл утверждает, что иллокутивный акт является минимальной законченной единицей языковой коммуникации человека [2].

Перлокутивный акт – это речевой акт, который производит определённый эффект, намеренный или нет, достигаемый высказыванием говорящего. Примерами перлокутивных актов являются убеждение, оскорбление, побуждение адресата что-либо сделать и т.д.

Думается, что основные характеристики пропозиционального содержания речевого акта «сообщение» в телевизионном репортаже могут быть выявлены путем анализа особенностей взаимодействия его локутивного, иллокутивного и перлокутивного компонентов.

В современной лингвистической литературе телерепортаж определяется как оперативный, динамичный рассказ об общественно важном событии, отличающийся наглядностью и активной ролью автора – свидетеля или участника. С психологической точки зрения телевизионная коммуникация может быть понята в контексте взаимосвязи журналиста и зрителя, которые и являются компонентами речевой ситуации. Логичность, обобщенность и точность составляют основные признаки речевого акта сообщения в телевизионном репортаже, содержанием которого является «констатация некоторого положения дел действительности» [3].

Особенность речевого акта «сообщение» в телерепортаже состоит в его однонаправленности: журналист не видит реакции аудитории на излагаемую им информацию. При межличностной коммуникации говорящий следит за реакцией слушающих, даже если коммуникация односторонняя (например, лекция в аудитории), контролирует восприятие, корректирует свою речь в случае утраты интереса к ней и, наоборот, воодушевляется, находя понимание и одобрение. Всего этого журналист, выступающий перед камерой, абсолютно лишен. Он должен силой вообра-

жения, подобно актеру, привлекая на помощь магическое «если бы», представить на месте телекамеры человека. Одного, а не «многомиллионную аудиторию».

Зритель телевидения, находясь у себя дома, психологически расположен к тому, чтобы воспринимать слово доверительное. Человек, слушающий другого человека на близкой дистанции, как бы с глазу на глаз, вправе ожидать от говорящего душевной открытости и внутренней убежденности в том, что произносимые слова найдут отклик. Что же касается процесса созерцания журналиста на экране, то он может быть интересен для зрителя лишь в том случае, если репортер реализует себя как духовно богатая личность, проникновением во внутренний мир которой и отличается, собственно говоря, выпуск телевизионных новостей от аналогичной передачи радио.

Таким образом, статус субъекта коммуникации, наличие фильтра «доверия и недоверия» к нему со стороны зрителя и определяют условия успешности иллокутивного и перлокутивного компонентов речевого акта сообщения в телерепортаже.

Особое место как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях занимает изучение эффекта «популярности» личности телеведущего. Одним из примеров подобного исследования может служить исследование М. Е. Фролова, проведенного на материале выступлений популярных ведущих телепрограмм новостей в различных телекомпаниях России [3].

В результате применения современного математического аппарата была выявлена «харизма» личности, интегрирующее качество, которое определяет способность стать популярным телеведущим. «Харизма» включает в себя пять независимых друг от друга характеристик: внешность, умение говорить от себя, профессиональные навыки или стиль поведения. Сочетание этих характеристик в различных вариантах определяет индивидуальный стиль коммуникативного поведения, каждый из которых может быть рекомендован как оптимальный для разного типа новостей.

Доверие к сообщению повышается по мере роста престижа и авторитетности источника информации. При этом эффект воздействия (реализация перлокутивного компонента речевого акта) «сообщения» усиливается, когда оно персонифицировано. В репортаже необязательно наличие вербально выраженной точки зрения журналиста, его личного отношения к явлению. Персонификация информации может проявляться через мнения, суждения отдельного человека или группы людей.

Любой речевой акт может быть охарактеризован с точки зрения взаимосвязи его основных компонентов: пропозиционального содержания,

намерения говорящего (иллокуции) и степени воздействия на адресат (перлокуция).

Телерепортаж является разновидностью публичного дискурса. Дискурс может рассматриваться как «система ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции говорящего» [4]. Система ограничений, которыми руководствуется репортер при планировании пропозиционального содержания речевого акта «сообщение» в телерепортаже, представлена правилами, составляющими журналистскую этику: информативности, точности, объективности и т.д. Эти правила являются конкретизацией постулатов кооперации Г. П. Грайса и принципов вежливости Дж. Лича, которые регулируют не только речевую деятельность тележурналиста, но и любой другой тип как речевой, так и неречевой деятельности [5; 6].

Как правило, именно в рамках данных ограничений журналист реализует свое коммуникативное намерение, иллокутивным компонентом которого является оказание воздействия на сознание и в связи с этим на поведение массовой аудитории.

В то же время, планируя стратегию выступления, тележурналист часто использует для достижения коммуникативной цели такие средства и приемы тактики речевого общения, которые противоречат правилам журналистской этики и речевого поведения вообще. Так, журналист нарушает «постулат качества» Г. П. Грайса, который гласит: «высказывание должно быть истинным» [5], сообщая информацию не из достоверных источников. Однако, в силу специфического характера телевидения как средства визуализированной информации, необъективность репортера при презентации телерепортажа часто не осознается зрителем, если источник речи не вызывает недоверия или настороженности. Иными словами, информация может быть ложной и вредной, но принятой в силу открытости для нее «шлюза доверия». И, наоборот, информация может быть абсолютно истинной и полезной и все-таки остаться непринятой, не пропущенной фильтром.

С точки зрения теории речевых актов и когнитивной психологии единство зрителя и тележурналиста предполагает следующие аспекты значения: когнитивный, аффективный, поведенческий и экологический.

Когнитивный и аффективный смысл содержания речевого акта «сообщение» в телерепортаже характеризуются особым типом взаимодействия иллокутивного и пропозиционального компонентов, которые не всегда совпадают. Когнитивное значение, придаваемое автором телевизионной ситуации взаимодействия; и аффективное значение, характери-

зующее ту эмоциональную атмосферу, которая создается сценарием передачи, могут и не осознаваться зрителем, но тем не менее они всегда определенным образом переживаются зрителем. Часто намерение репортера не согласуется с содержательной структурой телерепортажа, а характеризует некую особую ее атмосферу. Эта атмосфера тревоги, интереса или сопереживания и представляет собой аффективное и когнитивное значение, как бы заложенные по воле репортера, не совпадающие со смыслом происходящего на экране. Совсем другое дело – поведенческое значение. В отличие от когнитивного и аффективного, поведенческое значение служит формой выражения не всего целостного содержания телевизионной ситуации взаимодействия, а лишь специального, поведенческого ее аспекта. С целью реализации определенной коммуникативной цели репортер «материализирует» информацию, придает ей индивидуальный характер.

Поведенческий смысл представляет собой переживание зрителем коммуникативной стратегии журналиста, а также его невербальных проявлений в системе визуального ряда. Экологический смысл содержания речевого акта «сообщение» связан с умением журналиста ответить на вопрос: «Какая информация может заинтересовать зрителя?», то есть с содержательной стороной телерепортажа. Репортер в силу однонаправленного характера речевого акта «сообщение» в телерепортаже, устанавливает кому конкретно и как конкретно адресована телевизионная ситуация с тем, чтобы предполагаемые участники диалога смогли оказаться «внутри» этой ситуации, и в том числе – как бы внутри данного экологического окружения, то есть, чтобы телевизионная ситуация имела для зрителей экологический смысл «среды для диалога», «своей» обстановки и непринужденной эмоциональной атмосферы.

Для создания приятной эмоциональной атмосферы важную роль играет ориентация репортера на энциклопедическую и лингвистическую компетенцию зрителей, что помогает ему избежать коммуникативных неудач в диалоге «журналист-зритель». Эффективность иллокутивного и перлокутивного компонентов речевого акта «сообщение» в телерепортаже определяется временем звучания информационного сообщения. Иногда журналист нарушает один из постулатов кооперации Г. П. Грайса – постулат количества, который гласит: информации должно быть не больше и не меньше чем требуется [5], в результате чего репортер затягивает сообщение и не укладывается в рамки эфирного времени, что может служить причиной утомления аудитории и отказа ее от телевизионного контакта.

Таким образом, эффективность реализации иллокутивного и перлокутивного компонентов речевого акта «сообщение» в телевизионном репортаже предполагает учет всей совокупности экстралингвистических составляющих, поскольку именно они предопределяют композиционную структуру телевизионного сообщения и выбор языковых средств и приемов. Анализ взаимодействия пропозиционного, иллокутивного и перлокутивного компонентов речевого акта «сообщение» в телерепортаже был построен на идее о том, что целостная телевизионная среда предполагает единство автора и зрителя. Новостной телевизионный дискурс ориентирован на адресата, и его целью является одновременно информирование о событии и обеспечение адресату комфортного времяпрепровождения, что обеспечивает дистрактивный характер новостного дискурса. Языковое гурманство сегодняшнего телезрителя требует сопровождения новостного видеоряда словесной игрой, введением широкого регистра языковых средств. Судя по рейтингу теленовостей существует особый спрос на остроумие, экспрессивность, предельную свободу в ассоциациях и средствах их языкового воплощения именно в указанном телевизионном жанре, что и обуславливает его дифференциацию.

Библиографические ссылки

1. Austin J. L. How To Do Things With Words. Harvard University Press, 1975. 172 p.
2. Searle J. R. Expression and meaning. London : Cambridge University Press, 1979. 187 p.
3. Фролов М. Е. Телевизионный дискурс информационно-аналитических программ: на материале программ криминально-правовой тематики НТВ : дис. … канд. филол. наук : 10.01.10. Тверь, 2004. 203 л.
4. Формановская Н. И. Размышления о единицах общения. М. : 2000. 234 с.
5. Grice H. P. Logic and conversation. New York, 1975. 134 p.
6. Leech G. N. Principles of pragmatic. London, New York : Longman, 1983. 257 p.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И СРЕДСТВА ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДЕТЬМИ ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ГОДА

О. А. Лукина
Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Могилев, Беларусь
e-mail: sgd@institutemvd.by

В статье рассматриваются физические и психологические особенности детей от рождения до года, их способы общения с окружающими. Анализу подвергается так называемая «материнская речь». Изучаются коммуникативные и речевые

стратегии, тактики и средства эффективного взаимодействия с новорожденными для формирования в последующем творческой личности.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; коммуникативное средство; материнская речь.

COMMUNICATIVE STRATEGIES, TACTICS AND MEANS OF EFFECTIVE INTERACTION WITH CHILDREN FROM BIRTH TO ONE YEAR

O. A. Lukina
Mogilev institute of the Ministry of internal affairs of the Republic of Belarus
Mogilev, Belarus
e-mail: sgd@institutemvd.by

The article discusses the physical and psychological characteristics of children from birth to a year, their ways of communicating with others. The so-called “maternal speech” is subjected to analysis. We study communicative and speech strategies, tactics and means of effective interaction with newborns to form a creative personality in the future.

Key words: communicative strategy; communicative tactics; communication tool; maternal speech.

Как известно, в процессе любого общения осуществляется речевое воздействие коммуникантов друг на друга. Речевое воздействие как специфический феномен стало активно изучаться в XXI веке в связи с изменениями в социально-экономической жизнедеятельности людей. Перепроизводство товаров привело к появлению рекламы, где с помощью также и языковых средств идет манипулирование человеческим сознанием с целью продвижения продукта той или иной компании. Плюрализм и многообразие взглядов, демократизация общества приводят к необходимости использования речевого воздействия и в политике.

Выделяют два основных способа речевого воздействия на адресата: персуазивность и суггестивность.

Персуазивность обозначает воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыв к совершению или несовершению им определенных действий [1, с. 30]. Персуазивный коммуникативный процесс представлен различными ситуациями, в которых адресанты сознательно продуцируют сообщения, чтобы вызвать определенную реакцию адресата или повлиять на его оценки, убеждения.

Под суггестивностью понимается скрытое воздействие, в первую очередь словесное, воспринимаемое без критической оценки, принимаемое на веру, – внушение, наведение на мысли [там же, с. 30].

Мы, как участники коммуникации, можем контролировать его последствия на нас, если будем: 1) знать основные коммуникативные стратегии воздействия на адресата; 2) уметь анализировать тексты, связанные с воздействием на индивида, противостоять скрытому воздействию через язык; 3) владеть навыками самостоятельного формулирования высказываний, направленных на конструктивное речевое воздействие.

В настоящее время термин «коммуникативная стратегия» используется преимущественно в политическом и рекламном дискурсах. Коммуникативная стратегия предполагает целенаправленный процесс и обозначает «план по оптимальному воплощению определенного коммуникативного намерения отправителя сообщения» [там же, с. 90].

Следующий за коммуникативно-речевой стратегией уровень в системе коммуникации коммуникативно-речевая тактика – «более частное явление, конкретный коммуникативный ход, выступающий в качестве отдельного инструмента, реализации общей стратегии» [там же, с. 92]. Тактика всегда имеет набор типичных для ее реализации языковых средств различных уровней.

Следует также помнить, что адресат не пассивно воспринимает сообщение, а активно интерпретирует его и реализует свою стратегическую линию.

Наша задача – осуществлять общение с ребенком, учитывая его возрастные особенности, так, чтобы сформировать творческую, свободную, хорошо ориентирующуюся в современном мире личность. Для решения поставленной задачи мы будем использовать стратегии оценочного информирования [2] и позитивного отзеркаливания [3].

Детеныш человека рождается маленьким и беспомощным, что приводит к витальной необходимости в своем взрослом, который будет о нем заботиться. Существуют следующие средства общения новорожденного с родителями: 1) крик; 2) улыбка; 3) смех; 4) внешний вид младенца.

С помощью крика младенец привлекает внимание взрослого, заявляя о потребности в еде, безопасности. Ему может быть скучно. Его, возможно, нужно переодеть. Через какое-то время мама или другой взрослый, ее заменяющий, начинает различать эти разные оттенки крика. Чтобы за малышом было легче ухаживать, природой было задумано особое отношение взрослых к улыбке и смеху младенца: они умиляют, вызывают восторг.

Крик ребенка не является таким громким, как, например, звук канонады, рев машин или грохот музыки, но перечисленные звуки мы можем игнорировать или абстрагироваться от них. Крик младенца же включает

в нас заложенный природой инстинкт заботы, и мы, как бы утомлены ни были, встаем кормить малыша, переодевать и т.п.

Средствами общения родителей с ребенком до года можно назвать следующие: 1) постоянное присутствие матери (особенно до 6 месяцев); 2) теплые объятия; 3) молоко или другая еда (сколько хочешь и когда угодно); 4) внимание к его потребностям.

С трехмесячного возраста общение, обмен взглядами, улыбками, звуками, жестами становится важнейшим содержанием жизни младенца. Ребенку нужно повторять звуки, которые он воспроизводит. Это начало общения. Он тогда чувствует, что вы его понимаете. Нужно петь ему, смотреть в глаза. В этом возрасте недопустима критика ребенка. Так как главное желание малыша – понравиться родителям, а они являются для него демиургами, то у него появляется чувство вины.

Коммуникация в этом возрасте представляет своеобразный невербальный диалог: запрос ребенка (мне нужно!, мне страшно!) – ответ взрослого (я помогу!, я защищу!). Если на запрос в этом возрасте незамедлительно следует ответ, а потребность щедро и с радостью удовлетворяется родителями, ребенок освобождается от нее и становится в будущем самостоятельным.

Итак, природой задумано, чтобы мать в первые месяцы жизни почти не расставалась с ребенком и удовлетворяла его потребности, так как в это время формируется базовое доверие к миру. Как пишет Л. В. Петрановская, это «на самом деле очень короткое время, оно быстро пройдет и его потом не вернешь. Все может подождать; работа, друзья, хозяйство, все это никуда не денется, а для будущих отношений с ребенком это время бесценно» [3, с. 42]. Если у малыша не сформируется базовое доверие к миру, то в будущем любое несчастье в жизни он будет воспринимать как крах.

Особый стиль общения с младенцем принято называть *материнской речью*, и ее черты одинаковы для разных культур и народов. «Везде и всегда взрослые разговаривают с младенцами, повышая тембр голоса и растягивая гласные, используя много уменьшительно-ласкательных форм и утрированную интонацию, активно используя мимику и касаясь ребенка во время разговора» [там же, с. 42], – отмечает Л. В. Петрановская.

Интерес представляет и содержание материнского разговора: ссобеседнику, то есть младенцу, непрерывно сообщают, как его зовут, его половая принадлежность, во что он одет, чего хочет, какое у него настроение и т.п. Например, так: «*А кто у нас такой милый мальчик? А это Мишенька такой красивый, в такой пижаме синенькой. А что Мишенька*

*плачет? Мишенька куша*ть хочет. Мы сейчас Мишеньку покормим, и будет Мишенька улыбаться».

Более того, почти вся коммуникация в семье между взрослыми строится вокруг младенца.

Суть такого особого типа общения в постоянном сообщении родителями ребенку о нем самом, его потребностях и чувсвах, что дает младенцу уверенность в его существовании и его важности.

С шестимесячного возраста фазу существования сменяет фаза действия. Появляются первые запреты, необходимые малышу для установления границ. Однако следует помнить, что на каждое «нет» в этом возрасте ребенок должен слышать два «да», иначе включается режим самоуничтожения.

Важным является называние чувств и эмоций, которые испытывает малыш. Например, если мама уходит в магазин, а ребенок остается с бабушкой и печалится по этому поводу, нужно озвучить его эмоцию, сказать, что да, тебе грустно, потому что мамы какое-то время не будет. Часто же родителям хочется, чтобы ребенок испытывал только положительные эмоции, а от отрицательных они либо отвлекают его или ругают за них.

Таким образом, для осуществления эффективного речевого воздействия на адресата необходимо учитывать следующие особенности: 1) возраст адресата; 2) его физические и психологические особенности; 3) цель сообщения; 4) условия, в которых происходит коммуникация.

Ребенок от рождения до года – это особый возраст, задача которого – получить от взрослого уверенность в том, что «я существую, и это хорошо». От взрослых требуется безусловная любовь и принятие малыша. Поэтому вся коммуникация строится на положительном оценочном информировании новорожденного о нем самом. В качестве языковых средств используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, простые по структуре предложения, много повторений. Немаловажную роль в общении с малышом играет невербалика: интонация, тембр голоса, выражение лица взрослого.

Библиографические ссылки

1. Чернявская В. Е., Молодыченко Е. Н Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе : уч. для магистратуры. М. : ЛЕНАНД, 2017. 176 с.
2. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2003. 23 с.
3. Петрановская Л. В. Тайная опора: привязанность в жизни. М. : АСТ, 2018. 288 с.

«ЭМАНСИПАЦИЯ ОТ ЭМАНСИПАЦИИ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАГРАДЫ „*EHRENKREUZ DER DEUTSCHEN MUTTER*“ В ОБИХОДНОМ ДИСКУРСЕ В ПЕРИОД ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Я. А. Манукян
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, Санкт-Петербург
e-mail: manukyanyanis@rambler.ru

В статье рассматривается репрезентация награды „*Ehrenkreuz der deutschen Mutter*“ в обиходном дискурсе в период Третьего рейха. С учетом эпистемологических особенностей Германии указанного периода в работе выявлены и описаны экстралингвистические условия, под воздействием которых переосмысление награды обретает характерные стилевые черты.

Ключевые слова: Третий рейх; Почётный крест немецкой матери; гендерная политика; идеология; обиходный дискурс; ирония.

“EMANCIPATION FROM EMANCIPATION”: THE REPRESENTATION OF THE AWARD “*CROSS OF HONOUR OF THE GERMAN MOTHER*” IN COLLOQUIAL DISCOURSE DURING THE THIRD REICH

Y. A. Manukyan
Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
e-mail: manukyanyanis@rambler.ru

The article studies the representation of the award “Cross of Honour of the German Mother” in colloquial discourse during the Third Reich. Taking into account epistemological peculiarities of Germany of the period stated above, we found out and described extra linguistic circumstances which influenced the reconsidering of the stylistic features of the award.

Key words: the Third Reich; the Cross of Honor of the German Mother; gender politics; ideology; everyday discourse; irony.

В рамках настоящей работы мы бы хотели сосредоточиться на аспекте, который пока не изучался, а именно: репрезентация награды „*Ehrenkreuz der deutschen Mutter*“ (Почётный крест немецкой матери) в обиходном дискурсе в период Третьего рейха. Цель исследования – выявление и описание экстралингвистических условий, под воздействием которых языковая репрезентация награды обретает характерные стилевые черты. Описание этих черт позволяет выявить и проанализировать некоторые социокультурные особенности сознания и речевого поведения имплицитного создателя лексем в период национал-социализма, а также дополняет языковую и культурную картину мира рядового немца в ее со-

пряжении с эпистемологическими особенностями Германии в указанный период.

В работе используются элементы лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа.

Фактологическим материалом исследования послужили словари: [1, 1963; 2, 1967].

Во имя построения «нового мира» нацизм выступил со множеством идеологических концептов, одним из которых был концепт „*Mutterschaft*“ («*Материнство*») с его особой когнитивной оценкой роли женщины, вербализированной в формуле Гитлера как „*Schlachtfeld der Frau*“ («*Поле битвы женщины*») [3], и используемый в дискурсивной идеологической практике Третьего рейха как инструмент легитимации и конституирования нового идеала женщины и семьи.

Среди основных причин антифеминистских дискурсивных практик нацизма можно выделить: гендерный состав НСДАП; неприятие процессов модернизации, политического «романтизма» Веймарского государства и либеральной формы правления в целом; падение рождаемости; за счет проводимой гендерной политики решалась проблема снижения массовой безработицы.

С целью идеологизации и мифологизации общественного сознания в Германии была развернута масштабная кампания, призывавшая способных к деторождению женщин включиться в «битву за рождаемость».

В работе «Майн кампф» Гитлер подчеркивал, что полезность женщины для «народного (арийского) государства» заключается в ее способности производить детей. Идеалом женщины, утверждал он, является «не добродетельная старая дева, а "бабы", которые в состоянии вновь и вновь давать миру мужчин», для чего при воспитании девочек необходимо формировать у них «стремление неизбежно стать матерью». Устремляя взор в будущее, Гитлер предрекал, что создаваемое НСДАП государство будет мужским, женщина в нем – «спутница» или мать воина. Фюрер также предлагал присваивать новорожденным девочкам только статус «принадлежащих государству» и лишь после замужества наделять их полноправным гражданством [4, с. 49].

В этой сознательно выстроенной модели гендерных отношений мужчина и женщина выступали в качестве представителей двух взаимодополняющих миров, доминируя каждый в своей «вотчине». При этом мир мужчин являлся более масштабным – государство, борьба, готовность к служению обществу, мир женщин ограничивался мужем, детьми, домом [5, с. 63].

Для повышения социального престижа статуса матери-домохозяйки и стимулирования рождаемости проводимая демографическая политика поощрялась не только материально, но и морально. В 1938 г. Гитлер подписал указ об учреждении Почетного креста немецкой матери.

Подобно военным орденам награда имела три степени: бронзовый крест вручался за рождение 4-5 детей, серебряный крест – за рождение 6-7 детей, а золотой – за рождение 8 и более детей. Для получения награды родители должны были быть чистокровными немцами, и мать должна была быть действительно достойной получения такой награды [3]. Надпись на оборотной стороне награды гласила: «Дитя облагораживает мать». Женщинам, удостоенным Почетного креста немецкой матери, выдавалось удостоверение с надписью: «самое прекрасное слово в мире – мать». Предъявление удостоверения обеспечивало сидячее место в общественном транспорте, почет и уважение. Молодежь приветствовала носительниц креста гитлеровским приветствием [6, с. 354].

Соотнесем сказанное с лексемами, появившимися в обиходном дискурсе с учреждением Почётного креста немецкой матери.

В чествовании матерей, исполнивших свой исторический и моральный долг перед отечеством, принимали участие представители нацистской партии, прессы, женских и молодежных организаций. Согласно замыслу министерства пропаганды, «женщины должны были занять в народе такое же почетное место, как и фронтовые солдаты» [6, с. 353]. Вручение награды было стилизовано под церемонию награждения военными орденами мужчин, вследствие чего Почётный крест немецкой матери в золоте стали шутливо-иронически сравнивать с прусским орденом „*Pour le Merite*“ («За заслуги») – *Damenpourlemerite* («За дамские заслуги»). Отмечено: в коммуникативном узусе военных в период 1914-1918 гг. орден „Pour le Merite“ уважительно называли *blauer Max*, где *blau* – синяя эмаль ордена, а имя собственное *Max* указывает на Макса Иммельмана, одного из лучших военных летчиков в истории авиации. Престиж ордена „Pour le Merite“ уже иллюстрирует тот факт, что лексема *blauer Max* лишена какой-либо оценочности, что не характерно для корпоративных жаргонов. Подобное сравнение с высоким мужским орденом якобы должно было вызывать у реципиента уважение как к Кресту немецкой матери, так и к самой обладательнице награды.

Возникает вопрос: все ли были согласны с моделью социального поведения, которую предлагала гендерная политика Рейха? Безусловно, нет. Полагаем, провозглашенный нацизмом культ матери, а в действительности – популяционная политика, продиктованная экономическими и государственными соображениями и эксплуатирующая природные воз-

можности женщин, не могли не вызывать в сознании некоторой части населения Германии опосредованных коннотаций с «театральным действом», или «карнавальным» началом, что, например, и нашло свое отражение в лексеме *Babykonjunkturorden* («За детскую конъюнктуру»).

Новые ценности режима иллюстрирует и лексема *Krampfadernorden* («За варикозное расширение вен», с подтекстом на варикозное расширение вен у женщин во время или после беременности).

Намек на вмешательство государства в самые интимные сферы человеческого бытия, как и низведение женского к биологическому для разрешения социально-политических задач Рейха (ср. с рассуждениями Гитлера о полезности/неполезности женщин, приведенными выше) прослеживается в лексемах *Fickorden, Fleischherstellungsprämie* («За занятие сексом»).

Движение вниз по лестнице подмен сохраняется и в лексемах *Karnickelorden* («За плодовитость», дословно: кроличий помет), *Zuchtsauorden* (*Zuchtsau* – племенная свиноматка), *Wurfprämie* («За приплод», *Wurf* – помёт, выводок, приплод).

Обратим внимание: в приведенных лексемах, как правило, переосмыслению подвергается не столько сам орден, сколько образ женщины, матери, что полагаем, можно интерпретировать как влияние и воздействие господствующей агрессивной, мужской картины мира на сознание рядового немца. Как следствие, деформация представлений о феминности, процесс опредмечивания женщины, сведение ее в «чрево нации», в «детородящую машину».

В свете данной позиции приведем цитату Э. Ю. Россман. Проанализировав визуальные образы в подборке немецких национал-социалистических женских журналов NS-Frauen-Warte, исследовательница приходит к выводу, что особенностью «эстетики феминного» в нацистском официальном дискурсе являлся ее изначальный андроцентризм: «…несмотря на попытки популяризировать концепцию разделения полов и “природного” различия ролей мужчин и женщин в обществе, в пропаганде не создается никакой специальной “женской” эстетики или эстетики “приватной сферы”. Скорее эта сфера оказывается в тени идеи о мужском, милитаризированном героическом теле как главном элементе всей идеологической системы, основном акторе общественной жизни и главном герое немецкой истории» [7, с. 125].

Таким образом, репрезентация награды „*Ehrenkreuz der deutschen Mutter*“ в рамках модуса «*идеология – дискурс – субъект*» фиксирует в языке влияние агрессивной государственной идеологии в сфере биополитики, выявляя деконструкцию феминного.

Библиографические ссылки

1. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 10000 neue Ausdrücke von A-Z. Bd. 2. Hamburg: Claassen Verlag, 1967. 324 S.
2. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 10000 neue Ausdrücke von A-Z: (Sachschelten). Bd. 5. Hamburg: Claassen Verlag, 1967. 377 S.
3. Das Schlachtfeld der Frau [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dhm.de/archiv/ausstellungen/bildberichterstatterin/schlachtfeld.htm (дата обращения: 01.09.2019).
4. Супрыгина Г. Г. Культ матери в третьем рейхе, его смыслы и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 49-55.
5. Паламарчук Е. А., Подольников В. П. Статус замужней женщины в Нацистской Германии (1933-1939) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 2. С. 62-70.
6. Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб. : Нева, 2004. 480 с.
7. Россман Э. Ю. Женщины и женское в эстетике Третьего рейха: анализ подборки журналов NS-Frauen-Warte за 1941 год // Социология власти. 2018. Т. 30. №1. С. 125-143.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ТЕКСТАХ РУССКИХ РОМАНСОВ XIX–XX ВВ.

Е. В. Михайлова
Белорусская государственная академия музыки
Минск, Беларусь
e-mail: ev2mikhailova@mail.ru

В статье анализируются реализации музыкально-поэтического дискурса в текстах русских романсов XIX–XX вв. Данный дискурс проявляется, во-первых, благодаря выражению концепта «музыка» в поэтических текстах, во-вторых, из-за того, что романсы являются музыкально-поэтическими произведениями, их функционирование обеспечивается композиторами, поэтами и исполнителями, а их особенности во многом объясняются их предназначением для исполнения со сцены.

Ключевые слова: музыкально-поэтический дискурс; концепт «музыка»; музыкально-поэтические произведения; романс; вокальное исполнение.

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF MUSICAL AND POETIC DISCOURSE IN THE TEXTS OF RUSSIAN ROMANTIC SONGS OF THE 19TH–20TH CENTURIES

E. V. Mikhailova
Belarusian state academy of music
Minsk, Belarus
e-mail: ev2mikhailova@mail.ru

The article analyzes the implementation of musical and poetic discourse in the texts of Russian romantic songs of the 19th – 20th centuries. This discourse is expressed, firstly, due to the expression of the concept of music in poetic texts; secondly, due to the fact that romantic songs are musical and poetic works, their functioning is provided by composers, poets and performers, and their features are largely explained by the purpose for their performance on the stage.

Key words: musical and poetic discourse; concept of music; musical and poetic works; Russian romantic song; vocal performance.

Взаимоотношения поэзии и музыки – проблема, которой занимались многие ученые: интерес к ней возник очень давно, поскольку формы синтеза данных искусств исторически изменчивы, а в механизме их соединения многое остается неясным [1, с. 3]. Рассматриваемые виды искусства дополняют друг друга, помогают открывать в каждом из них еще неизученное. При взаимодействии музыки и поэзии совместно работают и соответствующие дискурсы – музыкальный и поэтический, что очень актуально в современной науке: «Продуктивность синтеза разных дискурсов в полной мере проясняется в решении значимых для современного человечества проблем, когда разные методики работают по принципу комплементарности…» [2, с. 14].

Существуют разные формы взаимодействия поэзии и музыки: синтез (внешнее единство), внутреннее единство. Предпосылками для внутреннего единства данных видов искусства являются лиричность, выражение эмоций и чувств, огромный эстетический потенциал, общность жанров и форм, обращение к внутреннему миру человека, ритм, подобие идейного содержания и т.д.

Музыкально-поэтический дискурс – запечатленные в ритмических, мелодических, фактурных, полифонических, гармонических средствах музыкального языка и в фонетических, лексических, грамматических и образных средствах поэтического языка результаты отражения, преобразования и эстетической оценки объективной реальности, связанной с музыкой – неизобразительным, временны́м исполнительским искусством, выражающим эмоции, чувства и эмоциональные состояния при помощи изменения различных характеристик звучания. Особенности данного типа дискурса описаны О. И. Максименко и В. В. Подрядовой [3] и др.

Музыкально-поэтический дискурс проявляется в следующих ситуациях: 1) в случае единства музыки и поэзии; 2) при выражении концепта «музыка» в стихотворениях на любые темы; 3) в стихах на музыкальные темы; 4) в музыкально-поэтических произведениях. Стихи о музыке могут быть следующими: 1) описывающими музыку во всех формах ее су-

ществования – сочинение, исполнение и восприятие музыки; 2) соотносящимися с музыкой в плане авторских размышлений.

Концепт «музыка» является главным стимулом порождения музыкально-поэтического текста и, следовательно, дискурсообразующим концептом, он актуализирует новые дискурсивные смыслы. «Музыка» – концепт культуры и эмоциональный концепт. Он связан с концептами «поэзия», «эмоции», «чувства».

Романс – это музыкально-поэтическое произведение. Он возник на основе народно-песенной культуры. Идейное содержание в нем «…передается как средствами языка поэзии, так и средствами музыки. Это содержание является очень сложным, включающим в себя концептуальные, социально-философские, национально-культурные и другие идеи, эксплицированные при помощи выразительных возможностей двух искусств» [4, с. 59–60]. Этот жанр характеризуется «…комплексом таких жанрообразующих средств, как вопросительные и отрицательные конструкции, императивы, обращения, слова, называющие и выражающие эмоции» [5, с. 4]. Романс имеет огромные ресурсы для выражения эмоций и чувств., передачи эмоциональных состояний.

Тексты русских романсов разнообразны по тематике: 1) историческая тема (С. Аксаков «Уральский казак (*Истинное происшествие*)» [6, с. 5–6] и др.), 2) тема любви и измены (А. Аммосов «Элегия» [там же, с. 7–9], П. Горохов «Изменница» [там же, с. 53–54] и др.), 3) тема дороги (Н. Анордист «Тройка» [там же, с. 10–11], Ф. Глинка «Сон русского на чужбине» [там же, с. 39–40] и др.), 5) тема утраченной любви (П. Баторин «У камина» [там же, с. 12], Б. Борисов «Я помню день! Ах, это было счастье!» [там же, с. 24], Н. Венгерская «Люблю» [там же, с. 27], П. Герман «Не надо встреч» [там же, с. 32] и др.), 6) тема природы (В. Башкин «Сосны» [там же, с. 13], А. Голенищев-Кутузов «Над озером» [там же, с. 42] и др.), 7) тема женского образа (А. Блок «Зимний ветер играет с терновником…» [там же, с. 14], «В голубой далекой спаленке…» [там же, с. 14–15], «Не спят, не помнят, не торгуют…» [там же, с. 15–16] и др.), 8) тема социально-политических преобразований в обществе («В. Богораз-Тан «Цусима» [там же, с. 19–21], «Предсмертная песня» [там же, с. 22–23], Г. Галина «Бур и его сыновья» [там же, с. 30–31], А. Голенищев-Кутузов «Забытый» [там же, с. 48–49] и др.), 9) тема социального неравенства, несправедливости, отсутствия свободы (В. Брюсов «Каменщик» [там же, с. 25], И. Веттер «Иртыш» [там же, с. 28–29], Ф. Глинка «Песнь узника» [там же, с. 36–37] и др.), 10) тема одиночества женщины (Д. Глебов «Скучно, матушка, мне сердцем жить одной…» [там же, с. 35] и др.)

и др. Данные темы являются эмоционально насыщенными, ориентированными в большей степени на минорную тональность.

Музыкально-поэтический дискурс формируется в русских романсах XIX–XX вв., во-первых, благодаря реализации концепта «музыка» в текстах. Он эксплицируется уже в названиях романсов: А. Аммосов «Элегия» [там же, с. 7–9], А. Блок «Ты – как отзвук забытого гимна…» [там же, с. 17–18], В. Богораз-Тан «Предсмертная песня» [6, с. 22–23], Ф. Глинка «Песнь узника» [там же, с. 36–37], А. Голенищев-Кутузов «Трепак» [там же, с. 42–44], «Серенада» [там же, с. 46–47], Е. Гребенка «Песня» [там же, с. 57–58] и др. Данный дискурс проявляется (прямо и метафорически) при описании звона («*Вечерний звон помалу длится…*» – Н. Анордист [там же, с. 10] и др.), музыкальных инструментов («*И твоя одичалая прелесть – // Как гитара, как бубен весны!*» – А. Блок [там же, с. 17] и др.), музыкальных жанров («*Ты – как отзвук забытого гимна // В моей черной и дикой судьбе*» – А. Блок [там же, с. 17] и др.) и др. Используются слова из семантического поля ‘музыка’ в прямом значении («*Я на дудочке играю, // Чьи-то души веселя*» – В. Брюсов [там же, с. 26] и др.), метафоры («*И на нежный зов свирели, // Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля, // Выйду, словно к светлой цели, // Через сад, через поля*» – В. Брюсов [там же, с. 26] и др.), метонимии («*Дивный голос твой, низкий и странный, // Славит бурю цыганских страстей*» – А. Блок [там же, с. 18] и др.), сравнения («*Не жалею, не зову, не плачу, // Все пройдет, как с белых яблонь дым*» – С. Есенин [Там же, с 85] и др.), эпитеты («*Жизнь моя? иль ты приснилась мне? // Словно я весенней гулкой ранью // Проскакал на розовом коне*» – С. Есенин [там же, с. 85] и др.) и др.

Наиболее семантически сложным глаголом в рамках музыкально-поэтического дискурса является глагол *петь* (и его дериваты): он имеет значение интеллектуальной деятельности ([ямщик] «И он запел про *ясны очи*, // Про очи девицы-души…» – Ф. Глинка [там же, с. 40] и др.), значение передачи информации, выраженное одновременно с наличием прямого дополнения («*Мечта мне что-то напевала…*» – Ф. Глинка [там же, с. 39] и др.), он может сочетаться с прямым дополнением («*А бедный узник в каземате – // Все ту же песню запевал!..*» – Ф. Глинка [там же, с. 37] и др.) и др. Другие глаголы музыкальной деятельности (*играть*, *плясать* и др.) имеют менее обширное семантическое поле, чем данный глагол.

Во-вторых, не менее важной, чем поэтическая, в музыкально-поэтическом дискурсе является музыкальная часть – это черты поэтических произведений, сближающие их с музыкой. В романсе «Русская песня» [там же, с. 71–72] А. Дельвиг воспроизводит особенности фольклор-

ных произведений, предназначенных для вокального исполнения (междометия, обращения, повторы, восклицания, вопросы и др.): «*Ах ты, ночь ли, // Ноченька! // Ах ты, ночь ли // Бурная! // Отчего ты // С вечера // До глубокой // Полночи // Не блистаешь // Звездами, // Не сияешь // Месяцем? // Все темнеешь // Тучами?*» [Там же, с. 71]. В его романсе «Русская песня» [Там же, с. 75–76] наблюдается параллелизм между миром людей и миром природы: «*Пела, пела пташечка // И затихла; // Знало сердце радости // И забыло. // Что, певунья пташечка, // Замолчала? // Как ты, сердце, сведалось // С черным горем?*» [там же, с. 75]. Музыкальному воплощению произведений А. Дельвига способствуют ассонансы и аллитерации: «*Соловей мой, соловей, // Голосистый соловей! // Ты куда, куда летишь, // Где всю ночку пропоешь?*» [там же, с. 76], «*Сиротинушка девушка, // Полюби меня, молодца, // Полюбя, приголубливай, // Мои кудри расчесывай. // Хорошо цветку на поле, // Любо пташечке на небе…*» [там же, с. 77]. Данные особенности очень важны для вокального исполнения романсов, их акцентирование при пении поможет вокалисту ярче передать эмоции и чувства.

Таким образом, особенностями реализации музыкально-поэтического дискурса в текстах русских романсов XIX–XX вв., в которых рассказывается о разных сторонах жизни, являются: описания различных проявлений музыкального искусства, доминирование семантики вокальной деятельности, использование средств поэтической и музыкальной выразительности и др.

Библиографические ссылки

1. Фрумкин В. От составителя // Поэзия и музыка: сб. ст. и исследований / Союз композиторов РСФСР, Ленингр. орг-ция, Секция музыковедения и критики; сост. В. А. Фрумкин; ред. колл. : В. А. Васина-Гроссман [и др.]. М., 1973. С. 3–4.

2. Барковская А. В. Художественный дискурс как субъект диалога культур // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы V Міжнар. навук. канф., прысвеч. 80-годдзю Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 16–18 кастр. 2001 г.: у 3 ч. / Беларус. дзярж. ун-т, Філал. фак. Ч. 2: Теоретические проблемы литературоведения. Мировая литература: проблемы взаимодействия и взаимосвязи / рэдкал.: С. Я. Ганчарова-Грабоўская [і інш.]. Мінск, 2001. С. 11–20.

3. Максименко О. И., Подрядова В. В. Поликодовый музыкальный поэтический дискурс // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 4. С. 27–37.

4. Михайлова Е. В. Социально-философские идеи музыкально-поэтических произведений (романсов на стихи Н. Гумилева) // II Междунар. науч. симпозиум «Русская словесность в поисках национальной идеи»: [материалы], Москва – Волгоград, 5–7 июля 2010 г. / ФГОУ ВПО «Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ», ФГОУ ВПО «Волгогр. акад. гос. службы»; сост. и общ. ред. А. Н. Долгенко. М., 2010. С. 59–66.

5. Хорошко Е. Ю. Лингвостилистические особенности русского романса: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Белгород. гос. ун-т. Белгород, 2004. 22 с.
6. Шедевры русского романса. Минск: Харвест, 2005. 384 с.

ОЦЕНОЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ВЕРБАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

А. И. Приходько
Запорожский национальный университет
Запорожье, Украина
e-mail: anna.prikhodko.55@gmail.com

Статья посвящена месту оценки в вербальной деятельности людей. Речевая деятельность является органической, неотъемлемой частью общей деятельности человека. Подчеркивается, что категория оценки играет важную роль в формировании высказывания, поскольку она когнитивна по своей природе.

Ключевые слова: оценочность; речь; речевая деятельность; когнитивный.

EVALUATION IN THE SYSTEM OF HUMAN BEING'S VERBAL ACTIVITY

A. I. Prihodko
Zaporizhzhia National University
Zaporizhzhia, Ukraine
e-mail: anna.prikhodko.55@gmail.com

This article is devoted to the place of evaluation in the verbal activity of people. Speech activity is an organic, and integral part of the general human's activity. It is emphasized that the category of evaluation plays very important role in the formation of utterances because of its cognitive character.

Key words: evaluation; speech; verbal activity; cognitive.

В современной лингвистике общепризнанным является тот факт, что языковая коммуникация, то есть общение между людьми в обществе, совершается не с помощью отдельных изолированных единиц, а в форме целых высказываний, начиная от предложений и заканчивая текстом.

В связи с этим становится вполне понятным, почему в языкознании все больше места отводится теории речевой деятельности, предметом которой является анализ именно тех факторов коммуникации, которые коренятся в социальном взаимодействии людей и общении как одной из его сторон.

Речевая деятельность – одно из важнейших условий жизнедеятельности человека. Речь – это употребление языка, его функционирование. Интерес лингвистов к тому, что мы делаем со словами, – это интерес к нашей способности понимать речь и использовать язык для выражения

нашего отношения к миру, к носителям языка, к нашей способности выразить себя посредством языка и воздействовать на других [1, с. 18; 2, с. 3; 3; 4].

Речевая деятельность человека является органической, неотъемлемой частью его общей деятельности. Поэтому речевые процессы должны изучаться не изолированно, а в зависимости от условий и обстановки, в которой протекает речи. Именно благодаря этому теория речевой деятельности должна входить в общую теорию человеческой деятельности, а не быть ее приложением.

Традиция исследования речевой активности человека в контексте деятельности нашла свое теоретическое осмысление, в частности, в работах А. А. Леонтьева, С. Д. Кацнельсона, которые понимали ее, прежде всего как речемыслительную [5; 6]. Позднее такое видение феномена вербальной деятельности закрепилось как главный постулат когнитивного направления в лингвистике [7, с. 206-225]. Подобное понимание речевой деятельности обязательно соединено с феноменом мотивации как первоисточником поведения личности.

В современном языкознании мотив рассматривается в контексте психологических концепций и формулируется соответственно как то, “что побуждает человека к осуществлению действий и поступков и направляет его речевую деятельность” [8, с. 11].

Выяснение мотивов является вкладом в понимание конкретных интенций субъекта деятельности. Человек всегда должен знать, что он делает и зачем. То, что тот или другой индивид имеет в виду, если он что-то делает, и является целью деятельности.

Всякая деятельность связана с некоторой целью, и ясно, что признак целенаправленности характеризует и речевую деятельность как совершаемую постоянно ради достижения определенных целей. Функция языковых средств, с помощью которых говорящий выражает цель, не обязательно привязана к ней. И все же языковые средства и неязыковая цель не могут быть полностью независимы друг от друга: они находятся между собою в диалектических отношениях содержания и формы. Интенции образуют смысл речевого действия, так как участники общения выводят их именно на основании тех средств, которые избирает говорящий для объявления своих намерений.

Речевые интенции будут только тогда успешно реализованы, если они осуществляются с помощью таких языковых средств, которые являются оптимальными для удовлетворения взаимных ожиданий коммуникантов. Намерения говорящего лучше всего передаются конвенционализованными средствами.

Интенция и конвенция являются факторами, взаимно дополняющими друг друга. Комплиментарные отношения между ними отвечают как функциональному характеру высказывания, так и роли мотивов при их осуществлении.

Речь вполне естественно пронизывает жизнь человека и существует как неотъемлемая часть его многочисленных проявлений; как деятельность она нередко подчинена деятельности более высокого порядка и может рассматриваться относительно последней как исполнительная.

Кроме целенаправленности, речевая деятельность характеризуется еще целым рядом специфических признаков. Ей присущи контекстуализованность, связь с мышлением, интерсубъективность, воздейственность, включенность в другую форму деятельности, структурированность. Все эти свойства речи как специфической формы деятельности делают ее отличной как от языка, так и от речевого материала.

Анализируя речевую деятельность как непосредственно исходящую от человека и совершаемую для него, невозможно обойтись без учета человеческого фактора. Механизмы речи существуют в человеке и используются им, приводятся в движение самим говорящим.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, «выступая как отработанные тысячелетиями употребления языка в его всевозможных функциях, отражая практику использования языка миллиардами говорящих, механизмы речи по-прежнему представляют собой действия и операции, приводимые в движение волей и разумом говорящих людей и потому зависящие от их индивидуальных способностей» [1, с. 10].

По справедливому утверждению некоторых ученых, онтологическая природа речевого общения имеет двойственный характер, который обусловлен тем, что общение детерминировано факторами двух родов – внутренними (психофизиологическими) и внешними (социальными).

А учитывая то, что психическая природа оценивания определяется учеными как врожденность оценочного смысла, который фиксирует выделение в психической сфере лица положительных и отрицательных эмоций [9, с. 67], становится понятным, почему вопросы теории речевой деятельности всегда интересовали и до сих пор интересуют отечественных и зарубежных исследователей языка, причем прежде всего психолингвистов.

Постоянное стремление лингвистики к изучению содержательной, семантической стороны языка одно время было возрождено в дискуссиях о глубинных и поверхностных структурах [10; 11].

В отечественной и зарубежной психолингвистике последних десятилетий появились работы, в которых прослеживается более адекватное

изучение речи, а именно: становление языковой способности носителя того или иного языка, поскольку сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что социальная история индивидуума, цели и мотивы его деятельности предопределяют характеристики его речи (как процесса, так и результата) [12; 13].

Необходимость изучении языка в процессе его функционирования, то есть как феномена коммуникации [14] (поскольку только такое изучение позволяет проанализировать изменения, вызванные изменением оценочной установки, а также взаимовлияния, которые предусматривают отношения между говорящим и слушающим), прослеживается как один из главных постулатов почти во всех психолингвистических теориях.

При этом подчеркивается, что в анализе речевой деятельности нужно исходить из того, что основной ее компонент – паралингвистический, так как он обеспечивает мотивационный момент, момент интенции, антиципацию содержания, изменение семантического плана и плана выражения, оценку ситуативных условий общения, личностных особенностей партнера, – осмысление всего, что делается собственно в тексте и вне его, а также использовать методологические схемы анализа коммуникации [15, с. 50], выработанные в теории информации.

Речевая деятельность человека состоит не только в осуществлении зарисовок определенной картины мира, но и в маркировании своего знания по эпистемической шкале «знаю» – «думаю» – «не знаю».

В ракурсе когнитивной лингвистики квалификативные явления возникают не только как матрица трансфера пропозитивной информации, но и как эпистемично-модальный каркас, в котором помещаются оценочно-верификационные сигналы относительно эвидентного качества этой информации (достоверность / недостоверность, истинность / ошибочность, понимание / непонимание, вера, осознание и т.п.).

Имплицитные и эксплицитные импульсы эпистемично-модального порядка имманентно присущи оценке, они являются ее постоянными рациональными спутниками.

Речь обслуживает общение как минимум двух коммуникантов, находясь под постоянным контролем. Считается, что она постоянно подвержена влиянию этических правил, пожалуй, наиболее жестких и устойчивых среди социальных ограничений.

Таким образом, речевые действия и операции подвергаются жесткому социальному контролю. Речь как вид человеческой деятельности постоянно ориентирована на выполнение определенной коммуникативной задачи. Всякое речевое общение, речевое взаимодействие протекает

в форме обмена высказываниями, где говорящий всегда учитывает присутствие собеседника и его оценивающее восприятие.

Библиографические ссылки

1. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М. : Наука, 1986. 158 с.
2. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев : Вища школа, 1986. 116 с.
3. Austin J. L. How to Do Things with Words. Stuttgart: Philipp Reclam, 1994. 218 p.
4. Dasca, M. On the Pragmatic Structure of Conversation // Searle J. R. et. al., eds. 1990. P. 35–56.
5. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : ЛО Наука, 1972. 216 с.
6. Леонтьев А. А. Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // Теория речевой деятельности. М. : Наука, 1969. С. 14–36.
7. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.
8. Ейгер Г. В., Шевченко И. С. Мотивационный потенциал речевых актов // Вісник ХНУ. 2000. № 500. С. 10–17.
9. Маркелова Т. В. Оценочные высказывания с предикатами «любить» и «нравиться» // Филологические науки. 1997. № 5. С. 66–75.
10. Chomsky N. The Current Scene in Linguistics: Present Directions // Landmarks of American Language and Linguistics. 1993. Vol. 1. P. 253–261.
11. Postal P. M. On Raising. Cambridge, 1974.
12. Шахнарович А. М. Онтогенез языкового сознания: развитие познания и коммуникации // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : Наука. 1993. С. 76–85.
13. Miller G. A. Linguists, Psychologists, and the Cognitive Science // Language. 1990. Vol. 66, № 2. P. 317–322.
14. Slama-Cazacu, T. Psycholinguistics and Linguistics: Old Relationships and Promising Prospects / T. Slama-Cazacu // Proc. of the XIIIth International Congress of Linguistics. – Tokyo, 1983. – P. 305–316.
15. Osgood Ch. E., Sebeok Th. A. Psycholinguistics: A Survey of Theory and Research Problems. Bloomington, London : Indiana Univ. Press, 1965. 307 p.

ФАКТУАЛИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ КАК МЕДИАЭФФЕКТ

Н. А. Пром
Волгоградский государственный технический университет
Волгоград, Россия
e-mail: natalyprom77@mail.ru

В статье рассматривается фактуализация реальности в свете специфики медиадискурса. Способность факта вызывать реакции адресатов без учета тормозя-

щих тенденций является его эффективным потенциалом. Соответственно, та часть медиареальности, которая прошла отбор сознанием аудитории и интегрировалась в картину мира ее индивидов, составляет реальный медиаэффект.

Ключевые слова: медиадискурс; медиафакт; фактуализация реальности; эффективный потенциал; фактор адресата.

FACTUALIZED REALITY AS MEDIA EFFECT

N. A. Prom
Volgograd State Technical University
Volgograd, Russia
e-mail: natalyprom77@mail.ru

The article considers the actualization of reality in the light of the media discourse. The fact's ability to provoke reactions of addressees without taking into account inhibitory trends is its effective potential. Accordingly, the part of media reality that was selected by the audience's consciousness and integrated into the worldview of individuals makes up the real media effect.

Key words: media discourse; media fact; factualization of reality; effective potential; addressee factor.

Фактуализация реальности как когнитивная система, призванная адаптировать имеющуюся субъективную реальность человека к меняющейся объективной реальности, обеспечивая тем самым когнитивный переход фактов объективной реальности в сознание человека, представляет собой один из главных эффектов факта, опосредуя события действительности и реакцию общественности на него. Фактуализация обеспечивает осознание новой реальности и учет ее особенностей в последующих действиях индивида [1]. Она прослеживается в любом дискурсе при условии учета обстоятельств коммуникации. В медиадискурсе таким обстоятельством выступает медийность, в судебном дискурсе – соблюдение процедур, в педагогическом – процесс обучения и пр., одним словом, это условия, при которых происходит передача сообщения от адресанта адресату. Для медиадискурса важны прямая и косвенная реактивность на появление медиафакта как манифестация ее воздействия. В социологии довольно подробно изучены и описаны эффекты массовой коммуникации, разработана и систематизирована их типология [см.: 2, с. 336-337]. Вместе с тем реальные эффекты медиафакта являются онтологизацией его потенциала.

Термин *эффективный потенциал* изначально предложен К. Халлом в квантовой теории поля и используется в психологии как потенциал реакции минус любые тормозящие тенденции [3]. Подразумевается, что каждое действие, поступок, слово вызывает определенную реакцию, которая представляет собой его эффект. Эффективным потенциалом факта

мы будем называть его способность вызывать реакции в медиа на его появление без учета тормозящих тенденций. Данное понимание позволяет рассматривать эффективный потенциал как неотъемлемое свойство любого языкового выражения. Нашу задачу мы видим в обосновании релевантности данного феномена для лингвистики, а также в том, чтобы наметить направления для разработки критериев эффективного потенциала в медиадискурсе.

Основой нашего исследования послужила теория А. Ф. Лосева о языке как диалектической системе элементов, в которой всякое слово обладает смысловым зарядом, не сводимым к сумме отдельных его функций, а наоборот лежащих в их основе и является их жизненной силой. Это не физический заряд, но «коммуникативно-смысловой, и физические размеры его возможных действий часто даже нельзя представить» [4, с. 15]. В лингвистике эта идея реализована в понятиях «валентность» (Ю. Д. Апресян, 1974; С. Д. Канцельсон, 1984; Б. М. Лейкина, 1961; Ю. С. Степанов, 1975), «поле» (А. А. Уфимцева, 1962; Н. Д. Арутюнова, 1976) и др. Например, валентность рассматривается как потенциальная сочетаемость однородных элементов языка, способная содержать информацию о других членах потенциального сочетания, в которое данный элемент может входить. Термин «модель», подразумевающий бесконечно порождающую смысловую структуру, стал неотъемлемой частью любого когнитивного исследования.

Речевой поток представляет собой осуществляемый язык, энергийными единицами которого являются кванты, в качестве которых, по мнению С. Х. Ляпина, выступают факты как единицы опыта [5, с. 57], обладающие зарядом различной мощности. Например, для возникновения концепции или теории необходима целая система научных фактов. Медиафакт часто обладает мощным зарядом, а, следовательно, и значительным эффективным потенциалом, который не всегда легко предугадать, но необходимо прогнозировать.

Эффективный потенциал медиасообщений представляет собой заряд, приводящий в движение информационную волну в новостном поле как части медиапространства, подробно рассмотренную в исследованиях [6; 7]. И хотя в основе данной теории лежит механизм отражения новости одной материальной системой на другую, где в качестве таковых выступают информационные агентства как источники фактов для изданий, обеспечивающих обрастание новости комментариями и оценками, волна возникает при условии наличия заметного источника и достаточного потенциала новости [7, с. 395].

Отмечая немаловажную роль самого события объективной реальности, которое уже обладает определенным потенциальным эффектом и передает его затем вербальным новостным фактам, А. Е. Курилов выделяет четыре этапа генезиса новости: зарождение, детонация, резонанс и переход в память новостного поля. Новость как сообщение о факте действительности представляет собой первичный текст, его последующие в СМИ интерпретационные варианты, анализ и оценки как вторичные.

Эффективный потенциал медиафакта как возможные последствия его появления в медиа насколько возможно прогнозируется его автором. В качестве критериев оценки эффективного потенциала медиафакта мы видим следующие:

1) *«фактор адресата»*, который учитывает специфику целевой аудитории будущего медиаматериала. В социальной психологии и психологии средств массовой информации выделяют ряд установок при создании текста: познавательный, эмоциональный и поведенческий. Иначе говоря, смысловое поле аудитории и ее коммуникативные возможности в текущий момент включает такие параметры, как когнитивный объем и степень осведомленности аудитории о предмете сообщения, возможный эмоциональный отклик на информирование и поведенческую расположенность адресатов к тем или иным действиям [8, с. 69]. Данный комплекс параметров гипотезы журналиста об адресате оценивается автором в любом дискурсе и в медиадискурсе в особенности.

Создателю медиафакта важно интуитивно оценить этот потенциал для достижения нужного эффекта, даже если он является очевидным. В ряде случаев уже готовые факты не проходят этап медийности в силу их просчитанного вредного поведенческого эффекта на появление в СМИ информации о том или ином событии, как, например, тревожной обстановки и даже паники среди населения в случае сообщения о возможных терактах. Эффективный потенциал медиафакта не исчерпывается прогнозом немедленной реакцией адресатного поля и включает и отсроченную аналитику.

2) *реакция на медиафакт в других дискурсах* в силу того, что диапазон распространения эффективного потенциала медиафакта довольно широк. Это обусловлено тем, что медиадискурс имеет сферы влияния практически в любом другом дискурсе. В первую очередь, это политический и экономический дискурсы, которые делают возможным реализацию эффективного потенциала в мировом масштабе и распространение медиафакта за пределами стран и континентов. Эффективный потенциал находится в прямой зависимости от масштабности отражаемого события. Например, международные соревнования, такие как мировые чемпиона-

ты, олимпиады получают широкое освещение в прессе и, следовательно, больший резонанс среди массовой аудитории; внутренние чемпионаты в основном освещаются в национальных или даже региональных СМИ [9, с. 23]. Медиафакты культуры, образования, медицины редко выходят за пределы одной страны. К исключениям относятся факты, отражающие значительные события.

Автору сообщения необходимо оценивать и максимально просчитывать эффективный потенциал медиафактов и текста в целом [10]. С большой вероятностью осмелимся утверждать, что в большинстве случаев потенциал текста не будет совпадать с суммарным эффектом отдельных фактов сообщения, поскольку потенциалы пучка фактов часто будут усиливать друг друга. При этом не исключена редукция потенциала одного факта другим.

Учет потенциального эффекта в работе журналиста обеспечивает прогнозирование реальных последствий объективного медиафакта, а также внесение стилистических, фактических либо ракурсных искажений в его конструирование для достижения необходимого эффекта. Лингвисты могут выявить реальные эффекты фактов в медиадискурсе, однако представляет интерес возможность проследить их потенциальный эффект в аналитических материалах и прогнозах экспертов по отдельным социальным проблемам.

Таким образом, фактуализация представляет собой многоступенчатый процесс, который требует определенного заряда смысловой энергии, обеспечивающего ее завершенность. При этом скорость и интенсивность фактуализации значительно варьируются в зависимости от разных факторов. Мы объясняем это тем, что у каждого факта свой смысловой заряд, функцию которого выполняет эффективный потенциал.

Библиографические ссылки

1. Пром Н. А. Фактуализация как когнитивная система адаптации реальности // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». 2019. №4. С. 50-63.
2. McQuail D. Mass Communication Theory. London : Sage. 2010. 632 p.
3. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера: в 2-х т: Т.2. / пер. с англ. Чеботарева Е. Ю. М. : Вече АСТ, 2003. 592 с.
4. Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989. С. 5-92.
5. Ляпин С. Х. Концептологическая формула факта // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск : Изд-во Поморского ун-та, 1997. Вып. 2. С. 5-71.
6. Болотнов А. В. О некоторых ключевых понятиях формирующейся информационно-медийной парадигмы в русистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №1 (042). С.111-116.

7. Курилов А. Е. Генезис новости в новостном поле // Преподаватель XXI век. 2015. № 2, ч. 2. С. 391-397.
8. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СпбГУ : Филол. факультет, 2012. 274 с.
9. Пром Н. А. Экстралингвистические факторы влияния на коммуникативную специфику газетного спортивного репортажа // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 21-25.
10. Пром Н. А. Эффективный потенциал медиафакта // Трансформация медиасреды в XXI веке: Материалы междунар. научно-практич. конф., 24 апр. 2019 г. / Отв. ред. Д. В. Неренц. М. : РГГУ, 2019. С. 115-120.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕЗЕНТАЦИОННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. А. Стебляк
Омский государственный педагогический университет
Омск, Россия
e-mail: steblyak@list.ru

В статье рассматриваются проблемы презентационного функционирования педагогического дискурса специального образования, направленного на формирование социальных представлений обучающихся. Обсуждаются механизмы представления социальной реальности посредством комплекса лингвосемиотических средств. Потенциал вербальных и визуальных средств анализируется с позиций возможности доведения до сознания обучающихся образной стороны и внутренней сути транслируемых концептов.

Ключевые слова: обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья; педагогический дискурс; концепт; визуальные и вербальные средства; презентационная оболочка дискурса; ментальные образования.

PROBLEMS OF PRESENTATION FUNCTIONING OF PEDAGOGICAL DISCOURSE OF SPECIAL EDUCATION

E. A. Steblyak
Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia
e-mail: steblyak@list.ru

The article discusses the problems of presentation functioning of the pedagogical discourse of special education aimed at the formation of social representations of students. The mechanisms of representing social reality through a complex of linguosemiotic means are discussed. The potential of verbal and visual means is analyzed from the standpoint of the possibility of bringing to the consciousness of students the figurative side and the internal essence of the broadcast concepts.

Key words: students with disabilities; pedagogical discourse; concept; visual and verbal means; presentation shell of discourse; mental education.

Дискурс является важнейшим источником когнитивных моделей социальной действительности его адресатов. Это признается тем более очевидным, «чем дальше референтная ситуация от мира конкретных физических тел, чем она ближе к миру социальных представлений» [1, с. 103].

В этой связи важно проанализировать перспективы оптимизации влияния педагогического дискурса специального образования на формирование социальных компетенций обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). С учетом необходимости осуществлять компенсацию и коррекцию социальных представлений, складывающихся в результате стихийных воздействий ближайшего социального окружения и социальных медиа, актуальна рефлексия потенциала дискурсивного воздействия специальной образовательной организации и в этом отношении [2; 3].

Как известно, институциональный дискурс опирается на логически продуманную и прочную систему институциональных концептов [4; 5]. Последние как лингвокогнитивное явление рассматриваются в качестве ментальных образований, единиц отраженной в сознании человека картины мира, фрагментов хранящихся в памяти знаний и опыта [4; 6]. Система концептов педагогического дискурса специального образования России определяется содержанием его нормативных документов – Федеральных государственных стандартов образования и Примерных адаптированных программа образования обучающихся с ОВЗ [7]. В контексте реализации требований к формированию социальных компетенций обучающихся с ОВЗ, предусмотренных данными документами, актуально выведение из их содержания системообразующих и связанных с ними концептов, а также поиск путей погружения данных концептов в дискурс педагога-дефектолога [3]. По сути речь идет о необходимости структурации и презентации дискурса, направленного на формирование социальных компетенций обучающихся с ОВЗ, планирования и режессирования поведения педагога-дефектолога в ситуации воздействия. В настоящей статье рассмотрим проблемы презентационного функционирования педагогического дискурса специального образования, направленного на формирование и коррекцию картины мира обучающихся с ОВЗ.

Заметим, что эффективное доведение концептов до сознания обучающихся с ОВЗ, как и обеспечение к ним стабильного одобрительного отношения возможны на основе учета особых образовательных потребностей обучающихся данной категории. Однако конкретизация этого неоспоримого тезиса, до сих пор не осуществленная, представляется воз-

можной лишь с опорой на синтез положений специальной педагогики с принципами когнитивной науки. По нашему мнению, принципиальными ориентирами построения презентационной структуры педагогического дискурса выступают положения когнитивной лингвистики о дискурсе как презентационной оболочке для реализации концепта, о презентеме как единице дискурсивного воздействия, о соотношении лингвистических и семиотических знаков в структуре презентемы и др. [4; 5; 6 и др.]. Существенное значение имеют также данные когнитивной психологии о соотношении концептов с различными ментальными образованиями – образами, схемами, пропозициями, фреймами, сценариями и др.

Итак, презентационная оболочка для реализации концепта в дискурсе формируется на основе комплекса языковых и неязыковых средств. Адресант дискурсивного воздействия привлекает внимание воздействуемого к осмысливаемому фрагменту действительности, обозначая соответствующий ему концепт специальным знаком и выражая его содержание комплексом лингвосемиотических знаков. При этом «вербализованное ядро концепта» дополняется его образной стороной [5, с. 107]. В результате модель действительности складывается в сознании адресата воздействия в «полнообъемную демонстрационную модель, в которой на равных правах сосуществуют визуальный образ и его вербальный отпечаток» [там же, с. 128].

Образная сторона концепта предполагает описание связанного с концептом опыта, понятную иллюстративность и примерность, благодаря чему аудитория может увидеть своеобразную сценическую картинку и ассоциировать полученную информацию с уже знакомой и понятной из прежнего опыта [5]. Концепт в этом смысле есть «сгусток жизненного опыта, зафиксированный в памяти человека» [6, с. 106]. При этом образный компонент концепта может быть разной степени абстракции – от конкретно-чувственного образа до обобщенного мыслимого заместителя множества частных образов [4, с. 31].

В соответствии с презентационной теорией дискурса в роли структурного компонента дискурсивного воздействия выступает презентема – лингвосемиотическое образование разного демонстрационного качества и разного смыслового наполнения. Вслед за А. В. Оляничем можно утверждать, что разыгрываемая перед взором потребителя дискурса картина – «не что иное как совокупность презентем» [5, с. 228]. Преимущественно визуальное воздействие презентемы позволяет «представить экстернальные признаки или дескрипции субъекта, объекта, явления или события. Лингвистически же такой знак вербализуется для представления внутренней сути события» [там же, с. 240-241].

Уточним структуру презентемы на примере презентемы-демонстратива, исполняющей важную роль в обеспечении сугубо презентационного функционирования дискурса. Вербальная составляющая представлена идентификационным, дефиниционным и эмоциональным компонентами, соответственно обеспечивающими номинацию, семантическое предъявление и декларацию негативных или позитивных свойств объекта или субъекта презентации. Визуальная составляющая представлена образами объекта, продукта, персоны, визуализированной констатацией факта или события. Наконец, в структуре презентемы-демонстратива присутствует лингво-семиотический театральный компонент [5, с. 235].

В контексте рассмотрения презентационного функционирования педагогического дискурса специального образования необходимо подчеркнуть возможность образного представления непредметных значений, отражающих происходящее с действительностью, – процессы, ситуации, состояния, действия, изменения, положения дел и пр. события. С помощью комплекса визуальных средств осуществима репрезентация любых ментальных образований – образов, пропозиций, скриптов, фреймов, сценариев и др.

Как было замечено выше, построение презентационной оболочки педагогического дискурса специального образования требует учета особых образовательных потребностей обучающихся. Вследствие этого дискурс, адресованный, например, умственно отсталым обучающимся, должен быть сориентирован на целенаправленное восполнение дефицита жизненного опыта, преодоление слабой осознанности, низкой обобщенности, неполноты и неточности свойственных им представлений о значимых областях жизнедеятельности, о стереотипных ситуациях и сценариях поведения, деятельности [2; 3 и др.]. В этой связи кажется оптимальным, если педагогический дискурс будет репрезентировать недостаточные / дефицитарные при умственной отсталости ментальные образования – конкретно-чувственные *образы* и более абстрактные образы-*прототипы* (представляющие типичных членов определенной категории); *пропозиции* (модели определенной области опыта), *фреймы* (представляющие стереотипные ситуации, включающие постоянные данные для определенной ситуации и терминальные узлы, актуальные для конкретной ситуации); *сценарии*, или *скрипты*, (динамически представленные фреймы, разворачиваемые во времени последовательности этапов, эпизодов) (Болдырев, 2001) [6, с. 110-111]. Достижение коррекционного эффекта будет осуществимо при условии выраженной семиотизации пространства

воздействия, позволяющей запечатлевать мир в виде точно настроенного законченного образа (картинки) [5, с. 116].

Заметим, что основным типом репрезентации знаний признается модель ситуации [8]. В теории дискурса давно замечено, что понимание дискурса основывается на ментальной репрезентации ситуации: «мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь» [там же, с. 9]. В связи со сказанным представляется, что педагогический дискурс, адресованный умственно отсталым обучающимся, должен эффективно, т.е. понятно и зрелищно, представлять ситуационные модели, соответствующие тем или иным транслируемым концептам, например концептам *ответственность, взрослость, самостоятельность* и др. Проиллюстрируем связь концепта с конкретными ситуациями в памяти людей на примере концепта *милосердие:* это «предупреждение об опасности; предоставление возможности избежать неприятности; пожертвования; помощь инвалидам; распределение инвалидных колясок; утешение потерявшегося ребенка; уход, когда присутствие причиняет страдание и мн. др.» (Жданова, Ревзина, 1991, с. 60, 61) [6, с. 113]. Представление ситуационной модели строится вокруг «схемы модели, состоящей из ограниченного числа категорий, которые используются для интерпретации ситуаций. Эти схемы наполняются конкретной информацией в различных коммуникативных актах» [8, с. 9]. Данная работа должна быть верно сориентирована – на репрезентацию в дискурсе *не* неких абстрактных знаний о стереотипных событиях и ситуациях, а на представление личностных знаний воздействуемых, «аккумулирующих их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции» [там же, с. 9].

Таким образом, представленные теоретические положения когнитивной науки и теории дискурса ориентируют производство педагогического дискурса специального образования на сопряженное применение вербального и визуального механизмов. Их сочетание при транспортировке концептов в дискурс позволяет репрезентировать любые ментальные образования, в том числе представляющие происходящие в действительности события – процессы, ситуации, состояния, действия, изменения, положения дел и пр. Обращение к образной стороне концепта требует интенсивной семиотизации дискурсивного воздействия, прежде всего за счет его визуализации. Основным содержанием, подлежащим визуальной поддержке, является модель ситуации. Передача содержания концептов осуществляется посредством совокупности презентем.

В заключение заметим, что рефлексия методических подходов к осуществлению эффективного презентационного функционирования

педагогического дискурса специального образования является важным ресурсом усиления его коррекционно-компенсаторной направленности. Подготовленный, отредактированный дискурс, рассчитанный на зрелищный эффект, в наибольшей мере позволит скорректировать недостатки и восполнить дефицит социальных представлений обучающихся с ОВЗ и с умственной отсталостью. Основополагающими принципами погружения концепта в педагогический дискурс являются иллюстративность и примерность, связь дискурса с конкретными ситуациями из прежнего опыта воздействуемых, с их личностными знаниями; использование лингвистических знаков для вербального представления сути события. Дальнейшая перспектива исследований в данном проблемном поле видится в целенаправленном теоретически обоснованном производстве комплексных лингво-семиотических репрезентаций содержания основных концептов педагогического дискурса специального образования.

Библиографические ссылки

1. Макаров М. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
2. Стебляк Е. А. Картина жизненного пути в сознании особого ребенка. Изд. 2-ое, исправл. М. : ФЛИНТА, 2019. 416 с.
3. Стебляк Е. А. Проблемы производства педагогического дискурса в специальном образовании России // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. статей / редколл. О. И. Уланович [отв. ред.] и др. Минск : Изд. центр БГУ, 2019. В 2 ч. Ч. 1. С. 318–322.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 406 с.
5. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: Монография. М. : Гнозис, 2007. 407 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
7. Примерная адаптированная основная общеобразовательная программа образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https: //minobr.gov-murman.ru/files/OVZ/programmy/09_PrAOOP_UO_03_04_2015.pdf (дата обращения: 05.09.2019).
8. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 312 с.

ПОНЯТИЕ «ДИСКУРС» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ЭЛЕМЕНТЫ ПОНЯТИЙНОГО ПОЛЯ НАУЧНОЙ КАТЕГОРИИ

Е. И. Стефановская
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: stsefk@bsu.by

В статье рассматриваются различные подходы к толкованию дискурса – одного из наиболее спорных лингвистических понятий. Проводится дифференциа-

ция категорий «дискурс», «текст», «стиль». Анализируются классификации моделей дискурса, предложенные современными исследователями.

Ключевые слова: дискурс; текст; стиль; дискурсология; институциональный дискурс.

DISCOURSE IN MODERN LINGUISTICS: ELEMENTS OF THE CATEGORY CONCEPTUAL FIELD

E. I. Stefanovskaya
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: stsefk@bsu.by

The article considers various approaches to the interpretation of discourse which is one of the most controversial linguistic concepts. Differentiation of such categories as “discourse”, “text”, “style” is carried out. Classifications of discourse models given by modern researchers are analyzed.

Key words: discourse; text; style; discourse; institutional discourse.

Исследования в сфере дискурсологии уже не одно десятилетие являются, пожалуй, ключевыми в современной лингвистике, однако ученые подходят к определению категориальных рамок понятия «дискурс» с довольно разных позиций. Т. А. ван Дейк утверждал, что понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии. Широкий диапазон интерпретации данного понятия обусловлен междисциплинарностью исследовательского подхода и рассмотрением дискурса в контексте смежных областей.

Ю. С. Степанов отмечает, что дискурс – это «первоначально особое использование языка <…> для выражения особой ментальности» [1, с. 38-39].

Т. А. ван Дейк предлагает два определения. В широком смысле (как комплексный феномен) дискурс – это «коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте; это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Дискурс в узком смысле (как текст или разговор) обозначает «завершенный или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат» [2].

С предложенным определением дискурса Н. Д. Арутюновой солидарны многие лингвисты: дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте;

речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [3, с. 136-137]. Согласно определению, дискурс изучается в режиме реального времени, по мере его появления и развития, а значит термин «дискурс», в отличие от понятия «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [там же].

Сегодня исследователи соглашаются с тем, что дискурс – это комбинация экстралингвистических факторов, таких как «социально-культурный контекст, историческое время, прагматическая установка в общении, психотип говорящего и специфика коммуникативной аудитории» [4, с. 465].

Первоначально французские исследователи понимали под термином «дискурс» речь вообще и считали его синонимом термину «текст». Развитие таких лингвистических направлений как когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика и т.д. способствовало категориальному разграничению понятий, признанию их нетождественности. Е. С. Кубрякова отмечает, что данные понятия «связывает генетическое родство» [5, с. 29], что не предполагает их взаимозаменяемости. Первые попытки дифференциации данных категорий были предприняты в 70-х гг. XX в. Т. А. ван Дейком. Он утверждал, что дискурс – это «актуально произнесенный текст», в то время как текст – это «абстрактная грамматическая структура произнесенного», т.е. дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как текст – понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности [2].

Принимая во внимание отличия, отмеченные Л. М. Васильевым, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степановым, А. Ю. Поповым, Е. С. Кубряковой, мы можем выделить следующие основные отличия дискурса от текста: *во-первых*, дискурс изучается в режиме реального времени, по мере того, как он появляется и развивается, а значит, термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются [3, с. 136-137]; *во-вторых*, дискурс динамичен и спонтанен, т.е. является категорией процесса, в то время как текст статичен и упорядочен по форме изложения и является категорией результата; *в-третьих*, дискурс ограничен во времени и всегда указывает на определенную протяженность, текст же может быть произвольного объема в зависимости от выбора автора; *в-четвертых,* дискурс нацелен на живую аудиторию (интерактивен), то-

гда как текст – на абстрактную (не обладает интерактивностью); *в-пятых,* дискурс конкретен и прагматичен, т.е. нацелен на появление реакции у собеседника, текст же чаще всего абстрактен и является закрытой коммуникативной системой.

Помимо дифференциации понятий *дискурс* и *текст*, ученые столкнулись с еще одной трудностью – разграничением категорий «дискурс» и «стиль». Стиль, который традиционно являлся объектом изучения стилистики и риторики, сегодня заменяется понятием «дискурс» и относится к области дискурсологии. Некоторые ученые отмечают вытеснение термина «стиль» из употребления вследствие активации использования термина «дискурс».

Первоначально стиль являлся объектом изучения риторики. В риторике под стилем понимают «отбор и согласованное сочетание в словесном произведении целесообразных выразительных средств языка, создающее устойчивый образ речи, который служит основанием эстетической оценки произведения» [6, с. 250], т.е. в риторике стиль – это задача, тогда как в стилистике стиль – это факт.

Обратившись к истории появления понятий «стиль» и «дискурс», можно обнаружить, что в то время, когда в русистике термин «функциональный стиль» широко использовался для обозначения какого-либо типа текста, в американском и западноевропейском языкознании такого понятия просто не существовало, поскольку стилистика не выделялась как автономное направление лингвистики. При этом активно использовалось понятие «дискурс», которое в Америке и Западной Европе первоначально трактовали как «именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [1, с. 36].

Л. Л. Нелюбин определяет функциональный стиль как «языковую подсистему, обладающую своими фонетическими, лексическими и грамматическими характеристиками и обслуживающую определенную сферу общения» [7, с. 44-45]. Известный исследователь риторики А. А. Волков под функциональным стилем понимает «разновидность литературной речи, особенности которой определяются ее назначением и содержанием» [6, с. 254]. Дискурс же с позиции стиля – это способ говорения, при этом исследователей интересует не дискурс вообще, а определенные его разновидности, задаваемые такими параметрами, как отличительные языковые черты, стилистическая специфика, специфика тематики, убеждений и т.д. [8].

И стилистика, и дискурсология изучают тексты, погруженные в определенные контексты и относящиеся к определенному жанру. Следовательно, можно сделать вывод, что понятия «текст», «контекст» и

«жанр» выступают объектами изучения обеих дисциплин, что дает основания утверждать, что между данными дисциплинами имеется тесная взаимосвязь. Лингвист М. Н. Кожина сопоставила данные понятия и отметила, что «дискурс и функциональный стиль в истории лингвистики шли, так сказать, рука об руку, и, очевидно, не случайно» [9, с. 191].

Однако дискурс и стиль точно так же, как и дискурс и текст, не отмечены отношением тождественности. Н. И. Клушина выделяет следующие отличия дискурса от стиля: *во-первых,* дискурс – это совокупность тестов, стиль – это и совокупность текстов, реализующих определенную функцию, и их отличительная черта, т.е. стиль может рассматриваться как система и как ее характеристика, он организует структурную связность системы и несет целостную информацию о ней; *во-вторых,* дискурс привносит в текст социальное измерение, стиль – философское и эстетическое; *в-третьих,* дискурс – это поле практической деятельности, тогда как стиль – теоретический, эстетический, мыслительный конструкт [10, с. 72]. Таким образом, смежное существование понятий «дискурс» и «стиль» не предполагает наличия отношений абсолютной синонимии.

В массиве дискурсивного разнообразия выделяют различные виды дискурса. Классической моделью классификации дискурсов является модель, предложенная В. И. Карасиком. Ученый выделяет два основных вида дискурса: персональный (личностно-ориентированный) и институциональный. Персональный – такой вид дискурса, в котором говорящий – это «личность во всем богатстве своего внутреннего мира». В институциональном же дискурсе говорящий – это «представитель определенного социального института» [11, с. 6]. Кроме того, персональный дискурс существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение. Бытовое общение происходит между друзьями, знакомыми, коллегами – хорошо знакомыми людьми, и целью такого общения является поддержание контакта, нахождение путей решения повседневных проблем, беседа на бытовые темы. В бытийном же дискурсе «предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, а общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер» [там же]. В этом виде дискурса речь идет не об очевидных вещах, как в бытовом дискурсе, а о художественном и философском познании личностью бытия и себя. Прямой бытийный дискурс воплощается в логических умозаключениях, рассуждениях, озарении, тогда как в опосредованном бытийном дискурсе доминируют повествование и описание. Объединяющим бытовой и бытийный дискурсы является стремление говорящего проникнуть в суть вещей посредством наукообразных измышлений.

Под институциональным дискурсом понимается «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [там же, с. 14]. Институциональный дискурс имеет два основных признака: цель (ради чего возникает общение) и участники общения (представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты)). Участники общения могут быть не знакомы друг с другом, но они должны общаться согласно правилам и нормам, принятым в обществе.

Выделяются следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический, массово-информационный и др. [там же]. В каждом типе отмечаются определенные характеристики, присущие статусам и ролям участников общения (врач – пациент, актер – зритель, продавец – покупатель и пр.), а также детерминированные целью и местом общения. Следует отметить, что выделение различных типов происходит с некоторой долей условности, что подтверждается возможностью взаимовключения элементов разных видов дискурса, как, например, использование элементов проповеди в политическом дискурсе, а рекламы – в медицинском. Принципиально значимо, что общение между людьми в рамках институционального дискурса проходит под эгидой клишированности, в соответствии с правилами и нормами института.

Таким образом, институциональный дискурс как статусно-ориентированный формат социальной коммуникации определяется с позиции действия агентов от лица некоторого института, в рамках определенной роли и статуса. Регламентируя коммуникативный процесс в рамках того или иного социального института, институциональный дискурс обслуживает все сферы межличностного статусно-ролевого взаимодействия. Список разновидностей институционального дискурса не исчерпывающий и открыт для пополнения и модификации. Можно полагать, что исследование дискурса позволяет не только познать когнитивные механизмы индивидуального и массового языкового сознания, но и обнаружить стратегические характеристики мотивированного общения, например, в сфере политики, права, бизнеса, культуры и спорта, установить аксиологические доминанты той или иной лингвокультурной общности и исторической эпохи.

Библиографические ссылки

1. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. М. : РГГУ, 1995. 432 с.

2. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса // Психологическая сеть российского Интернета [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm (дата обращения: 15.08.2019).
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс// Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 234 с.
4. Стефановская Е. И. Многоплановость метафорической проекции в англо- и русскоязычном спортивном дискурсе // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: Сб. науч. ст.; в 2-х ч. Ч. 1. Мн : Колорград, 2016. С. 464-470.
5. Кубрякова Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 28-34.
6. Волков А. А. Курс русской риторики. М. : Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. 480 с.
7. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка: учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2008. 128 с.
8. Бажалкина Н. С. Дискурс и функциональные стили // Московский Государственный Областной Университет Дискурс и функциональные стили [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/2_91388.doc.htm (дата обращения: 15.08.2019).
9. Дускаева Л. Р., Кожина М. Н., В. А. Салимовский. Стилистика русского языка. М. : Флинта: Наука, 2008. 464 с.
10. Клушина Н. И. Медиастилистика // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 69-77.
11. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. 342 с.

РАЗДЕЛ 3
СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЛАВЯНСКИЕ РЕАЛИИ КАК ПРЕСУППОЗИЦИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА МИЛОРАДА ПАВИЧА «ДРУГОЕ ТЕЛО»

Т. А. Бобрикова
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия
e-mail: tatiana.bobrikowa@yandex.ru

В статье представлен анализ способов актуализации славянских реалий как знаков, формирующих пространственные образы в романе Милорада Павича «Другое тело». Выявлено, что оборотной стороной индексального способа актуализации славянских реалий (номинации географических локусов, имена персонажей сербской истории и культуры, названия кириллических книг) выступает их обязательная символизация (одна из причин рождения внетекстовых структур романа).

Ключевые слова: славянские реалии; семиотика пространства; ментальная репрезентация; индексальный иконизм; символизм; Милорад Павич; «Другое тело».

SLAVIC REALITIES AS A PRESUPPOSITION TO THE INTERPRETATION OF THE NOVEL "SECOND BODY" BY MILORAD PAVIĆ'S

T. A. Bobrikova
Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm, Russia
e-mail: tatiana.bobrikowa@yandex.ru

The article presents an analysis of the ways of actualizing the Slavic realities as signs developing the space images in the novel of Milorad Pavić "Second body". It is shown that the reverse side of the mainly index method of actualization of these realities (nomination of geographical loci, names of characters of Serbian history and culture, names of Cyrillic books) is their mandatory symbolization (one of the reasons for the birth of non-text structures of the novel).

Key words: slavic realities; semiotics of space; mental representation; index iconism; symbolism; Milorad Pavić; “Second body”.

В рамках этой работы речь пойдет о способах актуализации славянских реалий как знаков, формирующих пространственные образы в романе Милорада Павича «Другое тело». *Реалия* понимается вербальный

знак, замещающий соответствующий объект внетекстовой действительности. Система реалий романа – один из инструментов формирования *пространственного образа* – ментального конструкта, создаваемого человеческим сознанием с целью адаптации к миру.

Целевые установки работы связаны с анализом способов актуализации славянских реалий, которые выступают как пресуппозиция интерпретации романа «Другое тело». Методология анализа системы реалий славянского мира включает следующие этапы: 1) отбор и систематизация реалий славянского мира, представленных в романе; 2) определение онтологической природы реалий славянского мира; 3) семиотический и логико-семантический характер репрезентации реалий; 4) нарративная функция реалий в тексте романа – роль в создании пространственных образов.

С семиотической точки зрения, актуализация реалии – это её вербальная репрезентация. Этот процесс анализируется нами в рамках логико-семантического анализа языка [1]. Актуализация реалий включает процессы номинации и предикации. На этапе номинации происходит выбор имени реалии, на этапе предикации – приписывание этому имени знаков, обозначающих свойства реалий (внутренние предикаты) и характер отношений между ними (внешние предикаты).

Одновременно этот процесс мы рассматриваем в рамках общей семиотики Ч. Пирса, говоря о репрезентации реалии по типу индекса и символа (имя без предикатов) и иконы (имя с системой предикатных дескрипций) [2]. Выполняя указательную функцию, индексы репрезентируют границы пространственного локуса и объекты, заполняющие пространство. Иконические знаки – это «картины» своих референтов: пейзажные, портретные, интерьерные характеристики и другие описания. В зависимости от степени достоверности и подобия они делятся на иконы-образы или иконы-схемы. Роль символического знака – замещать некую абстрактную идею. Таким образом, логико-семантический и семиотический механизмы репрезентации работают по принципу дополнительности.

Сюжетные линии романа «Другое тело» разворачиваются на территории Италии, Венгрии, Сербии, Великобритании, Германии, Турции и Китая, охватывая диапазон времени от XVIII века до наших дней. В рамках этого этнокультурного многообразия особенной значимостью обладают славянские реалии. Это связано как с контекстом жизни М. Павича, так и с тем, что он считал славянскую культуру, историю и мифологию важными составляющими интеллектуальной истории Европы.

С онтологической точки зрения, славянские реалии представлены только предметными объектами, которые доступны эмпирически.

Среди них следующие семантические группы: географические локусы; персоналии сербской истории, литературы и культуры; славянские манускрипты.

К наименованиям славянских *географических локусов* относятся города Белград, Нови-Сад, Сремски-Карловцы, поселение Петроварадин, деревня Бабе, гора Космай, река Дунай. По сюжету в Белграде упоминаются площадь Теразие, кладбище на улице Рузвельта, 50, улица Короля Петра Первого, квартал Дорчол, городская библиотека, парк Ташмайдан.

Перечисленные реалии представлены только именами в логико-семантической классификации знаков или индексами в терминологии Пирса. Функция этих знаков в романе – обеспечить достоверность повествования: локусы, в которых живут персонажи, существуют и в реальности. Немаловажно, что Павич упоминает те места, в которых развёртывалась и его собственная жизнь (например, он ходил в белградскую библиотеку). Индексальными указателями в романе размечена карта Сербии: Нови-Сад характеризуется как «один большой город на Дунае» [3, с. 52]. Петроварадин – «красивый город и крепость на Дунае» [там же, с. 57].

Оборотной стороной всех индексальных знаков является их обязательная символическая подкладка. О символическом прочтении географических реалий М. Павич пишет в эссе «Биография Белграда» [4], которое следует рассматривать как одну из пресуппозиций интерпретации романа. Так, Дунай «течет из рая, то есть из вечности» [3, с. 161]. В сербской традиции Дунай – это граница между своим и иным миром, дорога в рай. При этом в романе дана и иконическая репрезентация этой реки: «Вода в Дунае была высокой, в мутных пятнах. Настолько высокой, что его притокам больше не удавалось впадать в него и они в изумлении остановились у устий» [там же, с. 251]. За «изумлением» притоков стоит визуальный образ замедленного течения воды.

В системе реалий представлены *персоналии* славянского мира – писатели, художники, историки XVIII в. Персонажами романа становятся Захария Орфелин, Гавриил Стефанович Венцлович, Теодор Илич Чешляр, Павле Юлинац.

Захария Орфелин (1726–1785 гг.) – писатель, историк и художник эпохи барокко. Орфелин первым стал печатать книги на сербском языке. О Захарии Павич дает достоверную биографическую справку: «по национальности славяно-сербского происхождения. Служить начал в Нови-Саде» [3, с. 52], родом из Петроварадина, учился граверным художествам и посылал стихи в Венецию. В романе актуализирован период жизни Орфелина, когда он работал корректором в венецианской типографии. При

жизни сохранилось одно схематичное портретное изображение Захарии. В романе узнавание персонажа обеспечивают внутренние предикаты: «не носил парика, его темные волосы были завязаны на затылке янтарными четками и напоминали толстый конский хвост. Губы он подкрашивал помадой» [там же, с. 43–44].

Еще одним персонажем романа Павич выбирает сербского просветителя *Гавриила Стефановича Венцловича* (1680–1749 гг.). Он известен как сербский иеромонах, иконописец, проповедник и поэт. Гавриил Венцлович был учеником сентандрейского духовника отца Киприяна, переводил библейскую литературу на сербский язык, одним из первых начал писать проповеди на родном языке [5; 6; 7]. В романе он предстает переписчиком и постриженником храма Святого иконописца Луки, ведет книгу записей крещений и отпеваний, переписку с будимским владыкой. Персонажа сопровождают портретные характеристики: «худая мужская фигура», «волосы, завязанные узлом по монашескому обыкновению», «ложился спать в черных перчатках без пальцев» [3, с. 194], носил «пыльную монашескую рясу» [там же, с. 253].

Орфелин готовил к печати книгу, автором которой был историк, путешественник, воин и дипломат на императорской службе в России *Павле Юлинац* (1730–1784 гг.). Павич описывает его личность внешними предикатами: консул, майор и «русский дипломат сербского происхождения» [3, с. 54], его «обожает русский императорский двор, но поэтому к нему неблагосклонна венская цензура» [там же, с. 86]. Описание внешности Юлинаца в тексте романа отсутствует.

В романе есть персонаж, которого зовут так же, как одного художника XVIII века, *Теодор Илич Чешляр*. О реально существовавшем Чешляре (1746–1793 гг.) известно то, что он был сербским иконописцем и художником позднего барокко. В романе Теодор никакого отношения к изобразительному творчеству не имеет, здесь это сын кузнеца, школьный товарищ безымянного писателя, который продает стихи. Он «был крепок» [3, с. 30], «выглядел великолепно, он был в подтяжках и курил трубку» [там же, с. 294], у него была «такая походка и анатомическое строение ног, что брюки на нем не мялись» [там же, с. 310].

Указанные персонажи сербской истории и культуры актуализированы, в большинстве, по типу иконы-схемы (имя и схематичный портрет), индексально репрезентирован лишь П. Юлинац. Однако за каждым из имен закреплено символическое значение: Орфелин, Венцлович и Юлинац положили начало изданию книг на сербском языке. Они ассоциируются с началом сербской литературы и письменности. Их можно считать

героями интеллектуальной истории, подарившими своему народу письмо, книгу, память.

В нарративе романа Орфелин и Венцлович – центральные персонажи, оба заняты одной и той же проблемой: с помощью заклинания, воды из Богородичного источника и каменного перстня пытаются выяснить, имеет ли человек другое тело после смерти, как имел его Христос. Венцлович также персонаж сновидения другого героя: безымянному писателю снится дьявол, который превращается в Гавриила.

Важнейшими знаками славянского мира являются *книги*. Персонажи романа их читают, пишут, переводят, редактируют, они буквально окружены книгами. Орфелин стал известным благодаря выпуску «Приветствия Моисею Путнику» (1757), панегирика в честь епископа Бачки на церковнославянском языке. В романе Захария писал обращенную к своим детям книгу «Апостольское молоко». В действительности сохранилась рукопись стихотворения с таким названием, которое он посвятил сыну (1763). В романе упоминаются «Букварь малый» (1764) и «Славяносербский журнал» (1766). «Славяно-сербский журнал» был первым журналом в истории сербской литературы и охватывал разные области знаний. Павич назвал его «манифестом Просвещения в сербской литературе» [4, с. 207]. Важнейшим произведением в творчестве Орфелина считается монография о Петре Великом «Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского» (1772), в которой приведена история России с объемной документацией, списком источников и литературы. Славянские книги обнаруживаются и в личной библиотеке Захарии: «Опыт Казанской истории древних и средних времен» П. И. Рычкова, «Описание Жития Пресветлейшей Екатерины Алексеевны, Царицы и Императрицы Российской», «Месяц. Сочинения на год 1763», перевод С. Ф. Решетова «Истории о персидском шахе Тахмас Кули-Хане».

Павич упоминает «Краткое введение в историю происхождения славяно-сербского народа» (1765) П. Юлинаца – это первая история сербов, изданная на сербском языке. На страницах романа мы встречаем книги Венцловича – «Разглаголник» (1734) и «Пресадженица» (1735) и самого Павича – «Внутренняя сторона ветра» (1991).

Перечисленные книги репрезентированы в романе индексально: приводятся только их названия и имена авторов. Представления о книгах как материальных объектах у читателя нет, так как автор не сообщает ни цвет, ни формат изданий. Однако за оборотной стороной номинаций книг стоят культурно-исторический и символический смыслы романа: первые книги, выпущенные на сербском языке), символизируют начало сербской

литературы; книги функционируют как «другое тело» своего автора, обеспечивая ему бессмертие; книги хранят знания и картируют мир.

Одновременно упоминаемые книги и личные библиотеки – это нарративный инструмент романа – пространственный локус, который соединяет между собой героев из разных исторических эпох. Например, персонажи читают одни и те же книги и в момент чтения становятся «современниками». Так, Библия оказывается в руках у Венцловича в XVIII в., а в настоящее время к ней обращаются писатель с Лизой, чтобы найти ответ на вопрос, что хочет сказать своим путешествием Иисус после смерти.

Подведем некоторые итоги. В романе «Другое тело» представлены следующие семантические группы славянских реалий: номинации географических локусов, имена персонажей и славянские книги. Логико-семантический и семиотический анализ способов репрезентации реалий позволяет сделать вывод о том, что преимущественно их индексальный способ текстовой актуализации (имена без дескрипций) дополняется символическим прочтением. История и культура славянского мира становятся для Павича отправной точкой для создания художественного мира.

В нарративном аспекте славянские реалии формируют пространственные образы в романе. Каждая из реалий принадлежит одновременно нескольким «пространствам» (физическому, пространству снов и культуры), что создаёт эффект прозрачности их границ: возможности перехода из одной среды в другую. Эта нарративная функция становится инструментом, позволяющим выделить основную идею романа: феномены культуры, книги, материальные вещи становятся истинным «другим телом», воплощая концептуальные смыслы человеческого бытия.

Сказанное позволяет заключить, что славянские реалии – один из важнейших кодов прочтения романа М. Павича «Другое тело». «Идеальный» (по У. Эко) читатель этого романа должен владеть огромной затекстовой информацией. В частности, пресуппозицией прочтения становится литература по истории и культуре славян. Мы считаем, что при переводе этого романа на русский язык (единственный перевод выполнен Л. Савельевой) следовало бы активно использовать ссылочный аппарат в виде постраничных ссылок и послесловия. По существу, к переводам романов М. Павича можно прилагать Словари реалий, где в статьях раскрываются их культурно-исторические и символические значения. Примером таких Словарей как пресуппозиций прочтения литературных текстов являются, например, «Словарь “Маятника Фуко”» [8] к роману У. Эко.

Библиографические ссылки

1. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М. : Аспект Пресс, 2000. 512 с.
2. Пирс Ч. Начала прагматизма. Перевод с английского, предисловие В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
3. Павич М. Другое тело / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб. : Азбука-классика, 2007. 336 с.
4. Павич М. Биография Белграда / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб. : Амфора, 2009. 319 с.
5. Шатько Е. В. «Следы» национальной традиции в прозе М. Павича (на примере романов «Внутренняя сторона ветра» и «Другое тело») // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений). М. , 2017. С. 222–231.
6. Павић М. Гаврил Стефановић Венцловић. Београд, 1972. 326 стр.
7. Деретић Ј. Мистификације око Венцловића и старе поезије // Књижевна историја. Београд, 1972. [Књ.] 4. № 16. С. 705–722.
8. Логош О., Петров В. Словарь «Маятника Фуко». СПб. : Симпозиум, 2007. 554 с.

ТИПЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ МЕТАФОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Э. В. Будаев
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия
e-mail: aedw@mail.ru

Выделяется четыре типа сопоставительного исследования метафор в политическом дискурсе: этнокультурное, социальное, диахроническое, мультимодальное. В рамках каждого из типов обсуждаются разновидности сопоставительного анализа политических метафор.

Ключевые слова: дискурс-анализ; метафора; политический дискурс; типология; сопоставительный анализ

TYPES OF COMPARISON OF METAPHORS IN POLITICAL DISCOURSE

E. V. Budaev
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Russian State Vocational Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia
e-mail: aedw@mail.ru

Four types of comparative analysis of metaphors in political discourse are distinguished: ethnocultural, social, diachronic, multimodal. Varieties of comparative research into political metaphors within each of these types is discussed.

Key words: discourse analysis; metaphor; political discourse; typology; contrastive analysis.

Дискурсивный анализ политических метафор относится к активно развиваемым направлениям современной лингвистики [1, 2, 3, 4]. Логично было бы ожидать, что сопоставительный аспект политической метафорологии займет значимое место в исследовательской практике отечественных и зарубежных специалистов, так как современная теория метафоры ставит перед собой задачу эксплицировать сложное взаимодействие между сознанием, языком и культурой. Однако на сегодняшний момент отсутствует системное описание этой сферы лингвистических изысканий. Важным шагом в данном направлении могла бы стать типологическая характеристика методологических подходов к дискурс-анализу политических метафор.

Обзор исследований, посвященных метафорике политического дискурса (более тысячи публикаций, полный список которых представлен в монографии [5]), позволяет выделить четыре типа дискурсивного сопоставления политических метафор: этнокультурное, социальное, диахроническое и мультимодальное сопоставление.

В рамках ***этнокультурного*** подхода выделяются две противоборствующие мировоззренческие парадигмы: лингвокультурологическая и универсалистская. Противопоставление названных парадигм основывается не столько на методах анализа, сколько на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления. Лингвокультурологическая парадигма призвана продемонстрировать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного цивилизационного пространства, а в третьих – имеет общечеловеческий характер. Парадигма универсализма, опирающаяся на теорию первичных метафор (primary metaphors theory), теорию воплощенного разума (embodied flesh theory) и нейронную теорию метафор (neural metaphor theory), ставит целью не разграничение универсальных и культурно специфичных феноменов, а целенаправленный поиск общечеловеческих когнитивных оснований политической метафорики в сочетании с нивелированием межкультурных различий.

Очевидно, что такой подход хорошо согласуется с экстранаучной программой глобализации, но малопригоден для описания культурных особенностей метафор. Так как универсалисты рассматривают первичные

метафоры в качестве своеобразных «атомов» мышления, детерминированных физическим опытом человека, сложные метафоры тоже возводятся к сенсомоторной деятельности. Однако привязать многие сложные метафоры к конфляции пока никому не удалось, потому что в действительности знакомство с концептами, формирующими сложные метафоры, происходит на более поздних стадиях онтогенеза. Несмотря на то, что синтез интегрированной теории первичных метафор и теории воплощенного разума сделал теоретические построения более последовательными, вопрос о культурной специфике метафорики остался слабым местом теории.

В лингвокультурологической парадигме причины межкультурных различий в инвентаре и актуализации метафор коренятся не в особенностях когнитивных интегративных процессов и «телесных» закономерностях функционирования разума per se, а в исторических особенностях развития того или иного лингвокультурного сообщества. Различия могут быть связаны с геоклиматическими условиями ареала, на котором формировалась этнокультурная общность; с различной значимостью определенных концептов для жизни людей определенного культурного сообщества или с концептуальными лакунами.

Социальное сопоставление ориентировано на сравнение дискурсов, объединяемых по различным социальным критериям. В рамках этого подхода выделяются идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление.

Идеологическое сопоставление призвано выявить особенности использования метафорики сторонниками разных идеологических взглядов, приверженцами различных методов решения политических проблем. Исследовательские процедуры по идентификации сторон дискурсивного противостояния определяется двумя критериями: 1) принадлежностью к определенному политическому объединению (политическая партия, идеологическое течение и т.п.); 2) отношением к определенной насущной проблеме без акцентирования внимания на принадлежности субъектов дискурсивной деятельности к определенной политической общности (сторонники / противники / индифферентные / не определившиеся с мнением и т.д.).

Идиолектное сопоставление направлено на изучение метафорики, актуализированной отдельными политиками и другими личностями – субъектами дискурсивной деятельности. Выделено два основных типа идиолектного сопоставления: собственно идиолектное и идиолектно-групповое.

При собственно идиолектном сопоставлении сравниваются метафоры отдельных политиков, а потом делаются выводы об общем и специфичном в их метафорических идиолектах. При идиолектно-групповом сопоставлении результаты идиолектного анализа метафорики сопоставляются с метафорическими образами, присущими определенным политическим общностям.

Гендерное сопоставление политической метафорики основывается на двух основных подходах: субъектно-дискурсивном и объектно-дискурсивном. Первый подход направлен на изучение влияния мужской и женской картины мира на метафорическую концептуализацию политики в дискурсе СМИ. Исследования этого рода направлены на выявление гендерного характера агрессивности политической метафорики и демонстрацию того, что конфронтационные метафоры не оставляют возможности для поиска консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. В качестве решения проблем предлагаются другие, менее конфронтационные метафорические модели. Различия в оценочных смыслах, которые привносит метафорическая проекция из гендерной модели на политические отношения, не только укоренены в общественном сознании, но и соотносятся с культурными ценностями определенного сообщества.

Объектно-дискурсивный вид сопоставления связан с изучением различий в метафорическом представлении политиков-мужчин и политиков-женщин. В этом аспекте феминистские исследования высвечивают еще одно следствие из доминирования «мужских» метафор в политическом дискурсе: такие метафоры воспроизводят в общественном сознании представление о политике как о мужском деле, в котором не остается места для женщин-политиков.

Диахроническое сопоставление охватывает вопросы исторического развития системы политических метафор. В круг вопросов диахронического сопоставления входит изучение архетипичности и вариативности.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Второе свойство отражается в вариативности уровня метафоричности и доминантности отдельных метафор в политическом дискурсе.

В диахроническом исследовании выделяется континуальный и дискретный анализ. В первом случае исследуется диахроническая вариативность метафорики, задействованной за выбранный период времени. Этот подход может применяться в тех случаях, когда продолжительность выбранного периода времени не очень велика. Дискретный анализ исполь-

зуется в тех случаях, когда рассматриваемый период настолько велик, что приходится делать выборку метафор из отдельных периодов.

Важным методом диахронического анализа является фрагментация дискурса, т.е. разделение периода времени на определенные сегменты, показатели которых планируется сопоставлять. Фрагментация бывает равномерной и фокусной. При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафорики. Особый интерес представляют сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации. При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании.

Предметом ***мультимодального*** сопоставления политической метафорики являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов. В современных исследованиях выделяется несколько методик мультимодального анализа: невербальное сопоставление, вербально-невербальное сопоставление и исследование метафор в креолизованных текстах. Сопоставительное изучение невербальной политической метафоры не только расширяет наши знания о природе политических метафор, но и становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафорики и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

Представленная типология не подразумевает непроходимых границ между выделенными ракурсами дискурсивного сопоставления. С одной стороны, использование одного ракурса сопоставления позволяет исследователю сосредоточиться на более детальном анализе предмета. С другой стороны, синтетический подход позволяет увидеть новые грани и корреляции, которые могут быть недоступны при сопоставительном изучении одного аспекта политической метафорики.

Библиографические ссылки

1. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянских культур, 2014. 632 с.
3. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : УрГПУ, 2013. 176 с.

3. Charteris-Black J. Analysing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. 274 p.
4. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. 224 p.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта, 2018. 248 с.

НОВЕЙШИЕ АНГЛИЦИЗМЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: РЕАЛЬНА ЛИ УГРОЗА?

С. В. Воробьева
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: varabyevasv@bsu.by

В статье рассматривается проблема англицизмов во французском языке, которые часто воспринимаются как угроза принимающему языку. Данные многочисленных исследований и результаты анализа англицизмов из изданий словаря «Малый Робер» за 2015-2019 гг. с точки зрения их количества, тематической принадлежности и грамматической ассимиляции указывают на то, что англицизмы едва ли могут стать причиной нарушения целостности французского языка.

Ключевые слова: англицизмы; французский язык; заимствование; Малый Робер; угроза; пуризм.

THE LATEST ENGLISH LOANWORDS IN FRENCH: IS THE THREAT REAL?

S. V. Varabyeva
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: varabyevasv@bsu.by

The article discusses the problem of English loanwords in French. English loanwords are often regarded as posing a threat to the recipient language. The data of numerous studies and the results of the analysis of the English loan-words from Le Petit Robert editions for 2015-2019 in terms of their quantity, thematic characteristics and grammatical assimilation indicate that English loanwords can hardly cause a violation of the French language integrity.

Key words: English loanwords; the French language; borrowing; Le Petit Robert; threat; purism.

Сегодня многие языки мира подвержены влиянию английского языка, точнее, его американского варианта. Л.-Ж. Кальве в этой связи высказывает предположение о том, что некоторые языки Европы – итальянский, французский, немецкий и испанский – медленно превращаются в «локальные формы английского» [1, с. 144-145.]. Подобные предполо-

жения вызваны заимствованием относительно большого количества англицизмов контактирующими с ним языками в течение относительно короткого периода времени – от десяти до тридцати лет. Например, словари новой лексики русского языка фиксируют, по данным нашего исследования, около 673 слов или 768 лексико-семантических вариантов англицизмов, пополнивших русский язык в 90-х гг. XX в. [2]. Итальянский язык за примерно этот же период (последнее десятилетие XX в. – начало XXI в.) пополнился 1398 заимствованными из английского лексико-семантическими вариантами [3, с. 112].

Исследователи указывают и на то, что заметнее всего влияние английского языка проявляется в молодежном сленге [4], жаргоне [5], речи мигрантов [6] и текстах СМИ [7].

Однако в текстах СМИ на разных языках англицизмов в действительности оказывается 1,3%-2,27% от общего количества слов [8, с. 21; 9, с. 31; 10, с. 53]. В отношении французского языка внимания заслуживает тот факт, что процент англицизмов мал и в интернет-коммуникации (1,7%) [11, с. 66], и в языке рекламы (3,2%) [12]. При этом, опросы респондентов показывают, что употребление многих англицизмов в СМИ не всегда коммуникативно оправдано, поскольку их значения не понятны носителям принимающего языка вне зависимости от того, владеют ли они английским [13].

Учитывая данные факты, можно ли говорить о реальной угрозе языкам Европы со стороны английского языка?

Французская академия (L'Académie française), одной из целей которой является регулирование языковой и литературной нормы французского языка, говорит об отсутствии такой угрозы и утверждает, что французский язык не испытывает значительной инвазии английской лексики. Ссылаясь на словари 1990 и 1998 годов, представители Французской академии заявляют, что количество англицизмов во французском языке составляет от 2,5% до 4-5% активной лексики. Последнее, 9-е, издание «Словаря Французской академии» содержит 1,76% англицизмов, причем они составляют 25,18% всех заимствований, представленных в словаре (для сравнения, итальянские слова составляют 27,42% заимствований во французском языке) [14].

Во многом отсутствие угрозы сегодня связывают с деятельностью пуристов, многочисленных организаций и регулированием употребления англицизмов во французском языке на государственном уровне с помощью множества законодательных актов как во Франции, так и за ее пределами [15, с. 152-161].

В этой связи интерес представляют выводы, сделанные О. Уолш в результате исследования отношения к англицизмам носителей французского языка во Франции и Квебеке о том, что французы демонстрируют умеренный пуризм, сочетающий черты как внутреннего (элитарного), так и внешнего (ксенофобного) пуризма [16, с. 447]. Исследователь также выявила корреляцию между пуризмом и уровнем образования: респонденты с более высоким уровнем образования менее склонны придерживаться пуристических взглядов, чем респонденты с более низким уровнем образования [там же, с. 439]. Таким образом, проявления языкового пуризма во Франции не носят радикальный характер.

Почему французы используют англицизмы? К. Риу в газете «Ле Девуар», ссылаясь на исследование, проведенное Генеральной делегацией по французскому языку (la Délégation générale à la langue française) и Органом профессионального регулирования рекламы (l'Autorité de régulation professionnelle de la publicité), в качестве одной из причин указывает тот факт, что «в эпоху политкорректности ассоциативный потенциал и туманность, завуалированность английского могут показаться более удобными, чем пугающая точность французского» (здесь и далее перевод с французского наш. – С. В.) [12]. При этом также указывается, что наряду с нечастым использованием англицизмов в СМИ окружение становится все более английским (музыка, торговые марки и пр.). Поэтому использование англицизмов – своего рода дань моде.

Исследователи различают среди новейших англицизмов собственно заимствования, псевдо-англицизмы (т.е. слова, созданные из английских морфем в каком-либо другом языке) [17] и так называемые *buzzwords* («лексические единицы, которые несут в себе элемент сенсации, связанный с действием моды, который может, вполне определенным образом, ассоциироваться с представлением о престиже» [18, с. 12]). Последние часто имеют в принимающем языке синонимы и являются преходящими.

Собственно заимствования, напротив, считаются фактом языка и фиксируются толковыми словарями. Л. П. Крысин пишет: «Регистрация иноязычного слова в толковом словаре – завершающий этап его освоения: ведь подавляющее большинство словарей являются нормативными, их словник состоит из наиболее регулярно употребляющихся, укоренившихся в языке лексических средств» [19, с. 78 .]. Для французского языка это, например, словари «Малый Робер» и «Малый Ларусс», которые ежегодно публикуют списки включенных в них новых слов.

Исследование списков новых слов в словаре «Малый Робер» за 2015-2019 гг. [20] показало, что за этот период лексику французского языка пополнили 57 англицизмов. Следует также отметить, что слов, созданных

путем морфемной деривации, среди новых слов французского языка гораздо больше, чем заимствований.

Англицизмы были включены в словарь спустя некоторое время после начала их использования в речи. Например, отмечено, что слова *tweeter* ‘*poster une information dans un tweet* (рус. *размещать информацию в твите*)’ и *hashtag* начали использоваться во французском в 2009 г., слово *selfie* – в 2013 г., а слово *aquabike* – в 2004 г.

Исследование показало, что большинство новейших англицизмов во французском языке относятся к сфере информационных технологий – 38 единиц из 57. И это не удивительно: многие языки мира заимствуют лексику информационных технологий из английского. Это такие слова, как, например, *gameur* (рус. *геймер*), *liker* (рус. *ставить лайки*), *bitcion* (рус. *биткойн*), *darknet* (рус. *даркнет*), *geeker* ‘*passer du temps sur son ordinateur* (рус. *проводить время за своим компьютером*)’ и др. Подобные слова являются интернациональными и зачастую не нуждаются в переводе. Н. Б. Мечковская отмечает: «Во всех странах мира экспансия английских заимствований в сферы жизни, связанных с информационными технологиями, соответствует общему тренду в развитии языковых ситуаций, ведущему ко всё возрастающим объемам коммуникации на английском языке. Если сравнивать количества поступающих в языки англицизмов, то компьютеры и Интернет представляют собой первый по значимости канал распространения англицизмов; за информатикой следуют музыка, шоу-бизнес и другие отрасли массовой культуры» [21, с. 50]. Среди новейших англицизмов во французском языке есть и относящиеся к сфере музыки и шоу-бизнеса, например, *playliste* (рус. *плейлист*), *musical* (рус. *мюзикл*), и к массовой культуре, например, *cosplay* (рус. *косплей* ‘*перевоплощение в различные роли, заключающееся в переодевании в костюмы и отыгрывании характера, пластики тела и мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов, аниме*’).

Зафиксированные словарем «Малый Робер» англицизмы не всегда освоенны фонетически и графически, но освоены грамматически – существительные и прилагательные приобрели категории рода и числа, глаголы имеют окончание инфинитива *–er* и формы спряжения. Они не разрушают систему французского языка (хотя некоторые исследователи отмечают изменения в синтаксисе французского языка Канады под влиянием английского [4] или изменения в семантике французских слов под влиянием созвучных им английских слов [22]). Французская академия старается не допустить подобного разрушительного влияния.

Так, к отдельным англицизмам составители словаря приводят официально рекомендованные Французской академией синонимы, например,

aquacycle для *aquabike, mégadonnées* для *big data, vélo à pignon fixe* (рус. *велосипед с зафиксированным зубчатым колесом*) для *fixie, internet clandestin* (рус. *скрытый, тайный интернет*) для *darknet.* Предложенные номинации являются кальками английских этимонов, и многие явно проигрывают по сравнению с заимствованиями, так как не однословны. Но узус по определению отражает речевые привычки языкового коллектива. Французская академия старается эти привычки прививать. В ряде случаев им удается склонить носителей французского языка в сторону использования исконной лексики вместо заимствованной, как случилось со словом *ordinateur*, заменившем *computer,* которое сейчас помечается в словарях как устаревшее.

Из вышесказанного можно заключить, что французский язык, как и многие другие, сегодня подвержен влиянию английского языка, что неизбежно при существующих условиях языкового контакта. Угрожают ли англицизмы существованию французского языка? Угроза определяется как «совокупность условий и факторов, которые могут стать причиной нарушения целостности» или «что-либо, имеющее возможность использовать уязвимость» [23]. По нашему мнению, французский язык не до такой степени уязвим, чтобы англицизмы стали причиной нарушения его целостности.

Библиографические ссылки

1. Calvet L.-J. L'Europe et ses langues.Paris: Plon, 1993. 237 p.
2. Воробьева, С.В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1. Филология. 2009. № 5 (42). С.178-186.
3. Тропец Т. В. Формирование денотативного компонента семантики англицизмов в итальянском языке // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. Минск : МГЛУ, 2019. № 1 (98). С. 110–118.
4. Cziffra M. Franglais et anglicismes: quand le français se met à parler français [Ressource électronique] // Slate. Mode d'accès: http://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-angliscismes-franglais (date d'accès: 20.10.2019).
5. Кудряшова И. А., Седова Т. В. Заимствования в лексике современного испанского языка как результат «Спроса и предложения» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №11 (77) В 3-х ч. Ч 2. С. 96-99.
6. Масляков В. С. «Спанглиш» как явление языковой межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2011. №1 (13). С. 51-61.
7. Савина Т. Т., Насыров К. В. Англоязычные заимствования в современных текстах российских СМИ [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 7. Режим доступа: http://human.snauka.ru/2016/07/15709 (дата обращения: 26.03.2019).

8. Gentsch K. English borrowings in German newspaper language: Motivations, frequencies, and types, on the basis of the Frankfurter Allgemeine Zeitung, Muenchner Merkur, and Bild [Electronic resource]. B.A. thesis. Swarthmore College. 49 p. Mode of access: https://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/linguistics/2005_gentsch_kerstin.pdf (date of access: 15.09.2019).
9. De Ridder D., Jooken L. English loanwords in German media: a quantitative and qualitative analysis based on a corpus of articles between September and November 2013 [Electronic resource]. Master of Arts in Translation Thesis. Universiteit Gent, 2014. 87 p. Mode of access: https://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/002/162/256/RUG01-002162256_2014_0001_AC.pdf (date of access: 15.09.2019).
10. Planchon C. Anglicisms and online journalism: Frequency and patterns of usage. Belas Infiéis, 2014. V. 3, n. 2. P. 43-61.
11. Lazar J. Les anglicismes dans le dicours électronique médié (The anglicisms in computermediated communication) // Studia Romanica Posnaniensia. Poznań : Adam Mickiewicz University Press, 2012. Vol. 39/4: P. 61-69.
12. Rioux Ch. Publicité en France – Peu d'anglicismes, mais l'environnement tend à s'angliciser [Ressource électronique] // Le Devoir. 22 décembre 2009. Mode d'accès: https://www.ledevoir.com/monde/europe/279874/publicite-en-france-peu-d-anglicismes-mais-l-environnement-tend-a-s-angliciser (date d'accès: 20.10.2019).
13. Астрашевская Р. Д., Шкель А. Р. Англицизмы в языке современных русских СМИ // Acta Germano-Slavica VI. 2015. С. 6-11.
14. Anglicismes et autres emprunts [Ressource électronique]. Mode d'accès: http://academie-francaise.fr/questions-de-langue#12_strong-em-anglicismes-et-autres-emprunts-em-strong (date d'accès: 20.10.2019).
15. Rickard P. A History of the French Language. 2-nd ed. London : Routeledge. 192 p.
16. Walsh O. 'Les anglicismes polluent la langue française'. Purist attitudes in France and Quebec // Journal of French Language Studies, vol.24, issue.3, P. 423-449.
17. Pseudo-English. Studies on False Anglicisms in Europe / ed. by Furiassi C., Gottlieb H. // Language Contact and Bilingualism. Vol. 9. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. 287 p.
18. Jeandidier A. Les buzzwords d'origine anglaise dans la langue française : simples anglicismes ou véritables néologismes? [Ressource électronique] // ELAD-SILDA [En ligne]. 2018. № 1 «NEOLEX». Mode d'accès: https://revues.univ-lyon3.fr/elad-silda/index.php?id=303&file=1 (date d'accès: 20.10.2019).
19. Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Рус. яз. в шк. 1991. № 2. С. 74-78.
20. Les mots nouveaux et les nouvelles personnalités du Petit Robert. Dossier de presse. 2015-2019 [Ressource électronique]. Mode d'accès: https://www.lerobert.com/dictionnaires/francais/langue?solrlimit=36 (date d'accès: 21.10.2019).
21. Мечковская Н. Б. Лингвистический киберпанк в русском интернете: функции и виды языковой игры с английскими заимствованиями // Slavistična revija, letnik 55/2007, št. 1–2, januar–junij. S. 47-64.
22. Gensane B. Henri Goursau. Dictionnaire des anglicismes [Ressource électronique]. 08.09.2015 // Mediapart. Mode d'accès: https://blogs.mediapart.fr/bernard-

gensane/blog/080915/henri-goursau-dictionnaire-des-anglicismes (date d'accès: 21.10.2019).
23. Угроза [Электронный ресурс] // Справочник технического переводчика. Режим доступа: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/249338 (дата обращения: 12.10.2019).

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

А. В. Гончарик
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь
e-mail: allix88@gmail.com

В данной статье рассматриваются способы образования терминологических единиц астрономического дискурса. Используемая терминология данного дискурса предназначается для того, чтобы выразить профессиональные категории, предметы или явления. Специфической чертой астрономической лексики является точность выражения различных специализированных понятий данного вида деятельности.

Ключевые слова: астрономический дискурс; терминологические единицы; профессиональные категории; однокомпонентные единицы; словосложение; аббревиация.

TERMINOLOGICAL UNITS OF ASTRONOMICAL DISCOURSE AND SOME PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION

A. V. Gontcharik
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: allix88@gmail.com

This article discusses methods for the formation of terminological units of astronomical discourse. The terminology used in this discourse is intended to express professional categories, objects or phenomena. A specific feature of astronomical vocabulary is the accuracy of the expression of various specialized concepts of this type of activity.

Key words: astronomical discourse; terminological units; professional categories; single component units; collocation; abbreviation.

Изучение языков является неотъемлемой частью профессиональной деятельности человека. В связи с увеличивающимся потоком информации, позволяющим ускорить обмен данными между представителями разных языковых систем, имело место бурное развитие технологий в такой научно–технической сфере, как астрономия. Ключевую роль в образовании астрономических терминов играет возможность передачи специ-

ализированных знаний следующему поколению профессионалов. Профессиональная лексика образует пласт в отраслевом языке, который употребляется в астрономическом дискурсе, и с помощью которого ориентирование специалистов в данном виде деятельности становится легче. Используемая терминология данного дискурса предназначается для того, чтобы выразить профессиональные категории, предметы или явления. Специфической чертой астрономической лексики является точность выражения различных специализированных понятий данного вида деятельности. Появилось большое количество новых изобретений, которым требовалось подобрать соответствующее название. Обмен опытом между специалистами, работающими в области астрономии, привёл к возникновению большого количества терминов, из-за чего возникла необходимость в изучении данной сферы деятельности.

Под терминами понимаются слова и словосочетания, обозначающие понятия и объекты специальной области знания. [1, с. 9]. Терминологические единицы астрономического дискурса употребляются в профессиональной речи и текстах для краткости и лаконичности. Функционируя в рамках своей терминосистемы, термины астрономического дискурса обозначают объекты, процессы, свойства, явления, характерные для данной научной области, несут необходимую информацию об обозначаемых ими явлениях действительности.

Ключевую роль в образовании астрономических терминов играет возможность передачи специализированных знаний следующему поколению профессионалов. Профессиональная лексика образует пласт в отраслевом языке, который употребляется в астрономическом дискурсе, и с помощью которого, ориентирование специалистов в данном виде деятельности становится легче. Используемая терминология данного дискурса предназначается для того, чтобы выразить профессиональные категории, предметы или явления.

В астрономии насчитывается огромное количество терминов. Их можно разделить на следующие категории:

1) астрономические объекты (*constellation, planet, pulsar, satellite*);

2) названия звезд, планет, спутников, комет, созвездий (*Mars, Great Bear, Jupiter, Saturn*);

3) космическое пространство (*solar system, interstellar space, universe*);

4) процессы и явления (*accretion, eclipse*);

5) состояние газа, материя, частицы и вещество (*vacuum, antimatter, sunlight, atmosphere*);

6) абстрактные величины, обозначения и понятия (*light-year, speed of light, gravity, zenith, astronomical unit*);

7) название теории (*Big Bang*).

Для астрономической терминологии характерно заимствование терминов. Чаще всего – это названия видов звезд (*technetium star* – *'*технециевая звезда', *barium star* – *'*бариевая звезда', *carbon star* – *'*углеродная звезда').

Однокомпонентные термины в английском языке образуются морфологическим способом. Морфологический способ включает в себя аффиксацию, т.е. присоединение префикса, суффикса или одновременно префикса и суффикса к корню слова или его основе. В английской астрономической терминологии к наиболее распространенным суффиксам, участвующим в образовании терминов, можно отнести суффиксы *-able (observable), , -ed (zoned), -tion, -sion (reflection, compression), -ity (luminosity), -ment (displacement), -ance (transmittance), -ic (ecliptic, cosmic), -ing (tracking), -less (atmosphereless).*

В английской астрономической терминологии чаще всего можно встретить такой способ словообразования, как словосложение, т.е. образование новых слов путем сложения двух или более основ: *planetesimal* (от англ.*planet '*планета' и *infinitesimal '*бесконечно малая') – *'*планетезималь'; *photosphere* (от греч. *photos (phos)* – 'свет' и *sphaira* – *'*шар*')* – *'*фотосфера*'; starburst (*от англ. *star '*звезда' и *burst '*внезапно появляться*')* – *'*звездообразование*'.*

Синтаксический способ терминообразования в астрономических текстах в английском языке является одним из самых распространенных. Среди многокомпонентных терминов выделяют двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные единицы.

Можно выделить следующие модели образования двухкомпонентных терминологических сочетаний: 1) Noun + Noun (*supernova remnant* – 'остаток сверхновой'); 2) Noun + Prep + Noun (*speed of light* – 'скорость света'); 3) Adj + Noun (*black hole* – 'черная дыра'); 4) Adj + Ving (*tidal heating* – 'приливный разогрев'); 5) Ved + Noun (*disturbed atmosphere* – 'возмущенная атмосфера'); 6) Ving + Noun (*reflecting material* – 'отражающее вещество').

Трехкомпонентные единицы в астрономической терминологии встречаются не реже двухкомпонентных. Образуются они посредством сочетания опорного компонента – существительного и двух препозитивных или постпозитивных определений: 1) N + N + N (*gamma-raybursts* – 'гамма всплеск'); 2) Adj + N + N (*neutral hydrogen clouds* – 'облака нейтрального водорода'); 3) Ving + N + N (*emerging flux region* – 'область всплывающего потока'); 4) Adj + Adj + N (*active photospheric region* – 'активная область фотосферы'); 5) Adj + N + Ving (*lunar surface marking* –

‘образование на лунной поверхности’); 6) Ving + Adj + N (*moving magnetic features* – ‘движущиеся магнитные образования’); 7) N + Prep + Adj + N (*sequence of galactic types* – ‘последовательность типов галактик’).

Четырех и более компонентные термины, в сравнении с двухкомпонентными сочетаниями, встречаются реже. Однако среди четырехкомпонентных сочетаний можно выделить следующие способы образования: 1) Adj + Adj + N + N (*massive compact halo objects* – ‘массивные компактные объекты гало’); 2) Adj + N + N + N (*main sequence of star types* – ‘последовательность основных спектральных классов звезд’); 3) Adj + N + Adj + N (*intermediate-mass black hole* – ‘черная дыра средней массы’).

Очень редко встречаются шестикомпонентные (*emission from the disk of Galaxy* – ‘излучение диска Галактики’).

Аббревиация является еще одним способом образования терминов. Аббревиация представляет собой сложение слов или основ с их одновременным сокращением [2, с. 146].

В зависимости от числа компонентов в астрономической терминологии встречаются однокомпонентные (*PLS – Plasma)*, двухкомпонентные (*BH – Black hole)*, трехкомпонентные (*GRS – great red spot*), четырехкомпонентные (*OPEN – origins of plasma in Earth's neighbourhood*), пятикомпонентные (*LINER – low ionization nuclear emission line region*). При написании большей части физических величин используется аббревиатура (*Мрс – Мпк, ua – a.e*) [3, с. 247].

В астрономической терминологии существует несколько способов передачи аббревиатур с английского на русский язык:

1. Передача соответствующей аббревиатурой из русского языка. Данный вариант предусматривает наличие в русском языке перевод аббревиатуры. Это самый распространенный способ в научных текстах: *BH (black hole)* – ‘ЧД (черная дыра)’, *GC (globular clusters)* – ‘ШЗС (шаровое звездное скопление)’.

2. Описательный перевод. Данный вид перевода употребляется в тех случаях, когда в русском языке нет соответствующих эквивалентов: *AM (antimatter)* – ‘антиматерия’, *FTL (faster–than–light)* – ‘сверхсветовое движение’, *LUO (lunar orbit)* – ‘окололунная орбита’.

На сегодняшний день перевод научных текстов приобретает все большую популярность. Это касается и текстов на астрономическую тематику. Популярность обусловлена быстрым технологическим развитием, благодаря которому с каждым днем ученые открывают все больше астрономических объектов. Перевод научно-популярной литературы очень важен, так как позволяет обмениваться научным опытом. При переводе научно-популярной литературы переводчик должен обращать

внимание на специальную астрономическую лексику, разбираться в данной тематике, чтобы правильно передать смысл текста.

Библиографические ссылки

1. Гореликова С. Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // Вестник ОГУ. 2002. №6. С. 129-136.
2. Гринёв-Гриневич С. В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
3. Цветков В. И. Ц 27 Космос. Полная энциклопедия. М. : Эксмо, 2010. 248 с.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ XVIII ВЕКА В ГЕРМАНИИ И РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДОВ И. К. ГОТШЕДА, И. К. АДЕЛУНГА, М. В. ЛОМОНОСОВА)

Ф. Э. Гумбатова
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: f.gumbatova@spbu.ru

В статье речь идет о становлении лингвистической терминологии XVIII века в Германии и России, мы касаемся вопроса терминологии как ключевого момента в научном дискурсе. Особенностью процесса становления научной терминологии XVIII века является широкое использование синонимичных терминов, которые подвергаются в данной статье подробному изучению и анализу.

Ключевые слова: термин; термин-синоним; И. К. Готшед; И. К. Аделунг; М. В. Ломоносов; научный текст XVIII века.

THE FORMATION OF LINGUISTIC TERMINOLOGY OF THE XVIII CENTURY IN GERMANY AND RUSSIA (ON THE MATERIAL OF WORKS OF I. K. GOTSHED, I. K. ADELUNG, M. V. LOMONOSOV)

F. E. Gumbatova
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
e-mail: f.gumbatova@spbu.ru

The article is about the formation of linguistic terminology of the XVIII century in Germany and Russia, we touch on the issue of terminology as a key point in scientific discourse. A feature of the process of the formation of scientific terminology of the XVIII century is the widespread use of synonymous terms, which are subjected to detailed study and analysis in this article.

Key words: term; synonym term; I. K. Gottshed; I. K. Adelung; M. V. Lomonosov; 18th century scientific text.

Как и раньше ученые обращались к изучению термина, специальных языков, так и на данный момент проблеме термина и терминологии на

данный момент посвящено огромное множество работ как в отечественной, так и зарубежной лингвистике. Велико и число предлагаемых для данного понятия определений. Тем не менее, сущность термина до сих пор остается предметом жарких дискуссий.

Якоб Хеммер в своем труде «Deutsche Sprachlehre» 1775 года, дает следующее определение: специальные слова – это те слова, обозначающие те вещи, которые известны людям, которые уважают свое ремесло или работу [1, с. 432]. И. Ф. Хайнатц в работе «Deutsche Sprachlehre» приводит более точное определение: специальные слова – слова, которые встречаются только в определенных ремесленных мастерских, в отдельных науках [2, с. 169].

Данная статья посвящена становлению лингвистической терминологии XVIII века в Германии и России, основное внимание в статье акцентируется на синонимичном употребление терминологических единиц.

Как известно, XVIII век – это век Просвещения, период приобщения людей среднего класса к культуре, науке, литературе, идеи Просвещения оказали заметное влияние на исследования в области филологии, прежде всего – риторики и грамматики, XVIII век считается периодом становления литературного языка в Германии, этапом формирования немецкоязычной терминологии [3, с. 6]. Как отмечает К. А. Филиппов, «истоки современного немецкого научного дискурса» необходимо искать в данном периоде времени, в эпоху зарождения немецкого научного языка, в период становления немецкого литературного языка в целом [4, с. 190].

Среди важных фигур, которые внесли значительный вклад в развитие немецкого дискурса XVIII века, можно назвать Готфрида Вильгельма Лейбница, который предложил использовать немецкий язык, как язык науки, занимался разработкой немецкоязычной терминологии, Христиана Вольфа, который первый попытался использовать немецкий язык для написания философских трудов, Иоганна Кристофа Готшеда и Иоганна Кристофа Аделунга, авторов первых грамматик на немецком языке. Они внесли большой вклад в развитие немецкого литературного языка, немецкой лингвистической терминологии, в дальнейшее развитие немецкого научного дискурса [4, с. 195].

Сильное влияние оказала немецкая научная литература на формирование русской научной литературы, русского научного дискурса в XVIII веке М. В. Ломоносов, один из основоположников русской лингвистики, русскоязычной лингвистической терминологии, был учеником Х. Вольфа, под чьим руководством были написаны первые научные труды юного Ломоносова. Русский ученый был связан и с И. К. Готшедом через своего учителя.

На основе анализа трудов И. К. Готшеда «Ausführliche Redekunst» [5], «Versuch einer Critischen Dichtkunst» [6] и «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» [7], трудов И. К. Аделунга «Ümständiges Lehrgebäude der deutschen Sprache» [8], «Über den deutschen Styl» [9] и научных лингвистических работ М. В. Ломоносова «Российская грамматика» [10], «Краткое руководство к красноречию» [11], «Письмо о правилах российского стихотворства» [12] нам удалось определить, что немецкие и русские научные тексты XVIII века характеризуются высокой насыщенностью как терминов, так и терминов-синонимов. Лингвисты XVIII в. в Германии и России в процессе терминотворчества систематизировали лингвистическую терминологию, создали терминосистему, элементы которой характеризовались дефинированностью и наличием терминов-синонимов, которые выполняли функцию передачу нового знания, уточнения или пояснения значения нововведенного термина. Слова из общеупотребительной лексики часто приобретают терминологическое значение.

Проведенный анализ терминов-синонимов в немецких и русских научных текстах XVIII века показал, что синонимичные терминологические единицы широко представлены абсолютными синонимами. Специфика абсолютной синонимии заключается в том, что термины полностью совпадают по значению и употреблению. В корпусе примеров абсолютные синонимы представлены дублетными наименованиями и интернационализмами. В научных трудах М. В. Ломоносова дублетные наименования представлены шире, чем в работах немецких просветителей XVIII века. Под дублетами мы понимаем термины в рамках одного языка и терминосистемы с тождественным значением для номинации одного научного понятия [13, с. 138]. Связано это с тем, что М. В. Ломоносов стремился описать грамматический строй русского языка так, чтобы он смог войти в круг грамматических систем латинского и немецкого языков и быть при этом равноправным с ними. Русский лингвист ставил своей задачей создать такую грамматическую терминологию, в которой использовались бы русскоязычные мотивированные терминологические наименования, внутренняя форма которых указывала бы на специфику обозначаемого понятия (*уступление или признание; напряжение или стечение; моление или прошение*). Это объясняет неактивное использование интернациональных терминов-синонимов в научных трудах М. В. Ломоносова.

Немецкие грамматисты эпохи Просвещения уделяли большое внимание латинским терминам, они не предлагали полный отказ от их использования, при этом считали, что следует также использовать их немецкие

эквиваленты. Оба грамматика выступали за чистоту и правильность языка, не допускали использование чрезмерных заимствований, но при этом отрицали радикальный пуризм, осуждали его и считали, что он вредил немецкому языку, развитию немецкой терминологии [14, с. 27]. В процессе формирования немецкой лингвистической терминологии И. К. Готшед и И. К. Аделунг опирались на терминологию латинского, греческого языков, в меньшей степени на французский. Авторы предлагали ассимилировать иноязычные термины, для которых в немецком языке не было эквивалентов. В своих трудах лингвисты приводили заимствованные лингвистические термины и их немецкие термины-синонимы (*Mundart – Dialekt* ‘диалект’; *Sprachähnlichkeit – Analogie* ‘аналогия’; *Hauptwort – Substantiva* ‘существительное’; *Verbum – Zeitwort* ‘глагол’). Основные принципы, которым следуют И. К. Аделунг и И. К. Готшед при выборе средств объяснения термина, являются точность и ясность. Немецкие лингвисты не ставили своей задачей использование исключительно немецкоязычных терминов, авторы полагали, что отказ от латинских терминов в период формирования немецкоязычной терминологии, был невозможен.

Таким образом, проведенный анализ терминов-синонимов в немецких и русских научных текстах XVIII века показал, что синонимичные терминологические единицы широко представлены абсолютными синонимами. В корпусе примеров абсолютные синонимы представлены дублетными наименованиями и интернационализмами. В научных трудах М. В. Ломоносова синонимичные ряды, состоящие исключительно из русскоязычные терминов, встречаются чаще, чем у немецких лингвистов, которые используют наряду с немецкими терминами синонимичные им иностранные термины, зачастую нетранслитерированные. Можно утверждать, что данное явление повлияло на современную ситуацию в лингвистической терминологии, т.к. в русском языке более употребительна русскоязычная терминология, в немецкой лингвистической терминологии активно используются заимствования из латинского языка.

Библиографические ссылки

1. Hemmer J. J. Deutsche Sprachlehre. Mannheim, 1775. 795 S.
2. Heynatz J. F. Deutsche Sprachlehre : zum Gebrauch der Schulen: Mylius, Berlin, 1790. 608 S.
3. Филиппов К. А., Волков С. С. М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: В. Г. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед : научный доклад. СПб. : СПбГУ, 2014. 60 с.
4. Филиппов К. А. Заметки об эстетике немецкого историко-грамматического дискурса XVIII века // XLI Международная филологическая конференция, Санкт-

Петербург, 26-31 марта 2012 г.: Избранные труды / отв. ред. А. С. Асиновский, С. И. Богданов. СПб. : СПбГУ, 2013. С. 185-197.
5. Gottsched J. Ch. Ausführliche Redekunst 3. Aufl. Leipzig, 1743. 728 S.
6. Gottsched J. Ch. Versuch einer Critischen Dichtkunst. 5 verb. Aufl. Leipzig, 1751. 357 S.
7. Gottsched J. Ch. Grundlegung einer deutschen Sprachekunst. 5. verb. Aufl. Leipzig, 1762. 482 S.
8. Adelung J. Chr. Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache zur Erläuterung der deutschen Sprachlehre für Schulen. 2 Bde. Leipzig, 1782. 855 S.
9. Adelung J. Chr. Über den deutschen Stil. 2. Bde. Leipzig, 1785. 508 S.
10. Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб. : Императорская академия наук, 1755. 213 с.
11. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. Москва: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89-378.
12. Ломоносов М. В. Письмо о правилах российского стихотворства // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 9-88.
13. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. : КомКнига, 2007. 256 с.
14. Геерс М. Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Тверь, 2002. 32 с.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ СОЧЕТАНИЯ *ЗАНИМАТЬСЯ ЧЕМ (ЗАЙМАЦЦА ЧЫМ)* В СОСТАВЕ НОМИНАТИВНЫХ РЯДОВ ГЛАГОЛОВ-ОТСУБСТАНТИВОВ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Л. Дорош
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь
e-mail: natali-200707@mail.ru

Статья посвящена структурно-семантическому анализу глаголов-отсубстантивов, соответствующих деривационному сочетанию типа *заниматься чем (*бел. *займацца чым),* в русском и белорусском языках. Описаны словообразовательные форманты глаголов-отсубстантивов, проиллюстрированы сходства и различия в образовании производных единиц. Глаголы рассматриваются не изолированно, а в составе номинативных рядов.

Ключевые слова: глагол-отсубстантив; производящая единица; деривационное сочетание; номинативный ряд.

DERIVATION COMBINATIONS *TO DO WHAT* AS A COMPOSITION OF NOMINATIVE RANKS OF VERBS AND SUBSTANTS IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGE

N. L. Dorosh
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus
e-mail: natali-200707@mail.ru

The article is devoted to the structural-semantic analysis of the substantive verbs corresponding to the derivational combination of the type *to do what* in the Russian and Belarusian languages. The word-building formants of substantive verbs are described, the similarities and differences in the formation of derived units are illustrated. Verbs are not considered in isolation, but as part of nominative series.

Key words: substantive verbs; production unit; derivational combination; nominative series.

Введение. Особую группу мотивирующих единиц для глаголов составляют имена лиц. Глаголы, соотносимые с наименованиями лица, могут указывать на профессию, специальность того, кто выполняет действие, могут выражать поведение людей, характеризовать их взаимоотношения или социальное положение и т.д. [1, с. 250].

Как показал анализ глаголов-отсубстантивов, в основе семантики изучаемых единиц в русском и белорусском языке лежат когнитивные модели, соотносимые со словообразовательными значениями той или иной группы производных единиц [2]. Производные глаголы-отсубстантивы с семантикой лица могут быть представлены целым рядом подгрупп, специфика семантики которых эксплицируется в деривационных сочетаниях быть кем, работать кем, заниматься чем, вести себя как, проявлять что, стать кем и др.

Основная часть. Большая по количеству, но неоднородная по составу группа глаголов, образованных или соотносимых с наименованием лица, соответствующих деривационному сочетанию типа *заниматься* (бел. *займацца*) + *имя* (действие в творительном падеже). Например, рус.: *браконьерствовать – заниматься браконьерством*, *живодёрствовать – заниматься живодёрством*, *рыбачить – заниматься рыболовством*, *столярничать – заниматься ремеслом столяра*, *ложкарничать* (устар.) – *заниматься изготовлением ложек*, *торгашествовать – заниматься мелочной торговлей*; бел.: *бандарыць – займацца бондарствам*, *браканьерыць – займацца браканьерствам*, *бурлачыць – займацца бурлацкім промыслам*, *гаспадарыць – займацца гаспадаркай*, *хуліганіць – займацца хуліганствам*, *штукарыць – займацца штукарствам*, *шынкарыць – займацца шынкарствам*. Эта модель охватывает разнооб-

разные виды деятельности и по значению значительна шире в сравнении с деривационным сочетанием *работать* (бел. *працаваць*) *кем*, которое, на первый взгляд, схоже с ней по смыслу. Например, рус. *работать сапожником, заниматься сапожничеством*, бел. *працаваць цесляром, займацца цяслярствам*. Различие этих моделей заключается в том, что в словосочетаниях *работать* (бел. *працаваць*) *кем* процессуальность рассматривается как постоянное свойство, а в словосочетаниях *заниматься* (бел. *займацца*) *чем* она обращена к объекту действия. Здесь главное место занимают те словосочетания, в составе которых имя существительное, соотносимое с глаголами, имеет сему значения ‘профессия’: рус. *столяр → столярничать → столярничество – заниматься столярничеством;* бел. *штукар → штукарыць → штукарства – займацца штукарствам.*

Словосочетание заниматься кузнечеством является производным от названия действия *кузнечество* так же, как *работать кузнецом* производно от наименования лица *кузнец*. Оба словосочетания входят в парадигму одного номинативного ряда и совпадают по значению (‘работать кем’). Однако *заниматься кузнечеством* – не всегда *работать кузнецом*, значение данного деривационного словосочетания двухзначно, собственно как и значение самого отсубстантивного глагола (*кузнечничать*, или *кузнечить*). Аналогичная ситуация в белорусском языке, потому как белорусский и русский языки являются близкородственными. *Займацца бондарствам* и *працаваць бондарам* (где *бондар – майстар па вырабу драўлянай пасуды*) опять-таки близки по значению, но деривационное словосочетание *займацца бондарствам* может обозначать и конкретный процесс, не связанный с профессией, в то время как словосочетание *працаваць бондарам* однозначно. Именно по этой причине в словарную дефиницию, как правило, включается слово заниматься: рус. *столярничать – заниматься столярной работой, быть столяром, слесарничать – выполнять слесарную работу, заниматься ремеслом слесаря*; бел. *штукарнічаць – займацца штукарствам, быць штукаром*. Деривационные сочетания зачастую эксплицируют, как нетрудно заметить, в некоторой части данных словосочетаний сему ‘ремесло (бел. *рамяство*)’. Ср.: рус. *столярничать – заниматься ремеслом столяра, плотничать – заниматься ремеслом плотника, кожевничать – заниматься кожевенным ремеслом*; бел. *чумакаваць – займацца чумацкім рамяством, бурлачыць – займацца бурлацкім рамяством*.

Как было отмечено выше, иногда словосочетание, соответствующее модели заниматься чем, не связано напрямую с наименованием лица по

профессии, тогда деривационные отношения между указанными участниками словообразовательного процесса принимают следующий вид:

рус. *воспитатель* ← *воспитывать* → *воспитание*
заниматься воспитанием

бел. *чытач* ← *чытаць* → *чытанне*
займацца чытаннем [3].

Особенность этих словосочетаний (типа *заниматься воспитанием* и *займацца чытаннем*) в том, они обозначают физическое действие, не связанное с профессией, а потому слабо соотносятся с определенным, реальным деятелем. Глагола *заниматься* (бел. *займацца*) зачастую способен сочетаться с именами, которые не имеют прямых глагольных дериватов в данном значении или вообще не имеют словообразовательно соотносительных глаголов. В таком случае единственный способ трансформации имени в глагол – словосочетание в деривационной функции. Например: рус. *заниматься литературой* – ∅, *заниматься пересудами* – ∅; бел. *займацца спортам* – ∅, *займацца матэматыкай* – ∅ и т.д. Абсолютно самостоятельную область номинации в русском и белорусском языках, к примеру, составляют словосочетания данной модели в тематической группе «спорт»: рус. *заниматься спортом* (*баскетболом, волейболом, теннисом*) – ∅, бел. *займацца спортам* (*футболам*, *валейболам*) – ∅.

Большое количество производных глаголов этой группы в словарных дефинициях не содержат деривационных сочетаний модели *заниматься* (*займацца*) *чем*. Ср.: рус. *попрошайничать* ‘быть попрошайкой, нищенствовать’, *прожектёрствовать* ‘увлекаться неосуществимыми, нереальными проектами’; бел. *жульнічаць* ‘карыстацца несумленнымі, жульніцкімі прыёмамі; махляваць, ашукваць’, *жабраваць* ‘збіраць міласціну; выпрошваць, дакучаць просьбамі’. Однако наличие отвлеченных имен типа рус. *попрошайничество*, *прожектерство*, бел. *жульніцтва*, *жабрацтва* и др. обеспечивает коммуникативную активность деривационным сочетаниям в русском языке *заниматься попрошайничеством* (*прожектёрством* и т.д.), в белорусском – *займацца жульніцтвам* (*жабрацтвам* и т.д.) как полноправным эквивалентам соответствующих глаголов. Этим также обеспечивается определенная модельность в организации целого комплекса полных и неполных номинативных рядов как структур, представляющих семантику ‘деятельность лица’ в обоих языках.

Превалирующая часть глаголов данной группы в русском языке имеет в своей структуре словообразовательный формат на *-и-*, *-нича-*, *-ствова-*, в белорусском – *-і-(-ы-)*, *-ніча-*, *-ствава-*. Нередко в русском и

белорусском языках при образовании слов с одним и тем же значением используются разные суффиксы. Например, рус. *браконьерствовать* – бел. *браканьерыць*, рус. *крохоборствовать* – бел. *крахаборнічаць*, рус. *торгашествовать* – бел. *гандляваць*, рус. *фокуснічаць* – бел. *штукарыць*.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что глагол *заниматься* (бел. *займацца*), в его вспомогательной функции, наиболее «вместительный» для обозначения самых разных видов деятельности (физической и профессиональной). Это обусловлено тем, что данный глагол и семантически, и грамматически связан с результатом или видом действия лица. Его главная функция, как показал анализ материала, – деривационная. Он способен неограниченно сочетаться с именем действия.

Библиографические ссылки

1. Никитевич А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов: моногр. Гродно : ГрГУ, 2004. 347 с.
2. Васілеўскі М. С. Дзеяслоўнае словаўтварэнне : Адыменныя суфіксальныя лексемы. Мінск : Навука і тэхніка, 1985. 248 с.
3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь: В 2 т. М. : Русский язык, 1985. Т.1-2.
4. Большой академический словарь русского языка : в 19 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. ; СПб. : Наука, 2004–2011.
5. Никитевич А. В. Деривация и смысл: моногр. Гродно : ГрГУ, 2014. 233 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65000 слоў / пад. рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. Мн. : БелЭН, 1996. 784 с.
7. Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1977. 359 с.

К ИССЛЕДОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ (на материале английских и русских паремий о душе)

В. М. Жмурина, Д. М. Миронова
Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия
e-mails: vladazhmurina@gmail.com; mir-lina@yandex.ru

В статье проводится сопоставительный анализ русских и английских пословиц о душе с точки зрения специфики образов, составляющих фигуральный план рассматриваемых единиц. Выявляется соотношение типов концептуальной метафоры во внутренней форме пословиц, намечаются перспективы дальнейшей разработки заявленной проблемы.

Ключевые слова: концепт; душа; онтологическая метафора; ориентационная метафора; структурная метафора; область-цель; область-источник.

TO THE STUDY OF NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF METAPHORICAL IMAGES
(by the material of English and Russian paroemias about the soul)

V. M. Zhmurina, D. M. Mironova
South-West State University
Kursk, Russia
e-mails: vladazhmurina@gmail.com; mir-lina@yandex.ru

The article presents a comparative analysis of Russian and English sayings about the soul from the point of view of the specificity of the imagery that make up the figurative plan of the considered units. The authors reveal a correlation between different types of conceptual metaphor in the internal form of proverbs and outline the prospects of further development of the stated problem.

Key words: concept; soul; ontological metaphor; orientational metaphor; structural metaphor; target domain; source domain.

Душа – один из центральных концептов в русской культуре, наиболее часто освещаемый в творчестве русских писателей. Многие произведения классической литературы посвящены этой теме, поскольку феномен души на протяжении значительного периода русской истории являлся центральным в жизни русского народа. Именно через него или с его помощью чаще всего интерпретируются самые сильные эмоции и переживания человека или лирического героя. Многие авторы и носители русского языка обращаются к русским пословицам о душе, чтобы наиболее точно выразить эмоции или описать конкретную ситуацию.

Как отмечает Г. Д. Сидоркова, «пословично-поговорный фонд лежит на стыке языка и культуры», а потому интерес к паремиям не ослабевает ни у лингвистов, ни у культурологов, ни у филологов, ни у этнографов и семиологов [цит по 1, с. 98]. Словари русских фразеологических единиц часто обновляются, пополняясь или исключая из содержания новые или устаревшие пословицы и крылатые выражения. Тот факт, что подобная литература переиздается, является доказательством популярности фразеологизмов в повседневной жизни современных носителей культуры, в частности русской и английской [2; 3].

«В широком этнографическом смысле культура, или цивилизация слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [4]. По мнению Л. Г. Ионина, в историческом смысле культура – это «социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни» [1, с. 19]. Определения культуры ориентированы на образ жизни, существующие идеалы и ценности её носителя, «культура напря-

мую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (посредством языка)» [5, с. 47]. Поэтому именно информационно-семиотическая интерпретация культуры признается в настоящее время наиболее продуктивной для лингвокультурологических исследований и лежит в основе нашего исследования.

В истории лингвистики представлены различные подходы, имеющие целью реконструкцию взаимосвязи языка и культуры. Выделяются три подхода в истолковании отношений между языком и культурой: «1) язык не является ни формой, ни элементом культуры; 2) язык – часть культуры; 3) язык – форма отражения культуры» [6, с. 37]. Однако при различии подходов общепризнанным является тот факт, что язык сочетает в себе конкретное и абстрактное, субъективное и объективное, личностное и коллективное, национальное и универсальное. Язык помогает понять внутренний мир и уклад жизни человека. «Язык раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке» [7, с. 8].

В основе исследования национально-культурной специфики языковых единиц лежит точка зрения Н. А. Бердяева, признававшего культуру национальной по сути: «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная» [8, с. 85]. Данное философское воззрение, в частности, является базовым для исследований национально-культурной специфики фразеологизмов.

Существование универсальных закономерностей человеческого мышления не отменяет того факта, что освоение окружающей реальности производится с помощью специфических способов, присущих национальной культуре, к которой человек принадлежит, что впоследствии закрепляется в языке отличными от другой культуры концептами. Проблема, связанная с культурологической маркированностью фразеологических единиц, состоит в определении механизма идентификации культурологической компоненты. Одним из таких методов является сопоставительный анализ, поскольку в своей сущности он нацелен на выявление всевозможных сходств и различий в области состава, структуры и проявления функций языков мира, которые остаются незамеченными вне процедуры сопоставления. При ономасиологическом подходе в контрастивном анализе сопоставление ведётся в направлении от семантики языкового знака к выражающим его формам, «языковым и когнитивным тактикам». Данное направление взято за основу в нашей работе.

Анализ материала, извлеченного из нескольких фразеологических словарей, показал, что русские пословицы и поговорки о душе часто содержат в себе метафорический образ, к примеру, *Чужая душа-потемки,*

Чужая душа – темный лес, Душа нараспашку, Влезть в душу. Благодаря когнитивному механизму метафоризации концепт «душа» в этом случае обретает некое физическое осмысление, наделяется материальными свойствами. В данных примерах перед нами онтологическая метафора.

В соответствии с концепцией метафоризации Дж. Лакоффа и М. Джонсона в структуре метафоры выделяют область-цель и область-источник. Например, в нашем исследовании в пословицах *Чужая душа – потёмки* и *The eyes are the windows of the soul* областями-источниками являются сферы «темнота» и «windows» соответственно.

Проведённый анализ паремий, извлеченных из словарей русского языка, «Оксфордского словаря английских идиоматических выражений» и «Farlex Dictionary of Idioms» [9; 10], позволяет сделать предварительные выводы о лингвокультурной специфике опорных концептов, составляющих область – источник пословичных метафор. Так, в русском языке из общего отобранного материала (в количестве 50 фразеологических единиц, из которых 31 содержит метафору) выделяется онтологических – 52% (*Дух захватывает/захватило, Брать/хватать за душу/за сердце, Душа/сердце не лежит, Как (что) бог на душу положит, Быть не в духе, До глубины души/сердца, Скребёт на душе/сердце, Кошки скребут (скребли, скребутся, скреблись)/заскребли (заскреблись) на (в) душе (на (в) сердце), Камень на душе/сердце, Болеть душой (сердцем), Тянуть душу, Камень с души (сердца) свалился, Раскрывать/раскрыть душу, Изливать/излить душу, С открытой душой (сердцем), Душа нараспашку, В глубине души, Влезать (лезть, залезать)/влезть (залезть) в душу, Сколько душе угодно, Вырвать из сердца (души), Без мыла в душу лезть/влезть*); ориентационных – 28% (*Жить/прожить душа в душу, Перевёртывать (переворачивать) /перевернуть (переворотить) <всю> душу, Душа (сердце) не на месте, Падать/упасть духом, Душа уходит (уходила)/ушла в пятки, Кривить/покривить душой, Стоять (торчать, сидеть) над душой*); структурных – 19% (*Чужая душа – потёмки, Чужая душа – тёмный лес, Душа (сердце) разрывается (рвется) <на части>*).

В английском языке выявлено 26 пословиц, из которых, однако, только 5 построены на метафоре. Среди них онтологических – 80% (*Pour out (one's) soul (to someone), Put (one's) heart and soul into (something, The iron enters (into) (someone's) soul, The eyes are the windows of the soul*), ориентационных – 20% (*a kindred spirit*).

Таким образом, мы можем сделать предварительный вывод о том, что онтологическая концептуальная метафора является наиболее частотной в анализируемом материале русского и английского языков, со значительным преобладанием фигуральных пословиц в первом. В языковом созна-

нии носителей русского языка наиболее часто областью-источником таких метафор являются пространственные параметры и ориентиры, присущие душе, переосмысленной в «вещной» концептуальной области.

В перспективе нашего исследования мы планируем дополнить и углубить выводы, полученные на данном этапе исследования, с помощью направленного ассоциативного эксперимента. Привлечение этого метода поможет выявить более широкий круг метафорических образов, участвующих в концептуализации души, и включить в него психологически реальные образы, актуальные для сознания носителей двух рассматриваемых лингвокультур.

Библиографические ссылки

1. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19. М. : РГБ, 2005. 364 л.
2. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. Москва : Русский язык, 2000. 544 с.
3. Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. М. : Рус. яз., 1997. 845 с.
4. Тайлор Э. Б. Первобытная культура [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000015/st002.shtml (дата обращения: 20.09.2019).
5. Ионин Л. Г. Социология культуры. М. : Логос, 1996. 280 с.
6. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М. : Высшая школа, 1978. 216 с.
7. Арутюнова Н. Д Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М. : «Языки русской культуры», 2000. С.7-19.
8. Бердяев Н. А. Судьба России. Самосознание. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 544 с.
9. The Oxford Dictionary of Idioms. Second edition. Edited by J. Siefring. N.Y :Oxford University Press, 2004. 340 p.
10. Free Farlex dictionary of idioms [Electronic resource]. Mode of access: https://idioms.thefreedictionary.com/ (date of access: 20.09.2019).

ДВУЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА СИБИРСКИХ ТАТАР

А. А. Исакова
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия
annatelem@gmail.com

В статье рассматриваются особенности двуязычных словарей сибирских татар, опубликованных в период с 1801 по 2017 гг.: словари И. Гиганова (1801, 1804 гг.), словари Д. Г. Тумашевой (1992, 2000 гг.), словарь М. А. Сагидуллина

(2010) и словари Г. Т. Бакиевой (2016, 2017 гг.). Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-312-00002 мол_а.

Ключевые слова: двуязычные словари; сибирские татары, И. Гиганов; Д. Г. Тумашева; М. А. Сагидуллин; Г. Т. Бакиева.

BILINGUAL DICTIONARIES AS SOURCES OF STUDYING THE LANGUAGE OF THE SIBERIAN TATARS

A. A. Isakova
University of Tyumen
Tyumen, Russia
annatelem@gmail.com

The article is devoted to the features of bilingual dictionaries of the Siberian Tatars published from 1801 to 2017: dictionaries by I. Giganov (1801, 1804), dictionaries by D. G. Tumasheva (1992, 2000), dictionary by M. A. Sagidullin (2010) and dictionaries by G. T. Bakieva (2016, 2017). The reported study was funded by RFBR according to research project № 18-312-00002 мол_а.

Key words: bilingual dictionaries; Siberian Tatars, I. Giganov; D. G. Tumasheva; M. A. Sagidullin; G. T. Bakieva.

Введение. В XVIII веке Русским государством и Русской Православной церковью проводилась христианизация коренных народов Сибири с целью их полноценной интеграции в политическую, экономическую и культурную жизнь страны. При открытии Тобольской семинарии было принято решение обучать православных миссионеров языку сибирских татар. «Тем самым предполагалось с одной стороны готовить проповедников «слова Божия», а с другой набирать детей из числа местных народностей для обучения, а впоследствии ведения миссионерской деятельности в местах их коренного проживания» [1, с. 11].

Основная часть. Первые обучающие материалы по языку сибирских татар были подготовлены священником Софийского собора Иосифом Ивановичем Гигановым, который самостоятельно выучил язык – «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные (1801)» [2] и «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И. Гигановым и муллами юртовскими освидетельствованный (1804)» [3].

Благодаря трудам переводчиков в 1904 году был составлен и опубликован Краткий русско-татарский словарь: на наречии татар Тобольской губернии. Миссионер Ефрем Елисеев писал: «В заботах о просвещении окружающих мусульман и чтобы дать возможность познакомиться с та-

тарским языком, а также принимая во внимание почти совершенное отсутствие общедоступных лексических трудов местного татарского наречия, – мы предполагаем не бесполезным предложить желающим настоящий словарь» [4, с. 356]. В него вошла наиболее употребительная лексика того времени.

С 1956 по 1964 гг. ученые Казанского университета провели несколько экспедиций с целью изучения языка сибирских татар. Полученные материалы вошли в «Словарь диалектов сибирских татар» [5], составленный Д. Г. Тумашевой и опубликованный в г. Казани в 1992 году.

В 1991 году был принят Закон «О языках народов РСФСР» № 1807-I от 25.10.1991, предусматривающий дополнительные права для сибирских татар – «в официальных сферах общения в местах компактного проживания использовать язык населения данной местности; обучение в начальных классах вести на первом языке ребенка с введением языка последующего обучения на третьем и четвертом годах; разработать алфавит для родного национального языка; провести стандартизацию территориальных диалектов, сильно отличающихся от стандартного языка, и использовать в качестве языка обучения; создавать свои средства массовой информации» [6]. Одним из результатов принятия этого закона стала подготовка и публикация в 1994 г. Концепции возрождения языка, культуры, обрядов, традиций и обычаев сибирских татар на период 1994-2005 гг. [7]. В ней предлагались меры по закреплению за языком сибирских татар статуса самостоятельного языка, а также оценивалось его текущее состояние и перспективы развития. В этот период в г. Тюмени был составлен и издан «Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области» [8] Д. Г. Тумашевой и А. Х. Насибуллиной.

Современная лексика языка сибирских татар представлена в «Русско-сибирскотатарском словаре» [9], который подготовил М. А. Сагидуллин в 2010 году.

В 2016 и 2017 гг. в г. Тобольске изданы «Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар» [10] и «Тематический словарь сибирскотатарского языка». В процессе подготовки словарей использовалась концепция по нормированию языка сибирских татар, предложенная М. А. Сагидуллиным.

Заключение. А. Ш. Юсупова отмечает, что «в истории изучения грамматического строя и словаря тюркских языков существенное значение имела научная и педагогическая деятельность Иосифа Ивановича» [11, с. 11]. Труды И. Гиганова являются первыми словарями, которые признаны тюркологами всего мира. Действительно, выдержки из его работ вошли во все последующие лексикографические труды сибирских та-

тар. Словари И. Гиганова являются результатом деятельности по изучению языка сибирских татар не татарами. Все последующие словари были подготовлены носителями языка. Словарь Д. Г. Тумашевой представляет собой уникальное издание, в которое вошла лексика всех диалектов сибирских татар. Словарь Д. Г. Тумашевой и А. Х Насибуллиной отличает наличие эквивалента или перевода на татарский литературный язык. Словарь М. А. Сагидуллина имеет самый большой словник, включающий около 15000 слов. В словари Г. Т. Бакиевой включена устаревшая лексика сибирских татар.

Рассмотренные словари являются ценными источникам для изучения языка сибирских татар. Их появление было обусловлено исторической необходимостью: словарей И. Гиганова – подготовкой православных миссионеров; словарей Д. Г. Тумашевой, А. Х. Насибуллиной – языковой политикой СССР и РСФСР; словарей М. А. Сагидуллина и Г. Т. Бакиевой – принятием концепции по развитию языка и культуры сибирских татар.

14 августа 2018 года вступил в силу Закон «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года, предусматривающий свободу выбора родного языка при обучении в школе и исключение практики принуждения к его изучению. Изменения в языковой политике России повлияют на состояние всех её национальных языков, и в том числе, на язык сибирских татар. Возникнет потребность в составлении новых словарей для изучения современного языка сибирских татар.

Библиографические ссылки

1. Софронов В. Ю. Сибирская школа для священнослужителей как центр по изучению культуры тюркских народов в XVIII-XIV вв. // История, философия, социология, культурология: опыт и знания в процессе формирования и развития общества : сб. мат-лов Междунар. науч.конф., Россия, Москва, 26-28 июня 2014 г. Киров : МЦНИП, 2014. С. 10-25.
2. Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные. СПб., 1801.
3. Гиганов И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И. Гигановым и муллами юртовскими освидетельствованный. СПб., 1804.
4. Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 22. С. 356.
5. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань : изд-во Казанск. университета, 1992. 256 с.

6. Алишина Х. Ч. Как нам сохранить язык сибирских татар? Языки, духовная культура и история тюрков: традиция и современность. Казань, 1992. С. 24-26.
7. Ильина А. А. О возрождении языка, культуры, обрядов, традиций и обычаев сибирских татар // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. №3. С. 208-221.
8. Тумашева Д. Г., Насибуллина А. Х. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. Тюмень : ТОГИРРО, 2000. 170 с.
9. Сагидуллин М. А. Русско-сибирскотатарский словарь. Тюмень: 2010. 216 с.
10. Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар / сост. и ред. Г. Т. Бакиева. Тобольск : Полиграфист, 2016. 280 с.
11. Юсупова А. Ш. Лексика самоучителей татарского языка для русских XIX века. Казань : КГУ, 2002. 140 с.

HOMO SOCIUS КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. Конева
Курский государственный университет
Курск, Россия
e-mail: e.a.koneva@bk.ru

В статье обосновывается необходимость и значимость рассмотрения в качестве объекта лингвистического исследования «человека социального». На примере актуальных тенденций современного немецкого языка подчеркивается влияние социальных изменений на жизнь человека в целом и на развитие языка.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма; заимствования; англицизмы; сокращения; этнолект; диалект; регионалект.

HOMO SOCIUS AS AN OBJECT OF A LINGUISTIC RESEARCH

E. A. Koneva
Kursk State University
Kursk, Russia
e-mail: e.a.koneva@bk.ru

The article explains the necessity and importance of studying a social person in frame of a linguistic research. In the context of actual trends of the modern German language, the author emphasizes the influence of social changes on people's lifeway on the whole and on the language development in particular.

Key words: anthropocentric paradigm; loanwords; anglicisms; acronyms; ethnolect; dialect; regional dialect

Основу лингвистических исследований XX века преимущественно составляла системно-структурная парадигма. Фокус внимания был направлен на слово как элемент языка без учета связи языка с человеком, культурой, обществом. Язык рассматривался как самостоятельная и са-

модостаточная система со множеством элементов, его составляющих, которые требовали изучения.

В конце XX века в связи с появлением и развитием лингвокультурологических и когнитивных исследований и становлением лингвокультурологии и когнитивной лингвистики как самостоятельных наук на смену системно-структурной парадигмы пришла антропоцентрическая парадигма. Антропоцентризм является также «характерной чертой современных лингвистических исследований» [1, с. 145], а идея антропоцентричности языка стала центральной в современном языкознании. Актуальным является изучение языка во взаимосвязи с человеком, его создателем и носителем и рассмотрение, на наш взгляд, в качестве объекта современного лингвистического исследования не *homo loquens* (человека говорящего) или *homo sapiens* (человек разумного или мыслящего), а *homo socius* (человека социального). Человек, будучи индивидом, т.е. конкретным представителем человеческого рода, в то же время является членом общества, коллектива и рассматривается «как часть более общих систем: социальных, физических и психических» [2, с. 161]. В связи с этим «функционирование языка возможно лишь при условии его взаимодействия с познающим окружающую действительность человеком», а познавательная деятельность человека осуществляется посредством языка [там же].

Как следствие всемирной глобализации, которая представляет собой сложный процесс интеграции стран в мире, следует отметить языковую интеграцию как «результат высокой мобильности, быстрого развития коммуникации современного общества» [3, с. 42]. Данное явление сопровождается взаимопроникновением языков. Наибольшее влияние на другие оказывает в настоящее время бесспорно английский язык, являясь международным языком, что находит свое выражение в большом количестве заимствований из данного языка в других языках мира.

Если мы обратимся к разным сферам жизни общества, то наибольшее количество англицизмов можно отметить в таких областях, как экономика, техника и компьютерные технологии, реклама, сфера киноиндустрии, мир моды. Это преимущественно те сферы, которые и затрагивает процесс глобализации. Быть в курсе или тренде для современного человека становится неотъемлемой составляющей его жизни в обществе. Даже мелкие проблемы в повседневной жизни мы решаем при помощи лайфхаков, о которых мы узнаем посредством телевидения и интернета. Говоря по-русски, это полезные советы, но используя в речи англицизм, мы тем самым отдаем дань моде и позиционируем себя всесторонне развитыми, осведомленными, современными, идущими в ногу со временем.

Однако использовать заимствованные словечки в своей речи, заменяя ими исконные слова и выражения своего родного языка, не означает, что человек владеет иностранным языком. Подобное использование англицизмов в быту связано в первую очередь с активным использованием преимущественно молодыми людьми социальных сетей. Употребляя заимствования из английского языка сначала в сети, они демонстрируют, таким образом, свою принадлежность к данному *социальному* обществу, к данной социальной среде. В дальнейшем это при непосредственном участии СМИ переходит в повседневную жизнь. Но если использование англицизмов в экономической сфере или сфере компьютерных технологий и техники является оправданным в силу отсутствия ряда терминов в родном языке, то заимствования, подобные приведенному в качестве примера выше, вызывают негатив и неприятие. По сути именно они наносят вред родному языку, вытесняя из обихода свои, исконные слова, которые до недавнего времени активно использовались в речи носителями языка. Зачастую, слушая речь современного молодого человека, насыщенную подобными заимствованиями, которые чередуются с родными словами, кажется, что не всегда понимаешь смысл сказанного. В итоге речь идет об эколингвистической проблеме. Эта проблема характерна не только для русского языка, но и для других языков, в частности, для языков Западной Европы. Активное употребление англицизмов в речи, их постоянное увеличение и фиксация в словарях, а также возникновение так называемых «подъязыков» (например, *Denglisch, Franglais, Polglish, Espanglish* и др.) – все это представляет собой, по мнению зарубежных ученых, угрозу для языков-реципиентов. Об этом неоднократно высказывался и высказывается профессор Технического университета Дортмунда Вальтер Крэмер, который в 1997 году основал объединение «Немецкий язык» (*Verein Deutsche Sprache*), выступающее против англимецкого языка (*Denglisch*).

Характерной чертой современного общества является языковая экономия, которая выражается в частности в использовании системы сокращений и значков или пиктограмм (эмотиконов) для передачи информации, а также эмоционального состояния отправителя сообщения, что свойственно для сети Интернет, социальных сетей, мессенджеров и SMS-коммуникации. Языковая экономия характерна и для этнолектов, например для *Kiezdeutsch* в немецком языке, который представляет собой региональный вариант немецкого языка иммигрантов, характерный для мультиэтнических районов крупнейших городов Германии, появление которого является результатом процессов интернационализации и глобализации. С появлением большого количества иммигрантов, преимущественно

турецкого происхождения, в крупных городах Германии разговорный молодежный язык ряда районов этих городов изменился и затронул не только лексическую сторону (появление помимо англицизмов также ряда турецких и арабских слов), но и синтаксическую (изменение нормативного порядка слов немецкого предложения, упразднение артиклей, а в ряде случаев и предлогов, глагольных окончаний). Интересным фактом здесь выступает то, что данный этнолект является разговорным языком не только молодежи из семьи иммигрантов, но и немецкой молодежи, являясь результатом кросс-культурного взаимодействия: толерантности со стороны немецкого населения, с одной стороны, и национального самоутверждения иммигрантов в чужой стране, с другой стороны. Вопрос «Какое влияние Kiezdeutsch может оказать на немецкий язык?» является дискуссионным. И если ученые-лингвисты (см.: [4]) находят существование подобной разновидности немецкого языка занимательным, то обычные немецкие граждане считают опасным для немецкого языка в целом.

Для современного языкового общества характерна унификация, потеря культурной идентичности. Ярким примером тому является уменьшение количества диалектов в Германии. Долгое время Германия была раздробленным государством, и на ее территории существовало большое количество диалектов. С появлением обязательного школьного образования и введением в школах в качестве нормативного стандартного (литературного) немецкого языка использование диалектов в повседневной речи в ряде регионов стало менее актуальным. И при объективном рассмотрении на вопрос, вымирают ли диалекты, профессор Юрген Айхоф дает утвердительный ответ [5, с. 84]. В настоящее время диалекты, которых насчитывается около 16, претерпевают существенные изменения: местные диалекты определенного региона, которые раньше существенно отличались друг от друга, уподобляются друг другу, ассимилируются, превращаясь в регионолекты, становятся региональным разговорным языком. Но самое страшное состоит даже не в объединении и количественном уменьшении диалектов. Диалекты в Германии на протяжении долгого времени представляли собой «своего рода карьер, из которого стандартный язык черпал языковой материал», обогащая его тем самым, заполняя пробелы в обозначении [там же, с. 85]. На сегодняшний день диалекты больше не выполняют данную функцию в надлежащем объеме. Немецкий язык заимствует слова из английского языка.

Подводя итог, следует отметить, что, рассматривая человека в качестве объекта лингвистического исследования, поскольку язык не может изучаться в отрыве от его создателя и носителя, необходимо учитывать социальный фактор – любые процессы или явления в обществе, в социу-

ме, членом которого является сам человек, и которые обуславливают социальные изменения, преобразования, накладывающие отпечаток и на языковые тенденции. В связи с этим именно «человек социальный», а не «человек говорящий» представляется актуальным для лингвистического исследования.

Библиографические ссылки

1. Хомутова Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение (Вып. 37). 2009. № 35 (173). С. 142-151.
2. Лебедева С. В., Бороздина И. С., Конева Е. А. Современные проблемы теории языка и коммуникации: колл. монография. Курск : Курск. гос. ун-т, 2019. 164 с.
3. Конева Е. А. Denglisch как языковой феномен [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. №4(23). С. 42-47. Режим доступа: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/023-006.pdf (дата обращения: 3.09.2019).
4. Serrao M. F. Ich bin Alexanderplatz [Electronic resource] // Süddeutsche Zeitung. 8.02.2012. Mode of access: https://www.sueddeutsche.de/leben/jugenddialekt-kiezdeutsch-ich-bin-alexanderplatz-1.1278128 (date of access: 3.09.2019).
5. Eichhoff J. Sterben die Dialekte aus? // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, Mannheim, 2000. 344 S.

МЕТАЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Е. О. Машкарева, С. С. Дроздова
Белорусский государственный экономический университет
Минск, Беларусь
e-mail: e.lenamsh@tut.by

В статье определяются причины недопонимания во время межкультурной коммуникации и рассматривается возможность использования теории естественного семантического метаязыка и теории культурных сценариев для развития межкультурной компетенции.

Ключевые слова: теория естественного семантического метаязыка; теория культурных сценариев (скриптов); метаязык; языковые универсалии.

METALINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

E. O. Mashkaryova, S. S. Drozdova
Belarus State Economic University
Minsk, Belarus
e-mail: e.lenamsh@tut.by

The article identifies the causes of misunderstanding during intercultural communication. It considers the possibility of using the theory of natural semantic metalanguage and the theory of cultural scenarios for the development of intercultural competence.

Key words: theory of natural semantic metalanguage; theory of cultural scenarios (scripts); metalanguage; language universals.

В современном глобализированном мире каждый осознает важность успешной межкультурной коммуникации. В настоящее время широко признано, что умение общаться требует не только лингвистических знаний, но и наличие межкультурной компетенции, которая предполагает, в свою очередь, знание культурных особенностей носителей языка. Поэтому, во избежание недоразумений изучающие иностранный язык должны не только усваивать новые слова, но и понимать, чем их культура, культурные ценности и предположения, отраженные в разговорной рутине, отличаются от культуры страны изучаемого язык. Для решения данной проблемы предлагается использовать теорию естественного семантического метаязыка и теорию культурных сценариев (скриптов), разработанных А. Вежбицкой и К. Годдардом.

Ряд лингвистов указывают на тесную связь между языком и культурой людей, говорящих на нем. Культура здесь может быть определена как «исторически передаваемый паттерн значений, воплощенный в символах, система унаследованных концепций, выраженных в символических формах, посредством которых люди общаются, увековечивают и развивают свои знания о жизни и отношение к ней» [1].

Наиболее очевидными примерами являются слова, которые описывают различные традиции, обычаи или социальные стереотипы и которые специфичны для одного языка, но неизвестны в других (например, «шибуи», «фру-фру», «елки-палки»). Более того, предполагается, что большая часть лексикона любого языка является культурно-маркированной, то есть понятия, лежащие в основе слов в разных языках, не одинаковы (даже если они искусственно соотнесены в словарях) [там же].

По мнению А. Вежбицкой, данная лексика отражает образ жизни и образ мышления, характерные для данного общества (или речевого сообщества). Она утверждает, что эти понятия формируются культурой и историей, и приходит к выводу, что изменения в обществе могут привести к изменению значений специфичных для культуры слов [там же].

Логично предположить, что отсутствие знаний о семантических различиях между словами из разных языков может привести к проблемам при общении. Таким образом, для эффективного общения люди должны иметь возможность использовать одни и те же понятия.

В основе теории естественного семантического метаязыка лежат два предположения о том, что все языки имеют общее ядро, которое представлено «языковыми универсалиями». Данные универсалии представляют собой набор семантических понятий, которые изначально понятны,

не могут быть выражены в более простых терминах, а наборы таких семантических универсалий совпадают в разных языках. В настоящее время предложен список из 73 языковых универсальных понятий, например: «я – ты – люди», «один – много», «большой – маленький», «хотеть – не хотеть», «жить – умереть» и т.д. Данные универсалии предлагается использовать для описания и сравнения различных языков [22].

Практическая ценность теории естественного семантического метаязыка совершенно очевидна: она может помочь реализовать успешную коммуникацию. К примеру, для любого человека, чья профессиональная деятельность связана с англоязычными странами, может быть очень полезно изучить семантические различия в его родном и английском языках, чтобы избежать разочарования или недопонимания.

Ряд работ А. Вежбицкой посвящен объяснению того, почему определенные понятия нельзя назвать универсальными, а также анализу этих слов посредством рассматриваемой теории. Например, она демонстрирует, что девальвация концепции английского слова «friend» привела к тому, что в настоящее время это понятие рассматриваются не как имеющее продолжительный эффект, но как нечто временное и заменяемое. Понятие «friend» предполагает: «Я хорошо знаю этого человека; я хочу быть с этим человеком часто; я хочу делать вещи с этим человеком часто; когда я с этим человеком, я чувствую что-то хорошее». Таким образом, можно отметить, что специфичная для англокультуры и концепция слова «friend» как «человека, с которым можно приятно провести время» отличается от соотнесенного с ним в словарях русского слова «друг». Теория естественного семантического метаязыка определяет русское слово «друг» как: «Я хорошо знаю этого человека; я хочу часто быть с этим человеком; я хочу часто говорить с этим человеком; я знаю: я могу сказать что-нибудь этому человеку, и ничего плохого не произойдет из-за этого; я хочу, чтобы этот человек знал, что я думаю и чувствую; я хочу сделать хорошие вещи для этого человека». Из чего можно заключить, что представитель русскоязычной культуры, который считает носителя английского языка «другом», будет восприниматься последним навязчивым [1].

По мнению А. Вежбицкой, следует отказаться от использования английского языка для семантического анализа других языков, поскольку, как и любой другой, он несет в себе определенные, специфичные для данной культуры значения и, следовательно, дает ему англоязычную перспективу [3]. Было бы целесообразно, чтобы носители английского языка знали не только «культурные основы своих собственных разговорных процедур» и «ключевые концепции, которыми они сами живут» [4, с. 11], но также и то, как они отличаются от других языков и культур. Напри-

мер, иностранные политики, которые видят свою обязанность установить «freedom» в России, должны понимать, что их понимание этого слова отличается от того, что сами русские думают о «свободе».

В англоязычном мире «freedom» означает «способность делать / не делать то, что каждый хочет / не хочет делать без вмешательства со стороны других людей». Тем не менее, это не означает способность делать то, что кто-то хочет делать, но требование признать права других людей, и эта идея не навязывания гарантируется законом. С другой стороны, русская концепция слов «свобода» и «воля», соотнесенных с «freedom» подразумевает отсутствие каких-либо ограничений и демонстрирует «антиправовой» уклон русской культуры»: «если я хочу что-то сделать, я могу это сделать; когда я что-то делаю, мне не нужно думать…» и «я не такой, как другие; если я хочу что-то сделать, я могу это сделать; если я хочу пойти куда-нибудь, я могу пойти туда…» [1].

С точки зрения А. Вежбицкой, еще одним источником информации о семантических различиях языков являются «ключевые слова», которые «имеют особое значение в данной культуре» [там же, с. 16]. Эти слова, как полагают, являются общими, часто используемыми в определенной семантической области, могут быть ядром фразеологической группы. Кроме того, она настаивает на том, что, анализируя эти «ключевые слова», их словосочетания и грамматические конструкции, можно многое узнать об отношении, ценностях, ожиданиях или разговорных рутинах людей, которые определяют специфические для данной культуры скрипты (сценарии).

Культурные сценарии можно рассматривать как «отображение культурных норм, которые широко распространены в данном обществе и отражены в языке» [5]. Основная идея теории культурных сценариев заключается в том, что наш язык влияет на наши мышление, поведение, чувства, которые в свою очередь оказывают влияние на наш язык. Общие в определенном обществе способы мышления могут быть выявлены путем анализа специфических для культуры ключевых слов, фраз, разговорных процедур; а выполнить данный анализ можно с помощью теории естественного семантического метаязыка. Кроме того, культурные скрипты определяют нормы поведения носителя языка в данной культуре. Например, в Польше детей учат использовать *ty* при обращении к взрослым внутри семейного круга и *pan/pani* – к незнакомым людям.

По мнению А. Вежбицкой, метод культурных сценариев представляет собой синтез этнографии речи и этнографии мышления. Утверждается, что эта теория отличается от других попыток сравнения культур, так как она описывает культурные нормы и ценности изнутри, с точки зрения

культурного инсайдера и эти культурные нормы и ценности, отраженные в языке, могут быть проанализированы с помощью универсального семантического метаязыка [4].

Одним из примеров отличия между культурными скриптами разных стран является отношение людей к «правде/неправде». Так, тема «правды» очень важна в русской культуре, что подтверждается наличием двух слов в русском лексиконе – «правда» и «истина», а также бесчисленным количеством пословиц, поговорок или словосочетаний. Кроме того, в русской культуре правду воспринимают как не подлежащий обсуждению моральный императив; можно только либо говорить «правду» или говорить «неправду»; нет ничего посередине [5].

С другой стороны, описывая отношение к «truth» в англо-культуре, А. Вежбицкая утверждает, что с англоязычной позиции, вселенная дискурса не такая черно-белая, как с русской точки зрения, но содержит много цветов и оттенков. В английском языке есть не только понятия «truth» и «lying», но также понятия и культурные скрипты «white lying», «polite conversation», «small talk», «understatement», «compliments» (гораздо более широкая и важная категория, чем русские «комплименты») [там же]. В отличие от русской культуры, где обман не одобряется, весь акцент в англокультуре делается на том, чтобы не задевать чувства других людей.

Кроме того, теории естественного семантического метаязыка и культурных сценариев доказывают, что «разные языки определяют разные способы мышления, а также разные способы чувствования; они связаны с разными взглядами, разными способами общения с людьми, разными способами выражения своих чувств и т.д. [6, с. 98]. Таким образом, они обуславливают различные «культурные сценарии», в том числе «эмоциональные сценарии». Описывая различия между отношением к эмоциям в англо-американской и польской культурах, А.Вежбицкая утверждает, что когда она говорит о своей маленькой внучке по-английски, она не может подобрать английские слова, поскольку они не соответствуют ее образу мышления и чувствам к ребенку, английская манера говорить о детях «идет вразрез с ее польскими эмоциональными сценариями» [6, с. 100].

Еще одним из примеров специфичности и важности понимания «эмоциональных скриптов» и норм поведения в обществе является сценарий китайской невозмутимости. Культурная норма, которая запрещает жителям Китая открыто демонстрировать свои эмоции, безусловно, создает проблему для их понимания иностранцами. Китайская сдержанность может вызвать ощущение неискренности, особенно если смотреть с точки зрения культуры, где спонтанное эмоциональное выражение це-

нится высоко или где похожие социальные или ситуативные контексты требуют разных эмоциональных реакций [7].

Таким образом, успешная коммуникация предполагает возможность оперировать одинаковыми концепциями. Соответственно, одной из причин недопонимания между носителями разных языков является тот факт, что лексические значения слов в этих языках не совпадают, несмотря на то, что они искусственно соотнесены в словарях. Указанные семантические различия обуславливают в свою очередь различия в мышлении, поведении, традициях и культурных ценностях носителей данного языка. Теория естественного семантического метаязыка предполагает изучение языков с помощью лексических «универсалий» – слов, которые имеют одинаковые значения в разных языках. Этот подход совместно с теорией культурных сценариев может также использоваться для анализа культурных моделей, что, в свою очередь, может помочь избежать ошибок в межкультурном общении.

Библиографические ссылки

1. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words. N.Y., Oxford : OUP, 1997. 328 p.
2. Wierzbicka A., Goddard C. Key Words, Culture and Cognition [Electronic resource]. 1995. Mode of access: http://libweb.anglia.ac.uk (date of access: 18.07.2019).
3. Wierzbicka A. Empirical Universals of Language as a Basis for the Study of Other Human Universals and as a Tool for Exploring Cross-Cultural Differences [Electronic resource]. 2005. Mode of access: https://booksc.xyz (date of access: 10.08.2019).
4. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. N.Y. : OUP, 2006. 351 p.
5. Wierzbicka A. Russian Cultural Scripts: The Theory of Cultural Scripts and Its Applications [Electronic resource]. 2002. Mode of access: https://booksc.xyz (date of access: 05.09.2019).
6. Wierzbicka A. Preface: Bilingual Lives, Bilingual Experience [Electronic resource] // Experience, Journal of Multilingual and Multicultural Development. London : Routledge, 2004. Mode of access: https://booksc.xyz (date of access: 05.08.2019).
7. Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context / C. Goddard [et al.]. Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. 278 p.

ЧАЙ – «РАСТЕНИЕ НЕБЕС» В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

С. В. Перова
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь
e-mail: miss.perovas@mail.ru

В статье предпринята попытка описать номинацию напитка чай в русском языке в диахроническом аспекте. Рассмотрено функционирование названия,

начиная с периода 2737-2697 гг. до н.э. по настоящее время. Выполнено исследование лингвистической и экстралингвистической сущности номинации, установлено влияние национально-культурных, прагматических, исторических, эстетических и других факторов на их возникновение.

Ключевые слова: номинация чай; внутренняя форма слова; ассоциативные связи слов; история языка; диахронический аспект; русский язык.

TEA IS «A PLANT OF HEAVEN» IN THE DIACHRONIC PERSPECTIVE (on the Russian language material)

S. V. Perova
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: miss.perovas@mail.ru

It was made an attempt in the article to detect and describe some peculiarities of the nomination “tea” in the Russian languages in the diachronic perspective. The article determines the functioning of this nomination in modern language.

Key words: tea; inner form; associative relations; diachronic perspective.

Чай – один из самых распространенных и популярных напитков в мире. Его древняя история, которая насчитывает около 5 тыс. лет [1, с. 9], неразрывно связана с родиной напитка Китаем: именно китайцы дали название *чаю* и стали употреблять его в виде питья.

По одной из легенд, китайский император Шен Нанг, правящий в 2737-2697 гг. до н.э., стал одним из первых, кто обнаружил удивительные вкусовые свойства напитка. [там же]. Древнекитайские целители, заметив удивительные свойства чая, которые благотворно влияли на организм человека, стали использовать его как лекарство, которое сохраняет ясность ума и бодрость тела. Поэтому, не удивляет и тот факт, что слова «чай» и «бодрость» в Китае обозначаются одним иероглифом [2, с. 6], который возник в V веке (см. рисунок) [3, с. 10].

茶

Рисунок – Китайский иероглиф. Источник – http://www.chinese-russian.com/zd/zi/8336/.

Данная статья посвящается рассмотрению вопроса о появлении номинации чай в русском языке в диахроническом аспекте. В результате работы с историко-этимологическим и толковым словарём русского языка 4; 5], а также Национальным корпусом русского языка [6], нам удалось проанализировать лингвокультурологический аспект диахронических

изменений названия чай в период от зарождения торговых отношений между Россией и Китаем до начала XX в.

Чай в Китае имеет множество названий, которые зависят от типа, сорта и района, выращенного чая. «Ча» – самое распространенное наименование, которое означает ‘молодой листочек’[3, с. 10]. Эту номинацию «ча» ввёл император Ханьской династии в III в. н.э. [1, с. 10]. В разных районах это слово имеет разное произношение «ч’ха» и «цха», «чья» или «тьа» [3, с. 10]. Именно из-за вариативности произношения это название заимствовалось в индоевропейские языки по-разному.

В России чай стал известен при царе Алексее Михайловиче в середине XVII в. В этот период был налажен пункт обмена дорогих мехов на чай в районе Кяхты, Восточная Сибирь [1, с. 11]: «за два пакета чая давали по соболю» [2, с. 7]. Торговля была очень выгодна и Китаю и России. Чай, в основном, поступал из Северного Китая либо из города Ханькоу, поэтому русское слово «чай» произносится на северокитайский манер [3, с. 10].

Впервые, слово *чай* появилось в письменных источниках в середине XVII в. как лекарственное растение: «травы чаю; цвета рамонова – по три горсти» [4, с. 373]. В нач. XVIII в. в переписках послов, мы встречаем описание напитков на деловых приемах, одним из которых был чай, причем его должен был варить особо доверенный человек: *Посланник сказал, что он сам знает, какую персону принять, конфектов он своих довольно имеет. Также, чтоб в том ханское превосходительство опасения никакова не имел, что кофе чай будет варить посланников человек, ибо отравы никакой тут не будет, чтоб не опасался хан кушать* (Переписка и дела во время посольства Артемия Волынского, 1716-1718) [6].

Современная номинация *чай* включает в себя несколько значений: «вечнозелёное дерево или кустарник семейства чайных; высушенные и особо обработанные листья этого растения, служащие для приготовления напитка; ароматный напиток, настоянный на этих листьях» [5, с. 1466]. Как основной и ценный товар из Китая данная номинация часто фиксируется в торговых ведомостях: *Из сего исчисления можем видеть, что бумажные товары, из Китая вывозимые, составляют главную оных статью и 2/3 почти всего торга, за ними следует чай, более нежели на 1/4 всей суммы торга* (А. Н. Радищев. Письмо о китайском торге, 1792) [6].

Чай всегда был неотъемлемым атрибутом на столе россиян. Рост популярности чая при его значительной цене отразился в выражении *дать на чай* ‘давать брать чаевые (давать кому-л. сверх заработка за мелкие услуги, обслуживание (о деньгах)’[5, с.1466]. Данное выражение входит в

обиход во второй половине XIX в. и используется до настоящего времени в XXI в.: *Многие прожигатели жизни, с которыми я когда-то вела дела, уже на том свете – те, у кого не было проблемы дать на чай миллион долларов* (Хейди Флейсс, 2002) [6].

Таким образом, чайная традиция, которая зародилась в Китае, приобрела особый смысл для русского народа. В древности, удивительные свойства чая использовали в медицине, чтобы лечить разные недуги и поддерживать бодрость духа, недаром слова “бодрость” и “чай” имеют одинаковый символ. Растущая популярность чая отразилась в русском языке в возникшем во второй половине XIX в. выражении «дать на чай», которое используется сегодня.

Библиографические ссылки

1. Семенов В. М. Все о чае и чаепитии. М. : Флинта: Наука, 2005. 330 с.
2. Третьякова В. Чай, кофе, какао. М. : ТЕРРА; «Книжная лавка - РТР», 1997. 224 с.
3. Похлебкин В. В. Чай. Изд. 2-е. М. : Э, 2015. 169 с.
4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М. : Русский язык –Медиа, 2004. Т. I. 623с.
5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/old/ (дата обращения: 08.11.2018).
7. Большая книга чая / под ред. О. С. Ивенская. М. : Эксмо, 2015.274 с.

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Е. А. Пригодич
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail:elpr7@tut.by

В статье анализируются онимы как один из важнейших компонентов при изучении иностранных языков, способствующие пониманию исторически ценной информации относительно страны изучаемого языка, имеющие значительный культуроведческий потенциал. Обращается внимание на значение онимных единиц и их генетические истоки, трудности, возникающие при переводе таких безэквивалентных слов с одного языка на другой.

Ключевые слова: оним; лингвокультурологический аспект; семантика онимов; безэквивалентная лексика; переводческие трансформации онимов.

ONOMASTIC REALITIES IN LINGUO-CULTURAL ASPECT OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING

A. A. Pryhodzich
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: elpr7@tut.by

The article analyzes onyms as one of the most important components in the study of foreign languages, contributing to the understanding of historically valuable information regarding the country of the language being studied, having significant cultural potential. Attention is drawn to the meaning of onymic units and their genetic sources, the difficulties encountered in translating such equivalent words from one language to another.

Key words: onym; linguoculturological aspect; onym semantics; equivalent vocabulary; onym translation transformations.

Реализация идеи диалога национальных культур в системе современного иноязычного образования приобретает огромное значение, поскольку образование, язык и культура неразделимы. Особую значимость приобретает обучение иностранному языку как средству общения и приобщения к духовному наследию соизучаемых стран и народов. Иноязычная коммуникативная компетенция предполагает усвоение не только речевых, языковых и в целом социокультурных норм иностранного языка. Актуальным является готовность к восприятию культурного многообразия и культурных различий. В условиях современной глобализации, например, для успешного ведения бизнеса необходимо не только знание иностранных языков, но и культурных особенностей представителей той или иной страны.

Обратимся к ономастическому материалу. Взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка является сложным и многоаспектным. Онимы, как важный и специфический для каждого языка разряд слов, всегда находились и находятся под пристальным вниманием исследователей. Они отличаются от апеллятивов своей функцией в языке и лексическими особенностями, хранят исторически ценную информацию, возникающие на разных этапах развития общества, несут отпечаток своей эпохи, обладают огромным культуроведческим потенциалом. В основу наименования попадает та реалия, которая является характерной, важной для определенного времени.

Ономастика отличается комплексностью предмета исследования, при доминирующем лингвистическом, включает и другие аспекты. Исторически ценную информацию, которую хранит оним, помогают расшифровать не только лингвисты, археологи, историки, культурологи, этногра-

фы, географы, но и специалисты других научных направлений. Онимы, являясь специфическими реалиями, представляют собой важнейший языковой источник, относящиеся к фоновой лексике, необходимость изучения которой вполне очевидна: «она определяется необходимостью понимания и интерпретации разного рода текстов на родном и иностранном языках при обучении, в переводческой деятельности, при использовании текстов с различными коммуникативно–прагматическими целями» [1, с. 45]. Изучение культурно значимых онимов, безусловно, будет способствовать лучшей коммуникации. «Ономастический материал дает возможность переводчику, уходя от пословных соответствий, добиваться соответствия более высокого уровня – текстового, содержательного, прагматического и эмоционального, ибо перевод может считаться удачным только тогда, когда у реципиента принимающей культуры он пробуждает рефлексию, аналогичную рефлексии реципиентов оригинала. С этой целью все содержательные составляющие оригинала должны быть представлены в переводе (в противном случае может сложиться ситуация, когда высокохудожественное произведение в принимающей культуре воспринимается через перевод как малосодержательное и неинтересное)» [2, с. 54].

Из-за сложной и многогранной структуры в лингвистике есть множество классификаций онимов. По денотативной соотнесенности различаются разные типы онимов. Например, антропонимы: собственные, реальные лица *(Robert Koch, Heinrich Göbel, Felix Hoffmann, Wilhelm Conrad Röntgen, Ludwig van Beethoven), литературные персонажи (Felix Krull), псевдонимы (Hans Fallada); топонимы (Bonn, Berlin); урбонимы (unter den Linden) гидронимы (Elbe); зоонимы (Bagira, Adebar)* и т.п. При передаче реалий иностранного языка важное значение приобретают сведения об источнике онимов, так как «в любом языке и диалекте есть слова, не имеющие однословного перевода в других языках, в основном – обозначения специфических явлений местной культуры» [3, с.49-50]. Например, О. А. Иванов относит онимы (антропонимы, топонимы, фирменные названия, названия книг, фильмов) к альтернативно–безэквивалентной лексике [4, с. 46].

По мнению Л. К. Латышева, значение лексической единицы (иностранного языка не может быть передано аналогичным, «симметричным» образом – с помощью лексической единицы. И с этим связаны определенные и достаточно специфические переводческие трудности [5, с. 166]. Это важно знать при апеллятивизации личного имени. При этом антропонимы используются во вторичных функциях.

Обратимся к примерам из немецкого фольклора и мифологии. ‘*Frau Holle’* – персонаж одноимённой сказки братьев Гримм. *Frau Holle schüttelt die Betten* ‘Госпожа Метелица (Матушка Метелица) трясёт свои перины’ – так говорят, когда идёт снег. *Er ist ein kleiner Paganini* являет собой окказиональное имя. *Kasper* – кукольный персонаж представления (Kasperletheater). При апеллятивизации выражение ‘*Er ist ein richtiger Kasper’* означает весёлого человека. Или – *Puddingkasper, Suppenkasper, Salatkasper* – тот, кто плохо ест; *Klassenkasper* – тот, кто веселит в школе.

Антропоним *Hans* принадлежит к одному из самых частотных имён в немецком языке. Сравн.: *Hans im Glück – ‘*счасливчик’, *der blanke Hans, Blanker Hans – разг. ‘*Северное море (во время шторма)*’, die großen Hansen* – ‘важные особы’, *Meister Hans – ист.* ‘палач’, *Hans Dampf in allen Gassen – см. Hansdampf, Hans Guckindieluft – ‘*ротозей’, *Hans Hasenfuß* – ‘трусишка’, *Hans Huckebein* – ‘(Ганс-) горемыка’, *Hans Liederlich – ‘*распутный малый, гуляка’, *Hans Ohnesorg – ‘*беззаботный (беспечный) человек’, *Hans Taps* – ‘увалень, медведь’, *Hans Unbedacht – ‘*ветрогон, легкомысленный человек’, *was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nímmermehr – посл. чему смолоду не научишься, того и под старость знать не будешь (чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван). Heini – ‘малыш, пацан’. Max* – разг. ‘парень’ *(der feine Max), Peter (ein dummer Peter)* – ‘дурачок’, *ein langweiliger Peter* – ‘зануда’, *Jakob — ‘мелкий лавочник, мешочник’(der billige Jakob), Oskar* – ‘нахал’ *(frech wie Oskar).* Приведенные примеры распространены не только в разговорной речи, но встречаются также в художественных и публицистических текстах.

Несмотря на то, что, по мнению многих исследователей, ономастика принадлежит к так-называемой фоновой «безэквивалентной» лексике, отражающей национально-специфические особенности соответствующего языка и культуры, ясно, что существует и ядерная группа онимов, формирующих общую когнитивную базу [4, с. 65]. В рамках конкретно-языкового ономастикона можно также выделить онимы более специфичные и более универсальные, хотя границы между ними изменчивы и подвижны, и часто они зависят от культурно-исторической «узнаваемости» таких единиц. Но в совокупности они помогают охарактеризовать язык как семантический и культурный универсум.

Подобные единицы имеются как в белорусском, так и в немецком языках, что предполагает учёт национально-культурной специфики при переводе этих единиц с одного языка на другой. Перевод таких безэквивалентных по своей семантике лексических единиц всегда является актуальной проблемой, так как у переводчика существует возможность выбора способа перевода в зависимости от ситуации и целей вводимого в упо-

требление текста. С другой стороны, в современной лингвистике актуальной проблемой остаётся методика передачи онимной лексики с языка оригинала на язык перевода. В практике межязыковой трансляции наиболее приемлемыми приёмами такой передачи считаются транслитерация и транскрипция, а также классический перевод [6, с. 205]. Кроме того, отмечаются ещё и такие приёмы, как прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода, калькирование, освоение, комментирующий перевод, приблизительный перевод, описательный перевод и др. [5, с. 35-36].

Что касается практики перевода иноязычных онимов в белорусском языке, то в последнее время предприняты попытки орфографического узаконивания графико-фонетического облика таких слов с учётом фонетических и морфологических особенностей современного белорусского литературного языка в соответствии с нормами Закона Республики Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», введенного в действие с 1 сентября 2008 г. Однако и с учётом положений данного закона на практике существует много различных трактовок написаний тех или иных иноязычных названий и имён, что в очередной раз свидетельствует о невозможности полной унификации таких переводческих трансформаций.

Библиографические ссылки

1. Владимирова Е. В. Фоновые знания как семантическая категория в коммуникативно-прагматическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2003. 143 л.
2. Ражина В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов/н/Д, 2007. 156 л.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: gособие для студентов гуманит. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М. : Аспект Пресс, 2000. 207 с.
4. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. СПб. : СПбГУ, 2006. 200 с.
5. Латышев Л. К. Технология перевода: учебное пособие для студентов лингвистических вузов и факультетов. М. : Академия, 2005. 320 с.
6. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М. : Р. Валент, 2001. 200 с.
7. Гапоненка І. А. Беларуская антрапанімія: гісторыя, навукова-практычная арыентацыя: вучэбна-метадычны дапаможнік. Мінск : БДУ, 2019. 251 с.

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОППОЗИЦИИ «ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ»

А. А. Приходченко
Запорожский национальный университет
Запорожье, Украина
e-mail: prihodchenkoaleksandra@gmail.com

В статье рассматриваются особенности восприятия концептуальной оппозиции ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ с лингвофилософской и культурологической точки зрения. Было установлено, что восприятие изучаемой оппозиции изменяется в зависимости от категорий и особенностей той или иной эпохи.

Ключевые слова: оппозиция; концептуальная оппозиция; лингвофилософия.

LINGUOPHILOSOPHICAL AND CULTURAL ASPECTS OF THE OPPOSITION LIFE – DEATH

A. A. Prykhodchenko
Zaporizhzhia National University
Zaporizhzhia, Ukraine
e-mail: prihodchenkoaleksandra@gmail.com

The peculiarities of perception of the conceptual opposition LIFE – DEATH from the point of view of the linguophilosophy and culturology are described in the article. It was stated that the understanding of the opposition under analysis undergoes changes due to different categories and distinctive features of one or the other epoch.

Key words: opposition; conceptual opposition; linguophilosophy.

На протяжении многих столетий ученые и философы находятся в поисках определенных закономерностей, которые объяснили бы логичность и самоцель человеческого существования.

Разные народы строят свое мировосприятие и концепции понимания бытия, исходя и своего культурного, социального и исторического опыта. Наиболее тесно феномены ‘жизни’ и ‘смерти’ связаны с определением понятий ‘бытия’, ‘Вселенной’ и др.

Основной силой развития культуры в целом и восприятия миропонимания, в частности, является человек, поэтому изменение отношения к оппозиции ЖИЗНИ и СМЕРТИ зависит, в первую очередь, от позиции человека в социуме, его связей с окружающим миром и природой.

Концептуальная оппозиция ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ имеет универсальный характер, и ее восприятие является актуальным для территориально и исторически отдаленных друг от друга лингвокультур.

Этимологический анализ лексем ‘жизнь’ и ‘смерть’ подтвердил историческую константность определений жизни и смерти. Этимоны присутствуют в истории различных языков и присутствуют во всех группах ин-

доевропейской семьи: ‘жизнь’ – санскр. *jánman*, дргр. *ἁβρός*, лат. *vita*, герм. *leben*; ‘смерть, захоронение’, санскр. *maraṇa*, дгр. *ᾅδης, лат. fūnus*, герм. *touwen, tōd, tōt* ‘смерть, захоронение). Эти данные подтверждают, что представления о жизни и смерти изменялись в течение исторического развития и соответствовали определенным константам эпох и культур.

В различных культурах прослеживается культурно-обусловленное определение понятий ‘жизнь’ и ‘смерть’, которые имеют различные интерпретации.

Шумерские и аккадские племена воспринимали жизнь и смерть как неотъемлемые составляющие одного цикла [1], составляющие триады “жизнь – смерть – жизнь” и верили в перерождение растений и существ, а также в путешествие в потусторонний мир – “страну без возврата” [2].

Древнекитайская традиция особое внимание уделяет таинственности жизни и смерти. Конфуцианство определяет жизнь как что-то известное, пусть и недостаточно понятное, а смерть – как что-то ужасное и такое, что невозможно понять.

Для древнеегипетской культуры характерной была ассоциация смерти с началом чего-то нового, поскольку ничего не умирало, а лишь перерождалось, трансформировалось.

Дуальность небесного и подземного, светлого и темного, добрых богов и злых демонов, все это сделало возможным понимание того, какой должна быть жизнь человека, что подразумевается под добром и злом, какое существование и поведение народа является правильным.

Не смотря на наличие неотъемлемой связи между жизнью и смертью, вони не представлялись как единое целое, а противопоставлялись друг другу. Жизнь в античной философии представлялась как что-то длительное, такое, которое не имеет ни начала, ни конца, а смерть, наоборот, казалась конечной.

Принимая во внимание доминантные тенденции мировосприятия, античности свойственно чувственно-моральное мировосприятие, отождествление человека с природой и предметность восприятия окружающего мира. Многие понятия были синкретичными или оказывались гораздо более приближенными друг к другу, чем в другие эпохи.

Понятия жизни и смерти тоже были в этот период более сложными и четко не дифференцировались.

Смерть человека рассматривалась как закономерное завершение жизненного цикла, который имел эпический характер и не воспринимался как трагедия (“Когда мы **живые,** наши души мертвые и в нас похоронены (как в могилах), а когда мы **умираем**, они воскресают и **живут жизнью**, которая им свойственна”) [3] и не вызывала страха.

В период Средневековья доминирует принцип личности и общества. В это время начинает восприниматься противоположность природы и человека, исчезает синкретизм, совместность разных понятий.

В то же время, такие понятия как душа и тело объединяются, существуют нераздельно. Это привело к пониманию смерти как расставанию души с телом человека, что отображается в паремия и выражениях: *смерть не все возьмет, только свое возьмет, вдохнуть душу* ‘давать жизнь, возвращать к жизни’ [4, с. 10-11].

Концепция христианства видела смысл жизни в подготовке к настоящей “посмертной жизни” – смерти, а сама жизнь рассматривалась как подготовительный этап, период утешений и конец земных страданий.

Потусторонняя жизнь в этот период имела особенной значения, а смерть рассматривалась как таинство, которое не дано понять обычным людям.

Для эпохи Возрождения характерным стал разрыв земного и небесного бытия. Отрицание цветения жизни привело к появлению понятия «макабр» и «макабрическая культура», которые вбирают в себя все образы, идеи и атрибутику смерти [5, с. 209]. Эпидемии и серьёзные демографические проблемы стали причиной тотального использования темы смерти.

Ученые XVII столетия пытались объединить науку и философию с жизнью, поэтому для этого периода характерным является тяготение к грани между жизнью и смертью.

Люди воспринимают смерть как данность, ищут в ней что-то хорошее, что может контрастировать с жизнью. Это нашло свое отражение в эстетизации ужасного в готическом романе как одном из самых ярких проявлений готической культуры.

Антиномия «живое – мертвое», которая представлена в готических романах, делает возможным симбиоз этих двух феноменов: «Герой, который пересекает грань миров, может выдавать себя за мертвого, а мертвый – за живого» [6, с. 4].

Новое время характеризует отношения природы и человека через призму полученного интеллекта и теоретико-практического опыта, как процесс создания мира, которые само регулируется.

Таким образом, именно такое понимание оппозиции ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ привело к активной заинтересованности романами про вампиров, которые воплощают мотив дуализма жизни и смерти, который характерен для готической картины мира.

Библиографические ссылки

1. Данилова Е. Книга мертвых // Жизнь после смерти [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/82739/26/Danilova_-_Zhizn%27_posle_smerti.html (дата обращения: 10.07.2019).
2. Нисхождение Иштар [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://khazarzar.skeptik.net/books/shumer/ishtar.htm (дата обращения: 10.07.2019).
3. Парменид [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.placita.org/parmenide/lectures.aspx?auteur=71 (дата обращения: 10.07.2019).
4. Бикмухаметова Р. М. Концепты «ЖИЗНЬ» и «СМЕРТЬ» в русаком и башкирском языках (на материале паремиологических и фразеологических единиц). Вестник Челябинского государственного университета // Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 85. № 35 (326). С. 19–22.
5. Козякова М. И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до 20 века. М. : Весь мир, 2002. 306 с.
6. Заломкина Г. Подходы к пониманию готического мифа // Библиотечное дело. Литература и мистика. СПб. : Цветпринт, 2013. С. 2-6.

О СИНЕРГИЙНЫХ СВОЙСТВАХ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ

А. Г. Торжок
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: atorzhok@mail.ru

При рассмотрении языка и дискурса как открытых самоорганизующихся систем синергийные свойства глаголов говорения позволяют выявить целый ряд функций, регулирующих функциональное пространство дискурса и передающих информацию о воздействии или взаимодействии коммуникантов.

Ключевые слова: синергетика; лингвосинергетика; нелинейность; открытость; процессы самоорганизации речи; глаголы группы говорения; свойства; внутренние средства.

ON THE SYNERGETIC PROPERTIES OF ENGLISH SPEECH VERBS

A. Torzhok
Belarusian State University
Minsk, Belarus,
e-mail: atorzhok@mail.ru

While analyzing discourse as an open self-organizational system it’s possible with the help of speech verbs to reveal a series of their functions, regulating the discourse functional area and conveying the information effecting either the communicators or the interactions between them.

Key words: synergy; linguistic synergy; stable/unstable discourse equilibrium; openness; speech self-organizational processes; speech verbs; properties; internal means.

Известно, что синергетика активно используется в различных областях знания как методология изучения процессов самоорганизации в сложных системах различной природы. Сложной, динамичной, самоорганизующейся системой является и язык как речь, и, по мнению многих исследователей, возможно экстраполирование закономерностей природных научных явлений в сферу языка и коммуникации [1].

В частности, определенные свойства синергетики, такие как её нелинейность (наличие устойчивых/неустойчивых стационарных состояний, создающих сложное динамическое поведение), а также её открытость создают большие возможности для исследования речевой деятельности в области лингвосинергетики.

В лингвосинергетике, базирующейся на этих основных свойствах синергетики, особое внимание обращается также на выявление механизмов самоорганизации, языковых изменений и развития системы (языка и речи) за счет собственных внутренних средств.

По мнению исследователей, такая система резонирует на воздействие коммуникативной среды, которая является не внешним фактором, а участником коммуникативного процесса и которая позволяет проследить влияние коммуникативной среды на содержание речевых произведений [2]

Глагол как самый динамичный элемент высказывания играет значительную роль в продвижении или развитии такой коммуникативной среды. Как отмечается в работе И. В. Савиной о синергийных свойствах глаголов коммуникации, именно такие свойства коммуникативных глаголов, как «способность к саморегулированию, саморазвитию и самосохранению при когерентном функционировании его элементов, путем адаптации и обмена с внешней средой» и позволяют рассматривать эти глаголы как функциональных операторов такого саморазвития дискурса, обеспечивая реализацию целого ряда функций, необходимых для эффективного воздействия на адресата, например: функция структурирования или хаотизации речи, функция вовлечения партнера в общее коммуникативное пространство, функция экспликации значения, формально не выраженного в используемом глаголе, акцентуация описания состояния личности говорящего или слушающего [3].

Среди большого количества глаголов коммуникации можно выделить разные группы, такие, например, как событийные глаголы (*factive verbs*, типа *know, mean, realize*), указывающие на достоверность происходящего

при речевом акте, или эмоциональные глаголы (*emotive verbs,* e.g. *regret, feel, doubt*), передающие субъективное отношение говорящего к высказываемой информации [4] и многие другие.

Предметом настоящей статьи является попытка проанализировать синергийные свойства глаголов группы говорения – *say, tell, speak, talk,* являющиеся глаголами наиболее общего обозначения речи и базовыми составляющими всей группы глаголов коммуникации.

Эти глаголы представляют особый интерес как одно из средств организации функционального пространства дискурса. Это свойство глаголов говорения организовывать пространство речи можно проиллюстрировать на следующем примере:

1. *He said sharply "I don't. I don't even know what they do." She looked at him. He saw her surprise. He had spoken too sharply, out of his tiredness. His irritation with her that she should have invited anybody home, to lay more work upon Kate. He must be careful not to speak like that again. She seemed to hesitate before speaking. Then she said, "But you should, shouldn't you?"* (P.H. Johnson)

Здесь глаголы говорения – *said, had spoken, to speak, speaking, said* – выступают в роли факторов, фиксирующих коммуникативное воздействие с одной стороны и его восприятие, осмысление и реакция с другой. При этом неоднократное повторение глаголов говорения создает особую динамичность речи, усиленную лексикой, непосредственно связанной с этими глаголами – *sharply, surprise, too sharply, irritation, be careful, to hesitate*. У реципиента создается не только ощущение движения дискурса, но и некоторая имплицитная предрасположенность к отрицательно-оценочному отношению к персонажу.

Среди синергийных регулятивных свойств глаголов говорения основным свойством (ключевой функцией) является их способность структурировать речь. Например:

2. *Anyone telling him that he had found a new excitement in life and that excitement was no good for him would have been met by one of those steady and rather defiant looks of his deep-set iron-grey eyes, which seemed to say "I know my own business best." He always had and always would.* (J. Galsworthy)

3. *Presently he asked if he could go home with her. No, she said, he couldn't do that, but they could go to a hotel.* (W. S. Maugham)

Использование глаголов речи (*telling, seemed to say u asked, said*) в этих двух примерах ориентировано именно на восприятие со стороны адресата – в первом случае это ориентация на кого угодно, хоть на всех окружающих (*anyone*), во втором примере – на определенное лицо (*he*),

т.е. при таком чётком функциональном противопоставлении глаголов речи контактоустанавливающая функция этих глаголов усиливается, способствуя самоорганизации вербального взаимодействия и выявляя определенные внутренние характеристики самих коммуникантов.

Кроме такой ключевой функции структурирования речи эти глаголы обладают свойством застопорить развитие ситуации, внося таким образом дезорганизацию в речь, хаотизируя её, как, например, в следующих высказываниях.

4. *She is very discreet. She has never told me anything. Whether she will tell you I don't know. She may do, she may not*. (A. Christie)

5. *"I can kill you!" Bush said nothing, made no move, so there was nothing else but Tyll's own voice made him talk more, made him break out with his fear. "I can! In a hundred ways! I can cripple the life out of you so you know every minute of it! You hear what I'm saying. I can do it – It takes only a second. – Listen, man, I can make you choke on your own flesh, I can show you your bones, I can… .* (Modern Short Stories)

В этой ситуации в соответствии с коммуникативным замыслом налицо повышенное речевое воздействие на адресата. Напряжение создается, во-первых, повторением глаголов говорения: *has never told, will tell you, may do, may (tell you)* – в четвёртом примере и глаголов: *said, talk, saying* – в пятом примере, во-вторых, выраженной эмоционально оценочной лексикой, связанной с этими глаголами: *discreet, never, kill, fear, cripple, choke, flesh, bones* – и, в-третьих, синтаксическим повтором конструкций: *can kill you, I can, I can cripple…, I can make you choke…, I can show…* и т.д. в четвертом примере и своеобразным разворотом времен: настоящее простое – преднастоящее – будущее простое (*is – has never told - will tell you*) в пятом.

И если в четвертом примере можно предположить лишь незначительную расструктурированность ситуации, то в пятом случае такая чрезмерная акцентуация на содержании говорения позволяет установить полностью расстроенное, хаотичное внутреннее состояние говорящего, Более того, такой усиленный повтор предполагает намерение автора показать несостоятельность угрозы (известно, что *the dog, that barks, doesn't bite*) и создать у реципиента презрительное отношение к персонажу.

Интересны случаи выдвижения семы говорения указанных глаголов.

6. *The defensive tone of his voice brought the colour flying to her cheek, the words flying to her lips. "you don't give me a chance to be nice to you; you haven't for ages now".* (J. O'Hara)

7. *"I can stay just as not, Lester," she volunteered. "I'll take a room. I can send a note out to Mrs. Swenson. It will be all right." – "You needn't do that."*

he said, but she could see that he wanted her, that he didn't want to stay alone. (T. Dreiser)

Здесь наблюдается коммуникация, при которой базовые глаголы говорения формально не обозначены, т.е. сема говорения не эксплицирована в самом глаголе, а значение говорения лишь имплицируется, как, например, в шестом примере: *the words flying to her lips* или *volunteered* в седьмом. При этом такая невыраженность собственно глагола говорения выдвигает на первый план эмоционально-оценочную характеристику взаимоотношений коммуникантов – в первом случае у субъекта с помощью экспрессивно-выразительного эквивалента глагола говорения – *brought the words flying to her lips* – эксплицируется страстное желание наладить отношения, упрек другой стороне в нежелании делать это, во втором – volunteered – понимание состояния любимого человека и желание помочь.

При наличии в тексте или коммуникативной ситуации некоего общего знания или пресуппозиции возможно выявление такой функции как вовлечение партнера в общее коммуникативное пространство, как, например, в следующих случаях.

8. *"You're just a baby. You need someone to take care of you". I opened my eyes looked up at her again. "I've been thinking that too", I said.* (H. Robins)

9. *Mrs. County thinks so: that we should go home." – "Did she say why?" – "Because – she did run on. Because you always have. Always made your peace, she said."* (T. Capote)

В первом рассматриваемом примере говорящий, высказывая свое мнение относительно адресата – *You need someone to take care of you* – находит у него полное понимание создавшейся ситуации – *I've been thinking that too* – т.е. оба коммуниканта благополучно вовлечены в общее коммуникативное пространство. В последующем примере коммуникативное воздействие с одной стороны – *we should go home* – встречает критическую реакцию с другой – *why* – происходит сбой в общении, а затем, после объяснения – *Because you always have* – общее пространство коммуникации восстанавливается и при этом в ситуации четко проявляется атмосфера взаимоотношений.

Глаголы группы говорения обладают также свойством повышения речевого воздействия на адресата, как это очевидно в следующих примерах:

10. *"Handsome, untie every one of those bales," she said. "I want to see what else you've gone and taken of mine. Do like I tell you, Handsome!"* (E. Caldwell)

11. *Then she said into the phone: "Charles, this is Martha. I'm saying this very calmly. Don't you ever do it again. Don't ever speak to my daughter again.* (J. O'Hara)

В данном случае воздействие осуществляется с помощью грамматических средств: повторяющегося повелительного наклонения – *Untie…, Do like I tell you, Don't you ever…, Don't ever speak…* в обоих примерах, усиленного в последнем примере употреблением времени Present Continuous, которое здесь, кроме явно выраженного воздействия на адресата, является эмоциональной оценочной характеристикой самого субъекта говорения. В этих коммуникативных случаях выявляются не только личностные характеристики коммуникантов, но и отражается понимание ими коммуникативной направленности определенной речевой ситуации.

Обобщая всё сказанное относительно синергийных свойств английских глаголов говорения, представляется необходимым сказать, что при рассмотрении языка и дискурса как открытых самоорганизующихся систем эти свойства глаголов говорения позволяют выявить целый ряд функций, регулирующих функциональное пространство дискурса и передающих информацию о воздействии или взаимодействии коммуникантов.

Библиографические ссылки

1. Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка: Коллективная научная монография / под ред. А. Г. Бердникова. Новосибирск : СибАк, 2013. 282 с.

2. Гураль С. К. Синергетика и лингвосинергетика // Вестник Томского государственного университета. 2007. №302. С. 7-9.

3. Савина И. В. Глаголы коммуникации как функциональные операторы смысловой синергийности английского дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2006. №10/2 (50). С. 237-242.

4. Торжок А. Г. О текстообразующей функции эпистемических глаголов // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26-27 окт. 2017 г. : в 2 ч. Ч. 2. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. С. 114-119.

ГЛОБАЛЬНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ И ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГ. ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ ЛИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
(на материале русского и китайского языков)

А. Ю. Хоменко, А. М. Зинина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина
Нижний Новгород, Россия
e-mails: akhomenko@hse.ru, anastassiakhomenko@yahoo.com

В настоящей статье авторы проводят сопоставительный анализ обобщенных языковых личностей молодежи в свете современных тенденций глобализации электронной коммуникации на примеры русскоязычной и китаеязычной речи, репрезентированной в социальных сетях и мессенджерах.

Ключевые слова: языковая личность; русский язык; китайский язык; электронная коммуникация.

GLOBAL ENGLISH AND INTERNET SLANG. INFLUENCE ON THE LANGUAGE PERSONALITY OF MODERN YOUTH
(on the basis of the Russian and Chinese languages)

A. Yu. Khomenko, A. M. Zinina
National Research University Higher School of Economics;
Minin State Pedagogical University
Nizhny Novgorod, Russia
e-mails: akhomenko@hse.ru, anastassiakhomenko@yahoo.com

In this article, the authors conduct a comparative analysis of the generalized language personalities of young people in the light of current trends in the globalization of electronic communication. For the research the authors use examples from Russian and Chinese, represented in social networks and instant messengers.

Key words: language personality; the Russian language; the Chinese language; electronic communication.

Концепция языковой личности (ЯЛ) в отечественном языкознании в свое время разрабатывалась В. В. Виноградовым [1]. Затем наиболее детально она была отрефлексирована Ю. Н. Карауловым. По Ю. Н. Караулову, ЯЛ может пониматься как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [2, с. 104].

Ядром ЯЛ является набор так называемых речевых компетенций. «Речевая компетенция – владение способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умение пользоваться такими способами в процессе восприятия и порождения речи» [3, с. 251].

В условиях современной дигитализации и информатизации всех сфер жизни человека в языке также проявляются черты глобализации культуры всех обществ. Маркерами тенденций глобализации может служить уровень освоения иноязычных слов той или иной культурой. Сопоставительный анализ этого использования в разных языках может помочь раскрыть общие, устойчивые тенденции развития социумов и обобщенных ЯЛ их членов. Это в свою очередь может помочь сделать прогноз дальнейшего развития не только одного конкретного языка, а разных культур в глобальном аспекте.

В настоящей работе для сопоставления намеренно выбраны языки разного строя (флективный русский и корневой китайский) именно с целью выявления глобальных культурных тенденций разных обществ. Объектом анализа стали процессы, появляющиеся в исследуемых языках под влиянием языка глобализации, английского, а также сленга интернет-коммуникации. Авторы ставят задачу проанализировать изменения компетенций в области лексикона и грамматикона обобщенной ЯЛ русской и китайской молодежи («… наиболее часто возрастные границы молодежи определяются периодом 15-29 лет» [4, с. 265]). Для анализа используется материал социальных сетей «Вконтакте», «Твиттер», «Weibo», «Zhihu», «WeChat» и мессенджеров, средств коммуникации, активно используемых исследуемой группой.

Для обобщенной русскоговорящей ЯЛ молодежи в аспекте ее речевых компетенций, несмотря на распространенное в обществе мнение, были выявлены тенденции, связанные с сохранением исконного флективного строя языка на лексическом и грамматическом уровнях.

По данным ряда социолингвистических исследований, репрезентация компетенции владения общеупотребительной лексикой для обобщённой ЯЛ русскоговорящей молодежи говорит о том, что исконно русская лексика в значительной мере преобладает в коммуникации над англицизмами и американизмами, пришедшими из глобальной сети. Так, в группе из 170 представителей молодежи при осознанном эксперименте (опросе с множественным выбором) для продолжения фразы «*Ты и диплом – вещи несовместимые*», - «_» из вариантов *ору, лол, кек, забавно* наиболее популярным (30% респондентов) является русскоязычное *ору*, англизированные заимствования *лол* и *кек* занимают второе и третье места соответственно; на выборке в 260 твитов (равно количеству опрошенных) при

неосознанном эксперименте, представляющем собой просьбу написать твит на заданную тему, «Выборы на Украине 2019», было обнаружено всего 5 заимствований, среди которых: *мем* (в разных грамматических формах), *нормал кантри гоал, баттл, топ, лол*, - и три англоязычных фразы: *dissapoited but not surprised, no offence, sorry not sorry*; вся остальная лексика твитов не испытывала влияний глобального английского. Посредством опроса этого же числа респондентов был получен следующий кумулятивный список наиболее используемых слов англоязычного происхождения, имеющих аналоги в русском языке: *лол, ок, краш, юзать, хейтить, дедлайн, хайпить, лайкать, спойлер, чекать*. Одновременно важно, что при 260 опрошенных наиболее популярный англицизм из списка имеет частоту появления в ответах всего в 16 единиц, наименее частотный – в 5.

Отсутствие панраспространенной тенденции к использованию в межличностном общении англоязычных заимствований подтверждается и словарем частотной лексики русскоязычных социальных сетей. Так, при анализе комментариев пользователей «Вконтакте», составляющих корпус объемом более 120 000 знаков, удалось выявить, что список десяти наиболее частотных слов (с исключением стоп-слов) данной сети сконструирован исключительно из общеупотребительной лексики, а именно: *я, ты, быть, он, вы, они, мочь, один, человек, еще*.

Так, коммуникативную компетенцию обобщенной русскоговорящей ЯЛ молодежи, связанную с использованием лексики, можно описать как тяготеющую к употреблению незаимствованных, русскоязычных общеупотребительных слов в преференции к англоязычным. Важно, что эта тенденция проявляется не только в межличностном общении, продуцируемом в социальных сетях, она имеет место также в СМИ. В корпусе, состоящем из 879 статей российской онлайн-газеты «The Village» общим количеством слов 542 015, обнаружено лишь 2030 англицизмов и американизмов, что составляет всего 0,4 % от объема корпуса.

Аналогичная ситуация наблюдается в речи носителей китайского языка. В качестве объекта исследования были выбраны записи в социальной сети «WeChat», написанные 50 испытуемыми в возрасте от 18 до 28 лет. Среди рассмотренных 160 текстов (21 307 знаков) было выявлено всего 3 заимствования (*拜拜* báibái от англ. ‘bye-bye’; *CP* – сокращение от англ. ‘couple’, *3Q* от англ. ‘thank you’). Также был проведен опрос испытуемых с целью выявления наиболее часто используемых в устной речи заимствованных слов, в результате которого выяснилось, что чаще всего китайская молодежь используют следующие англицизмы: *hi, OK了, kiss, nice, 粉丝* （от англ. ‘Fans’）. Также следует отметить, что, согласно

статистике китайского информационного агентства «Mmeihua.info», среди 20 наиболее популярных выражений китайского языка, используемых в интернет-сленге в 2018 году, нет ни одного заимствования из английского.

Отличительной особенностью современного китайского языка является активное словотворчество. Ежегодно в китайском языке, в том числе благодаря интернет-сленгу, появляется до сотни новых слов и выражений. При этом лишь малая часть из них остается в культуре надолго.

Таким образом, общая тенденция, характерная для русской и китайской ЯЛ молодежи, проявляется в преференции использования слов родного языка перед англицизмами.

Что касается уровня владения грамматическими навыками, то в части компетенции, связанной с использованием морфологических образцов, для обобщенной русскоговорящей ЯЛ молодежи также не наблюдается значимой модификации традиционных грамматических норм. Безусловно, в русскую молодежную речь приходят англицизмы и американизмы с аутентичными, нерусскоязычными аффиксами: *хейт-ер, блогг-ер, троллинг, блогг-инг* и пр., – тем не менее эти аффиксы, как видно из контент-анализа, чаще всего присовокупляются к иноязычным корням. Для репрезентации же в языке, например, такого современного общественного явления как феминизация, пришедшего в социум с запада, в русской культуре используются исконные языковые образцы. Так, если на западе появляются слова *police officer* вместо *policeman* в английском, *présidente* наряду с *président* во французском, то в России пытаются закрепиться в языке слова *блогерка*, *авторка*, *видеографиня*. Налицо экспликация общемировой тенденции, но с ее реализацией в языке именно с помощью исконно русских средств.

Для Китая подобная тенденция не характерна. В китайском языке существует несколько типов словообразования, характерных для заимствованной лексики. Первый тип пришедших в китайский язык слов – это иностранные заимствования, сконструированные по принципу фонетической кальки при передаче звучания иноязычного элемента. К таким словам можно отнести *迷你* mini ‘мини’; *粉丝* fensi ‘фанаты, поклонники’; *摩登* módēng ‘современный’ от английского ‘modern’; *伊妹儿*yīmèir – ‘email’ [5]. Также существует заимствование слов с помощью сочетания буквенных и иероглифических компонентов. Примерами подобных слов служат: *K歌*, где *K* обозначает ‘караоке’, а иероглиф 歌 – ‘песню’; *T恤* – по аналогии с английским словом ‘T-shirt’; *call台*, что значит ‘телефонный информационный центр’, где ‘call’ от английского слова ‘звонить’ и 台 – ‘стойка’; *3Q* ‘спасибо’ от английского ‘thank you’. В современном

китайском языке также появились заимствованные буквенные слова, для написания которых используется латинский алфавит, например, *kiss* ‘поцелуй’, *call* ‘звонок’, *smile* ‘улыбка’, *nice* ‘хорошо’. Гибридный способ подразумевает сочетание иероглифа, служащего фонетическим заимствованием, и смысловой морфемы. Например, морфема *吧* вошла в китайский язык со значением ‘бар’, являясь фонетической калькой английского слова ‘bar’. В значении ‘бар’ морфема 吧 используется в большом количестве производных слов: *酒吧* ‘бар’, появилось при сочетании с морфемой *酒* алкоголь’; *网吧* ‘интернет-кафе’, образовалось сочетанием морфемы 吧 и морфемы 网 ‘сеть, Интернет’.

В социуме бытует мнение, что интернет-сленг и глобальный английский оказывают сильное влияние на синтаксис русского языка, поддерживая тенденцию к упрощению синтаксических конструкций. Данная тенденция находит лишь частичное подтверждение на экспериментальном материале. Так, на репрезентативной выборке в 10 % от генеральной совокупности, состоящей из сообщений общим объемом 2 097 418 знаков и 360 844 слова, продуцированных в мессенджерах авторами в возрасте от 15 до 29 лет, выявлены следующие синтактико-пунктуационные тенденции: отсутствие знаков препинания в сложных предложениях, пунктуационные ошибки при вводных конструкциях, отсутствие знаков препинания при оборотах, отсутствие знаков препинания в однородных рядах, ошибки при оформлении обращений, иногда полное отсутствие знаков препинания в предложениях. Наличие данных тенденций может быть опосредовано связано с упрощением пунктуационных норм в устно-письменной коммуникации сети Интернет под влиянием глобального английского языка, но, значительно вероятнее, мотивировано в первую очередь общим уровнем (средний и ниже среднего) речевой культуры коммуникантов. Одновременно в качестве трендов в коммуникации были выявлены такие особенности, как использование сложных предикативных структур, в том числе вложенной предикации, наличие конструкций субъективной модальностью, репрезентированной вводными словами. Использование авторами с невысоким уровнем речевой культуры сложных и осложненных предикативных конструкций, отрицает непреложность постулата о процессах интерференции в русском синтаксисе, основанных на упрощении грамматики и связанных с использованием интернет-сленга и глобального английского языка.

Особенности грамматического строя китайского языка также препятствуют появлению в нем тенденций к упрощению грамматики. Был проведен анализ выборки, состоящей из публикаций популярных блогеров социальной сети «Weibo» общим объемом 40 702 знака. В результате

анализа не было выявлено отклонений от общих норм синтаксиса и грамматического устройства предложений. Напротив, выборка содержит большое количество специфичных для китайского языка грамматических феноменов, таких как построение предложения с помощью топика и комментария, предложения с включенными членами. Характерной особенностью выборки является появление большого количества рамочных конструкций, представленных специальными лексическими элементами с тесной функционально-синтаксической связью.

Выборка содержит всего два примера нетипичного для грамматики китайского языка порядка расположения членов предложения. Фиксированный порядок слов является одним из ключевых синтаксических средств грамматического строя китайского языка, определяющим синтаксическую функцию морфемы. Как следствие, любые отклонения от норм являются атипичным явлением для китайского языка даже с учетом того, что в разговорной речи молодежи, как и в интернет-коммуникации, возможно смягчение и игнорирование некоторых языковых норм. В обоих упомянутых выше случаях речь идёт о положении обстоятельства места после группы сказуемого, в то время как согласно нормам современного китайского языка обстоятельство места занимает положение перед группой сказуемого. Эксплицированный в анализируемых примерах порядок слов характерен для английского языка, однако нет оснований полагать, что подобное отклонение от норм китайского языка обязательно вызвано влиянием этого языка или глобальных трендов, связанных с использованием интернет-сленга.

Таким образом, анализ представленного языкового материала позволяет сделать вывод о том, что языки с разным строем (флективный русский; корневой китайский) имеют схожие тенденции развития в современном обществе. Анализ компетенций, связанных с лексиконом и грамматиконом обобщенной ЯЛ носителей, позволяет выделить следующие тенденции, характерные для обоих языков: появление в речи молодежи англицизмов и американизмов; доминирование слов родного языка над заимствованными; отсутствие значимых изменений, вызванных влиянием глобального английского и интернет-сленга, в синтаксическом строе языков.

Так, можно говорить о том, что влияние глобального английского и интернет-сленга не является решающим при формировании лексических и синтаксических компетенций ЯЛ русскоговорящей и китайской молодежи. Эта тенденция характерна также для формирования морфологических компетенций молодого поколения носителей русского языка. Для китайской ЯЛ молодежи, напротив, словотворчество путем присоедине-

ния аффиксов и морфем родного языка к иноязычным корням широко распространено.

Выводом настоящего исследования по вопросу тенденций дальнейшего развития различных языков и культур и ЯЛ их носителей может служить постулат о том, что влияние глобального английского и интернет-сленга на языки современности не так значительно, как может показаться на первый взгляд. В языках разного строя, безусловно, происходят изменения под влиянием общемировых тенденций, но эти изменения эпизодичны и не носят панраспространённого характера в молодежной коммуникации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-312-90022).

Библиографические ссылки

1. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М. : Гослитиздат, 1961. 614 с.
2. Караулов Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. М., 1986. С. 222-234.
3. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
4. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев; уч. секр. О. Е. Чернощек. М. : Норма, 2008. 608 с.
5. 现代汉语新词词典/**亢世勇**,**刘海**润主编. **上海**.: **上海辞**书出版社, 2009. 428页.

РАЗДЕЛ 4
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В СОЗДАНИИ ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «МАКБЕТ»

Е. Д. Алимпиева
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь
e-mail: katerina.alimpieva@mail.ru

В статье приводится сопоставительный анализ текста трагедии У. Шекспира «Макбет» с текстами хроник и сопутствующими историческими текстами, проводимый с целью выявления возможного влияния современных автору явлений в обществе на интерпретацию им исторических источников. Результаты исследования показывают, что образ трагического героя и основной конфликт пьесы были созданы с помощью интерпретации исторических фактов.

Ключевые слова: Уильям Шекспир; Макбет; исторические источники; сопоставительный анализ; эквивокация; Пороховой заговор; охота на ведьм, образ ведьм.

THE ROLE OF HISTORICAL SOURCES IN THE CREATION OF W. SHAKESPEARE'S TRAGEDY "MACBETH"

K. D. Alimpiyeva
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: katerina.alimpieva@mail.ru

The article provides a comparative analysis of the text of the tragedy of W. Shakespeare "Macbeth" with the texts of chronicles and related historical texts, which is aimed at identifying the possible influence of contemporary phenomena in society on his interpretation of historical sources. The results of the study show that the image of the tragic hero and the main conflict of the play were created using the interpretation of historical facts.

Key words: William Shakespeare; Macbeth; historical sources; comparative analysis; equivocation; Gunpowder plot; witch-hunt, the image of witches.

В данном исследовании наше внимание было обращено к трагедии «Макбет». Мы провели сопоставительный анализ текста трагедии с хрониками, а именно: хроникой Холиншеда и «Историей Шотландии» Джорджа Бьюкенена, а также с сопутствующими историческими текстами, а именно: «Демонологией» короля Якова I и трактатами "*Basilicon Doron"* и *"The True Law of Free Monarchies"* Якова I. Мы исходили из того, что на автора трагедии повлияли не только прямые источники, но и

широкий культурно-исторических контекст. Для этого мы также исследовали исторический контекст начала правления короля Якова I, Пороховой заговор и явление «охоты на ведьм» с целью выявления возможного влияния современных автору явлений в обществе на интерпретацию им исторических фактов.

В изображении судьбы своего главного героя Шекспир следовал биографии Макбета, изложенной в хронике Холиншеда, которая в свою очередь опиралась на опус "*Scotorum Historiae"* Гектора Бойса 1527 г. Однако в хрониках Макбет был мудрым правителем и правил 16 лет до своей смерти в бою против сына Дункана, Малкольма Третьего, также имевшего притязания на престол. Он действительно пришёл к власти в результате междоусобной войны, однако война эта началась после признания Дункана слабым правителем. Хроники также не подтверждают убийство Дункана во дворце Макбета – он был предположительно убит в бою под Ивернессом.

Идею убийства короля хозяином замка Шекспир позаимствовал из хроники Холиншеда. Незадолго до появления Макбета в «Хронике» упоминалось о случае убийства короля Даффа феодалом Донвальдом в его собственном замке. Шекспира мог впечатлить «двойной» подрыв доверия. Для его эпохи это было серьёзное преступление. Как пишет Л. В. Егорова, «понятие "double trust" было введено в шотландский закон в 1587 году, когда убийство человека, который является твоим гостем, стало расцениваться не только как убийство, но и как предательство, измена» [2, с. 19].

Мистические видения Макбета, представляющие собой убитого короля на пире, Шекспир предположительно взял из истории короля Кеннета, которого терзали муки совести после убийства своего племянника. Его совесть проявлялась в сверхъестественных голосах, не дававшим ему спать. В «Истории Шотландии» ("*Rerum Scoticarum Historia"*) Джорджа Бьюкенена голоса ещё более драматизируются [3, с. 310]. Очевидно, что король Кеннет в «Истории Шотландии» стал персонажем, заложившим мотив морального разложения трагического героя.

В «Хрониках» Банко является соучастником убийства Макбетом короля Дункана и заботится о том, чтобы Макбет, а не Малькольм занял трон при перевороте. Образ непогрешимого Банко мог быть продиктован вступлением на престол Якова I, поскольку в те времена считалось, что Банко был предком Якова. Изображать предка короля как убийцу было рискованно, и поэтому У. Шекспир идеализировал Банко.

В пользу того, что У. Шекспир писал пьесу, пытаясь угодить монарху, говорит и божественный образ Дункана в пьесе. Его мудрость не под-

утверждается хрониками. В пьесе же Дункан получает статус полубожества: «His silver skin laced with his golden blood» [5, стр. 2.3.118]. Можно утверждать, что Шекспир, помещая действие в Шотландию и выставляя законного короля «помазанником Божим», утверждает божественную власть короля действующего. Это перекликается со взглядами Якова I – он прямо пишет о божественной природе королевской власти – в трактатах “Basilicon Doron” (1599) и “The True Law of Free Monarchies” (1598).

Пьеса также изобилует аллюзиями на события современного Шекспиру Нового времени – и более всего на Пороховой заговор и его последствия. Особенно примечательна сцена с привратником в третьей сцене второго акта, которая имплицитно указывает на Генри Гарнета, иезуита, практиковавшего эквивокацию как способ сохранить чистую душу перед Богом, скрываясь от гонений протестантов, и повешенного по обвинению в организации порохового заговора.

В трагедии «Макбет» также значимое место занимает отклик на интерес к ведьмам, охвативший Англию в XVI и XVII веках. В то время люди существование ведьм было фактом – сомнению подвергался лишь злой умысел их действий. Принципы официальной культуры, рассматривающие ведьм как помощниц Сатаны, транслировались крупными политическими фигурами – Жаном Боденом и Яковом I – и поддерживались церковью. Так, авторству короля Якова I принадлежит «Демонология», опубликованная в 1597 году и описывающая ведовскую магию [4].

Образ ведьм Шекспир также адаптирует для Якова I. Хроника Холиншеда приводит сцену встречи Макбета с некими существами, описывая их как «creatures of the elderwood ... nymphs or fairies» [6, с. 268]. Однако данное скупое описание Шекспир перерабатывает, учитывая отношения Якова к ведьмам. Козни ведьм в третьей сцене первого акта перекликаются с событиями личной жизни Якова. По его утверждению, ведьмы пытались утопить его корабль по пути в Норвегию, плавая по морю в решете и бросая в воду предварительно окрещённого кота, к лапам которого привязывали конечности мертвецов.

Таким образом, исторический контекст – а именно вступление на английский престол шотландского короля, его интерес и ненависть к ведьмам, а также такие события, как Пороховой заговор и повсеместные европейские гонения на ведьм – сыграли, на наш взгляд, определяющую роль в выборе сюжета, в его христианизации, в формировании образов Банко, Дункана, Макбета, леди Макбет и ведьм, и в общей прагматике трагедии, имевшей целью угодить королю.

Библиографические ссылки

1. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. Москва : Искусство, 1990. 396 с.
2. Егорова Л. В. Эквивокация в «Макбете»: речевая природа трагедии. Вологда : ВоГУ, 2018. 164 с.
3. Buchanan, G. The History of Scotland … Faithfully rendered into English. London : Edw. Jones for Awnsham Churchill, 1690.
4. King James I. Daemonologie. Gutenberg Book, 2008. 80 p.
5. Macbeth // Mr. William Shakespeares Comedies, histories & tragedies, published according to the true originall copies. London : William Jaggard and Edward Blount, 1623. P. 739–760.
6. The firste volume of the chronicles of England, Scotlande, and Irelande / R. Holinshed [et al.]. London, 1577. 1642 p.

МЕЖДУ ПОЛЬСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИМ ОРИГИНАЛОМ: АНТРОПОНИМЫ В БИБЛИИ СИМОНА БУДНОГО

Е. В. Борисевич
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: barysevich@bsu.by

В статье анализируются особенности передачи антропонимов в Книге Бытия из издания Симона Будного. Переводчик, считавший своей основной целью издание перевода Библии, максимально близкого к древнееврейскому оригиналу, вынужден был следовать уже сложившейся польской традиции передачи библейских имен собственных в случаях, когда речь шла об именах наиболее значимых библейских персонажей.

Ключевые слова: Библия; антропонимы; перевод; транслитерация; гебраизм; традиция.

BETWEEN THE POLISH TRADITION AND THE BIBLICAL HEBREW ORIGINAL: ANTHROPONYMS IN SZYMON BUDNY'S BIBLE

A. Barysevich
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: barysevich@bsu.by

The article focuses on different ways of rendering anthroponyms in the Book of Genesis in Szymon Budny's Bible. The translator considered the rendering, which was as close as possible to the Hebrew original to be his major aim, but had to follow the existing Polish tradition in many cases, when the names of the most important characters were to be rendered.

Key words: Bible; anthroponyms; translation; transliteration; Hebraism; tradition.

Одной из основных задач, которую поставил перед собой Симон Будный, планируя и осуществляя новый перевод библейского текста на польский язык, было максимальное приближение переводного текста к древнееврейскому оригиналу. Это должно было обеспечить переводу точность, а читателям – верное, не искаженное переводчиками, представление о структуре и особенностях древнееврейского текста. Нередко эта позиция приводила к появлению в тексте малопонятных польскому читателю буквализмов-гебраизмов. В этом случае Симон Будный иногда снабжал наиболее экзотические буквализмы маргинальным комментарием, в котором давал перевод буквализма на литературный польский язык.

К середине XVI века в Польше, как и во всей Европе, уже сложилась традиция бытования библейского текста и обширный пласт культуры, связанный с ним: в частности, в языковое сознание носителей национальных языков вошли и закрепились в нем в определенных формах имена самых значимых библейских персонажей. Если речь идет о западных славянах, то в языке и культуре закреплялись фонетические и графические формы библейских имен, восходящие к Вульгате. Именно поэтому, в целом поставив перед собой задачу максимально близкой к оригиналу передачи имен собственных, Симон Будный сознательно отказывается от ее реализации в отношении именно этих имен. Передавая древнееврейское имя *Ицхак* как *Izahak*, *Йосеф* как *Jozef, Исав* как *Ezaw, Авраам* как *Abraham, Йааков* как *Jaakob, Реувен* как *Ruben, Йисраэль* как *Izrael*, Будный не раз замечает на полях: «… *Ale tu musieliśmy zwyczajowi folgować»* (*„…Но здесь нам пришлось следовать за обычаем”*). Уступки обычаю в случае с данными именами собственными проявляются, в частности, в способе передачи согласных звуков. Это касается передачи древнееврейских звуков [ц] (*Izahak*) и [с] (*Jozef, Izrael*) при помощи буквы *z*, что является фонетической передачей чтения (именно чтения, а не собственно способа написания), воспринятого из Вульгаты. Также противоречит древнееврейскому чтению буква b в имени *Abraham* и на конце имени *Jaakob* и в середине имени Ruben, где при условии соблюдения традиции правильного произношения этого имени в древнееврейском тексте в польской транскрипции должна была бы появиться буква w.

При передаче имен сыновей Иакова Симон Будный также продолжает сочетать элементы сложившейся в польской культуре традиции бытования этих имен и верной древнееврейскому оригиналу передачи этой группы лексем в транслитерации. Так, полностью фонетически верно записаны имена *Нафтали, Биньямин и Ашер – Naftali, Biniamin, Aszer*. В именах *Szymeon, Isaszchar, Zewulon, Jaakob* наблюдаются своего рода

компромиссные формы транскрибирования. В стихе 35:26 встречается форма *Jakobowi* – с пропущенными вторым а. В имени *Szymeon* начальное sz [ш] однозначно указывает на обращение переводчика именно к древнееврейскому тексту, но *eo* вместо ожидаемого *o* может свидетельствовать об обращении к латинскому тексту. Аналогичным образом, в имени *Zewulon* появление е в первом слоге может иметь своим источником передачу древнееврейского звука шва. Относительно чтения *Isaszchar* сложно однозначно объяснить происхождение *sz* в транскрипции Будного. Исходя из масоретского текста появление такго чтения объяснить невозможно.

Современники Симона Будного передают эти имена с разной степенью последовательности и адаптации латинского написания к польской графической конвенции, которая в этот период находится в процессе своего становления [5; 6].

Несколько большую свободу при транскрибировании давали Симону Будному имена менее известных библейских персонажей, особенно такие, которые появляются в тексте Книги Бытия однократно и в основном в главах родословий. Здесь варианты чтения имен в тексте Будного оказываются значительно и последовательно ближе к древнееврейскому тексту. Характерна в этом смысле передача этнонима *«хетт»,* который часто используется как прибавление к имени, как своего рода прозвище: *Elona Chyteyskiego, Cyweona Chyteyskiego.* Вокализация *y* явственно указывает на знание соответствующей огласовки древнееврейского слова *«хетт»* и передает его достаточно точно, учитывая то, что сочетание *Chi* является в исконно польских словах не встречается.

Ряд имен такого типа Симон Будный передает при помощи одного последовательного варианта с верным отражением древнееврейского чтения: *Y Baszmatę (36:3), syn Baszmaty (36:10), synowie Baszmaty (36:13), synowie Baszmaty (36:17); urodziła Rehuela (36:5), Rehuel (36:10), synowie Rehuelowi (36:13), synowie Rehuela (36:17).* В имени *Baszmata sz* передает звучание древнееврейской буквы шин, а в имени Rehuel в точном соответствии с древнееврейским тестом передана вокализация первого и последнего слога, а также звучание буквы «hей» - при помощи символа h. Однако тот факт, что нередко одно и то же имя передается разными способами даже в расположенных рядом библейских стихах, свидетельствует об определенной непоследовательности самого Симона Будного или справщиков его текста при передаче древнееврейских имен:

Ezaw poiął żony swoie zcor Kanaanowich, Adę corkę Elona Chyteyskiego / y ***Haholibamę*** *corkę Any cory Cyweona Chyteyskiego (36:2).*

Zaś ***Aholiwama*** *urodziła* ***Jeusza*** */ y Jalama / y Koracha, a ci (są) synowie Ezawowi / ktorzy się mu urodzili w ziemi Kanaańskiey (36:5).*

Zaś ci byli synowie ***Aholibany*** *cory Any / cory Any / cory Cyweonowej żony Ezawowej: y urodziła Ezawowi* ***Jehusza*** *y Jalama y Koracha* (36:14).

Zaś ci (są) synowie ***Aholiwamy*** *żony Ezawowej: ksiądz Jehusz / ksiądz Jalam / ksiądz Korach: ci (są) księdzowie* ***Aholiwamy*** *corki Aninej a żony Ezawowej (36:18).*

Имена ***Haholibamę, Aholiwama, Aholibany*** не только называют одного и того же человека, но еще и расположены почти что в соседних стихах. К древнееврейскому оригиналу ближе всего первый вариант, но и он не содержит чтения, максимально близкого к древнееврейскому оригиналу. Имя ***Jeusza*** ближе к оригиналу, чем ***Jehusz.a***

Y byli synowie Elifazowi Theman / Omar / Cefo y Gatham / y ***Kienaz*** *(36:12).*

Ci (są) księdzowie synow Ezawowych: synowie Elifaza pierworodnego Ezawowego ksiądz Teman / ksiądz Omar / ksiądz Cefo / ksiądz ***Kienasz*** *(36:15).*

Zaś ci (są) synowie Rehuelowi: ***Nachad*** *y Zerach /* ***Szamma*** */ y Mizah: ci byli synowie Baszmaty żony Ezawowey (36:13).*

Zaś ci (są) synowie Rehuela syna Ezawoweo: ksiądz ***Nachath*** */ ksiądz Zerach ksiądz* ***Sammah*** *ksiądz Mizah... (36:17)*

В этой группе примеров каждое второе предложение содержит древнееврейские версии имен, а каждое первое – общепринятые польские, попавшие в текст, вероятнее всего, в результате позднейшей беспорядочной справки. Характерной особенностью текста Симона Будного, отличающей его Библию от большинства современных ему переводов, является достаточно активное включение древнееврейских имен собственных не только в систему польского словоизменения, но и в систему словообразования: имена склоняются, от них активно образуются и используются притяжательные прилагательные.

Библиографические ссылки

1. Biblia Hebraica Stuttgartensia. Deutsche Bibelgesellschaft: Stuttgart, 1977. 1180 S. Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Deutsche Bibelgesellschaft: Stuttgart, 2006. 1760 p.
2. Biblia Sacra iuxta vulgatam versionem. Deutsche Bibelgesellschaft. Stuttgart, 2007. 1920 p.
3 Biblia. To iest, księgi starego y nowego przymierza, z nowu z języka Ebreyskiego, Grecskiego y Łacińskiego na Polski przełożone. Nieśwież, 1572.
4. Biblia święta, tho iest, Księgi Starego y Nowego Zakonu, właśnie z Żydowskiego Greckiego y Łacińskiego, nowo na Polski ięzyk, z pilnością y wiernie wyłożone. Brześć Litewski, nakł. M. Radziwiłł, 1563.

5. Biblia, to jest księgi Starego i Nowego Zakonu, na polski język z pilnością według łacińskiej Bibliej od Kościoła krześcijańskiego powszechnego przyjętej, nowo wyłożona. Kraków, 1561.
6. The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon: with an appendix containing Biblical Aramaic. The 13th Printing. Peabody, Mass. : Hendrickson Publishers , 2010. 1204 p.

ПРОЦЕСС АРХАИЗАЦИИ СЛОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ПОДДЕРЖАНИЯ ЯЗЫКА В СОСТОЯНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРИГОДНОСТИ

А. А. Боричевская, М. И. Ерофеева
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mails: nastya78@tut.by, mari_erofeeva2000@mail.ru

В статье рассматривается процесс архаизации слов в английском языке, изучается разница между архаизмами и историзмами. Особый интерес представляют архаизмы-фразы, употребляемые неносителями языка.

Ключевые слова: язык; процесс архаизации; классификация; историзмы; архаизмы.

ARCHAIZATION OF ENGLISH VOCABULARY AS A SINE QUA NON FOR THE LANGUAGE COMMUNICATIVE EFFICIENCY

A. A. Borichevskaya, M. I. Erofeeva
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mails: nastay78@tut.by, mari_erofeeva2000@mail.ru

The article deals with the problems of archaization. It dwells on the reasons of the process, sets the classification of English archaisms and historisms. Archaic phrases still used by non-native speakers are of interest.

*Key words***:** language; the process of archaization; classification; historisms; archaic phrases.

Не требует доказательства тот факт, что язык выступает одним из главных факторов, лежащих в основе обеспечения жизнедеятельности и даже жизнеспособности как отдельно взятой группы людей, народности, так и человечества в целом. Язык рассматривается не только как инструмент сближения, не только как объект, претерпевающий изменения и исторически развивающийся, но, в большей степени, как живой организм, невероятный космос, полный открытий, преобразований и превращений.

Изменчивая природа языка – его очевидное и несомненное свойство. Преобразования, происходящие в языке, обусловлены различными фак-

торами – историческими, экономическими, культурными и социальными. Но стоит отметить, что какими бы ни были причины, вызывающие языковые изменения, и какими бы эти изменения не являлись, подобные преобразования, безусловно, позволяют сохранять язык в состоянии коммуникативной пригодности. Если этого не происходит, язык умирает.

Сегодня в мире насчитывается около 6700 разговорных языков. Статистика показывает, что каждые 14 дней в мире умирает один язык, в основном от того, что уходят его последние носители. Велика опасность того, что к концу 21 века половина языков исчезнет навсегда, поэтому под эгидой ЮНЕСКО 21 февраля отмечается Международный день родного языка. Дата утверждена с целью продвижения идеи лингвистического разнообразия.

Тем не менее, удивительные превращения, происходящие в языке, родном или иностранном, всегда представляют особую ценность и вызывают подлинный интерес у студентов-лингвистов и исследователей.

В большинстве своём преобразования происходят поэтапно. Изменяются реалии жизни, предметы выходят из обихода. Одни объекты заменяются другими, либо вовсе исчезают. Все это отражается в языке – зеркале общества.

Изучая иностранный язык, а в данном случае английский, можно заметить, как он меняется. Большую роль в этих наблюдениях играют средства массовой информации, особенно так называемые social media – блоги, социальные сети, мессенджеры, интернет-порталы и платформы, представляющие самый живой, яркий и динамичный язык.

Современный английский язык отличается от того, что изучали в школе даже десятилетие назад. Кроме того, возможность путешествовать и общаться с носителями языка предоставляет уникальный шанс сравнить материал, предлагаемый для изучения в учебниках прошлых лет, с учебным материалом сегодняшних дней и сделать вывод, что не только некоторые слова, но и целые фразы, выражения частотного основного употребления переходят из активной лексики в пассивную. И процесс этот постепенный, но именно так возникают архаизмы и историзмы. Рассмотрим данные понятия более подробно, а также их сходство и различия.

Из определения архаизмов следует, что это слова, по определенным причинам вышедшие из речи и раннее называвшие предметы и события, которые сегодня выражены другими словами. Иными словами, это устаревшие названия современных предметов и понятий. То есть архаизмы образуют пассивный фонд словаря, при этом явление, объект, понятие, которое определяет архаизм, продолжает существовать

В свою очередь, историзмы представляют собой слова или словосочетания, обозначающие явления из прошлого, потерявшие актуальность для общества и ушедшие из его жизни. Иначе говоря, это слова, которые называют исчезнувшие предметы и явления действительности. У архаизмов обязательно есть аналог, слово-синоним. У историзмов синонимов нет и быть не может, так как предметы, реально существовавшие и носящие определенное название, больше не существуют.

Хотя архаизмы и историзмы и относятся к редко употребляемому лексическому строю языка, пассивному пласту лексики, их использование бесценно художественной литературе.

Подробнее остановимся на архаизации слов. Как уже было сказано, язык – абсолютно живая материя, отражающая происходящие в обществе события.

Процесс архаизации проходит в несколько периодов. На начальном этапе происходит банальное редкое употребление слов, таким образом они переходят в разряд так называемых обселентов, от английского *obsolescence* ‘устаревание’. Примером может быть местоимение *thou* ‘ты’, *thee, thine*.

На следующем этапе возникают слова-обселены. То есть слова все ещё считаются словами английского языка, но больше в нем не используются. Таким примером является *metkins* ‘мне так кажется‘.

На третьем этапе слова полностью удалены из состава английского языка, и найти их первоисточник не представляется возможным. Это архаизмы, например, слово *thoth*, обозначавшее доверие [1, с. 235].

Что касается классификации архаизмов, лингвисты склоняются к следующей системе:

а) фонетические архаизмы. Происходит замена звуков, откуда возникает несколько вариантов данного слова, один из которых со временем воспринимается как устаревший. *And he did his mind diskiver to a lady fair to see*. В данном случае вариант *disciver* заменен в современном языке на *discover*.

б) лексические архаизмы. Существует три типа лексических архаизмов:

- собственно лексические – слова, вышедшие из употребления целым звуковым комплексом, целиком. Например, *Let a cradle now in haste on the quarterdeck be placed.*

- лексико-словообразовательные архаизмы. Их от слов-синонимов в современном языке отличает только словообразовательный элемент, чаще всего суффикс. Например, *Then younder Scott is a worthye weight…Younder ffalse theeffe is my strongest enemye…* В современном ан-

глийском языке слова *worthye* и *enemye* представлены вариантами *enemy* и *worthy*.

- лексико-фонетические архаизмы. Они отличаются от современных слов-синонимов несколькими звуками. Например, *The ffirst of my lord did call a noble gunner hee was one 'Peter, sais hee, I must sayle the sea.* Сегодня слово *sayle* представлено вариантом *sail*.

- лексико-морфологические архаизмы. Они представляют собой устарелые формы слов или устарелую принадлежность слов к определенному грамматическому классу. Например, *There was a youth, and a well belov'd youth*. Форме *belov'd* соответстует *beloved*.

в) семантические архаизмы. К таким архаизмам относятся устарелые значения слов, которые существуют в активной форме. Например, *He halth a pinnace, is deerlye dight, Sant Andrews crosse, that is this guide. Dight* 'напряженный'.

г) историзмы, о которых мы уже говорили ранее. Идеальным примером, содержащим историзмы, являются произведения Шекспира. *But eigty merchants at London cittye came kneeting before king Henry there*. [2, с. 78-79].

Однако, на наш взгляд, особый интерес представляет именно сравнение употребления фраз и выражений, предлагаемых учебными пособиями прошлых лет, некоторые из которых стали, по сути, архаизмами, и их реальных эквивалентов.

Рассмотрим архаизмы-фразы, которые все еще существуют в учебниках даже не самых давних изданий, но, тем не менее, устарели; то есть в живом общении их, безусловно, можно встретить в речи не носителей языка; тогда как носители заменили их более актуальными разговорными живыми вариантами.

К слову сказать, это довольно занимательный вопрос и вполне заслуживает отдельного изучения – английский носителей языка и английский не англоговорящих представителей. Исследователи уже говорят о том, что выделяется целое направление, изучающее «неанглийский английский».

Так, фраза *How do u do?* носителями языка заменена на *How are you? How's it going? What's up?* Соответственно, *to go in for sports – to do sport*; *what a pity – that's bad; it goes without saying – definitely; I'm a pupil – I am a school boy/girl* (хотя при сегодняшней ситуации прогрессирующего сексизма не исключен возврат к архаизму); *How did it make out? – How did it go?* Неносители языка часто используют последнюю фразу, чтобы узнать, как прошло мероприятие, но носители языка в большинстве сво-

ем подумают о романтической подоплеке. *What will you do at the weekend? – What're you doing at the weekend / what're your plans for weekend?*

Таким образом, становится очевидно, что изменения в английском языке происходят постоянно. Более того, являются неотъемлемой частью его природой. Принимая во внимание темп изменения и обновления реалий в современном мире, процесс архаизации воспринимается естественным и неизбежным.

Библиографические ссылки

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М. : Высшая школа,1986. 300 с.
2. Кузнецова Н. В., Привалова Ю. В. Классификация архаизмов в английских народных песнях // Современные наукоемкие технологии. 2013. №7-1. С. 78-79.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА БАЛЛАДЫ У. ВОРДСВОРТА «НАС СЕМЕРО»

С. В. Гочаков
Полоцкий государственный университет
Полоцк, Беларусь
e-mail: s.gochakov@pdu.by

Проведен подробный анализ баллады У. Вордсворта «Нас семеро» на трех уровнях строения поэтического произведения: фоническом, стилистическом и идейно-образном. Рассмотрены художественные средства, благодаря которым в анализируемом произведении находит свое воплощение конфликт идеального и действительного. Данный конфликт является одним из основополагающих для поэзии английского романтизма.

Ключевые слова: конфликт; идея; содержание; баллада; число.

ARTISTIC SPECIFICITY OF W. WORDSWORTH'S BALLAD "WE ARE SEVEN"

S. V. Gochakov
Polotsk State University
Polotsk, Belarus
e-mail: s.gochakov@pdu.by

The article introduces a detailed analysis of the ballad "The Thorn" by W. Wordsworth based on the three levels of poetic work structure (phonic, stylistic, and conceptual). The article reviews artistic means with the help of which the conflict between the ideal and actual manifests itself. This conflict is one of the most fundamental conflicts of English romantic poetry.

Key words: conflict; idea; content; ballad; number.

Введение. Большое внимание в сборнике «Лирические баллады» уделено детям. Пожалуй, самым известным детским персонажем наряду с безумным мальчиком из баллады «Мальчик-идиот» (“The Idiot Boy”, 1798) является девочка из баллады «Нас семеро» (“We are Seven”, 1798). Произведение было написано во время прогулки по роще в Альфоксдене весной 1798 г. По рассказам поэта, маленькую девочку возле замка Гудрич он встретил в 1793 г. Последняя строфа была написана Вордсвортом первой, а Кольридж предложил первую строфу, когда Вордсворт посвятил его в свой замысел [3, с. 63]. Нужно также добавить, что «это стихотворение долго считалось первым переведенным на русский язык. Выполнил его поэт И. И. Козлов (1833). Перевод напечатали в знаменитой антологии «Английские поэты» (составитель Н. В. Гербель, 1875). Один из переводчиков этого стихотворения Е. Корш стал автором первой, насколько известно, статьи на русском языке о Вордсворте: «Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт» (1835). Фелиция Гименс – известная поэтесса, также жившая в Озерном краю» [2, с. 559].

Основная часть. В балладе «Нас семеро» повествование ведется от первого лица, а именно от лица странника, который встречает на своем пути главную героиню. Мнение автора выражается посредством прямой речи, а персонаж маленькой деревенской девочки описывается прямым и косвенным образом. Личный тип повествования придает всей истории объективности и достоверности, а также ограничивает пространственно-временную точку зрения повествователя.

Вступительная строфа произведения является, по сути, риторическим вопросом, который, как мы заметим позже, красной нитью проходит сквозь все стихотворение. Итак, в первой строфе читаем: «*A simple Child, dear brother Jim, / That lightly draws its breath, / And feels its life in every limb, / What should it know of death?*» [3, p.63] («*Легко радушное дитя / Привыкшее дышать, / Здоровьем, жизнию цветя, / Как может смерть понять?*» [2, с. 66]. Перевод баллады «Нас семеро» И. Козлова.).

Вторая и третья строфы являются экспозицией. Из данных строф мы узнаем, где и как путник встречает главную героиню, погружаемся в атмосферу произведения. Из них мы также получаем подробное описание внешности и возраста маленькой девочки.

Завязка начинается с четвертой строфы, если быть точным с вопроса: «*Sisters and brothers, little Maid, / How many may you be*?» [3, p. 63] («*Всех сколько вас, – ей молвил я, / И братьев, и сестер?*» [2, с. 66]). Путник задает этот вопрос маленькой девочке и получает на него нелогичный ответ, что и послужит в дальнейшем основными пунктами развития действия. Кульминация произведения расположена в тринадцатой, четырна-

дцатой и пятнадцатой строфах, в которых девочка рассказывает о смерти своих сестры и брата. Две последние строфы являются своеобразной развязкой, из которой мы узнаем, что девочка не меняет своего мнения по поводу количества детей, даже после описания их гибели.

Произведение написано строфами по четыре стиха с перекрестной рифмовкой *abab*. В целом автор придерживался традиционного балладного метра. Обращает на себя внимание частые ритмические инверсии с ямба на хорей, что в принципе является обычной тенденцией в английском стихосложении, например в первой строфе: «*What should it know of death*?» – трехстопный ямб с инверсией на хорей в первой стопе.

На стилистическом уровне произведение сильно упрощено, а большинство выражений носит просторечный характер. Этот факт, является следствием того, что сама по себе поэма построена на действии, а не на описании. Можно заметить, что описательное повествование ведется во второй и третьей строфах, а также с тринадцатой по пятнадцатую строфу, а остальная большая по объему часть произведения есть не что иное, как диалог между главными героями.

Попытаемся проанализировать данную поэму на идейно-содержательном уровне, что определенно поможет более подробно раскрыть и описать основные аспекты данного произведения. Обратимся к тексту и попытаемся охарактеризовать создаваемый им художественный мир.

Предметно-пространственный мир главной героини представлен следующими существительными: *hair* ‘волосы’, *a head* ‘голова’, *an eye* ‘глаз’, *beauty* ‘красота’, *a sister* ‘сестра’, *a maid* ‘девица’, *a brother* ‘брат’, *a cottage* ‘изба’, *a mother* ‘мать’, *a boy* ‘мальчик’, *a girl* ‘девочка’, *a limb* ‘конечность’, *a church-yard* ‘погост’, *a grave* ‘могила’, *a stocking* ‘чулок’, *a kerchief* ‘платок’, *ground* ‘земля’, *a song* ‘платок’, *a porringer* ‘суповая чашка’, *a supper* ‘ужин’. Если первые три существительных вкупе со словом *beauty* уже дают нам вполне отчетливое представление о внешности девочки, то другие не сразу раскрывают нам свой смысл. Так или иначе, мы можем выделить существительные, которые в некотором роде относятся к описанию семьи, к месту их обитания, а именно существительные: *a sister, a brother, a mother, a boy, a girl, a maid, a cottage, a church-yard, a grave*. Таким образом, важной частью пространственного мира девочки является ее семья и место их обитания. Предметный мир героини на уровне текста выражен словами: *a stocking, a kerchief, a porringer, a supper*. Что вполне определяет ее как обычную деревенскую девочку своего времени. Обратимся к эмоциям, чувствам и краскам, которыми автор наполняет текст. Для описания девочки автор использует такие эпи-

теты как *simple* ‘простой’, *cottage* ‘деревенский’, *thick* ‘густой’, *rustic* ‘деревенский’, *fair* ‘светлый’, *wildly clad* ‘дико одетый’, *woodland* ‘лесной’. Все эти слова имеют положительный оттенок, а также вызывают вполне приятные чувства своеобразной деревенской, природной легкости и простоты. Это также связано с тем, что уже после описания автор прямо дает оценку своим эмоциям: «*Her beauty made me glad*». Нужно также отметить, что путник употребляет прилагательное *little* по отношению к девочке восемь раз, что, по нашему мнению, является пусть и неочевидным, но постоянным указанием на то, что она еще совсем ребенок и поэтому никак не может правильно сосчитать своих братьев и сестер.

И действительно именно в числах и их правильном употреблении кроется основной предмет спора двух героев. Числительные на текстовом уровне играют в этом произведении основополагающую роль. В этом небольшом по объему тексте они представлены таким длинным рядом: *eight, seven, seven, two, two, two, two, seven, seven, two, two, five, twelve, two, seven, seven*. И это не считая еще одной семерки в самом названии. Именно в числах семь и два заключен конфликт данного произведения. Математика и логика в лице путника терпят крах, разбиваясь о невинное, но не такое уж и нелепое, как может показаться на первый взгляд, рассуждение маленькой девочки.

Если отбросить числительные *eight* и *twelve*, которые не имеют отношения к спору, то остается по семь семерок и двоек. В принципе на текстовом уровне это уравновешивает спор и указывает на его неразрешенность. Каждый из героев остается при своем мнении, при этом никто из них не одерживает верх над оппонентом. Числительное *five* является логическим продолжением мысли путника, но и оно не может дать перевеса в оппозиции семь-два. Теперь обратим свое внимание на одну деталь, которая может и не броситься в глаза исследователю при поверхностном обзоре. Не в наших силах и возможностях утверждать, сделано это намерено или по наитию, но заметим, что сама деревенская девчушка умеет и знает, как считать, ведь в десятой строфе она восклицает: «*Twelve steps or more from my mother's door, / And they are side by side*» [3, p. 64] («*На их гробах земля в цветах, / И десяти шагов / Нет от дверей родной моей / До милых нам гробов*» [2, с. 67]). И пусть она не уверена в точном количестве шагов, но сама эта фраза указывает на ее умение считать, понимать логику счета, измерять расстояние в числах. Возможностей у автора выразить ту же самую мысль, не употребляя в данном предложении числительного, было бесчисленное множество, благо английский язык это позволяет. Этот момент в произведении является хорошим подспорьем тому, кто, работая с текстом, стремится определить его идейное со-

держание, ведь из него следует, что к словам девочки уже нельзя относиться как к простой детской глупости или шалости.

Теперь проанализируем первую, вступительную строфу произведения, которая в художественном плане является риторическим вопросом. Там, на наш взгляд, имеют место два противоположения, которые выражены глаголами *to know* ‘знать’ и *to feel* ‘чувствовать’, а также существительными *life* ‘жизнь’ и *death* ‘смерть’. Все произведение построено на противопоставлении вполне логичных знаний путника, и совершенно иррациональных чувств маленькой девочки. Здесь в оппозиции находится отношение главных героев к смерти и жизни. Здесь обнажается древний онтологический вопрос о первичности материи и идеи, который у романтиков выражается в конфликте идеального и действительного. Автор нигде в тексте не умаляет мнения маленькой деревенской девочки, оставляя за ней право считать и считать твердо, что их семеро, а не пятеро.

На уровне действий и мотивов интересно рассмотреть глаголы кульминационного момента баллады. Итак, маленькая девочка совершенно уверена, что вместе со своими братом и сестрой она выполняет следующие действия, а именно: *to knit* ‘вязать’, *to sing* ‘петь’, *to sit* ‘сидеть’, *to eat* ‘есть’, *to hem* ‘подшивать’. То есть действует она так, точно реально уверена, что проводит время вместе с ними. Мотив страдания и искупления этого страдания проявляет себя в тринадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой строфах. Так пространственный мир тринадцатой строфы заключен в существительных *Jane* ‘Джейн’, *a bed* ‘кровать’, *a pain* ‘боль’, *God* ‘Бог’, что уже само по себе наводит на мысль о страдании. Человек на кровати испытывает боль и обращается к Богу. Все становится более очевидным, когда мы обращаемся к глаголам *to lie* ‘лежать’, *to release* ‘облегчать’, *to go away* ‘уходить’ в данном отрывке. Затем уже в пятнадцатой строфе мы читаем: «*And when the ground was white with snow, / And I could run and slide, / My brother John was forced to go, / And he lies by her side*» [3, с. 65] («*Но только дождалась зимой / Коньков я и саней, / Ушел и Джон, братишка мой, / И лег он рядом с ней*» [2, с. 67]).

В этой строфе такие позитивные, яркие, детские глаголы-действия *to run* ‘бежать’ и *to slide* ‘скользить’ противопоставляются глаголам, выражающим необходимость и покой *to force* ‘заставлять’ и *to lie* ‘лежать’. Глаголы *to force* и *to go* в этом случае также указывают на повторение описанного выше страдания.

Заключение. Таким образом, на идейном уровне перед нами неоднозначное произведение, в котором находит отражение конфликт двух мировоззрений. Внимательно вчитываясь в текст, приходишь к выводу, что риторический вопрос: «*What should it know of death*?» является значимой

подсказкой, а не взрослым ироничным замечанием. Рассказчик и сам не знает, как же разрешить этот спор. Простая, деревенская девочка, такая милая и жизнерадостная, на первый взгляд, не понимает в смерти ровным счетом ничего. При этом познакомившись с ней поближе, начинаешь осознавать, что в этом ее непонимании кроется гораздо более твердая философская и человеческая позиция, не требующая и не нуждающаяся в таких с виду логичных и точных доказательствах взрослого собеседника. Другими словами, духовное или идеальное не нуждается в рациональных изысканиях, и само по себе не познается, а чувствуется, воображается и представляется.

Библиографические ссылки

1. Володарская Л. И. Свобода и порядок // Поэты «Озерной школы» / сост. Л. И. Володарская. СПб. : Наука 2008. С. 5–28.
2. Вордсворт У. Нас семеро // Поэты «Озерной школы» / сост. Л. И. Володарская. СПб. : Наука 2008. С. 66–69.
3. Wordsworth W., Coleridge S. T. Lyrical Ballads 1798: a critical edition. Clemson ; Clemson University Press, 2011. 123 p.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВДЫ В НОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Е. А. Дичковская, В. А. Кунцев, Д. Р. Товмирзаев
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mails: katerinadi@yandex.ru; vasurinaz@gmail.com; Denitovm@gmail.com

В работе рассматривается тема новой журналистики, в частности проблема правдивости и непредвзятости данного жанра по сравнению с традиционной журналистикой. Цель исследования – ответить на вопрос, можно ли утверждать, что продукт творчества журналиста является истиной. Результаты исследования помогают переосмыслить понятие правды и значимость перспективы.

Ключевые слова: новая журналистика; правда; журналист; средства массовой информации; новости; реальность; события.

THE CONCEPT OF TRUTH IN NEW JOURNALISM

K. A. Dzichkouskaya, V. A. Kuncev, D. R. Tovmirzayev
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mails: katerinadi@yandex.ru; vasurinaz@gmail.com; Denitovm@gmail.com

The article deals with the topic of New Journalism, specifically the problem of truth and impartiality of the genre in comparison with traditional journalism. The aim is to determine whether you can claim that a new journalist’s work is the truth. The results of the research help take a new look at the definition of truth and the importance of perspective.

Key words: New Journalism; truth; journalist; mass media; news; reality; events.

Новая журналистика – литературное движение, появившееся в США в 1960-х и 70-х годах, раздвинуло границы традиционной журналистики и публицистики. Жанр совмещал журналистское расследование с приемами художественной литературы в репортажах о реальных событиях. Инициатором движения за честную журналистику, соединившую в публицистику, науку, литературу и свидетельства рядовых граждан, считают американского писателя и журналиста Тома Вулфа.

Поначалу границы новой журналистики были размыты, однако волнения 1960-ых дали ей толчок. Новая журналистика была представлена множеством разнообразных стилей, форм и задач, формирующих неразрывное целое, поэтому мы можем описать её только как «недовольство нынешними стандартами и ценностями» [1, с. 1].

Некоторые хвалили новых журналистов за написание хорошо продуманных, сложных и убедительных историй, которые оживили интерес читателей к журналистике и освещаемым темам, а также вдохновляли других писателей. Другие были обеспокоены тем, что новая журналистика заменяет объективность опасной субъективностью, которая угрожает подорвать авторитет всей журналистики. Таким образом, они разожгли дискуссию о том, насколько похожей на роман или короткий рассказ может быть журналистская статья, прежде чем она начнёт нарушать приверженность журналистики правде и фактам.

Часто забывается тот факт, что термин «новая журналистика» использовался для описания целого ряда деятельности литературной, журналистской и новых средств массовой информации. Вышеупомянутые размытые границы означали как никогда раньше доступную писателю свободу действий. С развязанными руками автор писал не по шаблону, подобающему какому-либо жанру, а с использованием новаторских идей, импровизируя и продолжая строить на пока ещё сыром фундаменте только зарождающегося жанра литературы, имеющего при этом много общего с традиционной журналистской деятельностью. Чем же эта деятельность отличалась от предшествующей ей журналистики? До 1930-ых репортеры в основном следовали формулам. Новости писались кратко и лаконично, начинались с основных вопросов: “Кто?”, “Что?”, “Где?”, “Когда?” и “Почему?”, а детали описывались в порядке важности. Таким образом читатель мог быстро войти в курс дела, а редактор обрезать статью снизу-вверх. Его работой было зеркально отразить событие и показать его сущность. Объяснить причины и следствия произошедшего было задачей обозревателей и авторов редакционных статей. Лишь некоторым репортерам, преимущественно действующим за границей или в Вашинг-

тоне, разрешалось интерпретировать и объяснять читателю сложные и запутанные события. Остальные же были ограничены простым пересказом событий [1, с. 2].

Даже широко известные новостные издания высказывали сомнения представителей движения по поводу способности журналистики к объективности освещения новостей. Особенно это было ярко выражено после того, как ей не удалось передать всю сложность таких событий, как Маккартизм в 1950-х годах, война во Вьетнаме в 1960-е и 70-е годы, и Уотергейтский скандал в начале 1970-х годов.

К 1996 г. объективность как один из ведущих принципов была так искажена, что организация профессиональных журналистов, ранее известное как “Sigma Delta Chi”, которая представляет и отстаивает интересы журналистов в Соединённых Штатах Америки, выбросило его из этического устава, заменив такими принципами, как честность и достоверность.

Возрастающая комплексность общественных отношений сняла с журналистики ограничения относительно фактичности, достоверности материала. Даже дословная передача высказываний должностных лиц зачастую вводила читателей в заблуждение. Высказывания были фактическими, но это не гарантировало их правдивость. Иными словами, даже факты не несли в себе истины. Кроме того, журналисты осознали, что они буквально бегали на поводу у государства и закрепляли статус-кво; источниками новостей, пресс-конференций и официальных заявлений чаще всего были те самые влиятельные люди, в чьих интересах было контролировать мнение большинства [1, с. 2].

Меняющееся восприятие людьми новостей как правды потребовало нового подхода. Недоверие к журналистам и их пересказам было вызвано недоверием к людям, которых они цитировали. Подразумевалось, что всякая новость принесёт кому-либо выгоду, непредвзятой журналистики не существует, а ко всему нужно относиться со здоровой долей скептицизма. До настоящего момента не угасают споры о том, отражают ли СМИ основанную на всеобщем согласии реальность, или же они формируют этот консенсус.

Если предположить, что СМИ навязывают народу предвзятую, уже обработанную информацию, которая становится всеобще принятой реальностью, то действительно ли новая журналистика со своим переосмыслением событий и внедрением художественных приёмов с целью рассказать историю отличается от традиционной журналистики? Безусловно, отличается. Появление данного жанра обязано отнюдь не желанию рассказать правду, а протесту против бездушных искателей сенса-

ций. Один из самых влиятельных членов литературного движения Том Вулф подчеркивал, что приверженность к правде не характерна Америке, чья культура выступала за «банализацию» действительности.

Что в таком случае есть правда в новой журналистике, жанре, который ставит перед собой цель показать «правду, а не факты»? Можно ли считать произведения этого жанра не фикцией? Для этого нужно решить, что мы принимаем за правду и какие у неё рамки.

Западную культуру накрыло глубокое заблуждение в отношении самой концепции правды. Естественно, слова «правда» и «правдивый» широко используются, но воззвание к правде как влиятельными публичными фигурами, так и в личных разногласиях следует встретить с цинизмом и воспринять лишь как манипулятивный прием. Частично, пренебрежительное отношение к этим словам происходит из здорового недоверия к тем, в чьих интересах манипулировать и обманывать нас. Когда политики начинают речь со слов «На самом деле…» или «По правде говоря…», то за ними следует их версия произошедшего, в которую от нас ожидается поверить. Но проблемы правды исходят не только из обмана и манипуляции. Более глубокие и значимые социальные изменения привели к проблемному традиционному понятию правды [2, с. 1].

СМИ всё чаще презентуют нам лингвистическое, культурное, этническое, религиозное, экономическое разнообразие вокруг. Растёт тенденция считать «правду», заявленную определенными культурными традициями, действительной лишь в некоторых рамках. Любая правдивость, обоснованная заявлениями, принадлежащими культуре, ограничивается лишь пределами этой культуры. Это привело к тому, что различные убеждения воспринимаются как альтернативная правда, каждая из которых равноправно верна.

Журналисты и редакторы продвигают повестку дня, состоящую из качеств, которые трудно оценивать объективно: доверие, восхищение, впечатление и интуиция. Люди не всегда рациональны и вполне могут довериться источнику несмотря на его плохую репутацию. Никакая автоматизированная формула не может посоревноваться с интуицией, которой обладает опытный редактор или журналист.

На ином уровне люди стали более чувствительны к тому, как интерпретация и перспектива каждого человека влияют на их понимание происходящего. Люди видят вещи под разными углами, и правда у каждого тоже своя. В судах уже давно выучили, что даже на показания непредвзятых свидетелей некого инцидента нельзя полностью полагаться, ведь даже самые компетентные свидетели раз за разом попадались на желании

порассуждать на темы, в которых они не разбираются, или позволяли слухам повлиять на свои показания.

Сторонники объективной журналистики спорят, что далеко не каждый репортёр способен интерпретировать комплексные события, будь то из-за их неспособности объяснить, уточнить и анализировать без принятия чьей-либо стороны, или из-за слишком скудных знаний в области, о которой они приводят информацию, что приводит к поверхностному освещению произошедшего.

Новая американская журналистика в акте протеста этим сомнениям дала желающим шанс показать всему миру своё видение. Реальные события обретали литературные тропы, реальные люди становились персонажами с мотивацией, а реальные сюжеты – «правдой» с перспективы автора. Конечно, правдой лишь в рамках действительности автора. Правдой, которая не обладала иммунитетом к критике и скептическому взгляду со стороны. Эта правда существовала словно альтернативная истина, такая же верная, как и сухой пересказ журналиста.

Однако, чтобы что-то называть правдой, сперва нужно в это поверить. А вера строится на фактах. Именно о сохранении непредвзятого подхода, основанного на фактах, твердили критики новой журналистики. Как известно, при создании историй, новые журналисты брали существующие фактические события, реальных персонажей, настоящие места происшествий. Таким образом, оперируя фактами они сохраняли правду на своей стороне. Что касается интерпретации событий, предвзятости и принятия стороны, данный жанр позволяет читателю самому принимать решения и занимать позицию.

Итак, можно утверждать, что к вопросу правды в новой американской журналистике есть несколько подходов, среди которых подход к правде как к повестке дня и соответствии её реалиям, подход к правде с точки зрения доверия читателя к журналистской литературе и подход к правде как достоверной, беспристрастной передаче событий автором. Первый подход затрагивает журналистику в целом. Две самые распространённые точки зрения противоположны друг другу. Одни считают, что написанное журналистом передаёт существующую действительность, а другие, что действительность строится на подаче новостей журналистами. Касательно второго подхода (согласно национальному опросу, проведенному американским журналом для профессиональных журналистов, публикуемый высшей школой журналистики Колумбийского университета Columbia Journalism Review совместно с компанией Reuters/Ipsos), только 25 процентов американцев имеют «большую уверенность» в прессе, в то время как половина ответили, что у них «прак-

тически нет уверенности» в средствах массовой информации [3]. Третий подход к концепции правды подразумевает, что передача событий новыми журналистами может искажать события и, вполне вероятно, не может считаться правдой. Это не отменяет тот факт, что данное литературное движение привнесло огромный вклад в развитие как литературы, так и журналистики, и позволило пошатнуть устои обеих сфер деятельности и построить нечто новое.

Библиографические ссылки

1. Dennis E. E., Rivers W.L. Other Voices: The New Journalism in America. New Jersey : Transaction Publishers, 2011. 236 p.
2. Campbell R. The Concept of Truth. London : Palgrave Macmillan, 2011. 273 p.
3. Columbia Journalism Review [Electronic resource]. Poll: How does the public think journalism happens?. 2019. Mode of access: https://www.cjr.org/special_report/how-does-journalism-happen-poll.php/ (date of access: 09.09.2019).

РОМАН Б. ДЮ БУШЕРОНА «ЗМЕЙКА». К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОЗЫ

О. Ф. Жилевич
Полесский государственный университет
Пинск, Беларусь
e-mail: jilevitch@gmail.com

В статье обосновывается актуальность изучения творчества Б. дю Бушерона с позиций присутствия в нем жанровой модификации философско-аллегорического романа. Роман «Змейка» построен путем взаимного наложения философско-аллегорической и иронической модели реальности.

Ключевые слова: поэтика; философско-аллегорическая проза; Бернар дю Бушерон; ирония; гротеск; действительность.

B. DU BUSHERON'S NOVEL «THE SHORT SERPENT». THE ROLE OF THE POETICS OF THE PHILOSOPHICAL AND ALLEGORIC FRENCH PROSE

O. F. Jilevich
Polessky State University
Pinsk, Belarus
e-mail: jilevitch@gmail.com

The relevance of studying the work of B. du Boucheron from the standpoint of the presence of a philosophical and allegorical novel is substantiated in the article. The novel «The Short Serpent» is built by mutually superimposing of the philosophical and allegorical and the ironic models of reality.

Key words: poetics; philosophical and allegorical prose; Bernard du Boucheron; irony; grotesque; actuality language.

Роман «Змейка» – это безумная, ошеломляющая притча
о ледяном аде, с фальшивой торжественностью и мрачным юмором.
«Фигаро», февраль 2012 [1].

Несмотря на преобладание в обществе и искусстве прагматизма и рационализма, философско-аллегорическая проза ярко представлена в литературе двадцать первого столетия. Традиции философско-иносказательного повествования были восприняты и развиты в творчестве многих писателей, принадлежащих к «избранным» в национальных литературах (Дж. Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, М. Горецкий, Веркор, В. Голдинг, Г. Гарсиа-Маркес, В. Быков, В. Короткевич, Ж.-М. Г. Леклезио, М. Турнье, С. Жермен, Б. дю Бушерон) [2, с. 109].

Творчество французского прозаика Бернара дю Бушерона *(Bernard du Boucheron, 1928)* ярко подтверждает то, что философско-аллегорический роман, пройдя длинную эволюцию, остается востребованным и сегодня. Лауреат престижных литературных премий, Б. дю Бушерон – один из наиболее значимых современных романистов. Писательский дебют Бернара дю Бушерона состоялся в возрасте семидесяти шести лет. Несмотря на поздний приход в большую литературу, его первый роман «Змейка» *(Court Serpent, 2004;* в переводе произведения на русский язык Элины Войцеховской – «Короткий змей»*)* был удостоен премии Гран-при Французской академии. На сегодняшний день Б. дю Бушерон – автор около десятка романов: «Падение разности потенциалов» *(Coup-de-Fouet, 2006),* «Собака из костей» *(Chien des os, 2007),* «Вид моря» *(Vue mer, 2009),* «Плохой знак» *(Mauvais signe, 2012),* «Моряк дальнего плавания» *(Long-courrier, 2013)* и др.

Невзирая на значимость прозы Б. дю Бушерона, его произведения не явились предметом комплексного исследования в литературоведении. Творчеству писателя посвящены только вступительные статьи, отзывы, комментарии, интервью и обзоры. Многие из статей носят характер рецензии [3; 4], в них ученые пытались дать оценку первым произведениям автора, указать на достоинства и недостатки, определить его место в литературе. Авторы работ, как правило, упрощают творчество писателя, рассматривая его в рамках поэтики приключенческой прозы [5; 6] или исторического романа [4]. Сам писатель в одном из интервью отмечал: «мои книги – это вместилище» [1], где раскрываются проблемы сущно-

сти человеческой природы и самоопределения личности в окружающем мире.

В романе «Змейка» Б. дю Бушерона повествуется о нравственном падении и гибели бывших христиан от невыносимых природных условий на одном из островов Исландии. Погибает много людей, а те, кому удается выжить – остаются без надежды на спасение и восстановление своей прежней жизни.

Одним из ключевых в произведении является мотив путешествия. Подразумевается, что действие относится к XIV веку: кардинал-архиепископ поручил аббату Монтанусу приплыть на корабле к колониям викингов в Гренландии, впавших в язычество из-за длительной социальной изоляции: *«Нам сообщили, что христиане Нового Туле находятся в опасности <...> возвращения во тьму неверности»* [7, с. 9] (Здесь и далее перевод с французского языка наш – О. Ж.).

Путешествие в романе – это аллегория поисков моральной основы человеческой личности. Путь испытаний трактуется как преодоление внутренней тьмы в человеческой душе [1]. Корабль традиционно символизировал Церковь, ведущую души верующих к небесной пристани. У Б. дю Бушерона на корабле вместе с крестьянами беспутствуют монах и две монахини – явный намёк на упадок нравов, как в Церкви, так и среди мирян.

Заглавие романа относится к названию *Корабля* – «Змейка». Известна двойственность смысла змеи: она может быть как символом добра, так и символом зла; как существо убивающее, змея, означает смерть и уничтожение; как существо, периодически меняющее кожу, – жизнь и воскресение. Таким образом, в романе *Корабль*, наделенный собирательным значением, должен был принести избавление от грехов падших народов, однако находящаяся на нем команда сама впала во все грехи и только усугубила положение в колониях.

В «Змейке» писатель не называет точного места, откуда начинается плавание героя. Абстрагированность в отношении истоков пути придает оттенок бесконечности, неограниченности, «вечности» поисков смысла бытия людьми. Отсутствие определенных историко-географических локализаторов на протяжении плавания придает произведению универсальность. При этом автор «перегружает» повествование мрачными, тяжеловесными описаниями тягот плавания, ужасных погодных и природных условий поселений брошенных народов, а также жуткую атмосферу их существования. Б. дю Бушерон пишет: «Моряки потеряли свои зубы; от непрекращающихся морозных ветров их кожа была подобна на лохмотья нищего; они страдали от голода и жажды» [7, с. 28]. Автор с натурали-

стической точностью изображает жизнь в колониях: «Один мужчина отрезал себе руку, чтобы сожрать её. <…> Повсюду были фекалии, смрадный запах которых, казалось, насквозь пропитал всё на островах» [там же].

Смысл путешествия у романиста заключается в цели движения. В романе «Змейка» мы сталкиваемся с трагическим финалом. Собирательный образ *Корабля*, символизировавшего путь к спасению аморальных племен (в иносказательном плане – современное общество), сам утопает в грехах.

Один из главных художественных приемов романа – ирония. В произведении гротеск проявляется на нескольких уровнях: гротескные топонимы (остров *Promesse* – Обещание); гротескные персонажи (аббат *Montanus,* что в переводе означает *гора*); гротескные ситуации – «христианизация» колонии каннибалов.

Персонаж романа-притчи – аббат Монтанус, вместо реальной помощи людям, обезумевшим от голода и холода, высокомерно читает длинные религиозные трактаты, безуспешно призывает на коллективные исповеди. Остров в романе Б. де Бушерона погибает из-за смертоносных морозов. Но, по мнению М. Бахтина, «в гротескном мире смерть ничего существенного не завершает, так смерть не касается родового тела, она его наоборот, восстанавливает в новых поколениях» [8, с. 137].

Так, в романе Б. дю Бушерона «Змейка», на абсолютном севере, за пределами земель Исландии, доживали свои тяжелые дни последние христиане. Изолированные годами из-за ледяной погоды, люди Божьи построили жестокий и негостеприимный мир, подобный современному миру. Они жили с негодяями, мытарями и настоящими преступниками и постепенно приспособились к законам их жизни. «Христиане» отказались от культа, утратили веру и оказались на самом «краю света».

Специфической особенностью романа французского прозаика является его язык: весь текст романа выстроен из сложных синтаксических конструкций с разнотипной синтаксической связью. Например: *«Un de ses yeux n'était qu'une plaie caverneuse; de dents, auparavant peu nombreuses, il ne restait qu'une pour empêcher sa langue, gonflée comme celle d'un veau, de pendre hors de sa bouche aux lèvres fendues.»* [7, с. 110]. С помощью сложного языкового оформления автор еще более нагнетает обстановку и создает тягостную атмосферу существования людей на островах.

Таким образом, в произведении Б. дю Бушерона не только раскрываются глубинные философские и этические проблемы, но и изображается гипотетическая, выдуманная ситуация, которая не может быть непосред-

ственно соотнесена с реальностью, но лишь истолкована как аллегорическое переосмысление действительности. Роман «Змейка» построен путем взаимного наложения философско-аллегорической и иронической модели реальности.

Библиографические ссылки

1. Aissaoui M. Le style décapant de Bernard du Boucheron [Ressource électronique]. Mode d'accès: http://www.lefigaro.fr/livres/2012/02/02/03005-20120202ARTFIG00816-le-style-decapant-de-bernard-du-boucheron.php (date d'accès: 10.09.2019.
2. Жилевич О. Ф. Концепция «сжатой спирали» в философско-аллегорическом романе Анатоля Франса «Остров пингвинов» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки: научно-теоретический ежемесячный журнал. 2018. № 10. С. 109-114.
3. Craponne A. La guerre en vacances. Bernard du Boucheron [Ressource électronique]. Mode d'accès: https://www.gregoiredetours.fr/xxe-siecle/seconde-guerre-mondiale/bernard-du-boucheron-la-guerre-en-vacances/ (date d'accès: 10.09.2019).
4. Di Stefano L. L'amour, la haine et la chasse à cours, le coup-de-fouet de Bernard du Boucheron [Ressource électronique]. Mode d'accès: http://salon-litteraire.linternaute.com/fr/roman/review/1795854-l-amour-la-haine-et-la-chasse-a-cours-le-coup-de-fouet-de-bernard-du-boucheron (date d'accès: 10.09.2019).
5. Viart D. Le roman français au XX-e siècle. Paris : Hachette, 1999. 158 p.
6. Zalberg C. Chasse à coeur : Coup-de-fouet – Bernard du Boucheron. [Ressource électronique]. Mode d'accès: https://www.avoir-alire.com/critiques-livres (date d'accès: 10.09.2019).
7. Boucheron du B. Court serpent. Paris : Gallimard, 2004. 133 p.
8. Бахтин М. М. Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук / сост. и авт. вступит. ст. С. Г. Бочаров. СПб. : Азбука, 2000. 335 с.

НУЛЕВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГЕРОЯ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКОВОГО РОМАНА

Н. С. Зелезинская

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: zelennew@tut.by

Исследуя проблему идентичности и опираясь на психологическую теорию Э. Эриксона и классификацию идентичности И.С. Кона, автор статья останавливается на вопросе нулевой (близкой к нулевой) социальной идентичности героя современного романа вообще и подросткового романа в частности. В поле зрения попадает феномен дауншифтинга, свойственный реальности XXI в. и воплощенный в романах Дж. Мойес «Я до тебя» и Джона Грина «Бумажные города».

Ключевые слова: реалистический подростковый и молодежный роман; идентификация образа героя; проблема героя; социальная идентификация.

MINIMAL SOCIAL IDENTITY OF THE HERO OF THE CONTEMPORARY YOUNG ADULT NOVEL

N. Zelezinskaya
Belarusian State Unoiversity
Minsk, Belarus
e-mail: zelennew@tut.by

The article discusses the problem of identity in the contemporary Young adult novel. The analysis is based on Erick Ericson's psychological theory of identity and Igor Kon's classification of three modalities of identity. The article contemplates upon the discrepancy of the well-shaped self-identity and minimal social identity of the protagonist. The article takes into account the popularity of the phenomenon of downshifting in the 21st century and its reflection in "Me Before You" by J-J. Moyes.

Key words: realistic Young adult novel; identity, image; hero; social identity.

Провести границу между взрослой, молодежной и подростковой литературой сегодня не всегда возможно не только потому, что читателем одних и тех же произведений (Д. Роулинг «Гарри Поттер» (1997–2016), С. Майер «Сумерки» (2005–2008), Сьюзен Коллинз «Голодные игры» (2008–2010)), являются люди разного возраста, но и благодаря тождественности решения ряда литературоведческих проблем. В числе последних проблема идентичности образа героя.

Ее литературная актуальность вырисовывается из обострения необходимости постоянной идентификации (в том числе самоидентификации) членов глобального общества и в связи с этим актуальности проблемы идентичности в реальной жизни. Очевидно, что темпы жизни в Европе нарастали, начиная с конца XVI века, социальной роли уже не хватало на поколения, как было в средние века, требования общества к человеку и человека к самому себе постоянно росли с наступлением т.н. Нового времени. Трансформационные процессы, связанные с научным, техническим, социальным прогрессом, изменениями европейского менталитета, религиозными реформами, ускорились настолько, что смена социальных ролей стала происходить все быстрее и быстрее. С конца XXI века уже невозможно говорить об одной социальной роли для одного человека не только парадигматически (со свойственным нашему менталитету перфекционизмом мы пытаемся быть прекрасными родителями, удачливыми предпринимателями, интересными собеседниками, общественными деятелями и т.д.), но и синтагматически, поскольку невозможно удерживать успех без качественных изменений субъекта деятельности. Спрос на профессии меняется, соответственно меняются зарплаты в определенной профессиональной сфере, предсказуемость перспективы занятости низкая. Это значит, что выбрать образование и опираться на полученные од-

нажды навыки и умения больше невозможно. Необходимо не столько постоянно их актуализировать и совершенствовать, сколько осваивать новые, необходимые в данный конкретный период и не зацикливаться на старом, усвоенном прежде, но уже не дающем столь же и качественный результат.

Социальные процессы влекут за собой психологические изменения. Нестабильность ведет к неуверенности, нарастанию тревожности и чувству незащищенности. Вот как оценивает ситуацию современный немецкий философ Петер Слотедайк: «Великое скольжение уже стало частью общего спектра человеческой жизни. Это значит только то, что нет такого места на свете, где бы ты, как среднестатистический ископаемый человек, был защищен от инноваций» [1]. Одним из результатов социальной и психологической нестабильности нам видится кризис идентичности. Трудно идентифицировать себя с определенным набором знаний и умений, человеком определенного (качественного или нет) образования, профессионалом своего дела, успешным человеком, поскольку сознание текучести и временности любого статуса превалирует в сознании.

Преодоление кризиса идентичности сегодня возможно двумя способами: через достижение столь высокого успеха, чтобы он обеспечивал субъекта чувством успокоения, уверенности, веры в счастливое будущее. Значимый прорыв в своей сфере знания, признание достижений сообществом, высокие должности или звания, построение надежного бизнеса и т.д. дают психологический комфорт и возможность зафиксироваться в одной социальной роли. Вторая возможность лежит в сфере эскапизма.

Поскольку первую стратегию реализовать труднее, людей, выбирающих вторую, становится все больше. Эту ситуацию фиксирует современный реалистический роман, молодежный и подростковый роман в частности ввиду особой актуальности проблемы идентичности для героя (и читателя) этих жанров.

Во-первых, героем реалистического романа сегодня программно становится «маленький человек». С точки зрения теории Э. Эриксона, это человек с нулевой социальной идентичностью. Здесь необходимо пояснить, что анализ проблемы идентичности героя невозможен, на наш взгляд, без принятия теории трех модальностей идентичности, согласно которой выделяются психофизологическая, социальная и личная идентификация. Если психофизиологическая идентичность означает единство физиологических и психических процессов, личная идентичность предполагает осознание себя как личности, обретение жизненных ориентиров и ведение деятельности по достижению заданных целей, то социальная идентичность вычленяется как отдельная модальность идентичности

с точки зрения принадлежности к определенной социальной группе или группам [2; 3; 4].

На направляющей каждой модальности можно оценить субъекта от точки максимальной идентичности (каждый есть весь мир, каждый уникален, каждый определяет свое бытие) до нулевой (значим только коллектив, человек есть человек только в социуме, человека определяет социум, я есть никто).

Молодежный роман «Я до тебя» Джо-Джо Мойес (“Me before you” by JoJo Moyes (2004), как ясно из названия (на русский язык некорректно переведенным как «Жизнь до тебя»), фокусируется на проблеме идентичности во всех ее модальностях [5]. Главная героиня – самая обычная девушка без особых достоинств: ее не назовешь ни красавицей, ни умницей, да и вообще трудно о ней сказать что-либо определенное. Окружающих эта обыкновенность разочаровывает: родители хотели бы видеть Луизу более образованной, бойфренд − более спортивной, сестра – более успешной. Мнение этих людей для Луизы значимо, более того, она определяет себя через них, демонстрируя почти нулевую степень личной идентичности.

Но автор не зря подчеркивает, что при такой низкой самооценке и оценке окружающих девушка живет в ладу с собой и не спешит что-то менять. Этот внутренний стержень и есть основа ее будущего счастья. Работает главная героиня в кафе (и тоже очень довольна своим занятием), когда кафе закрывается, Луиза находит работу сиделки. Примечательно, что мать инвалида выбирает нескладную Луизу в разорвавшейся маминой юбке из-за спокойствия, оптимизма и … болтливости – именно этого не хватает ее сыну – обеспеченному образованному умному холостяку, потерявшему вкус к жизни после автокатастрофы. В то время как все знакомые девушки с хорошим бэкграундом отворачиваются от Уилла, словно вычеркивая его из своей жизни, простушке Луизе удается вдохнуть в него интерес к собственному и даже чужому существованию. Чуда, конечно, не происходит: это реалистический роман о правде жизни, поэтому инвалидности Уилл все же предпочитает самоубийство. Но Луизе шести месяцев общения с ним оказалось достаточно, чтобы выйти из зоны комфорта, посмотреть на себя со стороны, осознать свое место в мире и свои желания. Путь самоопределения провел ее от обыкновенного «ничто» к пониманию себя как индивидуальности. Исчезли эмотивные доминанты начала романа - сомнение, неуверенность, неопределенность, вина. Луиза осталась обыкновенной девушкой, но теперь она обрела цели и смысл существования не только в окружающей необходимости, но и во внутренних потребностях самореализации.

Под самореализацией Джо-Джо Мойес подразумевается развитие творческих способностей, которые у Луизы выражены в яркой оригинальной манере одеваться. К концу романа, под влиянием Уилла, она решает, что хочет учиться на дизайнера одежды. И здесь автор обманывает читательские ожидания: во второй книге героиня снова работает официанткой и сиделкой и никуда не торопится. Правда, теперь ее работа часто описывается в отрицательной модальности, и к концу книги Луиза стоит перед выбором: бросить низкооплачиваемую работу и друзей и уехать навстречу неизвестному светлому будущему или быть счастливой здесь и сейчас.

Как бы ни долог был путь героини к себе самой в изложении Джо-Джо Мойес, в романе очевиден целый ряд тенденций «героя нашего времени». Во-первых, «маленький человек» отнюдь не несчастен в своей незаметности. Сегодняшний читатель – обычный молодой человек или девушка – в меру сообразительные, интересующиеся нешироким кругом ежедневных дел, затянутые в соцсети, зацикленные на обычных вопросах половозрелого периода, хотят читать о *положительном* и *счастливом* обычном герое, отождествляя себя с ним и переживая его счастье как свое.

Во-вторых, одним из ведущих мотивов становится мотив дауншифтинга. В XXI веке это слово освободилось от старых негативных коннотаций: “Downshifting in its most extreme form is often associated with people who reject the rat race entirely and head for the country, perhaps to tend pigs and chickens and aim for greater self sufficiency. But the term covers a far wider spectrum. Put simply, it’s about living more simply, slowing down; about making life less frantic and fraught. It values time over money and possessions – which usually means freely trading part of your income for more time and reducing the amount of stuff you buy. It’s about taking control of your life and seeking more of a work/life balance. Which means different things to different people” [6]. В романе «Я до тебя» дауншифтинг приносит героине счастье. Эта идея противопоставляется двум другим: амбиции до добра не доводят (на примере Уилла) и амбициозные люди не такие душевные (на примере девушки Уилла и сестры Луизы).

В-третьих, основная идея романа – путь героини от нулевой личной идентичности к осознанию своей уникальности. При этом степень ее социальной идентичности так и остается нулевой. Эта тенденция естественно вписывается в путь развития современного гуманитарного знания, переосмысливающего субъекта в терминах децентрирования.

Библиографические ссылки

1. Шитцова Т. Гнев, ревность, фрустрация: интервью с Петером Слотердайком газете Neue Zürcher Zeitung / перевод с нем. [Электронный ресурс]. Дата размещения: 09 января 2019. Режим доступа: https://syg.ma/@attache-de-presse/gnievrievnost-frustratsiia-intierviu-s-pietierom-slotierdaikom (дата обращения: 01.10.2019).
2. Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984. 195 с.
3. Кон И. Идентичностьн [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет / под ред. А. В. Добровольского. Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/IDENTICHNOST.html (дата обращения: 01.10.2019).
4. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис / пер. с англ., общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
5. Moyes J. Me Before You. Penguin, 2012. 512 p.
6. Sevier L. What is downshifting? The Ecologist: The Journal for the Post-industrial Age. 28th March 2008. Mode of access: https://theecologist.org/2008/mar/28/what-downshifting (date of access: 01.10.2019).

ВЕЧНЫЙ ОБРАЗ МАЛЬЧИКА И ЛИСА КАК ПРОВОДНИК ЭКОСОЗНАНИЯ В РОМАНЕ САРЫ ПЕННИПАКЕР «ПАКС»

Н. С. Зелезинская, М. Ю. Личко
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mails: zelennew@tut.by, maryalichko@gmail.com

В статье рассматривается аллюзия как проводник экосознания в современной американской литературе на примере романа Сары Пениипакер «Пакс». Аллюзии на образ мальчика и лиса из книги «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери позволяет автору выделить основные мотивы романа, четче обозначить круг вопросов для читателя-подростка: дружба, война, жизнь и смерть, любовь, право ребенка на счастливое детство, показать их тождественность, а также придать гуманистический пафос произведению. Отмечается внепространственность нарратива и ненадежный нарратор как дополнительные способы проведения идей экосознания.

Ключевые слова: экосознание; американская литература; аллюзия; эколитература; детская и подростковая литература.

ETERNAL IMAGE OF THE BOY AND THE FOX AS A LINK OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS IN SARA PENNYPACKER'S NOVEL "PAX"

N. Zelezinskaya, M. Lichko
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mails: zelennew@tut.by, maryalichko@gmail.com

The article is devoted to environmental awareness in American literature as exemplified by Sara Pennypacker's novel “Pax”. Particular attention is paid to the allusion to the image of the boy and the fox from the book "The Little Prince" by Antoine de Saint-Exupery. The non-spatial nature of the narrative is noted.

Key words: ecological consciousness; American literature; allusion; ecoliterature; children’s and young adult literature.

Экологическое сознание является важной составляющей творчества Сары Пеннипакер (Sara Pennypacker) – американской детской писательницы, автора двух десятков успешных книг, отмеченных наградами и читательским признанием. Роман «Пакс» – самый известный роман Сары Пеннипакер, лучшая детская книга 2016 года по версии компании «Амазон» («Amazon»), бестселлер по версии газеты «Нью-Йорк Таймс» («New York Times»), благодаря которой имя писательницы за короткое время стало известно всему миру. На написание романа «Пакс» С. Пеннипакер сподвигли истории детей, которые прошли через войну и в результате остались инвалидами, сиротами, лишились дома. При написании романа С. Пеннипакер хотела пробудить чувство присутствия, вовлеченности, чтобы читатель смог провести параллель между собой и Питером, как если бы он жил рядом, здесь и сейчас: *“Keeping everything about the war undefined – especially the setting and time – was critical to me. I didn’t want the reader to be able to say, “Oh, this happened somewhere else,” or “This couldn’t happen now,” because that would have allowed a sense of distance and comfort I didn’t want. I wanted the reader to be able to identify with Peter as though he lived nearby, right now. It was harder to do than I’d predicted, by the way – technology and geographical clues kept trying to insert themselves into the story”* [1, с. 2].

Роман С. Пеннипакер «Пакс» – это книга, в которой детство, разрушенное войной, показано глазами мальчика и его домашнего лиса по имени Пакс. «Пакс» в переводе с латинского языка – «мир». Оксфордский словарь дает и такое определение: крик «пакс» в игре между детьми означает призыв к перемирию. Следовательно, имя для лиса выбрано не случайно. Лисенок Пакс помогает Питеру эмоционально пережить войну, из-за чего у Питера появляется вера в светлое будущее.

Проводником идеи мира в романе является и аллюзия на вечный образ мальчика и лиса из книги «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери. Аналогий между двумя невероятными историями можно провести несколько. Так, пространственные параметры в обеих книгах остаются неопределенно-обобщенными: некая пустыня и некий лес без географических названий и уточнений, без детализации и сколь бы то ни было подробного описания намекают читателю, что перед ним скорее

притча, чем эпос, что происходящее может случиться, где угодно. А может, уже случилось или происходит сейчас. Возможно, в этот самый миг война уносит жизнь ребенка, его родных и любимых, оставляет его одного посреди пустыни человеческого равнодушия.

Как и в повествовании Сент-Экзюпери, в «Паксе» пространство представлено разрозненными замкнутыми мирками. В «Маленьком принце» герой путешествует с одной планеты на другую, в «Паксе» мальчик перемещается из дома отца в дом деда, оттуда в городок, далее в дом Волы и, наконец, в лес, где ведутся боевые действия. В каждом из этих мест свой хозяин, свои правила, своя правда, с которыми мальчик может соглашаться или нет, но примериваться к ним все равно приходится. Сопоставление своего мировоззрения с чужим, т.е. понимание себя через Другого является одной из ключевых идей обеих книг.

Правда, читатель романа С. Пеннипакер не сразу обнаруживает внепространственность нарратива, пытаясь сначала догадаться, что за война описана в американских реалиях. Быстро становится ясно: ни с какими реальными военными действиями, историческими событиями, конкретным временем повествование соотнести невозможно. Писательница отчасти играет с альтернативной историей (так, пожалуй, могли бы развиваться события, если бы Вторая Мировая война перекинулась и на американский континент), отчасти серьезно задается вопросом, готовы ли мы (американцы) представить себе войну на нашей территории, принять ужас и осознать его как реальность. Таким образом, значимой характеристикой поэтики «Пакса» становится и вневременность повествования.

Однако главная аналогия между «Маленьким принцем» и «Паксом», конечно, основана на обращении вечного образа мальчика и лиса. Мальчик Питер спасает лисенка, потерявшего своих родителей, и оставляет его жить у себя. *“A few month later, Peter had gotten Pax. He’d come across a fox run over by the side of the road near his house. So soon after watching his mother’s coffin lowered into the ground, he’d felt an unshakable need to bury the body. As he’d looked around for a good place, he’d found the den filled with three cold, skiff kit bodies and one little ball of grey fur still warm and breathing. He’d tucked Pax into his sweatshirt pocket and brought him home, and said – not asked, said – “I’m keeping him.”* [2, с. 48].

Со временем они становятся не хозяином и питомцем, а друзьями, одним целым. Вместе они играли, веселились до тех пор, пока отец Питера не заставил мальчика отказаться от Пакса, и оставить его на обочине дороги. Не столько привычка, сколько ответственность за судьбу лисенка заставляет Питера сбежать от деда и отправиться назад, в лес, в полное опасностей путешествие. *“He’d go back and find Pax there, waiting, in sev-*

en days. He wouldn't let himself think about what might happen to a tame fox in those seven days. No, Pax would be waiting at the side of the road, right where they'd left him. He'd be hungry, for sure, and probably scared, but he'd be okay. Peter would take him home. They would stay there. Just let someone try to make him leave this time. That was the right thing to do.

He and Pax. Inseparable." [2, с. 20].

Оказавшись на Земле, в безлюдной пустыне, Маленький принц встречает доброго и мудрого Лиса, который символизирует дружбу. В его лице принц обретает друга, которого так искал. Как и во многих сказках, Лис олицетворяет мудрость и знание жизни и рассказывает Маленькому принцу тайну человеческого сердца. Автор передал героям этой сказки свое понимание дружбы и ответственности за друг друга. Лис учит Маленького принца, как надо любить и относиться к дружбе, люди забыли об этом и потому лишились друзей, потеряли способность любить. Сент-Экзюпери сожалеет о том, что люди не видят ничего и превращают свою жизнь в бессмысленное существование.

Метафорой дружбы в повествовании выступает приручение. Тайну приручения открывает Маленькому принцу Лис, он объясняет, что принц для него не просто мальчик, как и множество других мальчиков, и лис для принца не просто очередная лисица среди тысяч других лисиц. Автор говорит о том, что любовь и дружба – не просто связь с другими существами, она обогащает нашу жизнь, дает понимание окружающего нас мира, наполняя его смыслом. Приручить значит создать узы. Узы любви, доверия, дружбы и ответственности. И вот вы уже не просто двое, вы друг для друга становитесь единственными на целом свете, становитесь нужными друг другу. *"To me, you are still nothing more than a little boy who is just like a hundred thousand other little boys. And I have no need of you. And you, on your part, have no need of me. To you, I am nothing more than a fox like a hundred thousand other foxes. But if you tame me, then we shall need each other. To me, you will be unique in all the world. To you, I shall be unique in all the world…"* [3, с. 45]. Приручение – труд сердца, это значит связать себя с другим узами нежности, любви, ответственности.

Аллегоричность художественного образа Лиса переносится читателем и на лисенка Питера, выделяя мотивы дружбы, любви и ответственности как значимые и тождественные. В понимании обоих авторов друг – тот, кто наполняет его жизнь смыслом: разрушает скуку, позволяет видеть красоту окружающего мира (сравнение золотистых волос Маленького принца с пшеничными колосьями) и плакать при расставании. Маленький принц хорошо усваивает данный ему урок. Прощаясь с жизнью,

он думает не о смерти, а о друге. В «Паксе» лис также «заставляет» мальчика ради дружбы прикоснуться к смерти, пройти в такой опасной близости от нее, что, кажется, только чудо оберегает его. В принципе, такая дружба, как у Пакса и Питера и есть чудо, редкое и тем более прекрасное.

Нельзя не отметить, что повесть «Маленький принц» тоже ассоциируется с традицией эколитературы в ее современном понимании. В ней показаны взаимоотношения человека с природой на равных: Розы и Принца, Лиса и Принца. Эти отношения имеют туже основу, что и человеческие отношения, и получают те же названия: любовь, преданность, дружба, ответственность. Конечно, отношения принца и розы – это парабола любовных отношений, но при этом и отношения сильного со слабым, где оба равны и уважает позицию другого. В романе С. Пеннипакер война представлена как катастрофа, ведущая к уничтожению природы, животных и птиц человеком, а возможность спасти человечество от катастрофы связана с надеждой на чистоту детского сердца, с еще не утерянной ребенком способностью найти с природой общий язык, и любовь, и дружбу. Эта идея сегодня – одна из ведущих мотивов современной литературы.

Библиографические ссылки

1. Rockman C. Discussion guide. Balzer + Bray, 2016. 2 p.
2. Pennypaker S. Pax. Balzer + Bray, 2016. 224 p.
3. Saint-Exupéry A. de, The little prince. Transl. by K. Woods. New York : Harcourt, Brace & World, 1971. 111 p.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ КАК СПОСОБ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В НОВЕЛЛЕ А. БИРСА «ТРИ ПЛЮС ОДИН РАВНЯЕТСЯ ОДНОМУ»

В. С. Кусковская
Полоцкий государственный университет
Полоцк, Беларусь
e-mail: vitakuskovskaya@yandex.by

В статье рассматривается реализация фантастического в военной прозе А.Бирса на примере одного из произведений автора. Изучается специфический авторский взгляд на военные события в США 1861-1865 годов. Фантастическая военная новелла писателя исследует природу человеческого восприятия в критической ситуации.

Ключевые слова: военная новелла; фантастический элемент; Гражданская война в США; антивоенная литература.

FANTASTIC ELEMENT AS THE MEANS OF DEPICTION OF WAR IN THE MILITARY SHORT STORY OF A. BIERCE "THREE AND ONE ARE ONE"

V. Kuskovskaya
Polotsk State University
Polotsk, Belarus
e-mail: vitakuskovskaya@yandex.by

The article deals with the realization of the fantastic in the military prose of Ambrose Bierce. The specific author's view of military events in the USA of 1861-1865 is studied. The fantastic short story of the writer investigates the nature of human perception in a crucial moment.

Key words: military short story; fantastic element; Civil war in the USA; anti-war literature.

Введение. Гражданская война в США 1861-1865 гг. нашла отражение во многих художественных произведениях как предельно драматическое, противоречивое и беспрецедентное историческое событие для американского народа. Амброз Бирс (*Ambrose Bierce*) – американский писатель рубежа XIX-XX столетий, известный преимущественно благодаря своим работам в жанре «страшного» рассказа. В отличие от традиционных военных историй второй половины века, малая военная проза автора унаследовала традиции готического страха и психологического исследования Эдгара Аллана По (*Edgar Allan Poe*), вместила в себя исторические реалии военного времени с автобиографическим элементом авторских воспоминаний, фантастический художественный элемент как форму гротеска, позитивистские идеи, придав уже национальному жанру *short story* новое антимилитаристское звучание и предопределив, предугадав таким образом его дальнейшую литературную судьбу. Новелла А. Бирса о войне утверждает универсальные моральные ценности, но продолжает поиск новых возможностей осмысления и отображения экстремальных ситуаций, обогащая литературу переломного периода новыми средствами и приемами анализа, познания человека и мира в критической, нестандартной обстановке. Фантастический элемент в военной новеллистике А. Бирса становится способом реализации авторского смысла, через особое видение конфликтов и противоречий существующей действительности, с легкостью внедряется в историческую и социальную ситуацию. В военной новелле автора фантастический элемент призван отразить реальность и расшифровать ее, посредством введения сверхъестественного элемента, роковых и необъяснимых, нереальных событий, сложных для постижения в обыденной и повседневной жизни.

Основная часть. Военная фантастическая новелла писателя отличается мрачным и трагическим колоритом, с характерным колебанием между рациональным и иррациональным. В военной фантастической прозе А. Бирса превалирует мотив смерти, как единственно возможная форма разрешения существующего в произведении конфликта. Писатель всегда предельно просто, достоверно, но исключительно безжалостно рассказывает о неординарном военном эпизоде, который оказывается судьбоносным для героя и шокирующим для читателя. Важнейшими элементами фантастического модуса у А. Бирса становятся намеренное авторское умолчание, игра со временем и пространством, как усиленный, дополнительно усложненный элемент, который представлен вместе с необъяснимыми предчувствиями, сбивающими с толку раздвоениями. Так, в рамках принятого и постоянного в реальном времени, происходят необычные и пугающие, пространственно-временные смещения, трансформации, несовпадения, изменения, с двусмысленностью или амбивалентностью образов. В новеллах А. Бирса ключевые и универсальные образы-символы направлены на создание цельной картины военного ужаса. Отсылки к темам сна, бреда всевозможного рода видениям, обманам чувств, как пограничным состояниям, превращение мертвого в живое, как характерная метаморфоза свойственны военным новеллам автора. Так, переход на иной уровень реальности, момент погружения в другую действительность становится единственным способом спасения, как ухода от изматывающей действительности и механизмом защиты. Такой же единственной возможностью разрешения конфликта, способом ухода от калечащей и жуткой правды является фантастическое видение, как игра воображения, сновидение, а может и путешествие в иную реальность солдата Гражданской войны в США Барра Лэсситера. Традиционно экстравагантно звучит название военного рассказа А. Бирса из цикла «Солдатская быль» (*Soldiers Folk,* 1910, 3й том собрания сочинений), как противоречащая логике математическая задача и захватывающая история с привидениями «Три плюс один равняется одному» (*Three and One are One,* 1908). Одна из немногих работ писателя, в которой, при помощи ироничного вводного комментария повествователя и библейской отсылке, дается взгляд на проблему рабства. Так, родителей Барра Лэсситера не считали «хорошими людьми», поскольку у них не было рабов, но они были честными и образованными, как «сыны и дочери Хаама» [1, с. 51]. Тема долга, патриотического чувства представлена через столкновение общественного, семейного и личного взглядов, двойная трактовка вечных ценностей внутри одной семьи отражает состояние нации в целом. Не принимая сторону ни одной из сторон конфликта, повествователь отпус-

кает недвусмысленный, предельно эмоциональный, тревожный комментарий, который словно предвещает трагедию, сравнивая жестокость солдатского долга с беспощадностью самой смерти. Символично выступает на передний план описание отца Барра, в котором сконцентрирован образ Юга. Юный Лесситер, отправляется в путь, принимая сторону Северян, он не прощен и не понят семьей. Годы жестоких военных испытаний, скитаний меняют молодого человека настолько, что он чувствует себя стариком, который не может сдерживать чувств, вернувшись в родные края. «Солдаты на войне стареют быстро ... эмоции душили его комком в горле» (“Soldiers in war age rapidly… His emotion nearly suffocate him; an ache was in his throat”. Здесь и далее перевод наш – Кусковская В. С.) [1, с. 52]. Автор-рассказчик намеренно опускает историю о военной жизни и становлении солдата, но в случае с А. Бирсом это не означает, что ему нечего сказать о военной реальности. Точность исторической и географической детали в тексте, традиционно для военной новеллистики писателя, максимально усиливает уровень правдоподобия. Фантастический элемент через уже классические готические образы-символы неожиданно внедряется в повествование и становится частью военной темы произведения, как классическая манера писателя для углубления драматизма и психологизма повествования. Так, ночная дорога приводит в родительский дом, где происходит странная встреча с близкими, больше похожая на сновидение или галлюцинации, которым герой и рассказчик, в привычной позитивистской манере А. Бирса, пытаются дать научное обоснование или наукообразное объяснение, повышая градус реалистичного. «Барр Лесситер подошел к двери, через которую он вошел. Лунный свет дрожал на лужайке, как если бы дуло с беспокойного моря. Деревья и их черные тени дрожали будто на ветру. Гравийная дорожка, с нечеткими границами, казалась небезопасной для идущего. Этот молодой солдат знал об оптических иллюзиях, вызванных слезами. Он почувствовал их на своей щеке и увидел, как они сверкают на груди. Он вышел из дома и вернулся в лагерь» (“Barr Lessiter strode to the door by which he had entered. The moonlight on the lawn was tremulous, as if the sward were a rippling sea. The trees and their black shadows shook as in a breeze. Blended with its borders, the gravel walk seemed unsteady and insecure to step on. This young soldier knew the optical illusions produced by tears. He felt them on his cheek, and saw them sparkle on the breast of his trooper’s jacket. He left the house and made his way back to camp”) [1, с. 53]. Так, согласно И. В. Головачевой, фантастическое становится формой и способом репрезентации странного вместо понятного и опознаваемого, чуждого вместо привычного, неустойчивого вместо стабильного, где происходит

вторжение фантастической образности в поле реального, с возможностью исследовать маргинальные территории [2, с. 114]. Также, относительно данного рассказа справедливым является тезис Р. Лахманн о магистральных тенденциях фантастического, а именно вмешательства, появления примет инобытия, аномалий, в том числе призраков, что характерно для готической фантастики. Человек в фантастическом дискурсе, по мнению Р. Лахманн, утрачивает свою человечность, что особенно актуально в контексте военной литературы, становится то субъектом, то объектом альтернативной антропологии, которая превращает его в мечтателя, сомнамбулу, сумасшедшего или монстра [3, с. 19]. Метафорическое утро новеллы, как символ окончания войны приносит прозрение и раскрывает жуткую правду – все, что осталось от родительского дома после разрыва снаряда, выпущенного Федеральными войсками задолго до возвращения солдата – камень от фундамента и пепел на фоне молчания призраков войны. Структурно А. Бирс замыкает смысловой круг, как внешний – возвращая путешественника в исходную географическую точку, так и внутренний – возможность, пусть мимолетную и мнимую, но воссоединения с семьей. К. Дэвидсон анализирует творческий метод писателя, подчёркивая концептуальное значение некоторых приёмов, таких как введение двух планов описания состояния персонажей, как ошибочная интерпретация своего поведения самими героями и описание рассказчиком их внешнего состояния, параллелизм субъективного и объективного времени, разрушающая ожидания читателя концовка. С помощью этих приёмов, по мнению автора, писатель определяет возможности человеческого сознания и передаёт, как восприятие трансформирует реальность [4, с. 127].

Заключение. Таким образом, военная проза А. Бирса представляет собой реакцию на сентиментальную героику пропагандистской военной литературы, превалирующую у большинства предшественников. Военная новелла А. Бирса имеет характерные стилистические авторские черты, связанные с натуралистическими тенденциями американской литературы конца XIX столетия. Используя различные элементы природы, цветовую художественную деталь, символический и одновременно психологический характер образов, писатель выстраивает собственную систему ассоциаций в изображенном мире произведения. Писатель намеренно укрупняет национальную трагедию, сузив художественное пространство до страданий отдельно взятого человека. Используя гротеск фантастического элемента, иронию, особую острую театральность, как выражение боли, страха и страдания, намеренную недосказанность, прием противопостав-

ления А. Бирс нестандартно расшифровывает суровую военную действительность, открыто подчеркивает абсурдность и ужасы войны.

Библиографические ссылки

1. Bierce A. Three and One are One // Civil War Memories. Lost Tales of The Civil War. Nashville, Dallas: Barnes and Noble Inc., by Thomas Nelson Inc., 2009. P. 51–56.
2. Головачева И. В. Следует договориться о терминах: современные теории фантастики и фантастического // Вопросы филологии.: сб. науч. статей / под ред. проф. Е. А. Зачевского, А. В. Хохлова. Спб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2015. С. 109–135.
3. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
4. Davidson C. The Experimental Fictions of Ambrose Bierce: Structuring The Ineffable. Lincoln : University of Nebraska Press, 1984. 166 p.

«УХОДЯЩИЕ» И «БЕГУЩИЕ» ГЕРОИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА О СЕМЬЕ ГЛАССОВ

Д. А. Лабовкин
Полоцкий государственный университет
Полоцк, Беларусь
e-mail: labovkin@yandex.by

В статье рассматриваются особенности изображения Дж. Д. Сэлинджером героев, с одной стороны, отвергающих окружающее общество, с другой, не приемлющих самих себя, что вызывает в них позыв к различным формам эскапизма. В статье анализируются такие произведения о семье Глассов, как «Симор: введение», «Фрэнни и Зуи», «Выше стропила, плотники» и «Хорошо ловится рыбка-бананка».

Ключевые слова: общество; буддизм; убежище; уход; бегство; иррациональный.

“LEAVING” AND “RUNNING” CHARACTERS IN J. D. SALINGER’S GLASS FAMILY WORKS

D. Labovkin
Polotsk State University
Polotsk, Belarus
e-mail: labovkin@yandex.by

The peculiarities of J. D. Salinger’s depiction of the characters who at the same time confront the society and reject themselves, which involves them in various forms escapism are researched in this article. Such Glass family works such as *Seymour: An Introduction, Franny and Zooey, Raise High the Roof Beam, Carpenters, A Perfect Day for Bananafish* are analysed in the article.

Key words: society; Buddhism; shelter; leaving; running; irrational.

Введение. В толковом словаре русского языка словарная статья, посвящённая существительному «уход», перенаправляет нас к глаголу «уйти» [1, с. 1242], который имеет следующие толкования: «1. Идя, удалиться, покинуть какое-н. место. <…> 2. В сочетании с существительными употр. в знач. перестать что-н. делать или заниматься чем-н., перестать быть кем-н. или каким-н. (в соответствии со значением существительного) [1, с. 1218]». Существительное «бегство» определяется как «тайный, самовольный уход откуда-н.», а также как «беспорядочное отступление» [1, с. 69]. Так, определяя понятия «уход» и «бегство», мы принимаем во внимание толкования обоих слов, а также специфику нашего исследования. В данной статье под понятием «уход» подразумевается сознательное создание героем ситуации, способствующей его удалению (или отрешению) от раздражающего фактора и обладающей потенциалом для реализации его жизненного идеала. Под понятием «бегство» подразумевается осознанное или несознательное, противоречащее здравому смыслу и логике, удаление (или отрешение) героя от обстоятельств, причиняющих ему духовный либо физический дискомфорт.

Чаще всего мотивы бегства или ухода рассматриваются учёными в контексте самого известного произведения Дж. Д. Сэлинджера (*J. D. Salinger,* 1919–2010) «Над пропастью во ржи» (*The Catcher in the Rye*, 1951) [2], [3], [4], однако столь явное изображение эскапизма в данном произведении, а также сэлинджеровская склонность к изображению «ищущего», выпадающего из общества героя даёт основание для исследования данных мотивов в контексте других, не менее важных для понимания творчества писателя работ.

Основная часть. «Бегущим» героем в повести Дж. Д. Сэлинджера «Фрэнни и Зуи» (*Franny and Zooey*, 1961) является Фрэнни Гласс, подросток-вундеркинд, бегство которой, как и в случае с героем повести Холденом Колфилдом, вызвано неприязнью, в случае с первой – неприязнью по отношению к тем, кого она считают глупее себя, то есть практически ко всему обществу. Однако ещё в начале произведения автор обозначает внутренний конфликт героини, который заключается в её нелюбви к самой себе: девушка не принимает свой духовный мир таким, каков он есть, и в будущем будет стремиться убежать от него (от того, что она называет эгоцентричностью и самовлюблённостью) и даже изменить его с помощью Иисусовой молитвы. Именно Иисусова молитва становится для Фрэнни «убежищем» от внешнего мира и от самой себя. Фрэнни замыкается в себе и своей вере в успех ритуала повторения молитвы, пытаясь таким образом убежать от прошлого и настоящего, снискать озарение и найти новый жизненный путь [5, с. 18].

Поведение героини можно охарактеризовать как бегство, так как оно отличается иррациональностью и основано лишь на вере и полном отчаянии. Фрэнни прибегает к помощи молитвы лишь тогда, когда её депрессия становится невыносимой, подобно Холдену Колфилду, который в критические моменты разговаривает с братом, убегая в мир собственных грёз. Отметим, что характерной чертой бегства Фрэнни является тот факт, что средством к прозрению девушка избирает именно Иисусову молитву, которая является атрибутом православной веры. Так, Фрэнни выражает своё отчуждение как по отношению к обществу (в США большая часть населения является приверженцами протестантизма либо католицизма), так и по отношению к самой себе и своему воспитанию (Фрэнни была воспитана братьями в духе буддизма).

Зуи также испытывает внутренний конфликт, сетуя на то, что старшие братья Симор и Бадди насильно воспитали его интеллектуалом, тем самым сделав его асоциальным типом. Однако конфликт Зуи уже давно разрешён, а его бегство уже состоялось, в отличие от Фрэнни, которая переживает глубокий психологический кризис: девушка удаляется в свою комнату и днями напролёт твердит Иисусову молитву, надеясь на то, что по воле Божьей она обретёт новую сущность и станет по-другому относиться к себе и к окружающему миру.

О критическом душевном состоянии героини свидетельствует сон, в котором Фрэнни находится в бассейне, где кроме неё присутствует множество людей. Они заставляют её нырять за банкой кофе популярного в то время бренда, до которой главная героиня никак не может добраться. Фрэнни просит у окружающих помощи, однако те только смеются над ней, а две её сокурсницы постоянно бьют девушку по голове вёслами, не давая долго задерживаться на поверхности [5, с. 56]. Примечательно, что во сне Фрэнни ныряет за банкой кофе конкретной марки, которая была популярна в США в то время. Здесь это символ конформизма, заурядности – того, что так сильно ненавидит Фрэнни в этом мире. Также необходимо отметить образы девушек с вёслами, которые олицетворяют во сне глупое, по мнению девушки-вундеркинда, большинство её сокурсников. Таким образом, во сне Фрэнни видит, как люди, которых она желала бы видеть в последнюю очередь, заставляют её искать то, что ей совершенно не нужно, от чего она бежит.

Бегство Фрэнни прекращается, когда Зуи убеждает сестру в том, что её призвание, как и его, – играть на сцене. Сам Зуи давно понял, что творчество является для него жизненным призванием и спасением от всякого рода противоречий, так как игра – это то, к чему у него есть дар. Именно в занятии тем, что у тебя получается лучше всего, в самосовер-

шенствовании, а главное, в искренней любви к тому, что ты делаешь, и состоит, по мнению Зуи, высшее проявление веры и единственный способ прожить жизнь достойно [5, с. 86].

Примечательно, что бегство как форма поведения характерно лишь для одного из детей-вундеркиндов семейства Глассов – Фрэнни. По крайней мере, лишь бегство Фрэнни напрямую изображается автором. Поведение остальных (Бадди, Симор и Зуи) скорее подходит под определение «ухода», если пользоваться терминами данного исследования.

Как уже было отмечено, Зуи, младший из братьев, испытав кризис, подобный тому, что испытывает Фрэнни, осознал, что его призвание – это то, ради чего он живёт. Именно приверженность своему делу становится для парня «убежищем» от всех раздражающих факторов. Как и Фрэнни, Зуи раздражает, что большинство зрителей не способны оценить гениальную игру актёров или мастерство режиссёра-постановщика по достоинству, однако он прямо говорит о том, что актёр должен, прежде всего, жить в мире искусства и только ради него, и лишь тогда он будет иметь возможность приблизиться к тому, чего желает добиться Фрэнни с помощью неустанного повторения Иисусовой молитвы – духовного озарения, счастья [5, с. 87]. В своих доводах Зуи основывается на убеждённости в том, что единственный смысл религиозной жизни «в отречении», под которым юный мыслитель понимает «отрешённость от желаний» и «устранение всех вожделений» [5, с. 393], то есть полный отказ от всего земного, мирского, суетного. Таким образом, очевидно, что Зуи, будучи абсолютно уверенным в правильности своего пути, склоняет сестру к более рациональному поведению.

Бадди, второй по старшинству после Симора, является повествователем в повестях «Симор: введение» (Seymour: An Introduction, 1959) и «Выше стропила, плотники» (*Raise High the Roof Beam, Carpenters,* 1963). Уход самого Бадди Гласса не изображается в каком-либо из них, однако можно предположить, что форма его «ухода» аналогична форме, свойственной «уходу» Зуи. Очевидно, что Бадди также посвятил себя искусству, а именно – писательству. О правомерности такого предположения свидетельствует, то, что раздражающими факторами для Бадди являются те же самые вещи, что для Фрэнни и Зуи. В одном эпизоде повести «Симор: введение» повествователь весьма нелестно отзывается о различных представителях контркультур [6, с. 203], численность которых росла большими темпами в США в 1950-е годы. Дело в том, что буддизм был очень популярен среди нонконформистов той эпохи, что, несомненно, раздражает Бадди. Недовольство повествователя, являющегося истинным знатоком и приверженцем дзен-буддизма, вызвано тем фактом, что инте-

ресоваться буддизмом становилось *модно*, вследствие чего буддистское учение обесценивалась, превращалось в атрибут контркультуры, существовавшей в реалиях общества отдельно взятого государства, нормы которого отторгаются всеми детьми семейства Глассов. Б. З. Фаликов подчёркивает, что для молодёжи послевоенной Америки увлечение буддизмом было в порядке вещей. Также исследователь отмечает, что в 1950-е годы это учение вошло в моду среди писателей-битников, которые своеобразно трактовали его каноны и считали, что «настоящего просветления можно достичь, выпив галлон дешевого калифорнийского вина и разогнавшись на машине до сотни миль в час». Б. З. Фаликов пишет, что Сэлинджер подходил к делу намного серьезнее и поэтому относился к битникам с долей презрения, о чём свидетельствует то, что его герой Бадди называл битников «дервишами-бродяжками, якобы помешанными на дхарме» и «дзэноубийцами» [7]. Такая разница между сэлинджеровской серьёзностью в отношении к изучению дзен буддизма и битнической поверхностной трактовкой данного учения, которое лишь оказалась подходящим, приспособляемым к мировоззрению битников и их образу жизни, обусловила и разницу между рациональностью «ухода» Зуи и Бадди Глассов и иррациональностью бегства Дина Мориарти и Нила Кэссиди. Для героев Керуака главной формой бегства является путешествие, однако сакральность пребывания в пути есть лишь следствие мироощущения героев. Выражаясь другими словами, бесконечная, ведущая в никуда дорога становится конечной точкой их бегства от конформизма. Для героев Сэлинджера формой ухода становится религиозное чувство, однако буддизм является лишь средством достижения конечной точки ухода – озарения, абсолютного счастья.

Симор Гласс в большей степени, чем остальные его братья и сёстры, увлечён древнеиндийской философией, что впоследствии становится причиной другой формы ухода (или бегства) героя – самоубийства. Эти события изображены в рассказе «Хорошо ловится рыбка-бананка» (*A Perfect Day for Bananafish,* 1948). При поверхностном прочтении произведения можно сделать вывод, что уход героя из жизни является его формой бегства от опротивевшего конформизма и обывательства жены, её родственников и общества в целом. Однако при более обстоятельном анализе выясняется, что в рассказе изображается то, как Симор приходит к трагическому осознанию своей неспособности полностью отрешиться от человеческих страстей и желаний. Дело в том, что Симор, хотя и делает всё для того, чтобы соответствовать образу жизни и мышления, предписанному индуистским учением, всё же вырос в американском обществе и, следовательно, с детства впитывал его нормы, влияние которых

он продолжал испытывать до последнего дня своей жизни. Например, в повести «Выше стропила, плотники» описаны события, связанные с подготовкой к свадьбе Симора, которая должна была пройти в соответствии с христианскими традициями, и на которую Симор так и не явился. Исследователь И. Л. Галинская пишет о том, что в древнеиндийской философии чувство любви, ведущее к продолжению жизни и являющееся смыслом брака в соответствии с христианским каноном, не считается положительной эмоцией. И. Л. Галинская подчёркивает, что «основной постулат мировоззрения индуизма состоит в том, что всякое желание человека, в том числе и любовное, расценивается как путь, ведущий к несчастью и злу» [8, с. 15]. Выражаясь простым языком, героя разрывает внутреннее противоречие, с которым он не может справиться. С одной стороны, Симор любит супругу и хочет завести детей, о чём говорит оставленная им перед отъездом в свадебное путешествие записка в финальном эпизоде повести «Выше стропила плотники». В записке говорится о том, что брачующиеся должны «поддерживать, учить, укреплять друг друга, но более всего служить друг другу», а также о том, что дитя «надо любить и уважать, но не властвовать над ним, ибо оно принадлежит Богу» [9, с. 201], что, несомненно, является отсылкой к христианским постулатам. С другой стороны, Симор является приверженцем индуизма, так как в его понимании, это учение в гораздо большей степени способствует утверждению и развитию духовного в человеке, нежели христианство, являющееся основной религией США – государства, общество которого, по мнению Глассов, отнюдь не отличается одухотворённостью. Эта мысль подтверждается мнением Е. В. Завадской, которая пишет о том, что в рассказе «Хорошо ловится рыбка-бананка» писатель выражает «недоверие к общепринятым, якобы очевидным истинам», под которыми понимаются правила и нормы жизни американского общества. Исследователь отмечает, что им противостоит «симпатия автора к иному миру, миру естественности и непосредственности, который сродни детству» [10, с. 101]. Отметим, что столкновение этих двух миров изображено в повести «Выше стропила, плотники», которое композиционно построено как диалог (или конфронтация) мира невесты и её родственников (типичных представителей американского общества) и мира семейства Глассов.

Разрешение этого внутреннего конфликта Симор находит в самоубийстве. И. Л. Галинская отмечает, что для Симора «добровольная смерть – не гибель, а путь к спасению, нирване, т. е. к полному и окончательному освобождению от желаний». Исследователь также отмечает, что согласно догматам одной из версий индуизма (джайнизм), самоубийство есть абсолютно правомерный и даже необходимый акт в том

случае, если человек оказывается не в силах противостоять страстям. Более того, джайнисты верят, что такое самоубийство, напротив, возвышает жизнь, так как главным «объектом соблазна» в джайнизме считается женщина, которая не позволяет мужчине осуществить своё жизненное назначение, состоящее в отрешении от желаний [8, с. 17]. Так, с точки зрения Симора, самоубийство является уходом, то есть рациональным поступком, направленным на достижение определённой цели. С точки зрения мира невесты, многие представители которого считают Симора больным, неуравновешенным человеком, его поступок представляется совершенно нелогичным и иррациональным (человек самовольно обрывает свою жизнь по каким-то неявным, инфантилистским убеждениям) характеризуется как заурядное бегство от мира.

Заключение. Таким образом, все дети семьи Гласс в той или иной степени подвержены эскапизму. Однако некоторые из них (Бадди, Зуи, Симор) совершают рациональный уход (полностью посвящают себя какому-либо делу или религиозному чувству), следуя своим уже сформировавшимся жизненным воззрениям. Фрэнни также ищет спасенья в религиозном чувстве, однако не способна на полное отрешение (как Симор), которое даровало бы ей счастье, её вера далеко не так сильна. Поведение Фрэнни имеет сумбурный, иррациональный характер и представляется неосмысленным бегством, которое, однако, должно вскоре завершиться. В развязке произведения «Фрэнни и Зуи» автор намекает на то, что девушка последует примеру своего брата Зуи, сосредоточившись на актёрской работе.

Тот факт, что уход и бегство являются лейтмотивами произведений Сэлинджера о Глассах, говорит о важности этих мотивов для творчества писателя в целом, а не только для традиционно рассматриваемой в контексте изображения эскапизма повести «Над пропастью во ржи».

Библиографические ссылки

1. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. 70000 слов и выражений. Изд. 11-е. М. : Советская энциклопедия, 1965. 912 с.
2. Claro J. J. D. Salinger’s Catcher in the Rye. N.Y. : Barron’s Educational Series, 1984. 90 p.
3. Graham S. J. D. Salinger’s The Catcher in the Rye: A Routledge Study Guide. London, N.Y. : Routledge, 2007. 144 p.
4. Bryfonski D. Depression in J. D. Salinger’s The Catcher in the Rye. N.Y. : Greenhaven Press, 2008. 218 p.
5. Salinger J. D. Franny and Zooey. London : Bantom Books, 2001. 88 p.
6. Salinger J. D. Raise High the Roof Beam. Seymour: An Introduction. London : Penguin, 2010. 160 p.

7. Фаликов Б. З. Ради толстой тёти // Журнальный зал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/2009/2/fa5.html (дата обращения: 15.09.2019).
8. Галинская И. Л. Загадки известных книг. М. : Наука, 1986. 128 с
9. Сэлинджер Дж. Д. Выше стропила, плотники. Соч.: в 2 т. Харьков : Фолио; Белгород : Фолио-Транзит, 1997. Т. 2. С. 151–201.
10. Завадская Е. В. Культура востока в современном западном мире. М :. Наука, 1977. 168 с.

ГЕРОЙ РОМАНОВ К. ИСИГУРО – ЧЕЛОВЕК НЕБУНТУЮЩИЙ

В. Г. Минина
Минский государственный лингвистический университет
Минск, Беларусь
e-mail: victoriaminina@mail.ru

В статье рассматриваются образы протагонистов романов современного британского писателя Кадзуо Исигуро, которые отказались от сопротивления и смирились со своей судьбой. Принятие агрессивного проявления внешнего мира идет на политическом, социальном и личностном уровнях.

Ключевые слова: человек бунтующий; смирение; фатализм; герой; роман; К. Исигуро.

NONREBELLIOUS CHARCTERS IN K. ISHIGURO'S NOVELS

V. G. Minina
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
e-mail: victoriaminina@mail.ru

The article discusses the images of the protagonists created the modern British writer Kazuo Ishiguro in his novels. The narrators abandoned resistance and put up with their fate. Acceptance of the aggressive manifestation of the outside world takes place at the political, social and personal levels.

Key words: rebellious man; humility; fatalism; character; novel; K. Ishiguro.

Философия человека непокорного подробно изложена А. Камю в его труде «Бунтующий человек». На вопрос, что же представляет собой человек бунтующий, А. Камю отвечает: «это человек, говорящий "нет". Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий "да". Раб, всю жизнь исполнявший господские распоряжения, вдруг считает последнее из них неприемлемым. "Нет" может, например, означать: "слишком долго я терпел", "до сих пор – так уж и быть, но дальше – хватит", "вы заходите слишком далеко" и еще: "есть предел, переступить который я вам не позволю" Вообще говоря, это "нет" утверждает существование границы. Та же идея предела обнаруживается

в чувстве бунтаря, что другой “слишком много на себя берет”, простирает свои права дальше границы, за которой лежит область суверенных прав, ставящих преграду всякому на них посягательству. Таким образом, порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как недопустимое, и в смутной убежденности бунтаря в своей правоте, а точнее, в его уверенности, что он “вправе делать то-то и то-то”. Бунта не происходит, если нет такого чувства правоты. Вот почему взбунтовавшийся раб говорит разом и “да” и “нет”. Вместе с упомянутой границей он утверждает все то, что неясно чувствует в себе самом и хочет сберечь. Он упрямо доказывает, что в нем есть нечто “стоящее” и оно нуждается в защите» [1, с. 70].

Рассказчики же К. Исигуро (с. 1954), напротив, и не помышляют о подобном бунте. Некоторые из них не говорят своего «нет» даже распространению милитаристских идей в стране. Художник Масуджи Оно из романа «Художник зыбкого мира» (*An Artist of the Floating World*, 1986) во время Второй мировой войны создает милитаристские картины и плакаты, которые пропагандируют захватническую политику Японии, выдает полиции своего любимого ученика Куроду за его «непатриотическое» поведение. Дворецкий Стивенс из «Остатка дня» (*The Remains of the Day*, 1989) отказывается критично посмотреть на поступки своего хозяина, который поощряет фашистские идеи в Британии, без повода увольняет еврейских горничных.

Бунт может иметь разную природу: как внешнюю, так и внутреннюю. Анализируя романы К. Исигуро, можно говорить о следующих причинах потенциального бунта главных героев: политическая, социальная, личностная.

Приведенные выше примеры относятся к возможным политическим причинам появления человека бунтующего. «Природа и Общество в целом – это почва, на которой мы вырастаем, поле, на котором мы обречены вести свою игру, – пишет российский литературовед П. Рябов. – Но против данной природы и данного общества человеку можно и должно бунтовать, преобразуя мир и себя в мире, рождая в борьбе специфически человеческую реальность. Ведь принять всю данность окружающего, мириться со всем злом и несовершенством мироздания – значит, по Бакунину, предать человеческий жребий, отречься от свободы» [2].

С идеей свободы связана, как нам видится, следующая – социальная – причина, которая могла бы привести к бунту рассказчиков К. Исигуро. Так, роман «Не отпускай меня» (*Never Let Me Go*, 2005) повествует о клонах, которых вырастили с целью использования их органов для

трансплантации больным людям, следовательно, их единственное предназначение и миссия – стать донорами. В конце романа рассказчица Кэти спрашивает, почему все считают, что у клонов не должно быть души, ведь они умны и талантливы. Мало того, у них есть чувства: они страдают, сопереживают, влюбляются, ревнуют, дружат, испытывают угрызения совести. Примечательно, что Кэти упоминает имена знаковых фигур литературы и искусства XX века, отсылка к которым свидетельствует о соответствующем интеллектуальном уровне клонов, которые за завтраком любят поговорить о литературе и живописи и обсудить произведения Джойса, Кафки и Пикассо. Клоны умны, образованны, хорошо развиты физически – казалось бы, идеальные люди. Но они молчат. Как утверждает А. Камю, «поработившему его порядку он [человек бунтующий] противопоставляет своего рода право терпеть угнетение только до того предела, какой устанавливается им самим» [1, с. 70]. Клоны К. Исигуро такого предела не устанавливают, не говорят «нет» либо «с меня довольно».

Клоны же, как показывает К. Исигуро, не мятежники, готовые вследствие своего угнетенного положения подняться и протестовать. Они существа, живущие в мире, где никто не ожидает от них противостояния, они покорны и смиренны – именно такими их создали. Они не замечают насилия над собой, своим телом и душой. Они даже гордятся своей миссией, видят в ней исполнение долга. Подобное поведение можно определить как проявление истинного христианского смирения, принятия своей участи. В этом контексте смерть является достойным уходом из недостойного мира. Клонам отказано в душе, при этом им уготован путь мученичества и жертвенности.

П. Рябов отмечает, что именно в бунте «человек – единственное животное, способное к бунту, к осознанию своей смертности, свободы и ответственности, – утверждает и свою личную индивидуальность, и общечеловеческую солидарность, и человеческий смысл, выраженный Камю в лаконичной формуле: «Я бунтую, следовательно, мы существуем». Тем самым категория «бунт» из метафоры или узкополитического понятия превращается в важную характеристику человеческого существования» [2]. На такой бунт герои-клоны не идут. Они подчас и не чувствуют, что живут, скорее, ждут смерти.

Герои не убегают, так как побег для них не выход, им просто некуда бежать – перед ними расстилается лишь враждебный и незнакомый мир, в котором их никто не ждет, в котором их сторонятся, боятся и даже испытывают чувство омерзения. Побег – это несогласие, бунт, он всегда связан с преодолением некой границы, барьера, но воспитанники Хейл-

шема на это не способны. Вместо этого герои «делают то, что мы все делаем; они, исполняя свой долг, пытаются придать нашей жизни некий смысл», – говорит К. Исигуро [3].

П. Рябов справедливо замечает, что бунт, по Камю, есть своего рода балансирование на острие ножа между двумя, с виду противоположными, но в сущности сходящимися воедино крайностями: крайностью тотального принятия, конформизма и крайностью тотального отрицания, нигилизма. И то и другое ведет к разрушению человека и человеческого мира. В первом случае человек отказывается от борьбы, от свободы, от себя, принимает мир целиком, каков он есть, со всеми его гнусностями и абсурдом, во втором – не выдержав борьбы, дезертирует, неизбежно идет к аморализму, убийству и самоубийству [2]. Герои-клоны идут по первому пути – безропотно принимают свою судьбу, отрекаясь от свободы.

Не бунтуют рассказчики К. Исигуро и когда дело касается их личной жизни. Етсуко, героиня романа «Там, где в дымке холмы» (*A Pale View of Hills*, 1982) запрятала глубоко в сердце боль от утраты старшей дочери, она ушла в себя и только безмолвно блуждает по комнатам своего опустевшего дома, словно в поисках призраков прошлого.

Мусуджи Оно («Художник зыбкого мира») не отстаивает свою правоту, не пытается никому объяснить причины своих прошлых поступков, не пытается восстановить свое доброе имя, он предается воспоминаниям и в ностальгии обретает примирение с прошлыми ошибками.

Дворецкий Стивенс («Остаток дня») безмолвно отпускает любовь своей жизни; смолчит он и второй раз, когда они уже увидятся в старости, так и не выкажет своих сожалений о том, что они не вместе.

Музыкант Райдер из «Безутешных» (The Unconsoled, 1995) безропотно и без тени удивления пробирается сквозь алогичность и хаос, в которые превратилось его бытие, когда неизвестно откуда вдруг появляются люди, здания, объекты, которых в это время и в этом месте просто не должно быть; когда он уехал на прогулку за город, откуда ему удалось вернуться прямо в свой номер в отеле через дверь в пригородном кафе; когда его поздравляют с остроумной речью, которую, как он помнит, он никогда не произносил; когда герой почему-то везде опаздывает: на встречи, интервью, фотосессии, на автобус – иногда сам не зная, что его, оказывается, где-то ждут; когда он плохо ориентируется во времени и пространстве, случайно попадает на запланированные встречи, о которых знали все, кроме него; когда даже прибыв в город, он не помнит цели своего приезда и не знает, где он.

Не ропщет, а лишь от боли и унижения уходит в себя и герой романа «Когда мы были сиротами» (*When We Were Orphans*, 2001), когда узнает

правду о предательстве отца, сбежавшего с любовницей, о продавшей себя в рабство матери, чтобы обеспечить сыну образование, а также правду о том, что лучший друг семьи оказывается опиумным магнатом, финансировавшим его обучение.

Таким образом, героев К. Исигуро нельзя назвать людьми бунтующими, они просто смиряются с судьбой. Памела Бикли верно отмечает, что рассказчики, например, в XIX веке были более бунтующими натурами (например, Джейн Эйр, которая боролась с воинственно к ней настроенным миром и отстаивала свою личность и индивидуальность), рассказчики же К. Исигуро принимают свою безрадостную и жестокую судьбу [4, p. 47]. «В бунтарском порыве, – пишет А. Камю, – рождается пусть и неясное, но сознание: внезапное яркое чувство того, что в человеке есть нечто такое, с чем он может отождествить себя хотя бы на время. <...> Сознание возникает вместе с бунтом» [1, с. 71].У героев К. Исигуро этого не происходит.

Подводя итог, необходимо отметить, что герои К. Исигуро понимают, что бунтовать нет никакого смысла, по своей природе они, скорее, фаталисты. Помимо этого, они точно знают, что бунтом ничего не изменить. А. Камю утверждает, что «бунта не происходит, если нет <…> чувства правоты [1, с. 70], рассказчики К. Исигуро во многом не чувствуют себя правыми.

Библиографические ссылки

1. Камю А. Человек бунтующий // Сочинения: в 5 т. Харьков : Фолио, 1998. Т. 3. С. 59–408.
2. Рябов П. Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rebels-library.org/files/camus_ryabov.pdf (дата обращения: 13.05.2019).
3. Interview with K. Ishiguro [Electronic resource]. Mode of access: http://www.pittsburghlive.com/x/pittsburghtrib/s_322215.html (date of access: 23.03.2019).
4. Bickley P. Contemporary Fiction: The Novel since 1990. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 128 p.

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ «АТМОСФЕРНОСТИ» В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА «ЛУЖОК ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ»

Д. О. Половцев, П. П. Санюта
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: dzianispol@list.ru

В настоящей статье рассматриваются способы создания «атмосферности» в романе Д. Митчелла «Лужок Черного Лебедя». Авторами статьи было выявле-

но, что «атмосферность» достигается при помощи описания погоды, природы и пор года, места действия, взаимоотношений между героями, запаха и цвета.

Ключевые слова: зарубежная литература; Д. Митчелл; роман «Лужок Черного Лебедя»; «атмосферность».

THE MEANS OF THE CREATING OF THE "ATMOSPHERICITY" IN D. MITCHELL'S NOVEL "BLACK SWAN GREEN"

D. O. Polovtsev, P. P. Sanyuta
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: dzianispol@list.ru

The article deals with the ways of creating "atmosphericity" in the novel by D. Mitchell "Black Swan Green". The authors of the article have revealed that "atmosphericity" is achieved by describing the weather, nature and season, scene, relationships between the novel characters, smell and color.

Key words: foreign literature; D. Mitchell; the novel "Black Swan Green"; "atmosphericity".

Роман Д. Митчелла «Лужок Черного Лебедя» – это история взросления и становления личности деревенского мальчика Джейсона Тейлора. Одну из ключевых ролей в создании «атмосферности» романа играют описания погоды в «Лужке Черного Лебедя». Погода на протяжении развития сюжета всего романа весьма пасмурная. Именно погодные условия указывают на настроение главного героя и отражают его внутренние проблемы: неуверенность из-за заикания, страх перед призраками и разочарованность поступками отца, который, как оказалось, вел двойную жизнь и в конце концов бросил свою семью ради другой женщины.

В первой главе романа описание погоды отражает мрачное настроение хмурого январского дня; Д. Митчелл создает атмосферу серости и обыденности: «Бледное утро, ледяное небо, холмы покрыты коркой льда, но снег, кажется, не задержался надолго. Обидно» [1, с. 3]. Интересно, что описания погодных условий присутствуют буквально в каждой главе романа, чаще всего речь идет о дожде: «Дождь лил так сильно, что фермы и поля за окном как будто растворялись в белых пятнах» [1, с. 59].

В романе также встречаются описания солнечной погоды, однако они весьма редки и чаще всего скудны: «Солнце заливало жаждущий газон, цветы пылали, деревья дремали на ветерке» [1, с. 250].

Место действия романа также играет немаловажную роль в создании «атмосферности». Герой романа Джейсон живет в небольшой деревне под названием «Лужок Черного Лебедя», которая в свою очередь является частью графства Вустершир, Англия. Действие романа происходит в

1982 г., в год, когда велась война между Великобританией и Аргентиной за контроль над Фолклендскими островами: «Это кошмар. До сих пор война на Фолклендах была чем-то вроде мирового чемпионата по футболу» [1, с. 140].

В силу своего возраста Джейсон еще не может здраво рассуждать о войне и понять всю её серьезность. Он испытывает отвращение к врагу своей страны и искренне верит в превосходство Англии, вполне вероятно, что подобные идеи заложил в нем его отец: «– Стая гиен, – заметил папа. – Британцы вели бы себя достойней. Люди погибли, между прочим! Вот вам разница между нами и ними. Только посмотрите на них!» [1, с. 141].

Выбрав в качестве места действия небольшую деревушку на западе Англии в период 1980-х гг., автор создает атмосферу напряженности и противостояния. Колкие замечания отца по поводу противника Британии, а также пренебрежительные слова Джейсона о военных силах Аргентины лишь усиливают эффект, которого пытался достичь Д. Митчелл.

Одним из самых «атмосферных» мест романа можно по праву считать дом в чаще, где живет кисломордая старуха: «У дома четыре окна и труба, совсем как дети обычно рисуют домик. Его окружает кирпичная стена в мой рост, а одичавшие кусты вымахали еще выше» [1, с. 12].

В начале книги, когда местные дети играют вокруг замерзшего озера, окружающие их леса кажутся огромными и потусторонними. Именно возле этого леса, по мнению главного героя, обитает призрак утонувшего мальчика, которого так боится Джейсон. Опушка леса у озера – словно место действия какой-либо из сказок братьев Гримм: жуткая, темная и полная мистики. Включая в свой роман описание столь жуткого места, Д. Митчелл пытается вызвать у читателя страх и чувство предвкушения чего-то крайне опасного. Создается атмосфера мрака и уныния. Концепция Джейсона о лесах как месте ужаса и страха лучше всего раскрыта в главе под названием «Верховая тропа». Для Джейсона верховая тропа – крайне удивительное место, полное всевозможных тайн. Она выступает как своеобразный вызов его смелости. Это также явно из его фразы, сказанной перед тем, как он решился пройти ее до конца: «Я пройду по верховой тропе до ее загадочного конца, где бы он ни был» [1, с. 100].

Поскольку «Лужок Черного Лебедя» – роман о взрослении и становлении личности, то взаимоотношения между героями являются важным пунктом в создании «атмосферности» романа. У семьи Джейсона большие проблемы. Что-то явно происходит между его родителями, но что именно, герой не понимает. Майкл Тейлор, его догматичный и в каком-то смысле безответственный отец – вспыльчивый руководитель среднего

звена сети супермаркетов. Мать Джейсона, Хелена, проявляет хоть какую-то активность в воспитании детей лишь после того, как ее приглашают управлять успешной галереей дизайна и магазином друга. Его старшая сестра, Джулия, называет его «тварь», что говорит о её не лучшем отношении к брату: «– А куда, интересно, девался шоколадный апельсин? А, Тварь?» [1, с. 7].

Аспект взаимоотношений в семье является очень важным в становлении человека как личности. Показывая читателю ссоры между героями, автор создает атмосферу напряженности, а где-то даже жалости к каждому из членов данной семьи: отец занят лишь своими проблемами, мать подозревает отца в неверности и часто не может думать ни о чем другом, а дети же предоставлены сами себе.

Как отмечалось ранее, данный роман раскрывает идею взросления и становления человека как личности. Именно поэтому основным аспектом создания «атмосферности» можно считать литературного героя Джейсона Тейлора, мальчика на котором строится весь роман. Личность главного героя крайне интересная, так как мальчик имеет три альтер эго – Висельник, который являет собой заикание; Нерожденный близнец, выступающий в качестве друга Джейсона и иногда служащийего совестью; и Элиот Боливар, псевдоним который мальчик использует для публикации своих стихов.

Категория запахов, которая, безусловна, имеет отношение к созданию «атмосферности» хоть и не ярко, но все же отражена в данном романе. Благодаря описанию запахов мест или персонажей, действия героев произведения воспринимаются как более реальные, близкие для читателя; запахи помогают лучше прочувствовать произведение. В большинстве случаев запах также способствует созданию правильного образа персонажа без описания его как такового.

Кабинет строгого и властного отца обладает своим особенным запахом: «В папином кабинете пахнет фунтовыми банкнотами – бумажный и одновременно металлический запах» [1, с. 2]. Автор довольно точно смог описать запах денег, благодаря чему читателю становится намного проще «ощутить» его и прочувствовать атмосферу «серьезности». Металлический запах указывает на жесткий характер отца и подчеркивает его слова о том, что в кабинет нельзя заходить ни в коем случае.

В главе «Верховая тропа», после жестоко конфликта между двумя его знакомыми, Джейсон Тейлор говорит о том, что «ненависть пахнет старыми сгоревшими фейерверками» [1, с. 108]. Используя сравнение ненависти со старыми сгоревшими фейерверками, автор пытается донести всю суть столь страшного чувства.

Стоит отметить, что автор практически не использует аспект цвета как один из способов создания «атмосферности» романа. К примеру, аспекты погоды и главного героя выражены намного ярче и создают поистине уникальные образы в романе. Однако, несмотря на то, что данный аспект не выражен в полной мере, мы все же можем проанализировать редкое упоминание того или иного цвета в романе.

Черный цвет является самым часто встречающимся в романе, он содержится даже в названии произведения и, соответственно, в наименовании места, где живет главный герой. Еще Гомер в своих трудах отмечал, что черный цвет всегда являет собой нечто негативное: смерть, боль, страх.

Роман «Лужок Черного Лебедя» не стал исключением – здесь упоминание черного цвета также создает атмосферу испуга, а иногда и паники. Когда Джейсон становится свидетелем «смерти» старухи, он описывает как ее «изработанные глаза распахиваются, словно кукольные – черные, стеклянистые, испуганные. Из черного провала рта вылетает молния» [1, с. 33].

Читатель уже знает, что Джейсон безумно испугался мрачной старухи, и подобное описание ее смерти определенно имеет негативный оттенок. Во многих произведения древней литературы черными глазами наделялись демоны, чудовища и прочие жуткие существа. Описывая глаза пожилой женщины как черные и стеклянные, автор подчеркивает страх, который испытал мальчик, а также мрачный образ старухи.

Также можно отметить употребление красного цвета как символа власти. К примеру, телефон отца был красным, а отец для Джейсона – это пример властности и жесткости: «Телефон у папы в кабинете красный, как будто аппарат экстренной связи у какого-нибудь президента» [1, с. 5].

Стоит также отметить употребление белого цвета в романе как символа радости, чистоты и покоя. Еще французский писатель Ф. Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» отмечает белый цвет как противоположность черному, добро как антипод злу. В случае с «Лужком Черного Лебедя», Джейсон характеризует свою учительницу миссис де Ру как обладательницу дара белой магии, как единственную спасительницу от «Висельника»: «Я почуял белую магию миссис де Ру, но не смел надеяться на спасение» [1, с. 56].

Таким образом, в романе «Лужок Черного Лебедя» «атмосферность» достигается при помощи описания погоды, природы и пор года, места действия, взаимоотношений между героями, запаха и цвета. Каждый аспект в романе передан очень четко, однако, следует отметить, что аспект

цвета является наименее выраженным, что, впрочем, не сказывается на «атмосферности» романа. Д. Митчелла «Лужок Черного Ледебя».

Библиографические ссылки

1. Митчелл Д. Лужок Черного Лебедя. М. : Эксмо, 2013. 480 с.

АНДРОНІМЫ ЯК НАЦЫЯНАЛЬНА ВЫРАЗНЫЯ СПОСАБЫ НАМІНАЦЫІ ПЕРСАНАЖАЎ У МОВЕ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

В. Р. Слівец
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна
Мазыр, Беларусь
e-mail: kovsharolga@tut.by

У артыкуле разглядаюцца андронімы як нацыянальна выразныя спосабы намінацыі персанажаў літаратурных твораў. Праводзіцца структурна-семантычны аналіз дадзенай групы анамастычных адзінак. Вызначаюцца ідэйна-вобразныя асаблівасці іх функцыянавання ў кантэксце мастацкага тэксту.

Ключавыя словы: антрапонім; антрапанімікон; андронім; асабовае імя; мянушка; прозвішча; псеўданім; кантэкст.

ANDRONYMS AS A NATIONAL EXPRESSIVE MEANS OF CHARACTER NOMINATION IN THE LANGUAGE OF FICTION

V. R. Slivets
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Belarus
e-mail: kovsharolga@tut.by

The article deals with andronyms as a national expressive means of character nomination in literary works. The author analyzes semantic structure of these onomastic units. Idea- and image-bearing peculiarities of their usage in the context of a literary text are determined.

Key words: anthroponym; andronym; forename; nickname; surname; pseudonym; context.

Онімы, як і іншыя лексічныя адзінкі, дзякуючы кумулятыўнай функцыі мовы, выступаюць у якасці фіксатараў, носьбітаў ведаў, экстралінгвістычнай інфармацыі, адлюстроўваючы нацыянальныя асаблівасці пэўнай лінгвакультурнай супольнасці. Так, напрыклад, для беларускай назыўной традыцыі характэрна функцыянаванне ў грамадстве (пераважна ў народна-дыялектным маўленні) спецыфічных генесіянімічных (сямейна-родавых) мянушак-празванняў, сярод якіх выразна вылучаюцца *андронімы* – найменні жанчын, утвораныя ад імёнаў, прозвішчаў ці мянушак іх мужоў.

Даследчыкамі выяўлена, што андронімы як адзін са спосабаў намінацыі і дадатковай характарыстыкі жанчын шляхам указання на імя мужа ў архіўных дакументах сустракаюцца з XVII ст. Звычайна яны ўтвараліся пры дапамозе фармантаў *-іха / -ыха, -ова / -ава, -іна* (напрыклад, удава *Паломіха*, Кацярына *Тумасава*). Заўважана, што ў апелятыўнай лексіцы суфікс *-іх- / -ых-* утварае назвы асоб жаночага полу па іх занятках ці прафесіі або назвы асоб, якія з'яўляюцца жонкамі тых, хто названы ва ўтваральнай аснове, а гэта ўказвае на спецыфічнасць і традыцыйнасць формаў найменняў такога тыпу [1, с. 23].

На аснове дыялектных лексікаграфічных і этналагічных крыніц Н. Сівіцкая прасачыла, што такія народныя спосабы ідэнтыфікацыі замужніх жанчын з'яўляюцца свайго роду паказчыкамі сацыяльнага дабрабыту шлюбу. Напрыклад, паводле назіранняў даследчыцы, якія праводзіліся ў вёсках Глыбоцкага раёна, андронімы, утвораныя пры дапамозе прыналежных фармантаў *-ова / -ава (Іванава* Стася, *Мішава* Надзя, *Петрачкова* Анця), выкарыстоўваліся ў адносінах да тых жанчын, шлюб якіх, на думку грамадскасці, быў удалы. Як лічыць Н. Сівіцкая, «падобныя найменні маркіравалі не толькі статус жанчыны ў сям'і і грамадзе, але і з'яўляліся паказчыкам сацыяльнага становішча мужчыны і яго самадастатковасці. Жанчыны, у якіх муж адрозніваўся тымі ці іншымі псіхафізічнымі асаблівасцямі, адмоўнымі маральнымі якасцямі, альбо ўдовы іменаваліся па наступнай мадэлі: прозвішча мужа плюс дэрыват -ых (-іх) – Пачопчыха (ад прозвішча Пачопка), Будчыха (ад прозвішча Будзько), Кастыліха (ад прозвішча Кастыль)» [2, с. 241].

Нацыянальная і рэгіянальная маркіраванасць такіх антрапанімічных адзінак абумовіла і іх шырокае ўжыванне пісьменнікамі ў творах мастацкай літаратуры. Такія спецыфічныя онімы, якія «выразна перадаюць нацыянальную назыўную традыцыю, характэрную для сялянскага анамастыкону» [3, с. 157], у мове літаратурных твораў вылучалі С. Бут-Гусаім, М. Дзядок, В. Струкаў, В. Шур, Г. Юдзянкова і інш. навукоўцы. На аснове прааналізаванага анамастычнага матэрыялу з мастацка-біяграфічных твораў В. Карамазава, В. Коўтун, А. Лойкі, А. Мальдзіса намі былі зафіксаваны андронімы з наступнымі антрапаасновамі:

1) асабовае мужчынскае імя: *Лукаш → Лукаш-ых-а:* «Бласлаўляеш яго ты, маці Францішкава, жонка Лукаша – Лукашыха, якая набожна малілася ў бернардзінцаў і якія вучылі Скарынічавага сына пісьмёнам зусім не такім, якія цяпер перад ім красуюцца?» [4, с. 31]. Адносна прыведзенага прыкладу заўважым, што ў рамане-эсэ А. Лойкі «Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае» гэты онім выкарыстоўваецца для намінацыі маці нашага знакамітага першадрукара, імя якой да нашага ча-

су не захавалася. На гэтым гістарычным факце акцэнтуе ўвагу і сам аўтар, прыводзячы ў якасці эпіграфа-прысвячэння да твора наступныя словы: «Усім маці кругу светлага паднябеснага, імёны якіх сёння людзям невядомыя, ды імёнамі сыноў якіх землі розных куткоў кругу паднябеснага славіцца не перастануць». Улічыўшы асаблівасці беларускай назыўной традыцыі і тыповасць формаў такіх найменняў, А. Лойка ўзнавіў «імя» маці Скарыны, не адышоўшы ад рэальнасці фактаў.

2) прозвішча:

а) *Ісаёнак → Ісаёнч-ых-а, Луцэвіч → Луцэвіч-ых-а, Гармаш → Гармаш-ых-а, Талочка → Талочч-ых-а, Дайнаровіч → Дайнаровіч-ых-а, Радзівіл → Радзівіл-іх-а:* «…і толькі ў Марыі, у Ісаёнчыхі, як яе называлі ў вёсцы, буяла, не зважаючы на халады, бабіна лета» [5, с. 118]; «– Божжачка! Мой Дайнаровіч нізавошта не пойдзе! – Дайнаровічыха ўспрымала пажар ледзь не ў прамым сэнсе» [6, с. 407];

б) *Караткевіч → Караткевіч-ав-а, Кіркор → Кіркар-о́в-а, Дамейка → Дамейк-ав-а, Ажэшка → Ажэшк-ав-а, Кайрыс → Кайрыс-ов-а:* «Тым больш не нерушшу быў Караткевічу Слонім, бо яго Валянціна [жонка У. Караткевіча – Валянціна Браніславаўна Нікіціна. – В. С.] з Кулагіным везлі мне манаграфію пра Слонім, імі напісаную і Караткевічам чытаную, бо ён быў сталым рэдактарам кніг Караткевічавай» [7, с. 109]; «Цяпер жа вы мне павінны паказаць паню К-кіркарову, ну, М-маеўскую [жонка А. Кіркора – Гелена Маеўская. – В. С.]» [6, с. 360].

У кантэксце мастацкага твора андронімы з суфіксамі *-іх- / -ых-* (у параўнанні з такімі ж генесіянімічнымі адзінкамі, але з фармантам *-ова /-ава)* набываюць дадатковую канатацыю, могуць адлюстроўваць пагардліва-зневажальнае стаўленне пэўных персанажаў да носьбіта мянушкі-празвання і падкрэсліваюць гутаркова-побытавы характар маўлення: «Гармашыха, мусіць, зашылася на палок, за дзяружку» [6, с. 271]; «– Ні за якія скарбы не сяду ў гэну гаргару! Яшчэ ўзарвецца! – гнула сваё старая Дайнаровічыха» [6, с. 354].

3) мянушка: *Кісляк → Кісляч-ых-а, Крапіва → Крапів-іх-а, Луцэўчык → Луцэўч-ых-а.* Аднак пра словаўтварэнне першых двух з прыведзеных прыкладаў і вызначэнне іх як андронімаў можна гаварыць даволі ўмоўна. *Кіслячыха* – персанаж апавядання, напісанага В. Бялыніцкім-Бірулям, якое В. Карамазаў уводзіць у змест сваёй аповесці «Крыж на зямлі і поўня ў небе». Улічваючы кантэкст твора і марфемную структуру гэтага антрапоніма, можна аднесці яго да андронімаў, хоць утваральная аснова гэтага дэрывата дакладна не вядома: «Гэтак вітала нас Кіслячыха з вёскі Вашывая Горка, косячы ўскрай махавога балота» [8, с. 201].

Крапівіха на самай справе з'яўляецца адным з псеўданімаў А. Пашкевіч, утвораным па тыпу андраніма, які ўзгадвае В. Коўтун у прадмове да свайго гісторыка-дакументальнага рамана «Крыж міласэрнасці». Відавочна, што за аснову гэтага антрапоніма ўзяты апелятыў *крапіва − травяністая расліна сямейства крапіўных з тонкімі пякучымі валаскамі на сцябле і лісці,* што падкрэслівае сатырычны пафас твораў, якія падпісвала А. Пашкевіч гэтым псеўданімам (параўн.: псеўданім вядомага беларускага байкапісца і сатырыка К. К. Атраховіча – Кандрат Крапіва). Такі псеўданім-андронім надае аўтарцы «статус замужняй жанчыны», на што ўказвае суфікс *-іх-*, і тым самым для чытача стварае ілюзію «сталасці», «аўтарытэтнасці» яго носьбіта: «Табе, Крапівісе (людзі чамусьці заўсёды бачылі Цябе старэйшую за гады), амаль пасля кожнага спектакля вясёлы прыгажун Ігнат Буйніцкі заклапочана клаў на разгарачаны лоб халодную руку» [9, с. 5].

Андронім *Луцэўчыха* ў тэксце рамана-эсэ А. Лойкі «Як агонь, як вада…» ўжываецца паралельна з андронімам *Луцэвічыха*, якімі аўтар называе маці Янкі Купалы – Бянігну Іванаўну Луцэвіч. Аднак празванне *Луцэвічыха* ўтворана непасрэдна ад прозвішча яе мужа – ДамінікаАнуфрыевіча Луцэвіча, а варыянт *Луцэўчыха* – ад яго мянушкі-празвання *стары Луцэўчык*: «Стары Луцэўчык, як называлі бацьку Яся іншыя арандатары, звычайна паўтараў…» [10, с. 28]; «Калелі – Вішня, у якое былі вяночкам рожкі, цёлка-пярэзімак з доўгімі светла-залацістымі расніцамі, якімі так любіла любавацца Луцэвічыха. <…> Люта – наравістая, самая краса з кароў арандатаршы Луцэўчыхі, высокая, зграбная» [10, с. 57];

4) псеўданім: *Купала → Купал-іх-а:* «Было позна, калі дзядзька Амброжык развітваўся з Купалам і Купаліхай [Уладзіслава Францаўна Луцэвіч (Станкевіч). – В. С.]…» [10, с. 318]. Пад гэтым празваннем Уладзіслава Францаўна таксама часта ўзгадваецца, напрыклад, ў перапісцы Я. Коласа з М. Лыньковым і інш., што гаворыць аб шырокім яго бытаванні ў асяроддзі творчай інтэлігенцыі.

Такім чынам, выкарыстанне ў творах мастацкай літаратуры генесіянімічных мянушак-празванняў для ідэнтыфікацыі персанажаў прадыктавана нацыянальнымі традыцыямі рэальнага антрапанімікону, што надае такім намінатыўным адзінкам лінгвакультуралагічны патэнцыял, а асаблівая пільнасць аўтараў прааналізаваных твораў да дакладнага іх ўжывання непасрэдна абумоўлена прынцыпамі біяграфізму і дакументалізму, якія пакладзены ў аснову гісторыка- і мастацка-біяграфічнай прозы.

Библиографические ссылки

1. Беларуская антрапанімія: вучэбны дапаможнік / Г. М. Мезенка [і інш.]. Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2009. 254 с.
2. Сівіцкая Н. Уплыў гендарных стэрэатыпаў і міфалагічных уяўленняў на фармаванне беларускіх народна-дыялектных назваў асобы // Шосты Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі: Працоўныя матэрыялы. Kaunas : Vytautas Magnus University Press, 2017. Том 6. С. 238–241.
3. Шур В. Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія. Мазыр : Выснова, 2018. 355 с.
4. Лойка А. Францыск Скарына, або Сонца Маладзіковае: Раман-эсэ. Мінск : Маст. літ., 2009. 366 с.
5. Карамазаў В. Пад крыжам: кніга прозы. Мінск : Кнігазбор, 2017. 144 с.
6. Мальдзіс А. В. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі: эсэ; Восень пасярод вясны: аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў. Мінск : Маст. літ., 2009. 479 с.
7. Лойка А. Уладзімір Караткевіч, або Паэма Гарсія Лойкі // Уладзімір Караткевіч: вядомы і невядомы: зборнік эсэ, вершаў, прысвячэнняў / уклад. А. Верабей, М. Мінзер, С. Панізнік. Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. С. 5–133.
8. Карамазаў В. Крыж на зямлі і поўня ў небе: Эскізы, эцюды і споведзь Духу, альбо Аповесць-эсэ жыцця жывапісца і паляўнічага Бялыніцкага-Бірулі. Мінск : Юнацтва, 1991. 204 с.
9. Коўтун В. Крыж міласэрнасці. Мінск : Маст. літ., 1996. 493 с.
10. Лойка А. Як агонь, як вада…: Раман-эсэ пра Янку Купалу. Мінск : Маст. літ., 1984. 486 с.

«НАТУРАЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ ПАМЕРЛЫХ» Э. ХЕМІНГУЭЯ ЯК МЕТАФАРА ЧАЛАВЕЧАГА БЫЦЦЯ XX СТ.

З. І. Трацціяк
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт
Полацк, Беларусь
e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

У артыкуле комплексна разглядаецца спадчына лаўрэата Нобелеўскай прэміі Э. Хемінгуэя. На прыкладзе яго мастацкіх твораў, лістоў, журналісцкіх замалёвак пацвярджаецца наяўнасць скразной для творчасці пісьменніка ідэі аб «натуральнай гісторыі памерлых».

Ключавыя словы: Э. Хемінгуэй; вайна-кантынуум; «натуральная гісторыя памерлых»; творчая індывідуальнасць.

E. HEMINGWAY'S 'NATURAL HISTORY OF THE DEAD' AS A METAPHOR OF HUMAN EXISTENCE IN THE 20TH CENTURY

Z. Tratsiak
Polotsk State University
Polotsk, Belarus
e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

The article examines the complex legacy of the Nobel Prize winner Ernest Hemingway. The example of his literary works, letters, journalistic sketches confirmed the presence of anoverarching for the writer idea of the 'Natural History of the Dead'.

Key words: E. Hemingway; continuous war; 'Natural History of the Dead'; creative individuality.

На сённяшні дзень складана ўявіць амерыканскі літаратурна-мастацкі працэс XX ст. без спадчыны Э. Хемінгуэя. Яго досвед, набыты пад час удзелу ў розных узброеных канфліктах, адмысловыя прынцыпы і прыёмы аповеду пра катастрафізм эпохі дазволілі пісьменнікузаглыбіцца ў псіхалогію персанажа, які апынуўся ў плыні навалы-кантынуума. Акрамя таго, празаік, узмацніўшы ролю падтэксту, звярнуўшыся да прытчавасці аповеду, змяніў ролю чытача, які атрымаў магчымасць стаць суаўтарам, вольным інтэрпрэтарам напісанага.

Э. Хемінгуэй знайшоў трапнае вызначэнне быцця чалавецтва ў першай палове XX ст. У аднайменным эсэ (*A Natural History of the Dead*, 1932) з'явілася думка пра «натуральную гісторыю памерлых». Мастак слова не падаўгісторыю цывілізацыі выключна ў змрочных фарбах, тым не менш ён паслядоўна сцвярджаў, што сучаснае яму існаванне звязана са смерцю, што ўспрымалася не толькі як усюдыісная, бязлітаснанепасбежная ці гераічная-ахвярная, але ігвалтоўная, вычварнажорсткая,абсурдная, масавая і дэсакралізаваная. Прыметнік «натуральны» падкрэсліў будзённасць гэтай з'явы дляасобы, выхаванай у плыні бясконцай татальнайузброенай барацьбы. Э. Хемінгуэй уразіўся абыякавасцю, з якой людзі адносіліся да смерці, што ўжо не выклікала эмоцый.

Амерыканскі пісьменнік падвёў апавядальніка і чытачоў да высновы, што смерць – не заўсёды выключна катастрофа-знікненне чалавека, а часцей за ўсё «найлепшыя лекі ад любога ліха» ("death is a sovereign remedy for all misfortunes") [1, с. 104] асабліва ў надзённай яму грамадскапалітычнай сітуацыі, дзе прыходзілася ахвяраваць індывідуальнасцю, прыпадабняцца да масы, варожай кожнаму, хто спрабаваў адасобіцца ад яе. Таму пісьменнік прапаноўваў прыняць смерць як «непазбежную рэчаіснасць» (*unescapablereality*) [1, с. 266] і не падаўляць думкі пра нябыт, а, наадварот разважаць пра іншасвет, шукаць маральныя сілы, каб

падступіцца да тэмы, што звычайна асацыявалася выключна з жахам і сорамам. Празаік пераконваў, што ў такіх разважаннях няма нічога ганебнага ці ненатуральнага.

Творчасць празаіка ўяўляе «кампендыум», дзе згадваюцца самагубства з нагоды сямейных праблем («Індзейскае паселішча», «Па кім звоніць звон»), смерць на карыдзе («Смерць пасля поўдня», «Непераможаны») ці з прычыны нейкай недарэчнасці пад час палявання («Снягі Кіліманджара», «Кароткае шчаслівае жыццё Фрэнсіса Макомбера»), сыход у нябыт у шпіталі («Бывай, зброя!»), заканчэнне жыцця ў сувязі з невылечнай хваробай («За ракой у цені дрэў»), пакаранне за палітычныя погляды (міністры з віньеткіў зборніку «У наш час»), выкананне прысуду (Сэм Кардынэла ў зборніку «У наш час»), узаемавынішчэнне пад час Грамадзянскай вайны («Па кім звоніць звон»), забойства цывільных і вайскоўцаў на сусветнай вайне («Фіеста», «Бывай, зброя!», «Астравы ў акіяне» і інш.), геданістычнае самаразбурэнне («Фіеста»).

Э. Хемінгуэй прэпараваў свядомасць сваіх персанажаў, пастаўленых перад тварам смерці. У сувязі з настолькі спецыфічным мастацкім матэрыялам пісьменнік выпрацаваў маральна-этычны кодэкс, які распаўсюджваўся і на самога празаіка (ён жа спрыяў грамадскаму ўкараненню легенды пра Хемінгуэя, здольнага вытрымаць прыпасеныя жыццём выпрабаванні), і на яго персанажаў. У савецкай навуковай літаратуры кодэкс атрымаў некалькі назваў: «стаічная мужнасць» [2, с. 143], «стаічная вытрымка» [3, с. 91]. Сам аўтар называў яго “grace under pressure”. Прымаючы смерць як нешта натуральнае («Цябе проста кідаюць у жыццё і гавораць правілы, і ў першы ж раз, калі схопяць знячэўку, цябе заб’юць»[2] [4, p. 267]), герой кодэкса імкнуўся не скарыцца перад абставінамі і захаваць чалавечае аблічча. Падобныя дзейныя асобы пакутавалі ад сваіх адкрыццяў, бо яны «заўважылі заняпад таго, што некалі здавалася бясспрэчнай ісцінай: рэлігіі, інтымных чалавечых зносін, культурнай і сацыяльнай іерархіі» (“register the decay of what once have seemed fundamental verities: religion, intimate human relations, hierarchies of culture and class”) [5, с. 57]. Кінутыя ў жорсткі сусвет, персанажы шукалі збавенню творчасці, яднанні з прыродай, сяброўстве, каханні, бо перманентныя разважанні пра сыход у нябыт адмоўнаадбіваліся на іх псіхічным стане. Э. Хемінгуэй падкрэсліваў, наколькі складана было яго дзейным асобамдзесяцігоддзі «балансаваць на мяжы цвярозага розуму і вар’яцтва,

[2] “They threw you in and told you the rules and the first time they caught you off base they killed you”.

рэальнасці і ўяўнасці» (“an individual who is poised on the borderline of sanity and insanity, reality and unreality”) [6, с. 117].

У выпадку з героямі кодекса (ад Ніка Адамса да Тома Хадсана) адзінота ператваралася ў філасофскі прынцып жыцця, асабісты падыход да прыняцця смерці і стварэння ўгрунтаванай у персанальны вопыт «натуральнай гісторыі памерлых». Нягледзячы на прагу інтымных зносін, падобны персанаж усведамляў, што значныя падзеі і думкі патрабуюць канцэнтрацыі выключна на ўласнай персоне. Акрамя таго, сяброўства і каханне ў часы навалы-кантынуума паўставалі як рызыка ці непамерная раскоша, а хемінгуэўскія героі спачатку не імкнуліся ахвяраваць сваімі фізічнымі і духоўнымі сіламі ў імя іншых.

Пішучы «натуральную гісторыю памерлых», Э. Хемінгуэй не мог не звярнуцца да хрысціянства, якое некалі давала больш-менш вычарпальнае тлумачэнне сэнсу жыцця і смерці. Мастак слова падкрэсліў: «нішто» (nada) пасля Першай сусветнай стала аб’ектам адмысловага рэлігійнага шанавання, замяніла каштоўнасці мінулага. Можа таму ў апавяданні «Месца, дзе чыста і светла» празаік прысвяціў паняццю наступнуюнадзённую пераніцоўку вядомай малітвы: “Our nada who art in nada, nada be thy name thy kingdom nada thy will be nada in nada as it is in nada”[3] [7, с. 355]. Пісьменнік выказаў пачуццё экзістенцыйнай разгубленасці ва ўмовах, калі абсурд, жорсткасць і бессэнсоўнасць любога дзеяння ці ўчынка дамінавалі ў быцці заходняй цывілізацыі. Э. Хемінгуэй імкнуўся астудзіць апантаных рамантыкаў і патрыётаў кажучы, што «ўсялякія там “offratellanza” і “abnegazione”» («братэрства» і «самааданасць») [8, с. 245] не маглі вытлумачыць смерць чалавека на полі бою ці ў шпіталі. Аўтар смела інтэрпрэтаваў ідэю «дэкампазіцыі, дэканструкцыі чалавека, якая мела на мэце разбурэнне … магіі ўзвышанага і цудоўнага. Іх месца займалі брутальнае і ганебнае» [9, с. 25−26]. Брутальнае і ганебнае патрабавалі новых моўных сродкаў увасаблення, бо Э. Хемінгуэй не жадаў паступіцца праўдзівай атмасферай эпохі дзеля сумніўнай «раманічнасці». «Раманічным» (*picturesque*) празаік лічыў адлюстраванне падзей першай паловы XX ст. з дапамогай рыторыкі мінулай (састарэлай) літаратурнай традыцыі, пераасэнсаваць-абвергнуць якую – адна з галоўных творчых задум пісьменніка.

Сімптаматычна, што «амаль у кожным творы малой [ды і вялікай. – З. Т.] формы Хемінгуэя пададзена некалькі асноўных апавядальных

[3] “Войча нішто, да свяціцца нішто тваё, да прыйдзе нішто тваё, да будзе нішто тваё, як нішто і ў нішто”.

манер: амаль механічная фіксацыя падзей і запіс дыялогаў, якія спалучыліся з дзіцячым ці прымітыўным пісьмом, а таксама з навуковым ці спецыяльным стылем, які патрабаваў дакладнасці словаў і выразаў» [10, с. 752]. Гэтыя аповедавыя стратэгіі дазвалялі пісьменніку рознабакова разгледзець асноўныя «раздзелы» «натуральнай гісторыі памерлых», якія то паўставалі як він'еткі-імпрэсіі («У наш час»), то набывалі выгляд апавяданняў, дзе дамінаваў «прынцып айсбергу» («Салдацкі дом», «Кошка пад дажджом», «Стары на мосце», «Не ў сезон»), то прымалі форму дапасаванага да патрэб новай эпохі «рамана выхавання» («Бывай, зброя!»), то стылізаваліся пад адмысловы падручнік па гісторыі «страчанага пакалення» («Фіеста») ці кнігу, прысвечаную філасофіі і эстэтыцы карыды («Смерць пасля поўдня»).

Паралельна са стварэннем «натуральнай гісторыі памерлых» Э. Хемінгуэй займаўся мастацкім увасабленнем навалы-кантынуума, што жывіла тую гісторыю. У выніку доўгатэрміновых назіранняў аўтар заўважыў, што ў XX ст. «у войнах больш не перамагалі. Магчыма, яны цягнуліся заўжды» *(wars weren't won any more. Maybe they went on forever)* [4, с. 126]. Да 1939 г. пацвердзілася яго думка, што Першая сусветная выклікала да жыцця фашызм у Італіі і нацызм у Германіі. Іх існаванне прадказала новае татальнае супрацьстаянне, якое, паводле Э. Хемінгуэя, магло выкрэсліць яшчэ дзесяць год з гісторыі чалавецтва. Думку пра вайну-кантынуум аўтар распаўсюдзіў і на асабістае жыццё персанажаў, якія зазналі на сабе ўплыў адчужэння чалавека ад сабе падобных.

Заўважым, што існаваў цэлы шэраг мастацкіх прынцыпаў і прыёмаў, якія дазволілі Э. Хемінгуэю знітаваць сваю прозу ў адно цэлае. М. Каўлі прапанаваў разглядаць лёсы яго персанажаў, як «аспекты адной і той жа асобы, будзе гэта Нік Адамс, ці Фрэдэрык Генры, ці Джэйк Барнс», ці нават Роберт Джордан [11, с. 250]. У такім выпадку прыгоды гэтага адмысловага героя пачаліся ў Мічыгане, дасягнулі першага кульмінацыйнага моманту на мосце пад Капарэта: лейтэнант Генры трапіў у ваенны трыбунал, але пазбегнуў кары. Гэта «асоба» зноў трывала выпрабаванне ў рамане «Па кім звоніць звон». У дадзеным выпадку яна не здаволілася «сепаратным мірам», вытрымала наканаванае і здолела прыняць смерць у імя іншых. Пазней Э. Хемінгуэй («За ракой у цені дрэў») прапанаваў яшчэ адну альтэрнатыву жыццёвага шляху ўсё той жа дзейнай асобы: Рычард Кантуэл захаваў жыццё на абедзвюх сусветных войнах, зведаў заганы чалавечай прыроды, шмат зрабіў для напісання ўласнай «натуральнай гісторыі памерлых», дзе знайшлося месца кожнай праяве смерці, некалі пабачанай яе аўтарам-вайскоўцам. «Наш час», па

думку творцы, не меў нічога агульнага з гераічным, рамантычным, узнёслым і пафасным. Гэтыя катэгорыі дэвальвавaліся ў плыні сусветных войн і лакальных канфліктаў.

Э. Хемінгуэй паслядоўна шукаў слоўныя сродкі ўвасаблення вопыту персанажа, які існаваў у плыні навалы-кантынуума. На думку В. Талмачова, «вока, вуха, усё сэнсорнае “працавала”, але асэнсаванне … успрынятага было замаруджаным» [12, с. 336]. У моўнай плыні такая рэакцыя на войны і рэвалюціі, праблемы ў асабістым жыцці прымала форму простых сказаў, у якіх дамінавала нейтральная ці спрошчана лексіка. На думку амерыканскага празаіка, выкарыстанне табуіраванай лексікі дзеля аповеду пра навалу-кантынуум ці напісання «натуральнай гісторыі памерлых» было непазбежным, але яна – выразнік думак уніфікаванай масы, якой супрацьпастаўляўся персанаж-творца, што паўстаў як адмысловы “alteregо” аўтара. Вонкавы прымітывізм аповеду хаваў магчымасці для паглыблення ў кантэкстуальнае.

Улічваючы тое, што творчасць Э. Хемінгуэя ўяўляе адмысловую мастацкую сістэму, адзначым, што яе еднасць дасягалася дзякуючы шэрагу аспектаў. На ідэйна-тэматычным узроўні вылучаюцца разважанні пра «навалу-кантынуум» і «натуральную гісторыю памерлых», што, на думку пісьменніка, найбольш адэкватна характарызавалі грамадскае жыццё першай паловы XX ст. Аўтар скрупулёзна занатоўваў розныя праявы смерці, каб падкрэсліць, што, па-першае, сыход у нябыт дэсакралізаваўся, а па-другое, чалавек, які перажыў безліч выпрабаванняў звычайна абыякава ставіўся да смерці. На моўна-стылёвым узроўні на сябе звяртае ўвагу «прынцып айсберга», які патрабаваў увагі да падтэксту і слоўнага ўвасаблення занатаванага. Празаік па-магчымасці не дазваляў узнёслай лексіцы мінулых часоў з’яўляцца на старонках яго кніг. Калі такія моўныя адзінкі траплялі ў аповед, яны гучалі іранічна, бо іх пафас не адпавядаў сапраўднай атмасферы вайны, рэвалюцыі, грамадзянскага супрацьстаяння і інш. Стварэнне вобразу «навалы-кантынуума» запатрабавала адмысловага скразнога персанажа. Надзелены рознымі імёнамі і лёсамі, ён вызначаўся светапогляднай пазіцыяй, заснаванай на «стаічнай непахіснасці».

Библиографические ссылки

1. Hemingway E. Death in the Afternoon. New York : Charles Scribner’s Sons, 1960. 487 p.
2. Топер П. Ради жизни на земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои : Монография. М. : Советский писатель, 1985. 656 с.
3. Кашкин И. Эрнест Хемингуэй. Критико-биографический очерк. М. : Художественная литература, 1966. 295 с.

4. Hemingway E. A Farewell to Arms. New York : Charles Scribner's Sons, 1929. 355 p.
5. Sherry V. The Great War and the Language of Modernism. Oxford : Oxford University Press, 2003. 395 p.
6. Donaldson S. Hemingway and Fame // The Cambridge Companion to Hemingway. New York : Cambridge University Press, 1999. P. 1–15.
7. Hemingway E. A Clean, Well-Lighted Place // First Forty-Nine Stories. Second Impression. London: Jonathan Cape, 1946. PP. 351–355.
8. Hemingway E. In Another Country // First Forty-Nine Stories. Second Impression. London : Jonathan Cape, 1946. P. 243–248.
9. Солонин Ю. Эрнст Юнгер: от воображения к метафизике истории // Э. Юнгер В стальных грозах. СПб. : Владимир Даль, 2000. С. 11–34.
10. Балдицин П. Американский рассказ // История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. Том VI, книга 1 / редкол.: Я. Засурский (гл. ред.) [и др.]. М. : ИМЛИ РАН, 2013. С. 728–783.
11. Каули М. Папа и отцеубийцы // Дом со многими окнами. М. : Прогресс, 1973. С. 244–256.
12. Толмачёв В. Эрнест Хемингуэй // История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. Том VI, книга 1 / редкол.: Я. Засурский (гл. ред.) [и др.]. М. : ИМЛИ РАН, 2013. С. 309–364.

РАЗДЕЛ 5
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИНГВИСТА-ПЕРЕВОДЧИКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

ПЕРЕВОДНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

О. Н. Голубкова
Севастопольский государственный университет
Севастополь, Россия
e-mail: ongolubkova@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы переводной множественности и сопоставляются особенности разных вариантов переводов, выполненных как одновременно, так и в исторической перспективе. Делается вывод о том, что переводная множественность обогащает отечественную литературную традицию, позволяет углубить понимание оригинала, удовлетворить потребности разных читательских кругов, а также намечает пути дальнейшего переводческого освоения художественного произведения.

Ключевые слова: художественный перевод; оценка качества перевода; переводная множественность, вариативность перевода.

TRANSLATION PLURALITY AS A MEANS OF IMPROVING THE TRANSLATION QUALITY OF ARTISTIC WORKS

O. N. Golubkova
Sevastopol State University
Sevastopol, Russia
e-mail: ongolubkova@gmail.com

The article discusses the issues of translational plurality and compares the features of different versions of translations made both simultaneously and in a historical perspective. It is concluded that translation plurality enriches the domestic literary tradition, allows to deepen understanding of the original, satisfies the needs of different readerships, and also outlines ways for further translation development of a work of art.

Key words: literary translation; translation quality assessment; plurality in translation, variation in translation.

Актуальность статьи обусловлена обращением к теме переводной множественности в художественном переводе, которая находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных переводоведов. Проблемы вариативности и переводной множественности становились предметом исследования в работах А. В. Федорова, Е. В. Гарусовой,

Р. Р. Чайковского, Е. С. Шерстневой, Э. А. Гутта и др., однако вопрос о том, какой из вариантов является самым качественным, соответствующие требованиям и принципам художественного перевода все еще остается открытым. По-прежнему явление множественности переводов одного и того же текста нуждается в осмыслении и с позиций ценности для принимающей литературы.

Специфика художественного текста, многоаспектность его структуры, включающая художественно-эстетическую информацию, которая превращает его в произведение литературы, обладающее художественной ценностью, определяет сложность его освоения в переводе. Оценка качества перевода художественного произведения осуществляется как с позиции установления отношений тождества между оригиналом и переводом на уровне языка, так и с позиций успешности включения переводного художественного текста в принимающую литературу и готовности читательской общественности и литературной критики воспринять новое произведение. В истории переводоведения России есть немало фактов, свидетельствующих о значимой роли переводческой критики по оценке качества перевода художественного произведения. Например, В. Г. Белинский, характеризуя переводы художественных произведений, выполненных его современниками в 1840-е годы, всегда отмечал качество лингвистических решений, а также целесообразность перевода для отечественной словесности, уровень потребности читателей в осмыслении художественной проблематики, раскрываемой в переводном художественном произведении. Переводческой критике того периода и более поздних десятилетий присущи размышления о важнейших требованиях к качеству перевода художественного произведения, среди которых соответствие художественно-эстетическим потребностям принимающей литературы, заинтересованность читательской общественности в идейном своеобразии произведения, следование универсальным гуманистическим принципам.

Изучение исторического опыта художественного перевода показывает, что оценка качества художественного произведения не может не учитывать практики бытования нескольких переводов одного и того же текста. Переводческая вариативность или переводная множественность, основаны на «интерпретирующей сущности» перевода как вида деятельности. Н. К. Гарбовский отмечает, что «с каких бы позиций мы ни смотрели на перевод, мы стремимся обнаружить, как осуществляется интерпретация смыслов, заключенных в исходных сообщениях, средствами иной знаковой системы» [1, с. 90]. Считывание художественных смысловых доминант с текста оригинала переводчиком всегда происходит индиви-

дуально, в соответствии с особенностями языковой личности переводчика, его готовности к использованию средств языка перевода для преодоления межъязыкового и межкультурного барьера, разделяющего текст-оригинал от текста-перевода. На переводчике лежит ответственность за выбор текста для перевода, за полноценную передачу художественно-эстетического содержания оригинала и за воссоздание национального своеобразия подлинника в переводе в необходимом для данного времени и для данной категории читателей объеме.

Изучение явления переводной множественности показывает, что создание разных переводов одного и того же оригинала может быть одновременным, что позволяет сравнивать специфику переводческих решений и увидеть индивидуальный подход переводчика к отбору стратегии, а также переводы могут быть выпилены в разные исторические эпохи и за ними закрепляются разные функции. Так, в первом случае можно привести пример из диссертации Т. В. Васильченко о переводах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» на английский язык, которые одновременно были выполнены в 90-е гг. прошлого века в Великобритании. Исследователь доказывает, что в переводе Д. МакДаффа прослеживается «отчуждающая» переводческая стратегия, направленная на максимальное сохранение особенностей оригинала, что приводит к усложнению восприятия текста перевода читателем. В переводе И. Авсея превалирует «одомашнивающая» стратегия, вносятся дополнения и изменения в текст Достоевского с учетом ориентации на воспринимающую англоязычную культуру, что является причиной утраты или упрощения некоторых исходных смыслов романа [2, с. 17].

В качестве примера сосуществования переводов, выполненных в разные исторические периоды, приведем исследование А. В. Барановой, характеризующее три этапа переводческой рецепции самого известного романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эбервиллей» в России в 1890-1940-х гг. В переводе В. М. Спасской (1891), составляющей первый этап освоения, снижен «сострадательный и трагический тон повествования, не передана авторская позиция по отношению к главной героине», а также «редуцирована» религиозно-философская тематика произведения [3, с. 14].

В переводе Л.П. Никифорова (1911) отразилась личностная переводческая интерпретация образа Тэсс «как женщины-борца», «женщины со свободной волей», [4, с. 17] так как переводчик был близок кругам революционеров и его публицистические работы были посвящены положению женщины в обществе, социальному неравенству, а также проблемам духовного роста, нравственности и религии. [3, с. 6] В советский период

А.В. Кривцовой был выполнен третий перевод романа, все еще не потерявший свою актуальность и пользующийся популярностью у читателей и издателей, о чем свидетельствует утверждение исследователя о «сочетании точности, полноты, адекватности, художественности и легкости чтения», составляющих «безусловное достоинство» перевода Кривцовой. [4, с. 19] В исследовании отмечается, что такая последовательность изучения истории переводов одного и того же произведения позволяет наметить программу дальнейших переводов.

Интересной практикой является использование разных переводов Шекспира для постановки на театральной сцене. В настоящий момент из имеющихся в истории литературы переводов «Ромео и Джульетты» на русский язык широко используется перевод Б. Л. Пастернака, а также нередко используется редакция перевода, совмещающая тексты Б. Л. Пастернака и Т. Л. Щепкиной-Куперник. Такие постановки, как правило, ориентируются на классические образцы с воссозданием традиционного сценографического ряда. Спектакли, в которых постановщики стремятся переосмыслить традиционные образы и показать их в современной стилистике, используют более поздний перевод Осии Сороки.

В целом, переводная множественность обогащает отечественную литературную традицию, позволяет углубить понимание оригинала, удовлетворить потребности разных читательских кругов, а также намечает пути дальнейшего переводческого освоения художественного произведения и потребность в создании новых переводов с определёнными стилистическими особенностями.

Библиографические ссылки

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Издательство Юрайт, 2019. 387 с.
2. Васильченко Т. В. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в англоязычных переводах : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Томск. гос. ун-т. Томск : 2007. 22 с.
3. Баранова А. В. Переводная множественность и эволюция переводческой интерпретации образа главной героини в русскоязычных переводах романа Томаса Гарди «Тэсс из рода д’Эбервиллей» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. №432. С. 5-13.
4. Баранова А. В. Переводческая рецепция творчества Томаса Гарди в России 1890-1940-х гг. : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / Национальный исследовательский Томск. гос. ун-т. Томск : 2018. 24 с.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

О. В. Занковец, М. В. Цыганкова
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: zanko-ks@tut.by

В статье рассматривается функционирование безэквивалентной юридической лексики в юридических документах, а также специфика ее передачи с английского языка на русский и с русского языка на английский. Основные способы передачи безэквивалентной юридической лексики рассматриваются на примере терминологии различных правовых систем.

Ключевые слова: юридическая терминология; юридический документ; правовая система; лексическая безэквивалентность; лексико-грамматические трансформации.

LEXICAL NON-EQUIVALENCE OF LEGAL TERMS

O. V. Zankovets, M. V. Tsygankova
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: zanko-ks@tut.by

The article deals with the specifics of transmitting equivalence of legal vocabulary in translation from English into Russian and from Russian into English. The main methods of transmitting non-equivalent legal vocabulary are discussed; the terminology of various legal systems is used as an example.

Key words: legal terminology; legal document; legal system; lexical inequality; lexical and grammatical transformations.

Юридические тексты относятся к официально-деловому стилю, и для большинства юридических документов (как, например, свидетельства о регистрации компаний, договоры, уставы, выписки из единого государственного реестра недвижимости и др.) характерен стандартный порядок изложения информации. Перевод на другой язык полностью повторяет структуру оригинала, вплоть до соответствия числа абзацев и предложений. С этой точки зрения, юридический перевод не представляет трудности: излагаемый в юридическом документе текст характеризуется четкой структурой, логичностью, конкретностью, предсказуемостью, точностью формулировок, а также не имеет эмоциональной окраски, что значительно упрощает перевод. С другой стороны, юридическая сфера является одной из наиболее сложных сфер переводоведения, главным образом, по причине несоответствия в национальных правовых системах: США, Великобритания, Канада, Австралия относятся к англосаксонской (англо-американской) правовой системе, а Россия и Беларусь – к романо-

германской. Эти системы зародились в разное время, они имеют отличное друг от друга развитие, источники, особенности. Например, романо-германская правовая семья появилась еще в IX в. до н.э., англо-американская возникла значительно позже, в 1066 г. Романо-германской семье свойственно разделение права на частное и публичное, а в англо-саксонской семье публичное право доминирует над частным, основную роль играет прецедент; отсутствует четкое отраслевое деление системы права, в отличие от романо-германской семьи, где основным источником права является закон и существует четкое деление права [1, с. 256].

Особенности данных правовых систем находят свое отражение в юридическом языке, в частности, в его терминологической системе, что создает определенные трудности при переводе юридических текстов.

По сути, «перевод юридических текстов с одного языка на другой предполагает не только переход от одного языка к другому, но и от одной правовой системы, представленной в сознании переводчика как концептуальная картина юридической действительности своей страны, к другому миру права» [2, с. 45].

Юридический перевод предъявляет не только традиционные требования к переводчику: недостаточно просто владеть знаниями в области юридической терминологии, необходимо также изучать законы и постановления, культуру, обычаи и традиции, типичные для правовой системы страны языка перевода.

Перед переводчиком стоит задача эквивалентного, точного перевода без значительной потери информации, а также необходимость передачи юридических реалий, которые отсутствуют в языке-реципиенте. Возможно, переводчику придется дополнять перевод комментариями к тем или иным реалиям, которые не существуют в языке-реципиенте.

Официально-деловой стиль юридических документов подразумевает употребление в большом объеме клише и терминов. Термины могут быть как общеизвестные, так и специальные, известные только специалисту в конкретной области. Важным требованием к текстам подобного рода является однозначность. Термины могут появляться из предложения в предложение, из абзаца в абзац, тем самым обеспечивая ясность и четкость интерпретации юридического документа.

Следует отметить, однако, что термины, несмотря на предъявляемое им требование точности и однозначности, могут быть многозначными, поэтому при переводе необходимо учитывать лингвистический и экстралингвистический контекст.

Важной задачей при переводе правовых терминов является выбор приема перевода термина: это может быть описательный перевод, тран-

скрипция, транслитерация либо калькирование. Выбор приема перевода зависит от типа термина. Например, определенную трудность для перевода представляют виды юридических лиц. В праве РФ нет аналога *S corporation* (или *Small corporation, S Corps*). Согласно современным источникам, *S corporation* – это компания с небольшим числом акционеров (один источник утверждает, что акционеров не должно быть более 35 [3], другой – не более 75 [4]), которая не выплачивает налог на прибыль, однако прибыль переходит от корпорации к ее акционерам, которые платят налоги на доходы и покрывают убыток. Главное требование – необходима регистрация в Секретариате США. Другими словами, на территории Российской Федерации регистрация *S Corps* невозможна, поэтому аналогов данной корпорации в России нет, однако у *S corporation* есть схожие черты с закрытым акционерным обществом (ЗАО), тем не менее, переводить *S corporation* как ЗАО не рекомендуется, поскольку ЗАО имеет другие особенности функционирования и подчиняется российскому законодательству. В таком случае можно сохранить оригинальное название и перевести, как «корпорация S-типа» или «S-корпорация».

Русскоязычный термин закрытое акционерное общество имеет частичный эквивалент *limited liability company* в американском диалекте английского, в Великобритании – *private limited company* и *private company limited by shares.* Терминологическое сочетание гражданско-процессуальный кодекс имеет эквивалент *Rules of Civil Procedure* в американском и канадском диалектах английского, *Civil Procedure Rules* – в британском диалекте английского; в то время как *Code of Civil Procedure* – эквивалент Гражданско-процессуального кодекса Калифорнии [5] и Гражданско-процессуального кодекса Индии 1908 года [6].

В уголовном судопроизводстве США отсутствует термин понятые, но, тем не менее, переводчик должен передать смысл этого понятия описательным приемом перевода. Основной задачей переводчика является передача смысла термина реципиенту.

Переводчики юридических документов проявляют большой интерес к переводу безэквивалентной лексики, а также проблеме эквивалентности. К сожалению, при обращении к словарям далеко не всегда есть возможность обнаружить универсальную замену переводимому слову. Для адекватного перевода следует определить единицу перевода, в качестве которой может выступать не только слово, а также любая языковая единица: от фонемы до сверхфразового единства. Стоит также отметить, что единицу перевода можно определить только в определенном контексте, где слово входит в системные отношения с другими словами текста. По мнению Ю. С. Степанова, границей, отмечающей единицу перевода,

можно считать момент начала формирования переводчиком следующей порции текста перевода после восприятия очередной части исходного сообщения [7].

При переводе отношения складываются между соответствующими уровнями текстов оригинала и перевода. Таким образом, единицы оригинала и перевода могут быть эквивалентными друг для друга на всех уровнях или только на некоторых из них. Верхней границей является эквивалентность на низшем уровне, а именно на уровне простых знаков, а низшей – эквивалентность только на уровне цели коммуникации.

Одним из приемов, который используется при передаче безэквивалентных юридических терминов, является переводческая транскрипция и транслитерация. Переводческая транскрипция – это пофонемное воспроизведение лексической единицы исходного текста посредством фонем языка перевода; таким образом, происходит фонетическая имитация исходного слова: *speaker* – ‘*спикер’*; *trade union* – ‘*тред-юнион’*. Транслитерация – это буквенное воспроизведение лексической единицы исходного текста с помощью алфавита языка перевода (буквенная имитация формы исходного слова): *barrister* – ‘*барристер’*; *solicitor* – ‘*солиситор’*.

Весьма часто транскрипция и транслитерация используются в качестве компонентов смешанного перевода, наряду с калькированием, семантическим переводом или комментарием, например, *Bill of Rights* – ‘*билль о правах’*.

Калькирование используется для тех языковых единиц, которые не имеют соответствия в языке перевода; наравне с этим воспроизводится не звуковое, а семантическое содержание слова или словосочетания, например: *Supreme Court of the United Kingdom* – ‘*Верховный суд Великобритании’; Court of Appeal – ‘Апелляционный суд’.*

Следует отметить, что калькирование представляет собой не просто механический перенос формы оригинала в язык перевода, а это обычно более сложная трансформация, которая связана с изменением падежных форм, морфологического или синтаксического статуса слов.

Описательный перевод, как правило, применяется во время толкования реалий, которые типичны для условий жизни одного народа и не имеют аналогов в жизни другого. Например, *coroner* – ‘*следователь по делам, связанным с насильственной и скоропостижной смертью’*.

Помимо реалий, переводчику часто приходится иметь дело с так называемыми ассоциативными лакунами. Эти языковые единицы характеризуются отсутствием в переводе вспомогательных ассоциаций, с которыми соотносится такое исходное слово в сознании носителя языка.

Например, *10 Downing Street – 'резиденция премьер-министра, а не просто дом по Даунинг Стрит'*.

Включение в перевод комментариев, пояснений и вставок, которые помогают лучше передать исходный текст, нередко используется при переводе правовых документов и безэквивалентной юридической лексики. Переводчик, таким образом, может уточнять смысл реалий, терминов, сокращений, иноязычных вкраплений (как правило, в тексте перевода это представлено сносками или в скобках). Примером использования данного приема может также служить раскрытие значения аббревиатур: *MOD (the Ministry of Defence) – 'Министерство обороны'*; *a.t.l. (actual total loss) – 'действительная полная гибель предмета страхования'*.

Следует также отметить прием опущения, к которому обращаются переводчики при переводе юридических документов. О переводе парных синонимов в юридических документах упоминает Л. С. Бархударов: «Это явление характерно, в частности, для языка английских юридических документов и текстов юридического характера. Русскому языку оно совершенно не свойственно, поэтому при переводе в этих случаях необходимо прибегнуть к опущению» [8, с. 227]. Таким образом, парные синонимы рекомендуется переводить одним словом. Например, *inspection and audit – 'ревизия'*; *to authorize and empower – 'уполномочивать'*; *null and void – 'недействительный'* (когда речь идет о договоре).

Таким образом, несоответствия в национальных правовых системах создают трудности при переводе, в том числе лексического характера, к которым относится перевод терминологии, обозначающей правовые реалии англоязычных государств, отличные от реалий отечественной правовой системы. Переводчику необходимо обладать определенными фоновыми знаниями в области права, а также использовать ряд лексико-грамматических трансформаций при передаче такого рода лексики. При передаче безэквивалентной терминологии наиболее широко используются такие приемы как транскипция/транслитерация, калькирование, а также описательный перевод.

Библиографические ссылки

1. Мардалиев Р. Т. Гражданское право : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2011. 256 с.
2. Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики : учеб. пособие. М. : Проспект, 2011. 352 с.
3. What is S Corporation? [Electronic resource]. Mode of access: http://www.businessdictionary.com/definition/S-corporation.html (date of access: 10.09.2019).
4. S Corporation Law and Legal Definition [Electronic resource]. Mode of access: https://definitions.uslegal.com/s/s-corporation (date of access: 10.09.2019).
5. California Code, Code of Civil Procedure – CCP [Electronic resource]. Mode of access: https://codes.findlaw.com/ca/code-of-civil-procedure (date of access: 10.09.2019).

6. Code of Civil Procedure, 1908 [Electronic resource]. Mode of access: https://www.advocatekhoj.com/library/bareacts/codeofcivilprocedure/index.php?Title=Code%20of%20Civil%20Procedure,%201908&Title=Code%20of%20Civil%20Procedure,%201908 (date of access: 18.09.2019).
7. Степанов Ю. С. Французская стилистика : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. школа, 1965. 355 с.
8. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Международные отношения, 1975. 240 с.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ФИЛЬМОВ, ПОПУЛЯРНЫХ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ (на примере фильмов 2018 года)

В. П. Качан
Государственное учреждение образования «Средняя школа №7 города Гродно»
Гродно, Беларусь
e-mail: kachan.nicka@yandex.by

В статье рассматриваются результаты научно-практического исследования лингвистического материала с применением короткого социологического эксперимента. Продемонстрирована важность выбора приема перевода с учетом ведущих функций фильмонимов для выбора кинофильма к просмотру по его заголовку подростками.

Ключевые слова: фильмоним; анкетирование; подростки-респонденты; жанровая адаптация; эмоциональная реакция.

TRANSLATION TECHNIQUES FOR THE TITLES OF AMERICAN FILMS THAT ARE POPULAR WITH TEENAGERS (using the film titles of the year 2018 as an example)

V. P. Kachan
State educational institution “Secondary school № 7”
Hrodno, Belarus
e-mail: kachan.nicka@yandex.by

The results of the research based on the selected linguistic materials and with a short sociological experiment are shown in the article. The importance of choosing a translation technique taking into consideration the leading functions of film names is demonstrated to confirm that the adolescents pick out a film to watch by its title.

Key words: a filmonym; a survey; adolescents as respondents; a genre adaptation; an emotional reaction.

Популярность произведений киноискусства стирает границы между странами и континентами. Интерес к художественным фильмам есть как у взрослых, так и у детей. Общеизвестный факт, что одним из ведущих лидеров киноиндустрии являются США, где ежегодно снимается огром-

ное количество кинолент различных жанров. Наше внимание привлекли фильмы американского производства 2018 года выпуска, а именно их заголовки. Название фильма, заглавие или заголовок является неотъемлемой и значимой частью самого фильма как художественного произведения. Также к названиям фильмов применяется термин фильмоним, который все чаще используется в научных статьях по лингвистике и проблемам языкознания. Впервые термин был предложен кандидатом филологических наук Е. В. Кныш в диссертации, где анализировались наименования кинофильмов в русском языке [1, с. 5].

С научной точки зрения, нами были изучены особенности, классификация и функции названий фильмов. В результате мы пришли к заключению, что нет единой и точной типологии фильмонимов, поскольку это явление изучается сравнительно недавно и не существует одного мнения. Для яркого понимания проблемы нами были выделены среди множества 5 ведущих функций фильмонимов: номинативная или назывная, информативная (то есть способность фильмонима донести информацию о киноленте), рекламная (удержать внимание, усилить чувство ожидания), прогностическая (по названию фильма зритель может спрогнозировать его содержание в своем воображении) и прагматическая или функция воздействия (именно название должно спровоцировать эмоциональную реакцию, как правило, любопытство, недоумение, удивление, возмущение, смятение, разочарование).

Важным было составить список названий американских фильмов 2018 года для изучения. Для работы были отобраны сначала 104 фильма на сайте *www.ivi.ru* по параметрам возрастного ограничения не выше 16+. Подробно мы их проанализировали с точки зрения функций и синтаксической структуры. Следует остановиться на том факте, что для исследования мы выделили 4 стратегии перевода (прямой или дословный, трансформация, полная или частичная замена, смешанный) и соответственно им распределили необходимые для переводческого анализа приемы, среди которых названы такие узко направленные, как жанровая адаптация, возвращение к первоисточнику, перевод с эвфемизмами и деэвфемизация. В ходе исследования было выявлено, что трансформации были подвергнуты 25 % фильмонимов, а частичной или полной замене – 17%. Самую большую группу составили названия фильмов, которые были переведены дословно – 55%.

Наиболее значимой частью нашего исследования является небольшой школьный социологический эксперимент, направленный на реализацию цели и доказательство гипотезы. Основным замыслом стало установить, как влияет прием перевода названия американского фильма на

популярность среди подростков. Было выдвинуто предположение о том, что чем короче перевод американского названия фильма на русский язык, тем лучше он запоминается. Провести исследование помогли две анкеты.

В результате первого анкетирования у нас на руках оказалась информация о 25 наиболее популярных названиях американских фильмов 2018 года среди подростков от 12 до 15 лет. 17 названий фильмов из 25 были переведены при помощи калькирования, 5 – транслитерации, 2 – переводческое транскрибирование. Для изучения значимости названия фильма в анкете был задан вопрос, как вы выбираете фильм для просмотра: по отзывам друзей, по рекламе, по названию или свой вариант. По возрастным особенностям интересы распределились следующим образом. Название фильма максимально воздействует на 14-летних подростков (41%). Отзывы друзей сильно влияют на выбор самых младших из группы опрошенных: 33% среди 12-летних. Реклама наиболее важна для 13-летних юношей и девушек (34%), на них также оказывают влияние личные предпочтения, жанр и др. (31%) Самая старшая группа опрошенных оказалась максимально самостоятельной в выборе. Свои причины для начала просмотра того или иного кинофильма указали 50% пятнадцатилетних респондентов. Исходя из гендерных различий название фильма влияет больше на юношей.

Нас интересовали американские фильмы 2018 года выпуска. Предполагалось, что подростки активно следят за новинками кинопроката. Не все школьники в ответах привели примеры свежих кинолент; писали известные, но старые картины *(«Железный человек», «Дневники вампира», «Человек-паук», «Хэлбой», «Супермен», «Игра Эндера»*), что может свидетельствовать о пристальном внимании именно к фильмонимам, а не году выпуска и подтверждает гипотезу, поскольку в памяти сохранились короткие названия.

Имена собственные, непривычные уху, чужеродные, без аналогов в родном языке, среди огромного количества названий прочно закрепились в памяти. Доказательством этому могут служить результаты второй части нашего эксперимента. Во второй анкете фильмонимы были представлены на русском и английском языках в стратегиях прямого перевода и трансформации, а также переведены на белорусский язык. Английские названия «*Venom»* и «*Bumblebee»* не смутили более половины опрошенных. И, например, белорусские названия *«Свет Юрскага перыяду 2»* и *«Свет Юрскага Перыяду: Заняпад Каралеўства»* не снизили узнаваемость. Подростки снова их выбрали в ответах на вопросы, какие фильмы вы бы посмотрели и какие фильмы вы смотрели.

Интересным фактом стал анализ фильмонимов, которые были ответом в открытом вопросе первой анкеты: назовите 3 фильма американского производства 2018. Среди них *«Pacific Rim: Uprising» – «Тихоокеанский рубеж 2»* и *«Ant-Man and The Wasp» – «Человек-муравей и Оса». «Тихоокеанский рубеж 2»* изначально назвали 3 % без подсказки, а уже во второй анкете со списком для выбора - 7%; *«Человек-муравей и Оса»* вспомнили самостоятельно 3%, а при выборе из списка на белорусском языке *«Чалавек-Мурашка і Аса»* оказалось, что его смотрел 31% опрошенных. 18% посмотрели бы его даже с названием *«Энтмэн и Аса».* Фильмы *«The Meg» – «Мег: Монстр глубины»* и *«Aquaman» – «Аквамен»* пришли в память изначально 3% и 5 % опрошенных соответственно, хотя в трансформированных названиях *«Монстр глубины»* и *«Чалавек вады»* они заинтересовали большее количество (29% и 14% респондентов).

Исходя из названий наиболее популярных среди подростков фильмов, можно сделать следующие выводы. Наиболее популярными для школьников 12-15 лет становятся фильмы, в названиях которых переводческие приемы максимально сохранили признаки жанра. Оригинальные названия *«Хроники хищных городов»* и *«Мег: монстр глубины»* заинтересовали меньшее количество, чем предложенные нами *«Машины смерти»* и *«Монстр глубины»* в ответах на вопрос, какой фильм вы бы посмотрели. Неизменным также остается их интерес к не просто кратким названиям, а фильмонимам, где присутствуют имена собственные без аналогов в родном языке. Гипотеза нашла свое подтверждение в наиболее популярных ответах: *«Бамблби»* и *«Веном».* Наиболее короткие назывные предложения прочно закрепились в памяти. Хотя перевод таких фильмонимов как *«The Meg» – «Мег: Монстр глубины», «Jurassic World: Fallen Kingdom» – «Мир Юрского периода 2», «Pacific Rim: Uprising» – «Тихоокеанский рубеж 2», «Ant-Man and The Wasp» – «Человек-муравей и Оса»* свидетельствует о том, что важным для приобретения популярности является воздействовать на чувственную сферу, удержать внимание, дать понять уже в названии о чем будет кинолента. Это значит максимально реализовать рекламную, прагматическою и прогностическую функции фильмонимов через их удачный перевод. Любой прием перевода может пробудить интерес к фильму, важным остается с его помощью проиллюстрировать жанр и таким образом зацепить потенциального зрителя среди тинэйджеров.

Библиографические ссылки

1. Кныш Е. В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке : автореф. дис. … канд. фил. наук : 10.02.01 / Одесский гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1992. 19 с.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Т. Г. Левко
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: levkot2@gmail.com

В статье рассматриваются особенности развития гендерного аспекта в отечественном переводоведении с учетом реалий данного времени. Затрагиваются тенденции и факторы, определяющие гендерное влияние в современном мире.

Ключевые слова: гендер; переводоведение; гендерные различия; художественный перевод.

PECULIARITIES OF GENDER ASPECT DEVELOPMENT IN DOMESTIC TRANSLATION THEORY

T. G. Levko
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: levkot2@gmail.com

The peculiarities of the article are concerned with the specific development of gender dimension in domestic translation theory, providing the reality of those times. The article also deals with tendencies and factors identifying gender impact in a modern society.

Key words: gender; translation theory; gender differences; fiction translation.

На сегодняшний день гендерный фактор находит свое проявление во многих аспектах современной действительности, включая экономику, политику, культуру и социальную сторону нашей жизни. В результате актуализации темы гендера, ее влиянию поддаются многие аспекты жизни современного человека, а также формирование общественного сознания в целом.

Одной из наиболее важных сфер гендерного влияния принято считать лингвистику. В нашем мире международного сотрудничества наука о языках является неотъемлемой частью всех сфер жизни. Лингвистика – это наука общения, наука коммуникации. Именно поэтому в период глобализации и активного международного посредничества стоит отметить влияние фактора гендера и на такую лингвистическую дисциплину как переводоведение. Потенциал исследований в данной области огромен, но мы бы хотели уделить особое внимание художественному переводу, в частности, поэзии.

Следует отметить, что в полной мере исследования гендерного аспекта в переводе релевантны лишь для ее западной ветви. На Западе не-

однократно проводились специальные конференции, посвященные проблеме многоаспектного влияния гендерного фактора на процесс и продукт перевода, в научных журналах и сети Интернет опубликованы сотни статей соответствующей тематики. При этом в центре анализа западных теоретиков перевода (которые в основной массе являются еще и практиками) находится в основном проблема ретрансляции реципиенту текста-перевода гендерных стереотипов, идеалов и ценностей, актуальных для автора оригинала как представителя конкретной этнокультуры и конкретной гендерной субкультуры, зафиксированных в тексте ИЯ. В сфере интересов отечественных переводоведов данный аспект, к сожалению, не набрал подобную популярность, особенно в отношении перевода поэзии [1]. Данный фактор и определяет необходимость нашей статьи.

В рамках рассмотрения вопроса гендерного аспекта при переводе художественных произведений в отечественном переводоведении отмечается определенная парадигма развития. Специфика отечественного художественного перевода была слабо ориентирована на рассмотрение влияния гендера.

Однако учитывая реалии середины XX века в пределах нынешнего постсоветского пространства, а также опираясь на немногочисленные труды наших исследователей-переводоведов (М. В. Заболотнова [2]; О. Б. Мойсова [3]; О. В. Занковец [4]; К. И. Леонтьева [5]), нам удалось проследить определенные тенденции в переводе и сделать некоторые выводы.

Конечно, отечественные переводоведы опирались на труды зарубежных коллег, так как их работы служили подспорьем в сравнительно новых для наших исследователей гендерных аспектах перевода. Стоит отметить, что речь идет о 1970-90-х годах, однако отечественный художественный перевод безусловно существовал и ранее.

Очевидно, в рамках данной статьи малоэффективным будет рассмотрение перевода во время Второй мировой войны, когда художественная литература не была столь востребована, в отличие от новостей, общественно-политических материалов и др. Неудивительно, что в военное время были особо востребованы мужчины-переводчики, их деятельность была своеобразным долгом государству, профессия предполагала большой уровень опасности и нагрузок, любая ошибка могла повлиять на будущее государства. Перед лицом переводчика стояла большая ответственность.

С момента окончания Великой Отечественной войны интерес отечественного переводоведения к художественной литературе возрос. В 1950-х годах работа советских переводчиков приобрела новый масштаб.

С 1955 года выходит журнал «Иностранная литература», в котором важное место занимают переводы произведений зарубежных авторов. Переводческая культура значительно повышается: преодолевается односторонность в выборе переводимой литературы, догматизм в использовании стилистических средств русского языка. Среди выдающихся переводчиков этого времени мы можем отметить М. Л. Лозинского, С. Я. Маршака, Б. Л. Пастернака, С. В. Шервинского, Н. Галь. Последний период развития советского художественного перевода очень противоречив: с одной стороны, возрастают требования к качеству работ, с другой, жесткая цензура во многом определяет идеологические «перекосы» в переводе.

Показательно сопоставление переводов на русский язык текстов культового романа американского автора Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи». В своем переводе 1965 года Рита Райт-Ковалева значительно «смягчила» текст, лишив его грубых выражений и подросткового сленга, поэтому русские читатели получили возможность знакомиться с этой книгой, будучи еще школьниками, в то время как автор оригинала вовсе не считал это произведение детским. При этом критики указывали на неточности этого перевода, ставя тем самым под вопрос его адекватность в целом. Попытка сближения «своей» и «чужой» культуры оказалась не совсем удачной не только из-за строгой цензуры, но и из-за несовпадающих ассоциативных цепочек автора и переводчика.

В результате появился современный вариант перевода этого произведения Максима Немцова (2008 г.). Однако и вокруг этой работы развернулись дебаты. М. Немцов ставил своей задачей сделать перевод намного более точным, делая упор на нецензурную лексику, сленг и ругательные выражения. Эта работа, по мнению многих переводчиков, оказалась не вполне успешной с профессиональной точки зрения, новый текст показался «деревянным и вымученным». Причиной тому послужила опора на словарное значение слов без учета социокультурных параметров двух стран [6].

Конечно, несмотря на то, что оба переводческих труда были определены критиками не вполне успешными, в работе Р. Райт-Ковалевой и М. Немцова прослеживается определенная разница воспроизведения на русский язык оригинала. Наглядным примером гендерного влияния на художественный, самый проницательный, вид перевода является полярность отношения переводчиков к данному произведению. Р. Райт-Ковалева, решением исключить сниженную лексику из романа, меняет целевую аудиторию «Над пропастью во ржи». Конечно, это может быть продиктовано не только женской тенденцией использовать менее агрессивную лексику, но и учетом переводчицей реалий советского государ-

ства. В то время как М. Немцов приближается к содержанию оригинала и выступает смелее в выражениях, что может служить подтверждением существующему стереотипу мужской прямоты и настойчивости.

Итак, уже в советском переводоведении намечалась необходимость передачи не значения слов, а концептов. Таким образом, мы видим, что многим советским переводчикам, несмотря на цензуру и жесткие рамки, удалось сделать переводы произведений зарубежной художественной литературы, которые завоевали популярность как среди советских, так и среди современных читателей [6].

Конечно, здесь стоит отметить труды таких переводчиков как Б. Пастернак, О. Мандельштам, В. Аксенов, Р. Райт-Ковалева, М. Цветаева и многих других.

Однако перечисляя имена отечественных переводоведов, мы видим, что превалирующее большинство имен – мужские, в то время как за рубежом все чаще разгорались активные феминистские движения, представляя миру перевода все больше женщин.

Итак, в результате анализа данной статьи мы пришли к следующему: парадигма развития гендерного аспекта в отечественном переводоведении определялась реалиями советского времени, также во внимание принимался опыт зарубежных коллег-переводчиков. Стоит отметить и специфику материалов для перевода, актуальных для того времени, и гендерные особенности отечественного переводчика, имеющие не последнюю значимость для государства.

Библиографические ссылки

1. Денисова И. В. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения : дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск : 2011. 183 л.
2. Заболотнова М. В. Специфика реализации гендерного фактора при переводе с японского языка (морфосинтаксический уровень) : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 /. Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск , 2007. 26 с.
3. Мойсова О. Б. Гендерные особенности интерпретации художественного текста в сравнительно-сопоставительном аспекте : диссертация кандидата филологических наук: 10.02.19, 10.02.20 / Юж. федер. ун-т. Ростов-на-Дону, 2009. 145 л.
4. Занковец О. В. Гендерные различия при переводе художественных текстов // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: сб. науч. тр.; отв. ред. О.И. Уланович. Минск : Изд. центр БГУ, 2012. С. 10-16.
5. Леонтьева К. И. Семиотика текста vs. семиотика дискурса: к поиску адекватного эпистемологического основания теории художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2014. С. 75-80.
6. Матвеева Е. О. Художественный перевод в России: история и современность // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки : электр. сб. ст. по мат. VI Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6 (6), 2015. С. 24.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛАТИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

Е. А. Митюкова
Лидский колледж Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы
Лида, Беларусь
e-mail: mitilena@gmail.com

В статье на материале латиноязычных произведений белорусской литературы анализируются особенности переводческой деятельности. Дается краткий обзор наиболее примечательных латиноязычных памятников, указываются их языковые, стилистические, содержательные особенности. Специфика текстов определяет стратегию работы исследователя и переводчика.

Ключевые слова: латинский язык; белорусская литература; стратегия перевода.

SPECIAL ASPECTS OF TRANSLATION OF LATIN TEXT

E. A. Mitjukova
Lida College of Yanka Kupala State University of Grodno
Lida, Belarus
e-mail: mitilena@gmail.com

The article focuses on Latin texts of Belarusian literature and special aspects of translation. A brief overview of the most remarkable works is given according to their linguistic, stylistic and substantial features. Translation strategy is determined by the specific of the text and the Latin language.

Key words: Latin language; Belarusian literature; translation strategy.

Проблемы перевода – это проблемы анализа, понимания и построения текста. Текст является целью, объектом и результатом перевода. Основой перевода является понимание текста, от чего зависят решения, принимаемые переводчиком. Благодаря этим решениям должен быть создан текст, который предложит читателям иной культуры те же возможности трактовки содержания, что и читателям оригинала.

С языковой точки зрения перевод представляет собой процесс репродукции текста и всегда ограничен в выборе средств двумя факторами: 1) необходимостью передачи авторской языковой индивидуальности; 2) неизбежностью сопоставления оригинала с литературной нормой языка перевода [1, с. 15]. Коммуникационная деятельность переводчика предполагает его умение вступать в диалог с текстом, с автором, с эпохой, с культурой, единицей и носителем которой является текст.

Традиция перевода латиноязычных текстов в Беларуси имеет сложную историю. Сделанные в первой половине XX века переводы античных произведений в большинстве своем не сохранились. Со второй половины

столетия особый интерес вызывали латиноязычные произведения белорусской литературы, которые стали объектом переводческого и исследовательского внимания Я. Порецкого, Я. Семежона, А. Жлутко, Ж. Некрашевич-Короткой, Г. Шевченко, И. Лаптенок, В. Шатона и др.

По мнению Г. И. Шевченко, «будучи ключом к античной культуре, древнегреческий и латинский языки являются, как известно, не только основой европейской цивилизации, но и фундаментом формирования филологической системы в целом. Оба они повлияли на становление славянских языков и через античное наследие, и через христианскую культуру, и через тексты Священного писания. Поэтому независимой Беларуси необходимы не только преподаватели классических языков и античной литературы, но и переводчики. Их ждут в равной мере и новолатинская литература Великого княжества Литовского (ВКЛ), и бессмертные творения античных авторов, переводы которых на белорусский язык единичны» [2].

Творчество одного из крупнейших славянских поэтов Миколы Гусовского, написавшего на латыни поэму «Песня о внешности, свирепости зубра и охоте на него» (*Carmen de statūra, feritāte ac venatiōne bisontis*), стало объектом интереса отечественных переводчиков и исследователей. Они отмечают, что его латинский язык своеобразен и свеж, наполнен выразительными образами и высказываниями, размер стихов безупречен [3, с. 77]. Стих в песне богат элизиями, ассонансами, аллитерациями, также прослеживается влияние народной поэтики. Данные особенности и самобытность образно-выразительной структуры создавали определенные трудности для переводчиков. Первая попытка была предпринята Яном Каспровичем в 1911 году, которые перевел 200 строк, высоко оценив при этом художественную и идейную ценности произведения. В настоящее время существует несколько версий перевода полного текста, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки.

Пристальный интерес вызывает у ученых первая латиноязычная поэма Беларуси «Прусская война» (*Bellum Prutenum*), принадлежащая перу Яна Вислицкого. Перевод полного текста поэмы на белорусский язык осуществила Ж.В. Некрашевич-Короткая в 2005 году, обнаружив ранее неизвестную рукопись во Вроцлаве. Исследовательница отмечает, что поэтическая традиция поэмы ориентируется на классические образцы Древнего Рима, отличается синтаксическим и стилевым совершенством, стремление к конструированию изящных риторических фигур [4, с. 9].

Неординарным явлением в культуре Европы первой половины XVII века является творчество Матея Казимира Сарбевского. Свои основные труды М. Сарбевский создал в Полоцке, что существенно повли-

яло на латиноязычную литературу, науку и школьное образование. Его богатое литературное наследие переведено на европейские языки и частично на белорусский (риторический трактат «De acuto et arguto», Е. Приставко). Исследование оригинальных текстов позволяет судить о широкой эрудиции, фундаментальном знании античных авторов и классических норм латинского языка, неисчерпаемом творческом потенциале писателя.

Одна из наиболее значимых работ М. К. Сарбевского – трактат «О совершенной поэзии, или Вергилий и Гомер» (*De perfecta poesi, sive Vergilius et Homerus*) – была опубликована во Вроцлаве в 1954 году в сопоставлении с польским переводом, что дало толчок к всестороннему изучению материала. Трактат состоит из девяти книг, каждая из которых описывает принципы поэтического мастерства на примере выдающихся поэтов античности в контексте современной автору христианской идеологии. М. К. Сарбевский обращается к обширному наследию античной литературы и науки с целью систематизировать многовековой опыт писателей и ученых. Теоретической базой стали исследования Аристотеля «Поэтика» и «Риторика», отрывки из которых регулярно используются в виде цитат и ссылок.

Лирические произведения М. К. Сарбевского отличаются глубоким уровнем рефлексии, болезненной страстностью, мистическими аллегориями, метафоричностью, гиперболизацией и эмблематикой. Все вышеперечисленной, несомненно, усложняет переводческий процесс, но, в то же время, делает его более творческим и продуктивным.

Жанрово-стилистические особенности определяют и другие особенности переводческой деятельности, в связи с чем следует отметить: обилие цитат, ссылок, реминисценций из теоретических и художественных произведений античных и средневековых авторов; введение в структуру текста литературных терминов; использование специфических синтаксических оборотов, усложняющих структуру простого предложения; использование сложных синтаксических структур; использование глагольных форм, не характерных для новых языков, активное употребление сослагательного наклонения в простом предложении; словотворчество – создание лексем, не зафиксированных классическими словарями (*nimbisonus* ‘бурезвучащий’); использование античной и христианской символики; использование принципов античного стихосложения, основанного на чередовании долгих и кратких слогов в различных комбинациях.

Процесс перевода с латинского языка определяется рядом характерных признаков исходного текста: значительная хронологическая и культурно-историческая удаленность переводчика от точки создания ориги-

нала; исключительно письменная форма существования оригинала, что определяет его грамматическую структуру и стилевые особенности; наличие специфических грамматических форм и синтаксических оборотов, отсутствующих в современных языках; семантическая плотность высказывания, многозначность лексем и грамматических форм; влияние современного языка, родного для автора переводимого произведения.

Исследование непереведенных латиноязычных произведений белорусской литературы способствует выявлению новых фактов функционирования латинского языка в ином культурном пространстве, позволяет наблюдать за влиянием латиноязычной европейской культуры на белорусскую, включает в активный исследовательско-переводческий процесс новые литературные памятники.

Библиографические ссылки

1. Гарбовский Н. К. Межъязыковой сопоставительный анализ и проблемы перевода сложных синтаксических конструкций // Лингвистические проблемы перевода : сб. статей. М. : Изд-во МГУ, 1981. С. 13–22.
2. Шевченко Г. И. Классическая филология в БГУ // Philologia classica : сайт кафедры классической филологии БГУ. Режим доступа: http://graecolatini.bsu.by /htm-belarus/klassicheskaja-filologija-v-bgu.htm (дата обращения: 15.08.2019).
3. Порецкий Я. И. Николай Гусовский. Минск : Наука и техника, 1984. 94 с.
4. Visliciensis Joannes. Bellum Prutenum = Вісліцкі, Ян. Пруская вайна / на лацінскай і беларускай мовах; уклад., перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай. Мінск : Прапілеі, 2005. 234 с.

СМЕШЕНИЕ ДИСКУРСОВ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЕМ – ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале пьесы К. Крауса «Последние дни человечества»)

С. С. Субботенко
Курский государственный университет
Курск, Россия
e-mail: swetlana30@mail.ru

Статья выполнена в русле актуального дискурсивного подхода к проблемам перевода. В статье рассматриваются проблемы типологии и характеристики литературного дискурса. Особое внимание уделяется вопросу полидискурсивности и смешению дискурсов в художественном произведении. Продемонстрирована необходимость учета дискурсивных характеристик при решении переводческих задач.

Ключевые слова: художественный перевод; литературный дискурс; полидискурсивность; детский дискурс; военно-политический дискурс; Карл Краус.

DISCOURSE MIXTURE AS A LITERARY TECHNIQUE – TRANSLATION ASPECTS (based on the material of the play "The Last Days of Mankind" by K. Kraus)

S. S. Subbotenko
Kursk State University
Kursk, Russia
e-mail: swetlana30@mail.ru

This article is made in line with the modern discursive approach to translation issues. Undertaken analysis deals with the problem of typology and characterization of literary discourse. Special attention is given to the problem of polydiscoursivity and discourse mixture in a piece of fiction. The article proves the necessity to take into account discourse characteristics while solving translation problems.

Key words: literary translation; literary discourse; polydiscoursivity; children's discourse; military-political discourse; Karl Kraus.

На фоне повышенного внимания к проблемам дискурса литературному дискурсу посвящено сравнительно небольшое количество работ. Между тем это одно из самых сложных понятий в современной лингвистике, определение и типология которого вызывают много споров. Один из проблемных вопросов, в частности, заключается в том, возможно ли вообще выделение литературного дискурса (дискурса художественного произведения) в самостоятельный тип или же он может быть охарактеризован только в рамках других типов дискурса, из которых складывается художественное произведение. Эти расхождения связаны, во-первых, со сложностью и недостаточной определенностью самого понятия «дискурс», во-вторых, с многообразием и неоднородностью структуры литературного дискурса, который складывается из «поддискурсов», что обусловлено разнообразием жанровых, тематических, возрастных и идеологических составляющих [1, с. 485].

В данной работе мы будем исходить из того, что любое литературное произведение полидискурсивно по своей природе [2, с. 65]. Наряду с авторским нарративом (литературным повествованием) его формируют другие композиционно-речевые формы (описание и рассуждение) и чужая речь (речь персонажей). При этом всегда «можно говорить о доминанте (гегемонии) одного из дискурсов и рассматривать <…> артикуляции других текстообразующих факторов (дискурсов) как проявление интердискурсивности» [2, с. 65-66].

Принимая фактор поли- и интердискурсивности художественного произведения как основополагающий, особое внимание необходимо уделить речи персонажей. Поскольку, если предложение и текст являются

категориями уровня языка, то высказывание и дискурс относятся к уровню языкового общения [3]. На наш взгляд, дискурсивное разнообразие художественного произведения в наибольшей степени проявляется именно на уровне живого общения героев произведения.

В качестве критериев выделения тех или иных типов дискурса, формирующих художественное произведение, мы, вслед за А. А. Карамовой, будем принимать, в первую очередь, соотнесенность со сферой деятельности и тему (содержание) [4, с. 364]. Кроме того, важными критериями являются среда общения, личность и статус (социальный, возрастной и т. п.) субъекта (персонажа художественного произведения). Последний фактор приобретает особую значимость, поскольку материалом исследования в данной работе выступает пьеса, где авторский нарратив представлен скупо и выражается исключительно в ремарках.

Необходимо сразу оговориться, почему, рассматривая пьесу «Последние дни человечества», посвященную первой мировой войне, представляется более уместным говорить о литературном, а не о драматическом дискурсе. По мнению как самого Карла Крауса, так и критиков, пьеса не предназначена для постановки на сцене. Отмечалось, что поставить пьесу было бы возможно только в «марсианском театре», потому что постановка заняла бы восемь вечеров. Кроме того, аллюзивный характер произведения (в основе лежит техника цитирования) предполагает не разовое, а многократное и вдумчивое восприятие читателем, а не зрителем.

Многоголосность пьесы и, как уже отмечалось, высокая степень аллюзивности, делают ее весьма сложной для перевода. В настоящее время коллектив переводчиков издательства libra работает над первым переводом пьесы К. Крауса на русский язык. Объектом данной статьи является смешение дискурсов в пьесе.

В отличие от большинства литературных произведений, речь здесь идет не просто о полидискурсивности, а именно о смешении дискурсов. Полидискурсивность предполагает объединение разных по сфере, тематике и характеру субъекта дискурсов, их естественное взаимодействие, за счет чего создается целостность и полнота художественного произведения. Смешение дискурсов, в свою очередь, используется автором намеренно, как литературный прием, дискурсы проникают друг в друга, нередко противоречат друг другу, что обеспечивает эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя.

В пьесе «Последние дни человечества» дискурсивной доминантой является дискурс политики и военной публицистики. Персонажи пьесы говорят цитатами и фразами, заимствованными из высказываний политиков, военных сводок, рапортов и т.п. При этом, оставаясь собой, они со-

храняют особенности своей речи, свойственные их кругу, роду занятий, возрасту (дискурс среды). Таким образом, происходит столкновение дискурса политики и военной публицистики с дискурсом, например, домохозяек или мелких лавочников. Тем самым автор показывает подверженность обывателей влиянию СМИ. В качестве предмета рассмотрения в данной статье мы обращаемся к смешению военно-политического и детского дискурса и отражению этого смешения в переводе. Когда фразами из военных новостей говорят дети, это создает ситуацию уродливого гротеска. С одной стороны, речь детей сохраняет свойственные ей черты, с другой, несет явный отпечаток стороннего воздействия. Детям свойственно подражать взрослым и копировать их речь и манеру общения. Поэтому детский дискурс неизбежно формируется под влиянием среды общения и несет отпечаток других (в том числе тематических и институциональных) дискурсов. Но по замыслу К. Крауса в пьесе доминантным становится именно тематический дисурс, а дискурсивные характеристики, вытекающие из возраста и социального статуса, образуют лишь фон, подчеркивая нелепость ситуации:

Marichen: Ich bin zur Offensive übergegangen.

Willchen: Ich bereite mich auf einen dritten Winterfeldzug vor.

Подобные фразы резко контрастируют с типично детскими выражениями (жалобы взрослым друг на друга, дразнилки, оправдания):

Willchen: Marichen lügt!

Marichen: Du farbiger Engländer und Franzose du!

Willchen: Wer hat angefangen?

Marichen: Ich auch nicht!

Этот контраст проявляется и в том аспекте детского дискурса, который представлен общением взрослых с детьми. Использование уменьшительно-ласкательных словоформ, порицание, увещевание, угрозы наказания тоже помещены в контекст военно-публицистического дискурса:

Frau Kommerzienrat Wahnschaffe: Kinderchen, spielt, aber haltet die Grenzen ein! Wenn Willchen weiter so brav ist, bringt ihm Pappelchen das Eiserne Kreuz aus der Kontor mit.

Frau Kommerzienrat Wahnschaffe: Marichen, sei du man ganz stille. ... Willchen kann keiner Fliege 'n Haar krümmen, er schützt seinen Besitzstand so gut er kann. Er führt einen heiligen Verteidigungskrieg.

Die Bonne: Fritze, schämst du dich nicht? Na wart, da sag ich Hindenburch!

Поэтому при переводе сцен с участием детей в качестве основополагающего принимается принцип доминанты военно-политического дис-

курса, который должен оттеняться фразами и оборотами, свойственными общению детьми между собой, общению детей и взрослых:

Оригинал	Перевод (перевод наш – С. С.)
1) Willchen (weinend): Muttelchen, Marichen will nich dot sein! *Marichen: Wir haben Einkreisung jespielt, den Weltkrieg, und nu…* *Willchen: Ich wollte nur einen Platz an der Sonne, da …* *Marichen: Er lügt!*	*1) Вильхен (плачет): Мамоська, а Марихен не хочет умирать!* *Марихен: Мы играли в окружение, потому что мировая война, а он тут…* *Вильхен: Я хотел только место под солнцем, а она тогда…* *Марихен: Он врет!*
2) Willchen: Marichen lügt! *Marichen: Du farbiger Engländer und Franzose du!*	*2) Виллькен: Марихен врет!* *Марихен: А ты цветной англичанин и француз, вот ты кто!*
3) Eine Bonne kommt mit einem dreijährigen Knaben, der in der Nase bohrt. *Bonne: Fritze, schämst du dich nicht? Na wart, das sage ich Hindenburch.*	*3) Входит бонна, с ней трехлетний мальчик, он ковыряется в носу.* *Бонна: Фритци, как тебе не стыдно? Вот погоди, я все скажу Гинденбургу.*

Общий фон, формируемый военно-политическим дискурсом, сохраняется. Элементами детского дискурса в переводе выступают искажение звуков, аморфные предложения, отсутствие связности, использование личных местоимений и слов «тут», «тогда» (у детей – примеры 1, 2), назидательность в сочетании с простотой конструкций (у взрослых – пример 3).

В некоторых случаях выбор в пользу той или иной дискурсивной составляющей должен быть обусловлен внешним контекстом. Это демонстрирует следующий пример:

Willchen (weinend): Ich habe es nicht gewollt!

Marichen: Wer denn?

При переводе данного фрагмента диалога необходимо учитывать макроконтекст пьесы и намек на ситуацию. Фразу ‘*Ich habe es nicht gewollt*’ немецкий кайзер Вильгельм произнес у могилы павшего в боях солдата. Налицо аллюзивный подтекст, который дополнительно подчеркивается совпадением имен (Вильгельм – Вилли). Затем эта же фраза появляется снова в конце пьесы. Бог, глядя на последствия первой мировой войны говорит те же слова: ‘*Ich habe es nicht gewollt’*. И кайзера, и Бога автор сравнивает с растерянным малышом, который пытается оправдаться за свою шалость. Если при переводе исходить только из особенностей

детского дискурса в одной конкретной ситуации, то напрашиваются следующие варианты перевода:

Вильхен (плачет): Я не виноват! / Это не я! / Я нечаянно!

Марихен: А кто? / Я тоже!

Но доминантная роль военно-публицистического / политического дискурсов заставляют сделать выбор в пользу более близкого к оригиналу перевода. За основу логично взять перевод на русский язык слов кайзера '*Я этого не хотел*'. При этом все же представляется необходимым учитывать влияние конкретной дискурсивной ситуации, что позволяет немного упростить фразу (опустив местоимение). Таким образом, окончательный вариант выглядит так:

Вильхен (плачет): Я не хотел!

Марихен: А кто тогда?

Общий итог анализа смешения дискурсов в одной сцене можно сформулировать следующим образом: в переводе необходимо ориентироваться на сохранение доминантной дискурсивной составляющей, но при этом дополнять ее элементами дискурса среды, ориентируясь при выборе варианта на макроконтекст произведения. Подобное сочетание позволяет сохранить фигуру гротеска и обеспечить эмоциональное восприятие произведения читателем.

Библиографические ссылки

1. Хуиян Г. Особенности дискурса художественного произведения // Молодой ученый. 2017. № 20. С. 483-486.

2. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 9, № 46. С. 61-71.

3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 80 с.

4. Карамова А. А. Типологический аспект дискурса // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 1А. С. 361-370.

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭПАТИРУЮЩЕГО ЭФФЕКТА В РЕЧАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Е. И. Цвирко, К. И. Мялик

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: tsvinor@mail.ru

В статье рассматривается феномен эпатажа как основного метода аттракции языковой личности политического деятеля на современном этапе, изучается набор языковых средств, который приводит к созданию эпатирующего эффекта

в политическом дискурсе, а также способов и особенностей их перевода на русский язык.

Ключевые слова: эпатаж; текстовый эпатаж; политический дискурс; уровни языка; способы перевода.

MEANS OF CREATING EPATAGE EFFECT IN SPEECHES OF MODERN POLITICIANS AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

E. I. Tsvirko, K. I. Myalik
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: tsvinor@mail.ru

The article deals with the phenomenon of epatage as the main method of attraction of the linguistic personality of a politician at the present stage, examines the set of language means that leads to the creation of epatage effect in political discourse, as well as the ways and features of their translation into Russian.

Key words: epatage; text epatage; political discourse; language levels; translation methods.

Изучение языковых особенностей политического дискурса невозможно без изучения языковой личности отдельных политических лидеров. Языковой личностью можно называть «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [1, с. 245]. Данная трехуровневая концепция коррелирует с тремя основными целями коммуникации – контактоустанавливающей, информационной и воздействующей [2]. Последняя, в свою очередь, является доминирующей для языковой личности политического деятеля и в рамках политического дискурса подразумевает воздействие на публику.

При этом воздействие на публику достигается посредством владения политическими деятелями теми или иными техниками манипуляции и аттракции, которые подразумевают использование определенного набора языковых средств и их комбинаций. В рамках данного исследования эпатаж рассматривается как основной метод аттракции языковой личности политического деятеля на современном этапе и изучается набор языковых средств, который приводит к созданию эпатирующего эффекта в политическом дискурсе.

Эпатаж в речах политических деятелей – явление многогранное, проявляющееся на всех традиционно выделяемых уровнях языка, и его изучение, равно как и выявление особенностей передачи эпатажных языко-

вых единиц, требует комплексного подхода, учитывающего, помимо всего прочего, вид перевода (устный синхронный либо письменный перевод).

В политическом пространстве выделяют три вида эпатажа: визуальный, поведенческий и текстовый. Особый интерес для лингвистического и переводоведческого исследования представляет текстовый эпатаж, который изучается в рамках нашего исследования на лексическом, синтаксическом уровнях, а также на уровне текста.

Эпатаж на лексическом уровне языка выражается следующими единицами и фигурами языка и речи: окказионализмами; словами с ярким коннотативным значением, в том числе наречными интенсификаторами; многозначными словами, получающими качественно-эмоциональный оттенок при переносном употреблении; бранными словами; междометиями; словами с суффиксами субъективной оценки, передающими различные оттенки чувств; «коллизией слов» или оксюмороном; разговорной, просторечной и грубо-просторечной экспрессивной лексикой.

На синтаксическом уровне эпатаж представлен такой фигурой речи как повтор. Использование упрощенного синтаксиса также является эпатажем.

На уровне текста феномен эпатажа выражается в «переводе значительного, неординарного в разряд бытового и приданием ему утилитарного характера» [3, с. 268].

Основным материалом, составившим корпус представленного исследования, послужили речи и выступления с участием президента США Дональда Трампа, которые изобилуют эпатажными высказываниями [4; 5; 6; 7; 8].

Общий объем исследуемых текстов составил 84 страницы печатного текста (180 294 знака без пробелов). Методом сплошной, а далее направленной выборки, была выявлена 381 эпатажная лексическая единица, т. е. 148 слов с ярким коннотативным значением, 102 междометия, 65 разговорных единиц, 45 слов-интенсификаторов, 18 многозначных слов, нейтральных в основном значении, получающих качественно-эмоциональный оттенок при переносном употреблении, 3 бранных слова.

Анализ исследования показывает, что большинство эпатажных лексических единиц представлено такими группами слов, как междометия, слова с ярким коннотативным значением и разговорные слова, которые мы описываем в данной статье.

По результатам исследования в 87% случаев междометия вовсе не переводятся, то есть переводчик прибегает к приему опущения. Однако, даже в тех случаях, когда междометия переводят, какого-либо единооб-

разия в переводе не наблюдается. Скорее, междометия переводятся ситуативно. Например: *Oh!* – ‘О!’; *So* – ‘так’, ‘так что’, ‘и’, ‘да’; *Ugh!* – ‘ух!’; *Whew, Oh* – ‘ну что ж'; *Well* – ‘ну’, ‘а’, ‘но’, ‘да’; *Well-well* – ‘но, но’.

Полученные результаты подтверждают утверждение Лин Виссон о том, что междометия наряду с союзами в рамках синхронного перевода являются ничем иным как словесной «водой», которые в ограниченных темпорально условиях подлежат переводческой компрессии [9, с. 47-48].

Способы перевода лексических единиц с ярким коннотативным значением представлены переводом с помощью эквивалента или функционального аналога. Важно отметить, что 41 из 55 вариантных соответствий являются переводами таких английских слов, как *disaster, great* и *tremendous,* которые являются элементами идиостиля Дональда Трампа. Например: *I say they’re wrong, because I’m going to create tremendous jobs. – ‘Должен сказать, что они неправы, потому что я создам огромное количество рабочих мест’* [9]. Кроме того, данные лексические единицы порой переводятся еще более экспрессивно. Так, слово *disaster* было переведено как ‘полный, полный кошмар’ в предложении: *And if we can’t, we’re going to do it – we’re going to go a separate way, because it has been a disaster* [8].

Принимая во внимание вышесказанное, неверно будет утверждать, что большинство эпатажных единиц в переводе имеют тот же уровень экспрессивности, что и в оригинале. Правильнее будет заключить, что лексические единицы, которые являются элементами идиостиля той или иной эпатажной политической фигуры, передаются на русский язык с учетом всех, вложенных в слово коннотаций, как эмоциональных, оценочных, экспрессивных, так и стилистических.

Как показывают результаты исследования, способы передачи разговорных лексических единиц распределились следующим образом: в 53% трансформаций разговорный оттенок оригинала не был передан, в 11% разговорный оттенок был сохранен при переводе, а 36% разговорных лексических единиц при переводе и были опущены. Вышесказанное демонстрирует явную тенденцию не сохранять оттенок разговорности оригинала в переводе, а значит и не передавать эпатаж на стилистическом уровне. Наиболее многочисленную группу разговорной лексики составляет слово *OK*, часто встречающееся в речи нынешнего президента США. В устном переводе *OK* в таком значении опускается. Однако стоит отметить, что в письменном переводе данная разговорная лексическая единица может передаваться как «хорошо?» или «разве не так?», «ясно?». В качестве еще одного примера передачи оттенка разговорной речи выступает перевод слова *hack* с помощью просторечного русского слова

«неумеха»: *We have people that are political hacks negotiating our trade deals. – 'То есть политические неумехи обговаривают эти сделки'* [7]. Проведенное исследование подтверждает тенденцию не передавать разговорный оттенок оригинала при переводе, заменять лексические единицы, содержащие разговорный оттенок, на более формальные переводческие соответствия, а значит и не передавать эпатаж на стилистическом уровне.

На синтаксическом уровне эпатаж представлен такой фигурой речи как повтор. Повтор как прием создания эпатирующего эффекта переносится переводчиком из оригинала в перевод, а вместе с повторяющимися элементами в текст перевода привносится и тот эпатирующий эффект, для создания которого и служит повтор в политическом дискурсе. Приведем пример: *And spent trillions and trillions of dollars overseas while America's infrastructure has fallen into disrepair and decay. – 'Расходовали триллионы и триллионы долларов за границей, в то время как американская инфраструктура приходила в упадок'* [4].

Перестановка как переводческая трансформация достаточно редко встречается при переводе повторяющихся лексических единиц (1,7%). И одной из причин такой низкой частотности является специфика синхронного перевода, при котором переводимые в единицу времени сегменты настолько малы, что редко позволяют переводчику свободно оперировать порядком следования переводимых единиц. Однако порой такая трансформация удается даже при синхронном переводе: *We need law and order. And we need law and order in the inner cities, because the people that are most affected by what's happening are African-American and Hispanic people. – 'Нам нужен правопорядок. И правопорядок нам нужен во внутренних частях города, потому что люди, на которых больше всего сказывается то, что происходит – это Афроамериканцы и испаноговорящие'* [7].

Итак, анализ текстов оригинальных англоязычных речей современных политических деятелей и их переводов на русский язык в целом продемонстрировал, что англоязычный текст гораздо более эпатажный и экспрессивный по сравнению с русским текстом, что обусловлено различием нормы английского и русского языков. Переводчик при переводе речей политических деятелей с английского на русский язык отказывается от передачи оттенка разговорной речи, прибегает к нейтрализации и формализации эпатажных приемов оратора, иногда жертвуя дополнительными смыслами, заложенными в оригинале, чтобы не нарушить нормы русского языка и не произвести на читателя гораздо большее впечатление, чем этого хотел оратор.

Таким образом, эпатаж в речах современных политических деятелей – явление многогранное и комплексное, а его изучение, равно как и перевод, требует тщательного подхода. Если эпатаж на синтаксическом уровне, как правило, передается, то к переводу лексических эпатажных единиц нужно подходить с осторожностью, помня о различиях языковой нормы и традиции русского и английского языков, чтобы не произвести на зрителя или читателя гораздо большее впечатление, чем этого хотел оратор. Также в процессе перевода речей эпатажных политических деятелей важно помнить об особенностях перевода элементов идиостиля, при передаче которых на русский язык необходимо учитывать все заложенные в оригинал коннотации.

Библиографические ссылки

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М. : Флинта : Наука, 2004. 224 с.
3. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. СПб. : Михайлов В. А., 2002. 383 с.
4. The Inaugural Address // The White House [Electronic resource]. Mode of access: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address (date of access: 10.09.2017).
5. Remarks by President Trump to the People of Poland // The White House [Electronic resource]. Mode of access: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-people-poland (date of access: 10.11.2017).
6. Donald Trump // RT [Electronic resource]. Mode of access: https://www.rt.com/shows/politicking-larry-king/donald-trump-larry-king-557 (date of access: 10.10.2017).
7. The first Trump-Clinton debate transcript // The Washington Post [Electronic resource]. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated (date of access: 10.12.2017).
8. Donald Trump's entire election victory speech // Cable News Network [Electronic resource]. 2019. Mode of access: https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/donald-trump-victory-speech/index.html (date of access: 15.02.2019).
9. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. 7-е изд. М. : Р. Валент, 2000. 320 с.

ПРОБЛЕМЫ ОТРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПЕРЕВОДЕ «WANDERERS NACHTLIED II» И. В. ГЁТЕ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Е. А. Шмык
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

В статье рассматривается стихотворение И. В. Гёте «Wanderers Nachtlied II» как отражение авторской философии и жизненных идеалов человека XVIII в. Анализируются особенности перевода данного стихотворения на белорусский язык Н. Арсеньевой и Л. Барщевским.

Ключевые слова: немецкая культура; белорусская культура; художественный перевод; И. В. Гёте.

THE PROBLEM OF REFLECTION OF THE AUTHOR'S PHILOSOPHICAL POSITION IN THE TRANSLATION OF "WANDERERS NACHTLIED II" BY I. V. GOETHE INTO THE BELARUSIAN LANGUAGE

E. A. Smyk
Belarusian state University
Minsk, Belarus
e-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

The article discusses the poem of Goethe's "Wanderers Nachtlied II" as a reflection of the author's philosophy and life ideals of the man of the XVIII century. The peculiarities of translation of this poem into the Belarusian language by N. Arsenyeva and L. Barshchevsky are analyzed.

Key words: German culture; Belarusian culture; literary translation; I. V. Goethe.

Литература каждого народа развивается на протяжении всей его истории. Не возникает сомнения, что в определенные периоды истории, когда некоторые исторические, политические, социальные реалии находят свое острое отражение в жизни человека, творцы слова так или иначе находят способ выразить общественные настроения и свое собственное видение того или иного события в своем творчестве.

Есть темы вечны, вневременные и «внекультурные», говоря иначе, общечеловеческие. И они находят отражение в каждой известной на сегодняшний день литературе и искусстве.

В некоторые эпохи создавались действительно выдающиеся образцы человеческой культуры, которые не только не устаревают, но, наоборот, в каждой новой эпохе обретают свое новое актуальное значение.

Известный белорусский переводчик Л. П. Барщевский прекрасно высказался по поводу необходимости создания переводов классики: «Справа ў тым, што аніводная літаратура ня можа ў адзін пэўны час быць дасканалай ва ўсіх жанрах. А мова ж павінна разьвівацца, засвойваць стылі, мастацкія сродкі, і яна кампэнсуе недахоп чагосьці перакладамі» [1].

Поэтическое мастерство и гениальность И. В. Гёте заключалась в том, что в его произведениях сочетались не просто актуальные вопросы его современности, обрамленные в авторское видение и понимание этих самых вопросов, но и непревзойденный талант поэта, который создавал вневременные шедевры. В частности, даже небольшие стихотворения, которые были созданы поэтом, на сегодняшний день являются одними из наиболее узнаваемых и известных.

Немецкий поэт очень любил наблюдать за природой, искать в ней вдохновения, бродя по лесам, полям, взбираясь порой и на горные вершины. Стоит отметить, что подобная страсть была характерна и для Вертера и Фауста, которые унаследовали ее, безусловно, от самого Гёте. В целом, как отмечает известный белорусский германист Г. В. Синило, мотив странничества обладает концептуально важным и многомерным смыслом во всей поэзии Гёте.

6 сентября 1780 года Гёте совершил подъем на вершину Кикельхан близ Ильменау. На первый взгляд, это могло бы быть ни чем не примечательное очередное путешествие поэта. Но уже вечером этого же дня немецкий поэт написал обычным карандашом на деревянной стене охотничьей сторожки на Кикельхане восемь стихотворных строк, ставших впоследствии одними из самых узнаваемых:

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch [2, с. 99].

(«Над усімі вяршынямі / Пакой [цішыня, адпачынак, сон], / Ва ўсіх вярхушках [верхавінках] дрэў / Адчуеш ты // Ледзь якое дыханне; // Птушкі маўчаць у лесе. / Пачакай толькі, хутка / Адпачнеш [супакоішся] ты таксама» – перевод наш – Е. Ш.).

Необходимо отметить тот факт, что, несмотря на то, что произведение было написано Гёте еще в 1780 г., впервые опубликовал его поэт

только в 1815 г. В своем собрании он поставил его сразу за «Ночной песнью странника» («Wandrers Nachtlied», 1776), озаглавив при этом как «Другая» (что подразумевает «Другая (или вторая) ночная песнь странника»). Этим самым автор подчеркнул, что второе название невозможно понять без предыдущего.

Уже после смерти немецкого поэта «Другую» стали называть «Ночной песнью странника II», но еще чаще – просто «Ночной песнью странника», как будто первой части вовсе не существовало. В сознании читателей вторая начисто вытеснила первую. Рассматриваемые нами переводы этого стихотворения на белорусский язык также носят названия просто «Ночной песни странника» («Ночная песня вандроўніка»). Переводы данного стихотворения создавались в разные времена разными поэтами. К примеру, на русский язык оно переводилось М. Лермонтовым, В. Брюсовым, И. Анненским, Б. Пастернаком. В белорусском языке широко известны переводы Н. Арсеньевой и Л. Барщевским.

Анализируя феномен воздействия данного стихотворения, простого, на первый взгляд, на читателя, Г. В. Синило отмечает, в чем именно он заключается: «Несомненно, в сочетании, казалось бы, несочетаемого: предельной простоты и проступающей за ней сложности, скупости и прегнантности поэтической речи и одновременно многомерности выраженной в ней смыслов, безыскусности и в то же время виртуозности и изящества формы, наивной непосредственности чувства и аналитизма» [3].

Взгляд поэта как будто устремлен с высот вниз, рисует картину ночного покоя: вершины гор, вершины деревьев, птицы в лесах, сам человек. Но важно отметить, что уровни покоя, описываемые Гёте, различны: он абсолютен на вершинах гор; в верхушках деревьев уже ощущается едва ощутимый отзвук дуновения; временно замолкли птицы. И лишь для человека все еще нет покоя.

Философский смысл данного стихотворения не единожды становился предметом глубочайшего анализа литературоведов. Очень часто исследователи сходятся на мысли о том, что в финальных строках Гёте подразумевал нечто большее, нежели обычное успокоение, отдых. Часто указывается на то, что смысл данных строк куда более глубинный: поэт говорит об особом покое, успокоении после смерти. В этой связи рассмотрим, как данные строки передаются поэтами в белорусских переводах:

Над вяршынямі гор
Цішыня.
Ні пушча, ні бор
Ня зьвіняць.

Ціша па-над цясьнінамі
Стромых гор.
Подых над вершалінамі
Нібы замёр.

Маўкліня ў далінах.	*Шолах – хоць бы адзін!*
Ледзь, ледзь дышуць лісты.	*Птушкі маўчаць, нібы ў смутку –*
Пачакай хвіліну,	*Што ж, прычакаеш хутка*
Адпачнеш і ты... [4, с. 157].	*Ты і сабе спачын* [1, с. 269].
(*Пераклад Н. Арсенневай*)	(*Пераклад Л. Баршчэўскага*)

Что касается соблюдения авторской градации покоя, то в переводе Н. Арсеньевой она отсутствует практически полностью: абсолютная тишина характерна у нее практически для всех уровней, за исключением легкого дыхания листвы и отсутствия покоя для человека. Здесь поэтесса утрачивает изначальный смысл, вложенный в строки Гёте. А вот Л. Барщевский полностью верен оригинальному тексту, он в точности повторяет ту самую градацию, которую изначально представляет в своем тексте Гёте.

Как видно, перевод Л. Барщевского в данной связи более приближен к оригиналу, нежели перевод Н. Арсеньевой. Белорусское слово «спачын» несет в себе более глубинное и насыщенное смысловое значение, нежели просто «адпачынак». Именно его чаще всего употребляют в значении «вечный покой». На основании данного факта можно говорить о том, что при переводе Л. Барщевский ориентировался на философский смысл финальных строк оригинального стихотворения, который изначально вкладывался Гёте.

Что касается перевода Н. Арсеньевой, то он воспринимается куда более «легким». Стоит также обратить внимание на тот факт, что финальные строки в переводе белорусской поэтессы практически идентичны финальным строкам «Горных вершин» Лермонтова. Сравним: «*Подожди немного – / Отдохнешь и ты!*» и «*Пачакай хвіліну, / Адпачнеш і ты...*». Однако отличие все-таки можно увидеть в интонационной организации финальных строк поэтами, в частности, в варианте Лермонтова интонация возвышенная, на что указывает использование поэтом восклицательного знака. В то же время Н. Арсеньева придает заключительным строкам некую недосказанность. Многоточие как будто намекает на то, что все придет со временем, необходимо только немного подождать.

Необходимо также отметить и тот факт, что сложному содержанию этого стихотворения Гёте как нельзя более соответствует его звуковая организация, его ритмомелодика. Текст организован из коротких по числу слов и – соответственно – ударений строк (шесть стихов по три и два – по два ударения). Их слоговой объем составляет последовательно 6, 2, 5, 3, 6, 9, 5, 4 слога. Что касается ритмомелодики переводов на белорусский язык, то здесь следует отметить следующее: у Н. Арсеньевой слоговой объем составляет 6, 3, 5, 3, 6, 6, 6, 5 слогов, у Л. Барщевского – 8, 3, 8, 4,

6, 8, 7, 6 слогов соответственно. Таким образом, мы видим, что слоговая организация переводов отличается от оригинального стихотворения. Хотя и в одном, и во втором варианте перевода поэтами сохранено изначальное количество строк – 8.

Подводя итог, еще раз отметим, что перевод Н. Арсеньевой более близок к тексту оригинала, однако, вместе с тем практически не отражает авторской философской позиции. В то же время перевод, выполненный Л. Барщевским, хотя и является куда более авторским, практически полностью передает изначальные смыслы, заложенные немецким поэтом в изначальные 8 строк, написанные на стене охотничьего домика.

Библиографические ссылки

1. Баршчэўскі Л. І боль, і прыгажосць…. Мінск : Выдавец Зміцер Колас, 2016. 454 с.
2. Goethe J. W. Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand. Stuttgard : J. G. Cottasche Buchhandlung, 1827. 523 S.
3. Синило Г. В. «Ночная песня странника II» И. В. Гёте в свете жизненных идеалов XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-ger/sinilo-nochnaya-pesnya-strannika-gete.htm (дата обращения: 01.09.2019).
4. Арсеннева Н. Між берагамі = Between the shores: выбар паэзіі Н. Арсенневай, 1920-1970 / уступны артыкул А. Адамовіча. Таронта : Беларускі інстытут навукі і мастацтва, 1979. 350 с.

РАЗДЕЛ 6
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ: ПЛАТФОРМА *GO FORMATIVE*

Е. А. Бахтадзе
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Минск, Беларусь
e-mail: bahtadze@mail.ru

Статья рассматривает сочетание традиционных обучающих приемов преподавания иностранных языков с современными технологиями и ресурсами вебсайтов на примере использования платформы Go Formative. Работа демонстрирует технологические возможности платформы, которые могут быть направлены на развитие и совершенствование языковых навыков. Приведены преимущества и недостатки использования веб-ресурсов.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам; современные технологии; веб-ресурсы; платформа Go Formative; преимущества технологий; недостатки использования веб-ресурсов и платформ.

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN LINGUODIDACTICS: *GO FORMATIVE* PLATFORM

K. Bahtadze
The Academy of Public Administration
under the aegis of the President of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus
e-mail: bahtadze@mail.ru

The article examines a mix of traditional learning techniques and ICT in teaching foreign languages. The paper examines the platform *Go Formative* and its technological tools in developing and improving language skills. The article also illustrates the pros and cons of using web resources.

Key words: teaching foreign languages, information technologies' tools, Go Formative platform, advantages and disadvantages of ICT.

Мы живем в то время, когда безграничные возможности в сфере высоких технологий позволяют нам осуществлять общение с людьми из разных лингвистических и культурно контекстуальных областях. Современный преподаватель сталкивается с огромным количеством вариантов использования технологий в образовании для совершенствования навыков в разных сферах и отраслях. Однако, если речь идет о выборе метода, ресурса или технологии, этот процесс, может показаться сложным даже

для самых опытных преподавателей, которые легко и без боязни экспериментируют с новыми технологиями. Сочетать традиционные приемы с современными технологиями, ресурсами и инструментами веб-сайтов является настоящим искусством. Каждый знает, что любой ресурс должен наилучшим образом соответствовать конкретному уроку, деятельности или цели.

С приходом доступных цифровых технологий в 1980-х годах в США и Европе, а в последствии и в странах бывшего СССР, появилось больше технических возможностей и разработанных платформ для образования. В сети Интернет стали появляться разнообразные образцы аутентичных документов: адаптированные литературные произведения, упрощенные тексты и рассказы, интерактивные (учебные) курсы, аудио подкасты и видеоматериалы, стали создаваться новые образовательные методики и научные подходы к ним.

Глобальная сеть предоставила место для виртуальных миров (Second Life и OpenSim), Открытых Образовательных Ресурсов, учебной аналитике, дополненной реальности, Augmented Reality, вид реальной среды, с элементами дополненных сенсорных входных данных, таких как звук, видео, графика или данные GPS и Интернет вещей, реальные объекты и артефакты, которые несут читаемые данные, используемые в качестве содержимого в задачах [1]. Глобальные социальные и технологические тенденции стали обычным явлением в нашей повседневной жизни, и социальное взаимодействие в глобальной сети сейчас стало доминирующим.

Современные передовые технологии предоставляют множество вариантов гибкого дифференцированного обучения. Мобильные устройства, такие как смартфоны, стали неотъемлемой частью студенческой жизни. С ростом мобильных устройств (в частности, смартфонов), передовых мобильных технологий и беспроводной доступности сети, мобильное изучение языка (MALL) считается идеальным решением для языкового обучения, с точки зрения ограничения места и времени [2]. Любой ЭОР (электронный образовательный ресурс) – это, прежде всего, материал, который используется повторно, совершенствуется и передается снова, где ключевым фактором является способствование уменьшению нагрузки преподавателя.

Исследования по различным дисциплинам и предметам показали, что мобильные устройства имеют внушающий потенциал для повышения качества изучения языка, поскольку они могут легко соединить пользователей с любой точкой земного шара и предоставить многоуровневый учебный онлайн ресурс через различные приложения.

Но можем ли мы использовать эти взаимодействия во благо обучающихся? Как мотивировать и привлечь их к обучению таким образом, чтобы совершенствовать навыки лингвистической компетенции? Имеем ли мы право называть массивные, открытые и интерактивные онлайн ресурсы подлинным учебным курсом [1].

В данной работе мы попытаемся рассмотреть в какой степени технологические инструменты могут быть направлены на развитие языковых функций в трех режимах общения обучающихся: межличностный, интерпретируемый и презентационный.

Межличностный режим представляет собой двусторонний активный процесс, включая корректировки и разъяснения, запрос и ответ на запрос (беседа, диалог, разговор, прослушивание, голосовые сообщения, например), к данному режиму можно отнести чтение и письмо (текстовые сообщения, электронные письма или социальные сети).

Режим интерпретации является односторонним общением без согласования смысла (веб-сайты, статьи или рассказы), прослушивание (устные сообщения, песни), просмотр аутентичного материала (видео, фильмы, ТВ-шоу).

К презентационному режиму мы отнесем письменные работы: статьи, доклады или визуализированные презентации (видео демонстрации, презентации в MS PowerPoint, Prezi или Haiku deck), монологическое высказывание (подготовленная речь или высказывание на заданную тему) [3].

Приложения Go Formative, Edpuzzle и Google давно пытаются способствовать развитию лингвистической компетенции обучающихся. Сайты Go Formative, Edpuzzle и Google имеют две общие черты: облачные технологии и создание контента. Облачные технологии позволяют всем участникам, включая преподавателей и обучающихся, хранить и получать доступ к данным и программам через Интернет без использования локального диска компьютера. Доступ к контенту на любом подключенном к Интернету устройстве делает эти три инструмента привлекательными и удобными в использовании для двух сторон учебного процесса. Кроме того, преподаватель может удобно использовать эти приложения для создания учебного контента, который соответствует программе, учебному плану и содержанию компетенций в учебном заведении.

На примере использования веб-ресурса Go Formative, мы сделаем попытку найти сильные и слабые стороны данного ресурса.

Прежде всего, Go Formative является бесплатным веб-приложением, созданным для преподавателя, работающего как с малыми, так и с большими разновозрастными группами обучающихся. Работа начинается с построения виртуального класса, где экран монитора становится тетра-

дью, а мышка превращается в карандаш. Данный ресурс предполагает размещение любой учебной информации и заданий к ней с последующей оценкой обучаемых в режиме реального времени. Go Formative дает возможность получить полную информацию об усвоении обучающимися размещенного материала и вмешаться, когда это необходимо. Функция обратной связи может быть как в режиме реального времени, так и оффлайн. Регистрация учебного класса занимает всего несколько минут: создание аккаунта, поиск рабочего места (учебного заведения или организации), указание имени преподавателя (имя, которое преподаватель использует, работая с данной категорией обучаемых), преподаваемая дисциплина и уровень обучаемых (возраст, уровень владения). После создания виртуального класса, необходимо перейти по ссылкам и составить урок. Go Formative – это платформа, где преподаватели могут добавлять различный контент к содержанию своего урока: изображения, тексты, виртуальную доску, видеоматериалы из Youtube (например, клип о путешествиях, посещение врача или юриста, покупка продуктов питания или одежды), изображения (например, изображение билета на поезд или самолет, ваучер на заселение в отеле, образец анкет). В содержании мы можем разместить домашнее задание, экзаменационный материал или тестирующей комплекс с различными видами заданий и вопросников. Содержание урока зависит от воображения преподавателя и готовности обучающихся погрузиться в аутентичную среду! Следует отметить, что для новичков ресурса существует помощник – онлайн тьютор, который продемонстрирует все пошаговые инструкции от создания аккаунта на платформе и размещение учебного материала до создания продвинутых инструментов и дополнительных функций, за которые, правда, придется заплатить. Для обучающихся данная платформа является бесплатной, регистрация в классе преподавателя осуществляется в два шага: создание аккаунта и выбор класса по ссылке преподавателя.

Несомненными достоинствами данной платформы являются бесплатный доступ к платформе в сети Интернет и простота интерфейса, что приводит к более эффективному использованию времени. Мы наблюдаем индивидуализацию обучающего процесса, где каждый участник работает в собственном темпе. Студенты, в свою очередь, получают больше возможностей, обучаясь в аутентичных контекстах. Хотелось бы выделить самые интригующие инструменты и функции платформы:

- *«Покажи свою работу!»* Данная функция выходит за традиционные рамки изучения лексики, предполагая использование изображения, видео, аудио или текстовых тегов для изучения и закрепления лексических

единиц. Функция позволяет избежать традиционного использования списков или картинок с новыми словами для заучивания.

- *«Аудио ответы»* и *«Обратная связь»* помогают преподавателям взаимодействовать с ответами студентов в устной и невербальной формах. Обратная связь создает межличностное общение. Наиболее эффективным типом обратной связи является предложение помощи, создание ключей и ответов.

Функция *«Покажи оценку преподавателя всем*!» может быть использована для содействия межличностному общению и формированию дискуссионных групп для выполнения различных коммуникационных задач. Расширенные дидактические возможности способствуют мотивации и быстрому усвоению материала. Учебная среда расширяет сферу изучения языка и открывает более широкий спектр связей среди обучающихся, ведь ресурсы платформы не предусматривают ограничений количества обучаемых в виртуальном классе. Виртуальный класс позволяет наладить связи: преподаватель-студент, студент-преподаватель, студент-студент [4].

Следует, однако, помнить, что эффективность любого технологического инструмента часто зависит от знаний, опыта, позитивного отношения и креативности преподавателя. Именно он управляет и облегчает среду изучения языка.

Данный сайт определенно является полезным инструментом в мотивации и развитии языковых навыков в разных режимах общения. Инструменты и функции платформы способствуют хранению и обработке различных учебных материалов, обучающиеся практикуют своих языковые навыки через различные виды деятельности, с различными группами аудитории (зрители, слушатели и читатели). Несмотря на то, что преимущества данного ресурса очевидны, нет эмпирических исследований и измерений эффекта этих технологий. Следует помнить, что преподавателя ждет кропотливый труд и самосовершенствование в подготовке к эффективному использованию технологий. Кроме того, необходимо надлежащим образом планировать использование технологий, чтобы максимизировать педагогическую эффективность в классе. Неотъемлемым видится необходимость сбора данных и отзывов от обучающихся об их использовании той или иной технологии с целью совершенствования изучения языков. Путь к успеху использования новейших технологий порой сопряжен с психологическими, технологическими и эпистемологическими проблемами [3]. Преподаватели сталкиваются с рядом проблем: негативным мнением других коллег о содержании учебного курса, само понятие «открытый контент» вызывает определенные труд-

ности в интерпретации, непонятным остается вопрос о том, как происходит шеринг контента – представления контента другой аудитории, как осуществляется политика конфиденциальности, отвечает ли институциональная инфраструктура требованиям технологий и подготовки преподавателей к трудоемкому процессу разработки контента и программного обеспечения, требующего лингвистической и дидактической функциональности.

В этой связи необходимо провести дополнительные междисциплинарные исследования, в ходе которых основное внимание уделялось бы основной концепции, определяющей разработку интерфейсов для доступа к учебному контенту. Следует понимать, что любая платформа, ЭОР, открытый ресурс или обучающий сайт – это координационный центр, объединяющий технологии, педагогику, лингвистику, психологию и бизнес [1]. Сегодня мы можем начать с новой концептуализацией обучаемого, преподавателя и учебной среды.

Библиографические ссылки

1. UNESCO. What are Open Educational Resources (OERs)? Mode of access: http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/access-to-knowledge/open-educational-resources (date of access: 12.09.2019).
2. Burston J. Mobile-assisted language learning: Language Learning and Technology challenges [Electronic resource]. 17(3): 157-224, 2013. Mode of access: http://llt.msu.edu/issues/october2013/burston.pdf (date of access: 12.09.2019).
3. Reese S. Differentiation in the language classroom. The Language Educator [Electronic resource]. 2013. Mode of access: https://www.actfl.org/sites/default/files/pdfs/TLEsamples/TLE_Aug11_Article.pdf (date of access: 12.09.2019).
4. American Council on the Teaching of Foreign Languages. Statement on the role of technology in language learning [Electronic resource]. Mode of access: https://www.actfl.org/news/position-statements/statement-the-role-technology-language-learning (date of access: 12.09.2019).

РАЗВИТИЕ УМЕНИЙ ПИСЬМЕННОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ

Л. И. Бобылева
Витебский государственный университет им. П. М. Машерова
Витебск, Беларусь
e-mail: lianabobyleva@gmail.com

Письменный деловой дискурс является важной частью межкультурной компетенции. Успешное развитие его навыков и умений предусматривает учет стра-

тегий коммуникативного общения, которые формируются на основе системы подготовительных и речевых упражнений.

Ключевые слова: межкультурное общение; деловой дискурс; стратегии; подготовительные и речевые упражнения.

WRITTEN BUSINESS DISCOURSE SKILLS DEVELOPMENT AS AN IMPORTANT FACTOR OF INTERCULTURAL COMMUNICATION READINESS FORMATION

L. I. Bobyleva
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus
e-mail: lianabobyleva@gmail.com

Written business discourse is an important part of intercultural competence. Its skills and habits successful development envisages consideration of communicative strategies that are developed on the basis of drill and speech exercises.

Key words: intercultural communication; business discourse; strategies; drill and speech exercises.

В Республике Беларусь владение иностранными языками рассматривается как важный фактор социально-экономического, научно-технического и культурного прогресса. Иностранные языки изучаются в целях их дальнейшего функционирования в качестве инструмента всестороннего информационного обмена, взаимодействия национальных культур, усвоения личностью общечеловеческих ценностей. Возрастают потребности страны в специалистах, способных использовать иностранные языки для эффективного обеспечения различных видов коммуникации. В этой связи особое значение имеет дальнейшая разработка путей повышения качества обучения иностранным языкам в целом и совершенствования механизмов формирования навыков и умений делового дискурса как важного компонента межкультурной коммуникации в частности.

Характерными чертами речевого акта современной деловой коммуникации выступают: 1) намеренность (интенциональность), 2) целеустремленность, 3) конвенциональность.

Речевой акт имеет специфическую структуру. Первым этапом формирования замысла делового общения выступает определенное стечение обстоятельств, которое влияет на принятие того или иного решения субъектом речи. На втором этапе осуществляется анализ материала, его систематизация и обработка, разработка стратегии, составление плана текста сообщения. Третьим этапом является собственно общение, на котором можно выделить следующие ступени делового дискурса:

1) приветствие; 2) постановка вопроса/проблемы/просьбы, высказывание предложений; 3) выдвижение идей, версий, вариантов решения проблем; 4) нахождение оптимального способа решения проблемы/вопроса; 5) принятие решения; 6) заключительные слова и прощание.

Для достижения успешного общения важную роль играет коммуникативная дистанция или дистанирование, под которой понимают хорошо подготовленный набор конвенциональных стратегий, направленных на то, чтобы продемонстрировать собеседнику признание его независимости, личной автономии, заверить в отсутствии намерений со стороны говорящего переступить через существующие между ним и адресатом границы, а в случае необходимости покушения на свободу адресата – снизить до минимума воздействие на него [1, с. 171]. Дистанирование включает в себя физическую, психологическую и социальную дистанцию. Наиболее конкретным и ощутимым компонентом является физическая дистанция, под которой понимают проксемическое поведение при беседе, предусматривающее не только дистанцию между говорящими, но и их расположение в пространстве. Социальная дистанция означает неравенство статуса, ранга и класса коммуникантов. Она относительно стабильна, но зависит от того, как коммуникант воспринимает собственный статус. Психологическая дистанция определяется степенью близости, привязанности и фамильярности. Она менее стабильна и ощутима, так как подвергается изменениям из-за внутреннего состояния собеседника, поэтому она неразрывно связана с социальной.

Тесная связь дистанцирования с деловой коммуникацией обусловлена тем фактом, что для достижения успешного речевого акта необходимым условием является коммуникативное поведение собеседников, т.е. совокупность речевых стратегий и тактик.

Анализируя современный деловой дискурс, можно выделить следующие примеры стратегий дистанцирования:

1. Косвенный стиль общения, характерный для английской культуры и проявляющийся в отсутствии категоричности для выражения своей точки зрения посредством использования таких сочетаний, как ‘*I think’, ‘I guess’, ‘I suppose’*, что позволяет придать субъективность высказыванию и демонстрирует готовность к компромиссу.

2. Использование вопросительных конструкций в побудительных предложениях для выражения просьб, что способствует переводу прямого высказывания в косвенное и демонстрирует определенную уклончивость, например, ‘*Do you think you could help me*?’

3. Предоставление собеседнику выбора отказаться от выполнения действия, например: ‘It would be nice to meet you again if you were not

busy’ (высказывая неуверенность в том, что собеседник свободен, автор предоставляет ему возможность не принимать приглашение).

4. Выражение сомнения в возможности или желании адресата выполнить действие с помощью, например, употребления глаголов *can, could, will, would: ‘Would you mind turning to the next issue?’*.

5. Использование извинения как средства стратегии сближения, особенно в тех ситуациях, когда говорящий предвидит, что его действие будет покушением на независимость адресата, но в силу различных причин вынужден идти на это: *‘I’m sorry to trouble you, but…’* .

6. Представление речевого акта как общепринятого правила, т.е. высказывая свою просьбу как общепринятую, а не как личную, пишущий снижает директивность своего высказывания, так как это позволяет отдалиться от ситуации обоим коммуникантам, например: ‘*Company regulations require an examination’*.

7. Использование фамилии, титулов для выражения своего уважения.

По мнению Т. В. Лариной, можно выделить следующие языковые средства реализации стратегии дистанцирования: модальные глаголы, модальные модификаторы (единицы субъективной модальности), сослагательное наклонение, вопросительные конструкции, страдательный залог, смещение временного плана [1, с. 172–174].

Официально-деловые тексты как правило составляются в письменной форме. В этой связи важную роль играет обучение письменной деловой коммуникации на основе подготовительных (тренировочных) и речевых упражнений. Целью подготовительных упражнений является формирование таких навыков и умений, как анализ источников-образцов, выделение необходимой информации, составление плана, сокращение или расширение текста, логичное и грамотное оформление высказывания [2, с. 199]. Можно выделить следующие задания, формирующие навыки письменного дискурса: 1) списывание с дополнительным заданием; 2) выписывание из текста или запись при прослушивании текста ключевых слов, ответов на вопросы, основных идей, примеров употребления определенных лексических единиц и грамматических структур и т.д.; 3) нахождение в предложениях и текстах ошибок, связанных с нарушением лексических, грамматических, стилистических норм употребления; 4) упражнения на логическое развитие содержания, к которым можно отнести задания на завершение предложений, на составление вопросов к имеющимся ответам, на расположение частей текста в логичной последовательности, на предвосхищение окончания текста по прочитанному отрывку и т.д.; 5) упражнения на сжатие или расширение текста; 6) составление плана-конспекта или опоры в виде схемы.

Речевые упражнения направлены на раскрытие содержания письменного высказывания, которое включает в себя ряд трудностей, типичных для данной формы коммуникации. Тексты официально-делового стиля речи характеризуются точностью и лаконичностью, неличным характером высказываний, императивностью, официальностью, четкой последовательностью. К числу наиболее востребованных в современном обществе видов письменной делового дискурса относятся письма, договоры/контракты, соглашения, имеющие ряд отличительных особенностей, основной из которых является правильное нормативное оформление в соответствии с социокультурными стандартами той или иной страны. В результате выполнения речевых упражнений формируются следующие умения деловой коммуникации: грамотное (нормативное и узуальное) оформление текста, соблюдение логики изложения, учет социокультурных особенностей иноязычной эпистолярной речи, учет особенностей стратегий дистанирования и др.

Составление письменного текста включает следующие механизмы: наличие речевого намерения, т.е. осознание цели, примерного содержания сообщения; выбор языковых средств, которые будут использованы для достижения коммуникативной цели; выделение предиката как стержневой части в смысловой организации предложения; осуществление связи между предложениями при помощи соответствующих строевых слов [3, с. 258].

Речевые письменные упражнения можно условно разделить на ряд групп с учетом сложности содержания, объема высказывания, характера опор и роли самостоятельности при их выполнении, а именно: репродукция содержания с опорой на текст, репродукция с использованием формальных опор, продукция с опорой на наглядность, продукция с опорой на речевой и жизненный опыт учащихся.

Таким образом, развитие навыков и умений письменного делового дискурса – многогранный процесс, методически грамотная организация которого обеспечит формирование у учащихся готовности к межкультурному общению.

Библиографические ссылки

1. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

2. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. М. : Просвещение, 2005. 239 с.

3. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М. : Академия, 2004. 336 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ НА CLIL-УРОКЕ: ГЕОГРАФИЯ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В. В. Власова
Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия
e-mail: misseverything98@yandex.ru

В статье рассматривается использование лингводидактических технологий на уроке географии и английского языка с элементами предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL), раскрывается значимость применения лингводидактических технологий для снятия лексических сложностей в процессе формирования готовности к межкультурному общению.

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение; лингводидактические технологии; география; английский язык; межкультурное общение.

USING LINGUODIDACTIC TECHNOLOGIES IN THE CLIL-LESSON: GEOGRATHY AND ENGLISH

V. V. Vlasova
Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: misseverything98@yandex.ru

In the article is discussed using linguodidactic technologies in Geography and English lesson with elements of Content and Language Integrated Learning (CLIL), is revealed the importance of using linguodidactic technologies to remove lexical difficulties in the formation of readiness for intercultural communication.

Key words: Content and Language Integrated Learning; linguodidactic technologies; Geography; English; intercultural communication.

Современное образование в области иностранных языков направлено на подготовку обучающихся к межкультурному общению, на развитие их иноязычной коммуникативной компетенции. В связи с этим все большую популярность при обучении иностранному языку набирает использование лингводидактических технологий, которые призваны помочь сформировать готовность к межкультурному общению.

Лингводидактическая технология служит средством адаптации образовательного процесса к новым структурным, содержательным и технологическим компонентам, ориентированным на формирование универсальных учебных действий, специфических учебных действий, формирование системы оценивания планируемых результатов образования и ряд других [2, с. 104].

Таким образом, лингводидактические технологии направлены на снятие разного рода трудностей, которые могут возникнуть при достижении цели обучения иностранному языку. Одной из главных трудностей при развитии готовности к межкультурному общению является перекодировка содержания значения и смысла иноязычной культуры для ее полного понимания обучающимися, например, *понимание обучающимися неформальной сленговой лексики.*

Приведем пример разработанного нами урока с использованием лингводидактических технологий в сочетании с применением элементов предметно-языкового интегрированного обучения (*CLIL*).

CLIL (*Content and Language Integrated Learning*) относится к любому сфокусированному на двух предметах образовательному контексту, в котором дополнительный язык, т. е. не основной язык, на котором ведется весь курс обучения, используется как средство при обучении неязыковому предмету [1, с. 64].

По нашему мнению, существуют два варианта использования методики *CLIL* в условиях общеобразовательной школы: введение предметно-интегрированного языкового обучения по методике *CLIL* и включение элементов методики *CLIL* в состав отдельных предметов. В данной статье мы рассмотрим второй вариант. Возможность включения элементов методики *CLIL* в состав отдельных предметов описывается на примере интеграции учебных предметов «География» и «Английский язык». В рамках исследования был разработан интегрированный урок с элементами методики *CLIL* по географии и английском языку с использованием лингводидактических технологий на основе учебно-методических комплексов авторов В. Эванс, Д. Долей, О. Подольяко, Ю. Ваулиной «Spotlight» по английскому языку и А. П. Кузнецова., Л. Е. Савельевой, В. П. Дронова «География» для 7 класса. Темы, на которые мы опирались, разрабатывая урок – «Green Issues» («Spotlight») и «Общечеловеческие проблемы» («География»).

Цели проекта:

Образовательные:

1. Овладение базовыми географическими знаниями, а также представлениями о закономерностях развития человеческого общества в социальной, научной и культурной сферах.

2. Обогащение активного иноязычного словарного запаса обучающихся по теме, расширение объема используемых в речи грамматических средств для свободного выражения мыслей и чувств адекватно ситуации и стилю общения.

3. Совершенствование видов иноязычной речевой деятельности (аудирования, чтения, говорения и письма).

Развивающие:

1. Совершенствование навыков командной работы.

2. Развитие готовности принимать участие в дискуссии, выражать собственное мнение.

3. Развитие креативного подхода обучающихся к заданиям.

Воспитательные:

1. Воспитание гражданской ответственности у обучающихся.

Методы обучения − репродуктивный, частично-поисковый. *Речевой материал* − лексика на английском языке по теме «Экологические проблемы и эко-туризм». Для реализации проекта необходим раздаточный материал, подключение к интернет-сети, компьютер, динамики, проектор.

Урок начинается с актуализации полученных знаний. Учитель открывает опрос с ресурса *plickers.com* на интерактивной доске и его результаты по окончании работы обучающихся. Опрос является подготовкой к представлению нового материала. Обучающиеся участвуют в интерактивном опросе, после его прохождения предполагают возможную тему урока и после обсуждения формулируют цель урока. Учитель исправляет ошибки, допущенные во время выполнения задания, отвечает на вопросы обучающихся и обозначает свою точку зрения на спорные вопросы.

На основном этапе урока осуществляется работа с видеороликом. Учитель снабжает обучающихся раздаточным материалом (вопросы из опроса), включает видеоролик, который взаимосвязан с опросом. Видеоролик является элементом методики *CLIL*, поскольку рассказывает об экологически чистых городах мира (география). Видеоролик используется как для представления новой лексики, так и с целью повторения уже изученного лексического материала для его дальнейшей отработки в разнообразных заданиях. Обучающиеся смотрят видеоролик, переосмысливают свои ответы на опрос и делают работу над ошибками индивидуально, работы сдаются на проверку учителю.

Затем обучающиеся работают с комментариями к видеоролику, которые написаны на английском языке. Они выбирают сленговую лексику и пытаются подобрать к ней литературный аналог из уже известной им лексики. Учитель курирует работу обучающихся. После выполнения задания в парах обучающиеся обсуждают найденные ими сленговые слова и их литературные аналоги всей группой, учитель отвечает на вопросы и разъясняет спорные моменты.

На этапе контроля и самоконтроля учитель выдает тестовое задание. Тестовое задание является индикатором понимания новой лексики каждым обучающимся, готовит к заключительному письменному заданию. Обучающиеся выполняют тестовое задание индивидуально.

Заключительным этапом урока является систематизация материала и рефлексия. Учитель выдает лист, на котором написан комментарий на экологическую тему и объявляет задание: написать ответ на этот комментарий. Задание передается по цепочке. Каждый обучающийся по очереди отвечает и высказывает свое мнение по указанной в переписке экологической теме. Когда каждый обучающийся напишет свой комментарий, задание снова передается по цепочке, обучающийся зачитывает тот комментарий, который ему больше всего понравился. Учитель исправляет допущенные ошибки и отвечает на вопросы обучающихся.

Письменная работа является заключительным этапом работы с языковым материалом на уроке. Она позволяет увидеть как общую, так и частную языковую подготовку обучающихся и наводит обучающихся на размышления о том, как прошел урок. Учитель задает обучающимся вопросы о прошедшем уроке, обучающиеся выражают свое мнение.

Следует отметить, что для внедрения элементов методики *CLIL* на уроке географии и английского языка потребуется учитель, владеющий на высоком уровне не только предметными знаниями, но и английским языком. Для успешной реализации такого урока также необходим надлежащий языковой уровень обучающихся, поэтому мы считаем, что такой вид работы больше подходит для обучающихся старших классов.

Мы можем сделать вывод о том, что интегрированный урок географии и английского языка, включающий в себя элементы методики *CLIL* и лингводидактические технологии, может помочь в формировании готовности к межкультурному общению и, тем самым, в интеграции обучающихся в иноязычную культуру.

Библиографические ссылки

1. Девель Л. А. Культура и деловой иностранный язык (опыт применения предметно – языкового интегрированного обучения ПЯИО) // Вестник Пермского исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015 С. 64-70.

2. Рубцова А. В. Лингводидактическая технология автономного продуктивно-модульного обучения иностранному языку // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011 С. 104-109.

КОММУНИКАТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ПРОФИЛЯ

Л Д. Грушова, А. В. Бурак
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
Минск, Беларусь
e-mail: luciena1950@mail.ru

Статья посвящена коммуникативно-ориентированному обучению иностранному языку студентов неязыкового профиля. В статье рассматриваются особенности обучения студентов, которые должны практически владеть иностранным языком и уметь осуществлять иноязычное речевое общение в реальных ситуациях в соответствии с нормами поведения и речевого этикета, принятыми в данном сообществе. В качестве методических приемов определяется ситуативная направленность обучения с использованием ролевых игр.

Ключевые слова: иностранный язык; ситуативная направленность; коммуникативная компетенция; иноязычное речевое общение, ролевая игра.

COMMUNICATIVE FOREIGN LANGUAGE TEACHING OF NON-LINGUISTIC SPECIALITIES STUDENTS

L. D. Grushova, A. V. Burak
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Belarus
e-mail: luciena1950@mail.ru

The Article deals with communicative foreign language teaching of non-linguistic specialities students. Features of teaching students, who should have high level of proficiency in foreign languages, be able to participate in real communication and follow relevant standards of conduct accepted in a foreign society, are revealed in the article. Situational orientation of teaching, using role-playing games are stated as instructional methods.

Key words: foreign language; situational orientation; communicative competence; foreign language communication; role-playing game.

Вузовское образование направлено на подготовку специалиста, имеющего основательный уровень профессионального и общекультурного развития, умеющего осуществлять иноязычное речевое общение в реальных ситуациях в соответствии с нормами поведения, речевого этикета, принятого в данном обществе. Умение общаться, то есть достигать взаимопонимания, как в повседневном, так и в профессиональном плане, невозможно без знания всего комплекса коммуникативных реалий, присущих данной культуре. В связи с этим в процессе обучения иностранному языку важное значение приобретает приобщение студентов к культуре страны изучаемого языка.

Культура в современном мире понимается как совокупность исторических, социальных и психологических особенностей этноса, его традиций, взглядов, ценностей, поведения, быта, условий жизни и, конечно же, языка. Как известно, язык связан с историей и культурой народа. Культурно-историческое бытие народа запечатлевается в языке, в его знаках и формах, а язык, в свою очередь, становится, по словам В. фон Гумбольдта, орудием мыслей и чувств народа [1, с. 12].

Вопросами взаимосвязи языка и культуры занимаются представители этнолингвистического направления, такие как Р. А. Агеева, Т. В. Гамкрелидзе, Г. В. Елизарова, В. В. Иванов, Н. И. Толстой, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, и др.

По мнению Г. В. Елизаровой, «культура, представляет собой сложнейший феномен, определяющий систему ценностных ориентаций как общества в целом, так и отдельной личности – носителя определенной культуры <…> Сопоставительное изучение культур возможно только через механизм культурных универсалий и рассмотрение параметров каждой культуры в эмическом (внутренне обоснованном) аспекте [2, с. 183].

В связи с этим появляется необходимость <…> воспитания способности видеть особенности своей культуры в контексте культуры страны изучаемого языка. Познание чужой культуры должно осуществляться через собственную культуру, а не противопоставляться ей. Такое понимание своей культуры через призму другой ведет к межкультурной компетенции, образованию культуры личности, которая осваивает иностранный язык. В связи с этим важно сформулированное Е. И. Пассовым положение: «Культура через язык и язык через культуру» [3, с. 31].

Иностранный язык несет важную смысловую нагрузку в процессе формирования специалиста с глубокой культурой и широким кругозором. Преподавателю иностранного языка необходимо познакомить студентов неязыкового профиля с иноязычной культурой, научить их иноязычному коммуникативному коду, обеспечивающему доступ к культурным ценностям инофонов, и обучить их практическому владению языком как средством коммуникации. Обучение иноязычному коммуникативному коду осуществляется, прежде всего, на аутентичном (обязательно адаптированном для студентов неязыковых специальностей) текстовом материале разнообразной тематики.

Использование в обучении иностранному языку аутентичных материалов с последующим переводом, пересказом и интерпретацией прочитанных текстов способствует формированию и развитию навыков межкультурного общения, в основе которого «лежит комплекс умений, поз-

воляющих участвовать в речевом общении в его продуктивных и рецептивных видах» [4, с. 140].

Вовлечение студентов в активную речевую деятельность на занятиях по иностранному языку является важной задачей преподавателя. Необходимым условием и важнейшим средством осуществления процесса коммуникации является ситуативная направленность обучения иноязычной речи. По мнению Е. И. Пассова, ситуация – это «основа функционирования общения: весь процесс общения – это фактически непрерывный динамичный ряд сменяющих друг друга ситуаций» [5, с. 41]. Участие студентов в коммуникативных, приближенных к реальной жизни, ситуациях способствует развитию их воображения, самостоятельной деятельности и стимулирует мотивацию учения.

Но обеспечить ситуативную направленность обучения иностранному языку студентов неязыкового профиля довольно сложно. Сложность состоит в том, преподаватель сталкивается как с объективными, так и субъективными трудностями. К объективным трудностям относятся: отсутствие на занятиях языковой среды; ограниченное количество часов, отводимых на изучение дисциплины «Иностранный язык»; ежегодное сокращение аудиторных часов на изучение иностранного языка и др. К субъективным трудностям относятся: отсутствие у студентов неязыкового профиля достаточных фоновых знаний: пробелы в грамматике, лексике, фонетике; сложности в воспроизведении предложенных преподавателем диалогов; неумение строить свое собственное монологическое и диалогическое высказывание и пр.

В этом случае большая роль отводится преподавателю, который может смоделировать ситуации различными способами (с помощью инсценировок, ролевых игр, проблемных и поисковых заданий, направленных на усвоение лингвострановедчески окрашенной лексики, на знакомство с разнообразной социокультурной информацией и усвоение национальных стереотипов; организации занятий «погружений» в культуру страны изучаемого языка; подготовки творческих проектов межкультурного содержания и таких средств, как наглядность и словесное описание) для формирования речевых умений и навыков, отработки произношения, усвоения грамматических явлений. Например, при изучении грамматической темы «Будущее время» студенты неязыковых специальностей готовят высказывания, содержащие предложения в будущем времени по ситуации «Как изменится жизнь Республики Беларусь в будущем?» В качестве ключевых слов предлагаются, например словосочетания: использование нанотехнологий в экономике, космосе, технике; применение 3D-технологий в медицине; будущее Республики Беларусь в ВТО и пр.

На занятиях по иностранному языку моделируются типичные коммуникативные ситуации, предполагающие использование усвоенных студентами устойчивых формул повседневного общения, таких как обращение, приветствие, представление, знакомство, извинение, приглашение, поздравление и пр. Владение национально-специфическими стереотипами, устойчивыми формулами повседневного общения, позволяет преподавателю переводить студентов на более высокий уровень культурной грамотности, предполагающий умение использовать в ситуациях различные речевые клише, фразы. Например, речевые клише, выражающие *радость*: *Ich bin sehr froh dich zu sehen!* – ‘Я очень рад тебя видеть!’; *Es ist mir angenehm, Sie zu sehen!* – ‘Мне очень приятно Вас видеть!’; *гостеприимство*: *Vielen Dank, dass Sie uns besucht haben.* – *‘Большое спасибо, что Вы нас навестили’; Setzen Sie sich bequem!* – ‘Садитесь удобно!’; *Bedienen Sie sich!* – ‘Угощайтесь!’; *Schämen Sie sich nicht!* – ‘Не стесняйтесь!’; *Fühlen Sie sich wie zu Hause!* – ‘Чувствуйте себя как дома!’; *просьбу*: *Ich habe eine Bitte an Sie* – ‘У меня есть к Вам просьба’.

Ситуации предполагают общение, диалог между двумя и более собеседниками. Непременным атрибутом речевого общения являются сопровождающие речь реплики, выражающие, например *удивление*: *Ist das wirklich so?* – ‘Это действительно так?’; *Davon habe ich nichts gewusst.* – ‘Об этом я ничего не знал’; *озабоченность*: *Ich möchte dieses Problem je schneller erledigen.* – ‘Я хотел бы эту проблему поскорее уладить’; *Kann man das rechtzeitig machen?* – ‘Это можно вовремя сделать?’; *сомнение*: *Ich zweifle.* – ‘Я сомневаюсь’*; Ich bin nicht sicher.* – ‘Я не уверен’; *недовольство*: *Ich das von Ihnen nicht erwartet.* – ‘Я этого от Вас не ожидал’; *So geht es nicht!* – ‘Так не пойдет!’; *Das lässt mich kalt.* – ‘Это меня не волнует’; *Sie haben Ihre Versprechung nicht erfüllt.* – ‘Вы не выполнили свое обещание; несогласие’; *Auf keinen Fall!* – ‘Ни в коем случае!’; *Das ist unmöglich!* – ‘Это невозможно!’; *Das kommt nicht in Frage.* – ‘Об этом не может быть и речи!’; *Ich bin nicht einverstanden.* – ‘Я не согласен’; *неодобрение*: *Sie haben sich mit Ihren Schlussfolgerungen beeilt.* – ‘Вы поторопились со своими выводами’; *Das geht nicht!* – ‘Так не пойдет!’; *Das ist nichts!* – ‘Это не годится!’; *Es ist unzulässig, so zu handeln.* – ‘Недопустимо так поступать’; *сожаление*: *Zu meinem großen Bedauern.* – ‘К моему большому сожалению’*; Es tut mir leid.* – ‘Мне очень жаль’.

Для успешного общения на иностранном языке с представителями иной культуры студентам неязыковых специальностей необходимо усвоить не только особенности национального менталитета, национального характера, ценностные ориентиры лингвокультуры страны изучаемого языка, но и знать расхождения в культурно-языковых нормах, в восприя-

тии времени и пространства; учитывать неодинаковое восприятие юмора; уметь делать комплименты; проявлять сдержанность, то есть уметь слушать и не перебивать собеседника и пр.

Таким образом, коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку студентов неязыкового профиля предполагает использование на занятиях приближенного к реальным условиям учебного материала и создание методически целесообразных условий (то есть моделирование речевых ситуаций) для учебного общения, обеспечивающих в последующем перенос отрабатываемых речевых умений в реальные условия иноязычного общения.

Библиографические ссылки

1. Об утверждении Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь от 14 декабря 2006 г. № 125 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006.
2. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб., 2004. 291 с.
3. Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге. Мн. : ЛГПИ-РЦИО, 2000. 625 с.
4. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам : Теория и практика : учеб. пособие для преподавателей и студентов. 4-е изд. М. : Филоматис: Омега-Л., 2010. 480 с.
5. Концепция коммуникативного обучения иноязычной культуре в средней школе : пособие для учителя / С. С. Артемьева и др.; под ред. Е. И. Пассова, В. Б. Царьковой. М. : Просвещение, 1993. 127 с.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАТИВНЫХ МЕТОДОВ

С. С. Дроздова, Е. О. Машкарева
Белорусский государственный экономический университет
Минск, Беларусь
e-mail: Drozdovas@tut.by

Одной из ключевых проблем обучения в системе высшего образования, является обучение иностранному языку, базируясь на основных аспектах коммуникативной компетенции. В данной работе дается описание системы коммуникативной компетенции, рассматриваются цели, задачи, преимущества и недостатки данной системы.

Ключевые слова: международная коммуникация; компетентность; высшее образование; формы обучения; образовательная программа; инновационные методы.

LEARNING A FOREIGN LANGUAGE ON THE BASIS OF COMMUNICATIVE METHODS

S. S. Drozdova, E. O. Mashkaryova
Belarus State Economic University
Minsk, Belarus
e-mail: Drozdovas@tut.by

One of the key problems in learning a foreign language is learning based on the main aspects of communicative competence. This work provides the description of communicative competence, the tasks, objectives, advantages and disadvantages of the system.

Key words: international communication; competence; higher education; forms of education; innovation methods; educational program.

Международная коммуникация – это способность к адаптации в разнообразных ситуациях межкультурной коммуникации. Однако традиционно «коммуникативная компетенция» использовалась для обозначения адаптации к одиночным и устоявшимся речевым оборотам. Подготовка к общению между людьми из самых разных слоев общества, которые часто общаются за пределами своих собственных или разговорных сообществ, предполагает необходимость иметь высокоразвитый репертуар коммуникации. Связанная с этим озабоченность заключается в том, что существует опасность того, что термин “международный” станет одним из условий сокращения лингвистической компетентности. Для преподавателей языка «знание» языка обычно не является вопросом прагматической или стратегической компетенции. Рассматривать английский язык как язык, который все чаще используется для международного общения, не то же самое, что определить английский язык как «международный язык». Чтобы стать грамотным в языке, всегда предполагалось, что существует совокупность языкознания, которую нужно усвоить, будь то фонологическое, грамматическое или лексическое, часто по отношению к конкретным речевым сообществам [1, с. 2].

Модель подготовки к формированию коммуникативной компетенции. Нынешнее состояние теории изучения иностранного языка и полученные знания делают необходимым вновь вернуться к компетенции коммуникативной педагогики. Значительно расширение образовательных и самообразовательных функции в школах и вузах, профессиональное значение на рынке труда в целом, привело к повышению мотивации к изучению языков международного общения. Обучение на основе коммуникации становится инструментом социального и культурного образования. Коммуникативное изучение иностранного языка означает формирование у изучающих коммуникативной компетентности языка, разго-

ворной и практической, социальной, лингвистической и интеллектуальной компетентности, когда ученик готов использовать язык в разговорной речи.

Суть основанного на компетентности подхода в процессе обучения – это получить очень конкретные практические, ориентированные знания и развить конкретные социально и профессионально значимые качества, обладание которыми будет успешно в жизни. Белорусская система образования нуждается в инновационных методах подготовки английского языка как иностранного языка.

Что необходимо преподавателю, как в Вузе, так и в школе при обучении иностранному языку?

1. Повышение осведомленности учащихся о важных аспектах коммуникации, используемых в межличностных ситуациях, особенно в процессе обучения;

2. Ознакомление студентов с фундаментальными коммуникативными навыками преподавания;

3. Дать возможность учащимся оценить материалы и языковую проверку на пригодность общения в иноязычной среде [1, с. 14].

Особое значение имеет развитие коммуникативной компетенции у будущих специалистов, будущих преподавателей и школьников. Что подразумевается под формированием коммуникативной компетенции в XXI веке? Мы можем разделить тенденции этого понятия за последние 45 лет на 3 фазы:

1. Это лингвистическая компетентность, особенно в грамматике. Грамматические знания пользователя языка о синтаксисе, морфологии, фонологии и социальных знаний.

2. Уместность, стратегическая компетентность. Включает в себя организационную компетентность, которая состоит как из грамматической, так и дискурсовой (или текстовой) компетенции;

3. «Прагматическая компетентность», которая включает в себя как социолингвистическую, так и «иллюзионную» компетентность [2, с. 140].

Одной из главных задач учителя в формировании коммуникативной компетенции учащихся, как вуза, так и средней школы, является организация среды, в которой учащиеся приобретают навыки. Такая коммуникация включает: 1) желание установить контакт со студентами; 2) умение организовывать общение, включая умение слушать собеседника, умение эмоционально сопереживать, проявлять сопереживание, умение разрешать конфликты; 3) знание правил и положений, которым следует следовать при обращении; 4) знание способов создания и понимания текстов различных типов (например, описания, отчеты, интервью, беседы).

Мы не должны забывать, что обучающиеся XXI века в основном интересуются веб-технологиями, и инновационная роль преподавания английского языка изменилась. Учитель английского языка должен начать работать с технологией с помощью веб инструментов. Коммуникативная компетенция учителей английского языка рассматривает не только способность осуществлять речевую деятельность, а также охватывать стандарты веб-технологий, выбирать коммуникативное поведение в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках конкретной сферы деятельности. Развивать навыки обучения английскому языку с помощью таких инструментов технологии, как *You Tube, Blogs, Wikis, Podcasts* [2, с. 158].

Целью модели является создание ряда условий: 1) формирование у учащихся целостного подхода к общению; 2) расширение знаний о коммуникативной компетентности; 3) совершенствование навыков планирования и организации учебных мероприятий с обучающимися.

При обучении иностранному языку, используя методы коммуникативной компетенции необходимо использовать те или иные формы педагогической работы. Формы: лекции, семинары, учебные пособия, педагогическая практика, методы: пояснительные и иллюстративные, репродуктивные, частичные исследования, использование современных технологий, использование аутентичных материалов и презентаций.

В данной работе предпринята попытка поднять некоторые из ключевых вопросов в связи с компетенцией, формирующихся средой обучения. Предложение того, что следует включить, а не исключить, может оказаться наиболее полезным подходом для пропаганды потенциальных идей, которые могут расширить наши знания о межкультурной коммуникации, позволяя нам изучать функционирование межкультурной коммуникации в реальной ситуации языкового равенства между участниками. Они также могут предоставить бесценные языковые знания для разработки учебных планов. Проблема для большинства разработчиков программ заключается не в том, что исключить, а в том, что включить и это, скорее всего, даст наиболее долгосрочные выгоды. Необходимо наличие литературы, удобных для пользователей материалов, направленных на повышение компетентности в реальном использовании языка на основе понятия родной компетентности. Длительные споры за последние тридцать лет о роли лингвистической компетентности в так называемом коммуникативном обучении часто сводились к выводу, что лингвистической компетентностью пренебрегают. В данной работе утверждается, что существует все больший потенциал для внедрения в практику и последующего использования коммуникативных навыков обучения иностранным языкам.

Библиографические ссылки

1. Asar A. The communicative competence controversy // Asian EFL Online Journal. 2005. 50 p.
2. Bachman L. Fundamental Considerations in Language Testing. Oxford : Oxford University Press,1990. 230 p.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Е. А. Епифанова
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: epifanova_ea@rudn.university

Исследуется формирование у обучающихся медицинского вуза знаний и навыков межкультурного общения при условии внедрения концепции мультидисциплинарной терминологической системы. Обсуждаются разработанные практические материалы и задания. Включение культурных компонентов влияет на повышение мотивации к обучению и способности к интеграции в международное профессиональное сообщество.

Ключевые слова: немецкий язык для специальных целей; межкультурная компетенция; мультидисциплинарная терминологическая система; медицинская терминология.

INTERCULTURAL COMPETENCE DEVELOPMENT WITHIN THE PROCESS OF TEACHING THE GERMAN LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES OF MEDICAL STUDENTS

E. A. Epifanova
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia
e-mail: epifanova_ea@rudn.university

We study the development of intercultural communication knowledge and skills of Higher School of Medicine students provided that the concept of a multidisciplinary terminological system has been introduced. Practical materials and developed tasks are discussed. The inclusion of cultural components increases motivation for learning and the ability to be integrated into the international professional community.

Key words: German for specific purposes; intercultural competence; multidisciplinary terminological system; medical terminology.

Место, которое занимает иностранный язык в комплексном обучении будущих медиков, обусловлено необходимостью межкультурного общения в их будущей профессиональной деятельности, как членов мирового экспертного сообщества. Теоретическое исследование мультидисципли-

нарных терминологических систем (МДТС), проводимое Н. И. Жабо [1], позволяет использовать полученные результаты и в практике преподавания иностранного языка для специальных целей [2].

В Германии понятие межкультурной компетенции (Interkulturelle Kompetenz der Medizinstudierenden) студентов медицинских специальностей предполагает освоение навыков коммуникации с пациентами, не являющимися коренными немцами [3]. Овладение навыками межкультурного взаимодействия является залогом успешной коммуникации врач-пациент на всех уровнях, и прежде всего, на профессиональном. Фонд Бертельсмана трактует данное понятие следующим образом: *„Fähigkeit, in interkulturellen Situationen effektiv und angemessen zu agieren; sie wird durch bestimmte Einstellungen, emotionale Aspekte, (inter-)kulturelles Wissen, spezielle Fähigkeiten und Fertigkeiten sowie allgemeine Reflexionskompetenz befördert.“ (‘Умение действовать эффективно и адекватно в межкультурных ситуациях; этому способствуют определенные установки, эмоциональные аспекты, (меж-) культурные знания, специальные навыки и умения, а также общая рефлексивная компетентность’.* – Перевод автора статьи) [там же]. В России качественно новой актуальной задачей современного высшего образования является обучение специалистов, способных вести деловое и профессиональное общение на иностранном языке. Таким образом, понятие межкультурной компетенции трактуется нами как способность осуществлять общение на иностранном языке с учетом разницы культур и стереотипов мышления.

Целью исследования является анализ содержания, методов и материалов курса немецкого языка для студентов медицинских специальностей в аспекте межкультурной коммуникации. Для достижения поставленной цели были поставлены и решены следующие задачи: 1) на основе изучения работ терминоведов проанализировать основные свойства мультидисциплинарной терминологической системы; 2) обосновать методологию обучения иностранному языку для специальных целей в аспекте диалога культур Германии и России; 3) разработать систему упражнений, сочетающих задачи усвоения профессиональной лексики по специальности с задачами эффективного обучения правилам речевого контакта с экспертами, говорящими на немецком языке.

МДТС представляет собой сложное целое с иерархической структурой, упорядоченных взаимодействующих терминов. В общенаучные свойства МДТС можно отнести также общесистемную гомогенность, внутрисистемную гетерогенность, самоорганизованность, централизованность и эмерджентность. Благодаря мультидисциплинарности системы термины подразделяются по тематическому принципу на множество

смежных и несмежных микрополей и тематических групп. Благодаря многоязычному составу экспертного сообщества, обсуждающего какую-либо проблему, в наше время проявляется предпочтение к интернациональной лексике. Термины в современном научном общении обладают заметной подвижностью семантики, происходят процессы десемантизации и ресемантизации слов и словосочетаний, получающих статус термина.

Основой для отбора материалов при составления заданий учебника является объединение терминов в макро- и микропарадигмы по концептуально-семантическим, логико-понятийным, лексико-семантическим признакам. Если с узкоспециальной научной точки зрения доминантным для терминов является тематический признак, то для методики преподавания иностранного языка как языка специальности все признаки существенны в равной мере. Внутрисистемная гетерогенность определяет МДТС и как диффузное, активно функционирующее средство профессионального общения, элементы которого включены в систему дисциплин вуза, и как средство повседневного обиходного общения.

При составлении учебника по иностранному языку / переводу с иностранного языка мы опираемся на сущность МДТС как универсальной, мультидисциплинарной системы, включающей функционально-семантические поля медицинских терминов, естественнонаучных терминов, гуманитарных терминов, общенаучных терминов. Именно так был написан учебник французского языка для будущих специалистов в ландшафтном дизайне и садоводстве, разделы первой части которого включают очевидные темы: садовые работы, свойства почвы, характеристики профессии, историю садов, – но вторая часть которого посвящена правовым, экологическим и экономическим составляющим профессии [4].

Материал исследования – речевые формулы и мультидисциплинарные термины немецкого и русского языков, отобранные методом сплошной выборки из научных глоссариев и официально-деловых текстов по медицине.

Начиная с 1-2 курсов обучения следует формировать у обучающихся межкультурную компетенцию.

Мы предлагаем познакомиться с нашим опытом организации занятий по немецкому языку для студентов-медиков, который предусматривает интеграцию профессиональных компетенций обучающихся в рамки мультидисциплинарной терминологической системы. На конкретном примере студенты отрабатывают навыки обучения иностранному языку как языку специальности. На 1-2 курсах нами моделируются учебные си-

туации, приближенные к повседневным ситуациям врачебного сообщества, такие как:

Kontaktaufnahme mit dem Patienten 'первый контакт с пациентом'

- Begrüßung und Vorstellung 'приветствие пациента, представление'
- Personendaten 'личные данные'
- Verwandtschaft 'родственные отношения'

Der erste Arbeitstag des Arztes 'первый рабочий день врача'

- Der Tagesablauf 'распорядок дня'
- Die Hierarchie im Krankenhaus 'иерархия в больнице'
- Die Vorstellung bei den Kollegen 'знакомство с коллегами'

Teilnahme an internationalen Medizinkonferenzen 'участие в международных медицинских конференциях'

- Hotelreservierung und Unterbringung 'бронирование и размещение в гостинице'
- Unterhaltung mit Kollegen 'общение с коллегами'
- Orientierung in der Stadt 'ориентация в городе'

Alltag des Arztes 'будни врача'

- Familie 'семья'
- Sport 'спорт'
- Urlaub, Erholung 'отпуск, отдых'

При использовании общеупотребительной лексики в специальном контексте развивается процесс ресемантизации. При этом употребление профессиональной лексики в различных общеупотребительных контекстах способствует развитию их лексической семантики. Узкоспециальные языковые единицы популяризируются, входят в обиход.

Выводы. Задача по формированию межкультурных компетенций студентов-медиков отнесена к ключевым задачам государственной программы медицинского обучения 21 века. И это непосредственно связано с тем, что в современном мире в условиях глобализации мировых процессов именно межкультурные компетенции способствуют как профессиональному, так и личностному росту обучающихся. Погружение обучающихся в мультидисциплинарную терминологическую систему языка формирует у них вывод о том, что даже самый простой текст может содержать разнообразную культурную информацию, определенные ассоциации, коннотации, эмоции. Таким образом, в ходе работы с общеупотребительным текстом обучающиеся приобретают, наряду с навыками владения профессионально-ориентированной лексикой, навыки выявления пласта информации о культуре изучаемого языка и стереотипов мышления носителей языка. При таком комплексном подходе к обучению воз-

растает мотивация обучающихся к обучению иностранного языка через призму расширения профессиональных контактов.

Библиографические ссылки

1. Авдонина М. Ю., Жабо Н. И. РКИ: дискурсивно обусловленная интерпретация специального текста сферы «гостиничное дело» // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica. 2016. Т. 209. С. 105-112.
2. Жабо Н.И., Авдонина М.Ю., Кривошеева Е.Н., Нотина Е.А. Ландшафтная архитектура и садоводство XXI века: вызовы и требования времени: французский язык. Учебник: в двух частях М.: РУДН, 2018-2019. Часть 1. 128 с.; Часть 2. 104 с.
3. Deardorff D. K. Bertelsmann Stiftung: Interkulturelle Kompetenz – Schlüsselkompetenz des 21 // Jahrhunderts. Thesenpapier der Bertelsmann Stiftung auf Basis der Interkulturellen-Kompetenz-Modelle. Gütersloh, 2006.
4. Zhabo N. I. Theoretical foundations of studying multidisciplinary terminological systems in modern linguistic typology // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук: сб. ст. XI Всероссийской науч.-метод. конф. с международн. участием. Москва, 15 марта 2019 г. М. : РУДН, 2019. С. 460-470.

УЧЕБНЫЙ ТЕЗАУРУС КАК РЕСУРС МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Н. Ю. Зайцева, А. В. Ивкина
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
e-mails: nzaytseva@herzen.spb.ru, ivkinaav@herzen.spb.ru

В статье описывается опыт организации проектной работы студентов неязыковых специальностей по составлению учебных словарей тезаурусного типа. Доказывается, что реализация этого творческого проекта является важной составляющей в системе подготовки специалиста, умеющего взаимодействовать с иностранными партнерами в сфере своей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: учебный терминологический словарь; тезаурус; культура проектной деятельности; межкультурное профессиональное общение.

THE LEARNERS' THESAURUSAS A RESOURCE OF INTERCULTURAL PROFESSIONAL COMMUNICATION

N. Yu. Zaytseva, A. V. Ivkina
The Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russia
e-mails: nzaytseva@herzen.spb.ru, ivkinaav@herzen.spb.ru

The article describes the experience of learning activities for students of non-linguistic subjects who are learning to compile and use professional thesaurus. Such creative projects may be used as an important component in the training system for specialists who need to interact with foreign partners in their professional activity.

Key words: learners' terminological dictionary; thesaurus; culture of project activities; intercultural professional communication.

Введение. Под межкультурным общением, понимаемым обычно как взаимодействие представителей разных культурных социумов, следует понимать в том числе и взаимодействие носителей профессиональных культур. Развитие способности вести диалог с представителями той или иной профессиональной сферы является одной из основных задач межкультурной интеграции, активно развивающейся в современном мире.

Реализация этой задачи в вузе немыслима без решения вопросов обучения иноязычной как повседневной, так и профессионально-ориентированной коммуникации, а также вопросов практико-языкового самообразования. В свою очередь развитию креативного мышления, способности к самообразованию, активизации самостоятельной работы студентов способствует проектная технология. Именно работа над проектом приближает студентов к их будущей профессиональной деятельности и обеспечивает формирование ключевых профессиональных иноязычных компетенций (лингвистической к., дискурсивной к. и профессиональной операциональной к.).

Основная часть. Проектная технология предполагает единство исследовательских, поисковых, проблемных методов. Проект, как известно, характеризуется тем, что он направлен на создание уникального продукта и последовательно реализуется группой заинтересованных партнеров в четких временных рамках [1].

Рассмотрим один из видов профессионально направленной проектной работы в обучении иностранным языкам – разработку учебного словаря тезаурусного типа и конкретизируем этапы, необходимые при его разработке. Проект реализуется авторами, преподающими французский язык в ряде неязыковых институтов и факультетов РГПУ им. А. И. Герцена (в институте музыки, театра и хореографии, и. философии человека, и. дефектологического образования и реабилитации, и. экономики и управления, и. информационных технологий и технологического образования, ф. изобразительного искусства, ф. географии, ф. биологии и др.).

Учебные словари-тезаурусы создаются с учетом накопленного ранее опыта авторов и коллег по систематизации терминологических словарей [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Напомним, что метод тезаурусного моделирования терминологии зарекомендовал себя в лексикографии как один из эффективных средств познания и систематизации специального языка той или иной предметной области [8, с. 133-136]. Необходимо подчеркнуть, что наша проектная работа основывается не на использовании готовых теза-

урусов. Она заключается в поэтапном самостоятельном «конструировании» обучающимися учебных микротезаурусов по какому-либо разделу или подразделу изучаемой темы. Это даёт больший развивающий эффект, чем использование готового тезауруса.

Воспитание культуры составления словаря предполагает формирование у студентов интеллектуальных навыков поисково-информационной работы, навыков по обработке и хранению информации.

Для систематизации терминологического аппарата той или иной области знания студентам необходимо решить основные задачи в следующей логической последовательности:

- установить границы предметной области и выбрать подобласть (подобласти) в соответствии с учебной программой;

- отобрать и проанализировать источники для построения тезауруса, которыми могут быть как терминологические (словари терминов), так и нетерминологические издания (статьи, учебники, энциклопедии), в том числе веб-сайты, мультимедиа-издания и др.;

- выбрать термины в пределах изучаемой предметной области и для каждого термина отобрать одну из существующих научных дефиниций;

- опираясь на научные дефиниции, установить логико-семантические отношения между терминами, как иерархические, так и неиерархические.

В лексикографической практике известны тезаурусы с достаточно разветвленной системой отношений. Выделяется порой до 15-20 типов связей между заглавным термином словарной статьи и ассоциативно связанными с ним терминами. Однако для реализации учебных задач целесообразно строить тезаурус на основе логического подхода к системе отношений между терминологическими понятиями. В этом случае достаточно выделить шесть основных видов иерархических отношений, объединяемых в рамках трех сфер: сфера абстрактного-конкретного («род – вид», «исходное – производное»), сфера принадлежности («целое – часть», «объект – свойство объекта»), сфера процессуальности («причина – следствие», «процессы в их последовательности»). Среди неиерархических выделяется четыре вида отношений: синонимия с двумя подвидами (отношение эквивалентности, отношение толерантности), антонимия с тремя подвидами (контрарные понятия, контрадикторные понятия, несравнимые понятия), ассоциация по сходству, отношение соподчинения. В зависимости от моделируемой предметной области количество ассоциативных отношений может быть сокращено.

Работа по конструированию тезауруса может сопровождаться сопоставлением дефиниций (или толкований) иноязычных терминов с дефинициями (толкованиями) терминов родного языка соответствую-

щей предметной области. Сопоставление дефиниций опирается на логику словарной статьи исследуемых предметных областей. Эта логика заключается в том, что словарная статья разделена на восемь зон, четыре из которых характеризуют термин иностранного языка, а другие четыре – русскоязычный эквивалент:

- первая зона – иностранный термин, возможные словосочетания иностранного термина и фразы, в которых он задействован;
- вторая зона – дефиниция или толкование иностранного термина, сопровождаемые переводом на русский язык;
- третья зона – синонимы, возможные словосочетания синонима иностранного термина и фразы, в которых задействован синоним;
- четвертая зона – ссылка на источник научной дефиниции или толкования иностранного термина,
- пятая зона – русскоязычный эквивалент, возможные словосочетания русского термина и фразы, в которых употребляется термин;
- шестая зона – дефиниция или толкование русского термина;
- седьмая зона – синонимы, возможные словосочетания русского синонима и фразы, в которых употребляется синоним;
- восьмая зона – ссылка на источник научной дефиниции или толкования русского термина.

Уникальность ожидаемых продуктов и одновременно сложность реализации вышеназванной задачи обусловлена рядом факторов: новизна разработки; загруженность студентов профилирующими предметами и вследствие этого ограниченное количество часов, отведенных на аудиторную и самостоятельную работу по иностранному языку; недостаточное техническое оснащение занятий; изучение иностранного языка, как правило, с нулевого уровня; отсутствие у студентов целостного представления лексико-семантической системы изучаемой предметной области в русском языке; отсутствие у некоторых студентов такого качества как познавательная самостоятельность.

Заключение. При всей трудоемкости задачи не следует забывать, что результаты деятельности находятся в прямой зависимости от мотивации, уровень которой возрастает, в частности, с повышением сложности задания, и соответственно падает при снижении сложности. Работа с проектом по упорядочению терминологического материала на ранних этапах обучения является мощной мотивацией как в освоении профессионального, так и общеупотребительного языка [9]. Ведь речь – это не простое говорение вслух, а личное участие, как в повседневной постоянно изменяющейся жизни, так и профессиональной сфере.

Работа над вышеописанным творческим проектом является необходимым и важным элементом в системе подготовки конкурентоспособных специалистов, самостоятельно и успешно функционирующих и развивающихся в профессиональном поле деятельности, умеющих вести профессиональный диалог с иностранными партнерами.

Библиографические ссылки

1. Стенина Т. Л. Становление проектной культуры студентов. Ульяновск : УлГТУ, 2011. 243 с.
2. Зайцева Н. Ю. Из опыта профессионально-ориентированного обучения французскому языку студентов-хореографов // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков : материалы IV междунар. науч. конф., Тольятти, 7–8 октября 2014 г. / Тольяттинский гос. ун-т; редкол. : Ю. И. Горбунов (гл. ред.) [и др.] Тольятти, 2014. С. 230-232.
3. Зайцева Н. Ю., Абдуллина А. Ф. Тезаурусный подход к моделированию терминополя предметной области «Фламенко» на материале испанского языка // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2018. № 2 (83). С. 77-84.
4. Принципы терминологических исследований в инженерной лингвистике / Н. Ю. Зайцева [и др.] // Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков: сб. ст. СПб, 2005. С. 122–127.
5. Ивкина А. В. О семантических процессах в терминологии // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. ст. СПб., 2018. С. 152–154.
6. Ивкина А. В. Тезаурусное моделирование как один из видов научно-методического сопровождения учебного процесса // Профессиональное образование, наука, инновации в XXI веке : сб. трудов VIII Санкт-Петербургского конгресса, Санкт-Петербург, 24-25 октября 2014 г. СПб., 2014. С. 352–354.
7. Zaitseva N. Tesaurus and frame as modern instruments for improving the intelligence of information systems // International Journal of Translation. 2002. Т. 14. № 2. P. 33-46.
8. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2006. 160 с.
9. Тимофеева Е. Н., Степанова Е. Н. Мотивация и целеполагание в обучении профессионально-ориентированному французскому языку студентов факультета безопасности жизнедеятельности // Герценовские чтения. Иностранные языки : Материалы всерос. межвуз. науч. конф., Санкт-Петербург, 15-16 апреля 2014 г. СПб., 2014. С. 346-347.

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ КИТАЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ЛАНДШАФТНОМУ ДИЗАЙНУ С ОПОРОЙ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Д. В. Колесникова, Л. В. Колесникова
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
e-mail: poluksa@mail.ru, kastora@mail.ru

Терминология как предмет обучения переводу текстов по специальности с китайского языка основывается на концепции образования мультидисциплинарной терминологической системы и способствует развитию у обучающихся умения самостоятельного поиска эквивалентов терминов в системе родного языка и, в то же время, желания раскрыть культурные слои текста, связанные с эстетическими и историческими основами профессии.

Ключевые слова: китайский язык для специальных целей; обучение переводу; ландшафтный дизайн; мультидисциплинарная терминологическая система.

TRAINING THE TRANSLATION OF CHINESE TERMINOLOGY OF LANDSCAPE DESIGN BASED ON CULTURAL VALUES

D. V. Kolesnikova, L. V. Kolesnikova
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia
e-mail: poluksa@mail.ru, kastora@mail.ru

Terminology as a subject of teaching translation of texts on specialty from Chinese is based on the concept of the formation of a multidisciplinary terminological system and contributes to the development of students' ability to independent search for equivalent terms in the mother tongue system and, at the same time, the desire to reveal the cultural layers of the text associated with aesthetic and historical the basics of the profession.

Key words: Chinese for special purposes; translation training; landscape design; multidisciplinary terminology system.

Введение. Занятия по практическому переводу профессионально-ориентированного текста выполняют не только собственно дидактические задачи, но и могут быть использованы как повод для развития навыков самостоятельного понимания обучающимися того, насколько языковые средства родного языка способны соответствовать выражению культурных паттернов языка изучаемой культуры. Обучение переводу терминов в рамках получения профессии способствует развитию у обучающихся языкового чутья, повышают мотивацию и желание совершенствоваться, расширяя эрудицию.

Вслед за Н. И. Жабо, в своих трудах последнего времени выдвигающей положение о том, что современная профессиональная деятельность

подразумевает освоение мультидисциплинарной терминологической системы (МДТС) [1; 2], наш коллектив разрабатывает учебные материалы [3] по обучению переводу терминологии ландшафтного дизайна, опирающиеся на такое свойство МДТС, как эмерджентность, что подразумевает ее обобщенность, гиперонимичность по своим системным признакам по отношению к каждой отдельной терминологической системе в ее составе.

Цель данного исследования – проанализировать способы и приемы обучения адекватной передачи культурных составляющих семантики лексических единиц, составляющих специализированный глоссарий. Задачи исследования: выявить культурологически значимые компоненты специального текста на китайском языке; разработать методические приемы обучения интерпретации информации с целью выявления культурологического и прагматического планов текста; предложить способы, в ходе предпереводческого анализа текста, выявить «нечто большее или совсем другое, нежели данные, приводимые автором статьи» [4, с. 144].

Материалом исследования являются тексты на китайском языке [5; 6] об истории садоводства и принципах ландшафтного дизайна Китая и предлагаемые варианты их перевода.

В результате исследования было выпущено пособие [7] для студентов Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, изучающих китайский язык, с целью чего был создан миниглоссарий. Были подобраны тексты на китайском языке по ландшафтному дизайну, в которых есть нужные идеи, сравнения, образы, раскрывающие культурную особость, принципы эстетики садов Китая, способы выражения философских основ, и в то же время, что не менее важно, показывающие, что Китай в наше время входит в единое информационное пространство современного мира. Материалы были объединены в четыре темы: 园林设计 / Садово-парковый дизайн; 景观设计 / Дизайн ландшафта; 中国园林 / Сады Китая; 中国园林分类 / Классификация китайских садов.

Студенты выполняли следующие виды учебного перевода: профессионально ориентированный в группе и индивидуально; в монологической форме (цельный текст); абзацно-фразовый перевод.

Мы обучаем передаче смысла текста – это главный результат. Однако, вслед за М. Ю. Авдониной мы считаем, что тексты садоводческой тематики должны приобрести для обучающихся «личностный смысл» [4, с. 148], поэтому ставятся и дополнительные задачи культурологического плана.

По мнению известного китаеведа Н. А. Абрамовой, «в китайской государственной и общественной практике политика, культурные ценности,

социальный опыт выступают единым целым. Этот китайский феномен, не поддающийся однозначным дисциплинарным толкованиям, имеет многомерные реальные проявления в концепциях, стратегиях развития, формах «мягкой», «умной» и «твердой силы»». [8, с. 11–12]. Мы не навязываем такое понимание дела, но, однако, при переводе предлагаем такие фразы как, например (здесь – в переводе): *Прием создания сада, который сводит воедино поэзию, каллиграфию, живопись и литературу, является одним из самых уникальных художественных стилей в классическом садово-парковом искусстве Китая.* В этом смысле перевод с китайского имеет явное отличие от перевода с европейских языков: текст на русском языке обычно в три раза длиннее оригинала, например:

小花园有平地、山地等不同形式，山地一般以台地园为主，布置在建筑四周，南向小空间背风向阳，是主人、客人活动最频繁的区域。

Перевод: ‘*Небольшие сады имеют различные формы, такие как равнины и горы. Возвышенности, как правило, в основном террасные сады, расположенные вокруг здания. Пространство южного направления обращено к солнцу, которое является наиболее часто посещаемой зоной гостями и владельцами’.*

Как показывают исследования, самая яркая черта современной агроэкотерминосистемы – наличие «многочисленных полностью тождественных обозначений одного и того же референта – номинальных определений» [9, с. 108]. Мы предлагаем студентам, в частности, перевод с русского языка небольших фраз, в которых наличествуют такие последовательности, как, например (здесь – в переводе): *Необходимо отметить, что ландшафтный дизайн, являясь искусственно созданным проектом, также обозначается терминами ‘ландшафтная архитектура’ и ‘декоративное садоводство’.*

Перевод терминов в различных контекстах способствует развитию их лексической семантики. При этом развивается процесс ресемантизации при употреблении общеупотребительного слова в специальном контексте. «Узкоспециальные языковые единицы популяризируются, входят в группу частотной лексики и становятся достоянием всего общества» [10, с. 296]. Так произошло и с некоторыми терминами китайского садоводства. В то же время для китайской культуры свойственно выспреннее и торжественное отношение к саду, поэтому в МДТС вводятся и поэтизмы, например: 瑰宝 – *драгоценность, сокровище;* 取之不尽 – *неисчерпаемый, неистощимый;* 源泉 – *родник, источник;* 诗情画意 – *идиллический, поэтический (досл. «вдохновение» и «художественный смысл»);* 神似 – *поразительное сходство;* 赋予 – *наделять; даровать.* Нередко текст и со-

здается для того, чтобы создать эмоционально-оценочное отношение к теме.

Выводы. Обсуждение в группах показывает, что обучающиеся действительно сделали нужный нам вывод: даже самый простой текст может содержать разнообразную культурную информацию, определенные ассоциации, коннотации, эмоции носителя языка. Обучающиеся научились ставить себе цель раскрыть в ходе переводческого анализа текста пласт информации о культуре.

Место, которое занимает иностранный язык в комплексном обучении будущих ландшафтных дизайнеров, обусловлено необходимостью межкультурного общения в их будущей профессиональной деятельности, как членов мирового экспертного сообщества.

Библиографические ссылки

1. Жабо Н. И. Выработка навыков оформления эмоционально-оценочной рамки профессионального общения на иностранном языке // Проблемы современного педагогического образования сб. науч. тр. Вып. 62. Ч. 4. Ялта : РИО ГПА, 2019. С. 70-73.

2. Zhabo N. I. Theoretical foundations of studying multidisciplinary terminological systems in modern linguistic typology // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук: сб. ст. XI Всероссийской науч.-метод. конф. с международным участием. Москва, 15 марта 2019 г. М. : РУДН, 2019. Р. 460-470.

3. Ландшафтная архитектура и садоводство XXI века: вызовы и требования времени: французский язык . учебник / Авдонина М. Ю. [и др.]. В 2 ч. Часть 1. М. : РУДН, 2018–2019. 128 с.

4. Построение занятия по переводу экологического текста в аспекте межкультурной коммуникации / Авдонина М. Ю. [и др.] // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2016. № 2. С. 143–150.

5. 刘向. 新序•刺奢. 武汉: 湖北人民出版社, 1996.

6. 皇家园林. 中国风景园林网, 2015.

7. . Китайский язык. Ландшафтная архитектура. 园林设计及分类 : учеб.-метод. пособие / Колесникова Д. В. [и др.]. М. : РУДН, 2016. 37 с.

8. Абрамова Н. А., Абрамов В. А. Стратегия как механизм реализации социокультурной политики современного Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VII Международной науч.-практ. конф. Чита : ЗабГУ, 2015. С. 9–19.

9. Агроэкологические термины в аспекте межкультурной коммуникации / Авдонина М. Ю. [и др.] // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2016. № 3. С. 106–114.

10. Авдонина М. Ю., Жабо Н. И. , Терехова С. И. Социально-коммуникативная роль перевода и проблемы перевода экотерминов в научном и политическом дискурсе // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков. М. : РУДН, 2015. С. 283–297.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЭФФЕКТИВНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. Л. Кондратенко
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: Konratenko@bsu.by

В статье рассматривается эвристический потенциал изучения лингвострановедческих дисциплин в вузе в процессе подготовки будущих переводчиков. Эффективность обретения навыков в сфере межкультурной коммуникации в процессе обучения анализируется через призму реализации эвристического подхода в изучении лингвострановедческих дисциплин в вузе.

Ключевые слова: язык; лингвострановедческие дисциплины, эвристический диалог, эвристические задания, творческое мышление, творческие способности, межкультурная коммуникация.

THE HEURISTIC POTENTIAL OF LINGUISTIC AND COUNTRY STUDY DISCIPLINES AT UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF ORGANIZING EFFECTIVE INTERCULTURAL COMMUNICATION

T. L. Kondratenko
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: Konratenko@bsu.by

The article examines the problem of heuristic potential of linguistic and country study disciplines at university for professional training of future translators and interpreters. The effectiveness of obtaining intercultural competence during education process is analyzed using the heuristic approach in linguistic and country study disciplines at university.

Key words: language; linguistic and country study disciplines; heuristic dialogue; heuristic exercises; creative thinking; students' creative abilities; intercultural communication.

Специфика построения современного образовательного процесса на всех его этапах призвана соответствовать вызовам и потребностям общества, учитывать стремительную динамику его развития и запросов. Приоритетные направления образования ориентированы на эффективные передовые технологии, максимально учитывающие личностные особенности и способности индивидуума как проактивной личности и раскрывающие его творческий потенциал. Антропоцентрическая парадигма поиска адекватных методов, форм и технологий в образовании позволяет рас-

сматривать эвристическую направленность в качестве наиболее приемлемой методической системы обучения.

По мнению А. В. Хуторского, особенность эвристического обучения заключается в позиционировании учебного материала в качестве среды, используемой для создания студентом собственного содержания образования в виде его личных продуктов творчества [1].

В современных исследованиях особое внимание обращается на философские, методологические и педагогические аспекты диалогизации сферы образования. Эвристический потенциал диалога осмысливается с позиций проектирования и реализации человекосообразного типа образования. По мысли А. Д. Короля, диалог выступает в качестве механизма развития человека творческого, активно участвующего в прогрессивном преобразовании мира. Эвристический диалог рассматривается как системообразующий элемент достижения целей и планирования содержания образования и как средство, повышающее мотивацию к обучению. Применение эвристического диалога обусловлено его коммуникативным потенциалом и возможностью развития соответствующих компетенций в процессе обучения [2].

В условиях мировой глобализации и активизации международных контактов актуальный формат лингвистического образования в процессе подготовки студентов специальности 1-21 06 01-02 «Современные иностранные языки (перевод)» предполагает овладение не только собственно языковым потенциалом, но и так называемыми фоновыми знаниями, культурно-историческими традициями и особенностями стран изучаемого языка.

Современная языковая действительность диктует объективно новые требования к подходам в изучении языков. Одной из наиболее насущных проблем в преподавании английского языка является глубокое изучение мира иноязычной лингвокультуры. Общение не может быть полноценным без применения знаний социальной, исторической и политической культуры страны изучаемого языка.

В частности, вузовский курс «Основы американистики» предполагает комплексное изучение различных сторон жизни американского общества: историю, государственное устройство, идеологию, политику, положение в мировом сообществе, традиции и законодательные инициативы США.

Особый акцент в рамках учебной дисциплины нацелен на изучение вопросов общественно-политического и государственного устройства США в диахроническом аспекте, поскольку изучение политической истории государства дает ключ к расшифровке ряда современных правовых и политических категорий и интенций, реализуемых во внешнеполитиче-

ском пространстве. Учебный курс предполагает рассмотрение изменения соотношения демократического, элитарного, плюралистического и олигархического компонентов политической системы Соединенных Штатов на разных исторических этапах.

Внедрение заданий эвристического характера позволяет оптимизировать учебный процесс и в рамках изучения курса обеспечить формирование линвокультурологической компетентности и актуальных фоновых знаний студентов о характерных политических, социальных, исторических сторонах и культурно-страноведческих особенностях американской действительности и готовности к осуществлению адекватной коммуникации и перевода в профессиональной деятельности.

С учетом содержания курса «Основы американистики» эвристические задания могут включать следующие тематические направления: общая картина экономического, политического и социального развития американского народа; процессы развития страны, их детерминанты и ключевые факторы; история создания независимого суверенного государство США; история гражданской войны в США; основные направления развития США и образование американских монополий; социальные движения и политические структуры США; США в современных международных отношениях; страноведческие и культурологические реалии США.

Освоение тематических кластеров в рамках программы по дисциплине «Основы американистики» на основе эвристического подхода создает возможность научиться анализировать аутентичные материалы современных исследований лингвострановедческого характера на английском языке в области истории, экономики и политики США; создавать фоновый лингвострановедческий комментарий к тексту; работать с аутентичными англоязычными материалами страноведческого характера: прессой, текстами радио и телевидения, документами, справочной литературой; интерпретировать, обобщать и оценивать факты; вести на иностранном языке беседу, участвовать в дискуссии по проблематике учебной дисциплины; осуществлять реферативный перевод текстов в рамках профессиональной сферы общения, с учетом фоновых знаний о стране (знаний о государственном и политическом укладе, о политических партиях и общественных организациях, об экономике и ее месте в мировом и европейском экономическом пространстве и т.д.).

Осуществление итогового контроля знаний (зачет) предполагает применение творческих форм промежуточной и итоговой аттестации: выполнение индивидуальных и групповых исследовательских проектов на основе изучения оригинальных англоязычных источников (СМИ, но-

востных ресурсов, документальных источников, справочной и научной литературы), подразумевающих развитие аналитических умений к интерпретации, обобщению и оценке фактов исторического, социального и культурного развития американского общества в контексте современных мировых отношений и идеи диалога культур.

Применение метода эвристического диалога и соответствующих заданий позволяет сформировать среду для индивидуальной познавательной и творчески направленной деятельности студентов с последующей вовлеченностью каждого из них в активный познавательный творческий процесс, предполагающий отказ от репродуктивной трансляции знаний и ориентированный на поиск информации, ее осмысление и создание собственного образовательного продукта [3].

Выстроенный таким образом процесс обучения максимально способствует формированию академических, социально-личностных и профессиональные компетенций. Среди них особо следует отметить умение применять базовые научно-теоретические знания для решения теоретических и практических задач; системный и сравнительный анализ; овладевать исследовательскими навыками и междисциплинарным подходом при решении задач и достижении целей; обладать креативностью и способностью к межличностным коммуникациям, генерировать способность к социальному взаимодействию и ориентации в системе общечеловеческих ценностей, учитывая особенности ценностно-смысловых ориентаций различных социальных, национальных, религиозных и профессиональных общностей и групп в определенном социуме; оценивать текущее состояние и тенденции развития социально-экономических и общественно-политических процессов в Республике Беларусь и за рубежом; анализировать и интерпретировать исследуемые явления в их взаимосвязи и взаимозависимости; развивать потребность к самосовершенствованию, творчеству и инновациям в профессиональной деятельности; уметь учиться, повышать свою квалификацию в течение всей жизни.

Важным прикладным аспектом и результатом изучения дисциплины на основе применения эвристического диалога и эвристических заданий является знакомство студентов с национально-маркированными формами общения, формирование способности ориентироваться в явлениях инокультурной действительности путем их осмысления, а также рефлексия собственных ценностей на основе усвоенной поликультурной информации и возможность приобретения статуса полноправного участника процесса межкультурной коммуникации. Достижение целей и задач изучения дисциплины продиктовано необходимостью обеспечения профессионально-лингвистической рефлексии студентами, установления и реали-

зации междисциплинарных связей с предметами языкового цикла и обеспечивает формирование линвокультурологической компетентности и актуальных фоновых знаний студентов о характерных политических, социальных, исторических сторонах и культурно-страноведческих особенностях американской действительности, готовит к осуществлению адекватной коммуникации и перевода в профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Хуторской А. В. Педагогическая инноватика – рычаг образования [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-19.htm (дата обращения: 21.10.2019).
2. Король А. Д. Эвристический урок. Результаты, анализ, рефлексии (Как разработать и провести эвристический урок). Мн. : Вышэйшая школа, 2017. 223с.
3. Джух Е. Н. Метод эвристического диалога как средство развития межкультурной компетентности студентов // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология : актуальные вопросы и перспективы развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1-2 марта 2017 г.. Мн. : БГУ, 2018. С. 108-11.

КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ И МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ У ИЗУЧАЮЩИХ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ЕГО ВУЗОВСКОМ КУРСЕ

О. Б. Тарнопольский, С. П. Кожушко
Университет имени Альфреда Нобеля
Днепр, Украина
e-mails: otarnopolsky@ukr.net, lana@duan.edu.ua

Статья рассматривает сущность, составляющие и методику формирования вторичной языковой личности у изучающих иностранный язык в условиях внедрения последних в культурно-ориентированного обучения в вузовские курсы. Дается определение вторичной языковой личности, выделяются пять ее культурно-обусловленных составляющих и предлагаются методика их формирования у студентов.

Ключевые слова: вторичная языковая личность; культурно-обусловленные аспекты коммуникации; стандарты коммуникативного поведения; массовая культура.

CULTURALLY CONDITIONED COMPONENTS AND METHODS OF DEVELOPING A SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY IN FOREIGN LANGUAGE LEARNERS ATTENDING TERTIARY SCHOOL FOREIGN LANGUAGE COURSES

O. B. Tarnopolsky, S. P. Kozhushko
Alfred Nobel University
Dnepr, Ukraine
e-mails: otarnopolsky@ukr.net, lana@duan.edu.ua

The article analyzes the essence, components, and ways of forming a secondary language personality in foreign language learners in the conditions of introducing the culture-oriented approach into tertiary school foreign language courses. The definition of second language personality is given, five of its culturally conditioned components are distinguished, and the methodology of forming them is suggested.

Key words: secondary language personality; culturally conditioned aspects of communication; communicative behavioral patterns; mass culture.

«Языковой личностью» [1] принято называть такую личность, которая способна полноценно общаться в определенном, родном для нее, языково-культурном социуме, адекватно соблюдая не только языковые, но и, главное, принятые в этом социуме социокультурные нормы коммуникации. Именно последние нормы составляют «ядро» языковой личности и поэтому их нарушение нелегко прощается иностранцу, так как подобное нарушение касается глубинных и наиболее чувствительных структур языковой личности носителя языка.

Следовательно, при обучении иностранному языку одной из важнейших задач является внесение таких модификаций в социокультурно-зависимое ядро языковой личности обучаемого, чтобы при общении с носителями изучаемого им языка те социокультурные нормы коммуникации, которым он привык следовать в родном языково-культурном социуме, не вступали в противоречие с сопоставимыми нормами, принятыми в целевом иноязычном социуме. Это означает овладение общением на изучаемом языке в строгом соответствии с социокультурными нормами, характерными для иноязычного сообщества, – которые могут существенно отличаться от норм, присущих сообществу, общающемуся на родном для обучаемого языке. Такое овладение называют «*формированием вторичной языковой личности*» [2]. Подобное формирование вовсе не означает, например, превращение украинца в американца, но означает развитие такой *межкультурной коммуникативной компетентности* [3], которая позволила бы овладевшему английским языком украинцу общаться на этом языке с американцем, ни в чем не отступая от требований коммуникативного этикета [4], принятого в англоязычном социуме США.

Таким образом, возникновение у изучающих иностранный язык вторичной языковой личности предполагает овладение ими культурно-обусловленными и характерными для иноязычного социума составляющими этой личности, т.е. для успеха иноязычной подготовки необходимо определить номенклатуру этих составляющих и то, какой должна быть методика их формирования у изучающих неродные языки.

Выделение названных культурно-обусловленных составляющих зависит от решения вопроса о том, какой культуре целевой лингво-социокультурной общности следует учить в курсе иностранного языка: культуре с большой буквы «К» или культуре с маленькой буквы «к» [4; 5; 6]. Первая из них охватывает цивилизационные достижения нации за весь период ее поступательного исторического развития: литературу, искусство, законодательство, политическое устройство общества и т.п. Вторая отражает *нормы поведения* [5; 7] индивидов, и в первую очередь нормы их коммуникативного поведения/этикет их коммуникативного поведения в общении с другими индивидами, принадлежащими к той же социокультурной общности [4; 6]. Без дополнительных объяснений понятно, что при всей важности культуры с большой буквы «К», при том, что фрагментарно она может отражаться в курсе иностранного языка, систематически и целенаправленно учить этой культуре вовсе не входит в задачи данного курса – для этого в нем нет ни времени, ни возможностей. Напротив, если курс языка учит общению на этом языке, то учить в нем культуре с маленькой буквы «к» – это его прямая и даже ведущая задача. Именно такая культура обусловливает развитие вторичной языковой личности, обеспечивая культурно-адекватную коммуникацию на изучаемом языке. Однако, чтобы успешно учить именно этой культуре в языковых курсах необходимо выделить ее конкретные составляющие, подлежащие отработке в них.

Первой такой составляющей мы считаем *вербальные стандарты коммуникативного поведения* [6]. К ним относятся многочисленные культурно обусловленные (этикетные, соответствующие общепринятым нормам и формам вежливости) вербальные формулы общения, общеупотребительные в той или иной лингво-социо-культурной общности, – например, как правильно и вежливо возражать собеседнику или отвечать на вопрос “*How are you?*” в отвечающем культурным требованиям общении на английском языке в англоязычном социуме.

Второй составляющей являются культурно-зависимые *невербальные стандарты коммуникативного поведения* [6] – например, жестикуляция, нормативное расстояние в коммуникации между собеседниками, которые находятся в неблизких, сугубо официальных отношениях друг с другом,

формы невербальных приветствий и т.п. Соблюдение этих стандартов не менее важно, чем названных выше, иногда они даже более важны, так как в большей мере способствуют установлению отношений симпатии или антипатии между коммуникантами.

Существуют и *смешанные (вербально-невербальные) стандарты коммуникативного поведения* [6]. Так, в ряде культур (например, в культурах англоязычных) улыбка обязательно должна сопровождать произнесение многих этикетных формул вежливости, таких как приветствие, ответ на вопрос, как дела, и многих других. В иных же культурах (например, украиноязычной) улыбка при вербальном общении необязательна и зависит только от воли и настроения коммуникантов.

Очень существенными для успешного проживания и функционирования в иноязычной культуре является владение так называемыми *стандартами коммуникативного поведения стиля жизни* [6]. Именно они обеспечивают адекватное поведение человека в процессе удовлетворения им своих повседневных жизненных потребностей через соответствующие общественные институции. Имеются в виду различия, существующие в разных культурах относительно того, как люди оперируют своими деньгами и сберегают их, как они пользуются городским транспортом, делают покупки, питаются в общепите, ездят по стране и т.д. Невладение соответствующими стандартами поведения может привести к возникновению множества неудобных и опасных ситуаций и развитию у человека культурного шока.

Все указанные стандарты коммуникативного поведения входят в культуру с маленькой буквы «к» и именно они составляют ядро вторичной языковой личности. Но к нему примыкает еще один компонент этой личности, который является граничным между культурами с большой «К» и с маленькой «к». Речь идет о некоторых явлениях так называемой массовой культуры, которые настолько прочно вошли в сознание и даже в подсознание носителей языка (например, Микки Маус или Элвис Пресли для американцев), что для них может стать настоящим шоком, если при общении на их родном языке с его неносителем, они обнаружат, что эти явления ему совершенно неизвестны. Следовательно, ряд подобных явлений также должны освещаться в курсе изучаемого языка для успешного формирования вторичной языковой личности.

Методика овладения обучаемыми в курсе иностранного языка всеми пятью указанными культурно-обусловленными составляющими вторичной языковой личности довольна проста и предполагает постоянное вовлечение преподавателем этих компонентов в учебный процесс и постоянную концентрацию на них внимания обучаемых, так чтобы названные

компоненты были включены в любые виды учебной деятельности. Преподаватель должен пользоваться каждой возможности объяснить и привлечь внимание учащихся к этим компонентам в ходе введения учебного материала, а затем отработать введенные культурно-обусловленные составляющие в процессе коммуникативной тренировки и практики, объединяя их с тренируемыми и практикуемыми языковыми и коммуникативными единицами. Например, тема «*Городской транспорт и передвижение по чужому городу*» позволяет отработать стандарты коммуникативного поведения стиля жизни, связанные с пользованием городским транспортом, ряд вербальных невербальных и смешанных стандартов коммуникативного поведения (формул вежливости), касающихся вопросов, задаваемых для поиска своего места назначения в незнакомом городе, и даже познакомить учащихся с некоторыми явлениями массовой культуры, посвященным жизни в современном мегаполисе.

Таким образом, можно сделать вывод, что работа в курсе иностранного языка над пятью культурно-обусловленными составляющими вторичной языковой личности вносят в учебный процесс тот культурный компонент, который необходим для того, чтобы формируемые и развиваемые у обучаемых и навыки, и умения иноязычного речевого общения полностью соответствовали социокультурным нормам целевой культурно-языковой общности.

Библиографические ссылки

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
2. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). М. : Высшая школа, 1989. 239 с.
3. Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. Clevedon : Multilingual Matters, 1997. 124 p.
4. Tarnopolsky O. Teaching etiquette communicative behavioral patterns to students of English as a foreign language // Atlantis. 2001. Vol. XXIII, Num. 2. P. 105-117.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1983. 268 с.
6. Тарнопольський О. Б., Скляренко Н. К. Lifestyle communicative behavioral patterns in the USA. 2-е видання, виправлене і доповнене. Київ : ІНКОС, 2003. 208 с.
7. Lado R. Language teaching. A scientific approach. New York : McGraw Hill, 1964. 239 p.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА В ОБУЧЕНИИ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

А. Ф. Шаповалова
Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mail: rectrix@list.by

В статье рассматриваются принципы оценки качества перевода, выработанные в рамках коммуникативно-функционального подхода к переводу и переводческой деятельности. В коммуникативно-функциональном аспекте описаны категории эквивалентности и адекватности, критерии оценки качества перевода, типология переводческих ошибок. Указанный подход предполагает, что требования, предъявляемые к учебному переводу, должны соответствовать требованиям, предъявляемым к профессиональному переводу.

Ключевые слова: качество перевода; оценка качества перевода; критерий оценки, эквивалентность; адекватность; учебный перевод; профессиональный перевод; переводческая ошибка.

METHODOLOGY OF TRANSLATION QUALITY ASSESSMENT IN TRANSLATOR TRAINING AND IN TRANSLATION PRACTICE

A. F. Shapovalova
Belarusian State University
Minsk, Belarus
e-mail: rectrix@list.ru

The principles of TQA worked out within the communicative-and-functional approach to translation and translation activity are discussed in the article. The categories of equivalence and adequacy, the criteria of assessment in translation, classifications of translation errors are described in relation to this approach. According to this approach, translation assessments in training and professional domains should conform.

Key words: translation quality; translation quality assessment; criterion of assessment; equivalence; adequacy; training translation, professional translation, translation error.

Категория качества перевода является важнейшей категорией, с которой все другие переводоведческие категории связаны отношением субординации [1, с. 71]. Данное утверждение основано на том, что одной из основных задач науки о переводе является поиск способов повышения качества перевода, что в свою очередь требует разработки принципов оценки качества перевода (ОКП) и типологии переводческих ошибок. На сегодняшний день методологическим проблемам ОКП посвящено большое количество исследований, в распоряжении исследователей перевода, переводчиков-практиков и преподавателей имеется обширный набор инструментов для определения плюсов и минусов в переводе, од-

нако вопросы концептуального анализа методологических подходов к ОКП до сих пор остаются не до конца разработанными. По мнению В. В. Сдобникова, причиной этого является непонимание исследователями того, что перевод выполняется в разных условиях, в разных коммуникативных ситуациях, в рамках разной предметной деятельности, и уже поэтому перевод конкретного текста не может оцениваться как «хороший» (или «плохой») во всех ситуациях общения [2, с. 41]. Понятно, что универсальной схемы оценки качества перевода быть не может, и, пожалуй, «единственное универсальное требование» к качеству перевода – способность «удовлетворять потребности коммуникантов и инициатора перевода в рамках их предметной деятельности в определенной коммуникативной ситуации» [2, с. 41]**.** Между тем, участники рынка переводческих услуг (заказчики и исполнители (переводчик, контролер, рецензент)), теоретики перевода, преподаватели перевода и студенты, изучающие перевод, объективно нуждаются в такого рода знании. В этой связи, актуальным представляется рассмотрение основных принципов оценки качества перевода, выработанных в рамках коммуникативно-функционального подхода к переводу и переводческой деятельности. В данном аспекте представляется целесообразным описать базовые категории оценки перевода и критерии ОКП применительно к основным видам перевода и их отдельным разновидностям, представить типологию переводческих ошибок.

Основополагающими в методологии ОКП являются нормативно-оценочные категории эквивалентности и адекватности. Эквивалентность, ориентированная на оценку результата перевода в плане функционального соответствия тех или иных фрагментов оригинала тем или иным фрагментам перевода, подразумевает дискретизацию и пофрагментарную сверку оригинала с переводом на предмет близости оригиналу в частях и в целом с позиций динамической эквивалентности. Адекватность, ориентированная на оценку процесса перевода в плане соответствия условиям коммуникации, заключается в анализе текста перевода в целом с точки зрения полноценности его восприятия в принимающей культуре. Эквивалентность отвечает на вопрос, соответствует ли текст перевода как результат тексту оригинала, в то время как адекватность отвечает на вопрос, соответствует ли перевод как процесс данным условиям коммуникации [3, с. 21]. С точки зрения коммуникативно-функционального подхода, главный критерий ОКП – способность переводного текста удовлетворять потребности участников коммуникативной ситуации.

Определению параметров «хорошего» перевода посвящено большое количество исследований. Авторы формулируют критерии ОКП, приме-

нимые к учебному и профессиональному переводу, к устному и письменному переводу, к художественному и специальному переводу.

Безусловно, критерии оценки качества учебного перевода отличаются от оценки профессионального перевода. В. В. Сдобников, руководствуясь коммуникативно-функциональным подходом к переводу, считает, что основанием для этого разграничения являются, прежде всего, сферы употребления перевода и цели, с которыми осуществляется перевод в аудитории и реальной жизни [2, с. 42].

Целью учебного перевода является формирование у студентов переводческих компетенций, важных для будущей профессиональной деятельности. Исходя из этого, к учебному переводу наиболее приложимы следующие критерии ОКП: количество переводческих проблем, успешно / не успешно решенных студентом; степень сложности переводческих проблем; способность выявления достоинств / недостатков в своих / чужих переводах; успешность / неуспешность перевода для осуществления предметной деятельности с учетом предполагаемой коммуникативной ситуации, потребностей и ожиданий предполагаемого получателя перевода; способность студента моделировать ситуации и прогнозировать результат [2, с. 42–43].

Целью профессионального перевода является обеспечение высокого качества переводческих услуг и реализация переводчиком профессиональных компетенций. К профессиональному переводу могут быть применимы следующие критерии ОКП: доля ошибочного перевода в общем объеме переведенного текста; успешность осуществления предметной деятельности коммуникантов и инициатора перевода; удовлетворение потребностей и ожиданий клиента / получателя / потребителя перевода [2, с. 43–44].

Основанием для выделения критериев оценки качества устного перевода являются, прежде всего, психолингвистические особенности речевых действий, производимых в процессе перевода в устной форме. К оценке устного перевода можно применить следующие критерии: общее впечатление и поведение переводчика (профессионально налаженная коммуникация, кинетика); передача основной, второстепенной и уточняющей информации; языковая адекватность текста перевода (фонетические, лексические, грамматические, стилистические ошибки); преодоление коммуникативных и языковых трудностей перевода (переспросы, уточнения, исправления); удачные переводческие решения (избранная переводческая стратегия, переводческие трансформации, передача лингвокультурной информации) [4, с. 41].

Основанием для разграничения критериев оценки качества художественных и специальных текстов является характер переводимых текстов.

В оценке художественного перевода используются следующие критерии: денотативный (оценка передачи семантических явлений), концептуальный (оценка культурно и понятийно значимых концептов текста перевода, культурная идентичность), дискурсивный (оценка коммуникативной структуры текста перевода), коннотативный (оценка стилистической адекватности текста), прагматический (оценка интеллектуального, эмоционального и эстетического воздействия, производимого текстом перевода) [5, с. 12].

И, наконец, для специального текста сформулирован свой набор критериев качества перевода: функционально-коммуникативное и смысловое соответствие оригиналу; точность и объективность передачи терминологии и недопустимость использования описательного перевода для терминов, имеющих переводческие соответствия; стилистическое соответствие данному типу текстов и стилистическая соотнесенность элементов текста; отсутствие орфографических, пунктуационных ошибок, опечаток и недочетов корректорского характера; сохранение форматирования исходного текста [6, с.118].

Таким образом, критерии ОКП специфичны для каждого вида перевода и его разновидностей в силу присущих им базовых параметров, таких как: 1) сфера и цель использования перевода; 2) характер речевых действий переводчика в процессе перевода; 3) характер переводимых текстов (тип текста). Понятно, что они не существуют в «чистом виде». Комплекс критериев для оценки конкретного перевода составляется исходя из того, учебный это перевод, или профессиональный, устный это перевод или письменный, художественный или специальный. Например, в оценке качества учебного художественного перевода доминирует ряд критериев оценки художественного перевода, в то время как оценка учебной деятельности студентов служит ядром.

Представление о качестве перевода не может быть полным без обращения к типологии переводческих ошибок.

Исследователи Е. В. Тетерлева и Ю. К. Попова предприняли попытку систематизировать классификации переводческих ошибок, изложенные в концепциях Н. К. Гарбовского, Д. М. Бузаджи, М. А. Куниловской, Л. К. Латышева, В. В. Сдобникова, по шести критериям [7, с. 65-71]: 1) с точки зрения языка (лексические, грамматические, стилистические, орфографические, пунктуационные) [8]; 2) по степени дезинформирующего воздействия на реципиента (искажения, неточности, неясности) [9];

3) по этапу перевода, на котором допущены ошибки (ошибки, обусловленные непониманием смысла исходного текста; ошибки, возникающие на этапе перевыражения системы смыслов; стилистические ошибки) [10]; 4) с учетом прагматики текста (несоответствия содержанию исходного текста на уровне отдельного предложения; несоответствия на уровне нормы и узуса языка перевода; несоответствия на уровне коммуникативной интенции автора) [11]; 5) по принципу логичности (ошибки, нарушающие предметную логичность; ошибки, нарушающие понятийную логичность) [12]; 6) с учетом причин их возникновения (буквализмы на уровне морфем, лексем, грамматических форм) [9].

Данные классификации имеют ограничительную силу: во-первых, построены с учетом текстоцентрического подхода, основанного на сопоставлении перевода и оригинала, и предполагают выявление разного рода несоответствий согласно одному заданному аспекту; во-вторых, текст рассматривается в отрыве от коммуникативной ситуации, в которой мог бы переводиться; в-третьих, нет возможности оценить весомость («вес») ошибки, как это принято в реальной переводческой практике [3, с. 42]. Следовательно, такие классификации более уместны в учебной, научно-исследовательской и редакторской практике при обсуждении отдельных ошибок.

Исчерпывающей в этом смысле признана номенклатура переводческих ошибок, представленная Д. М. Бузаджи, В. В. Гусевым, В. К. Ланчиковым, Д. В. Псурцевым в работе «Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок» [3; 8], согласно которой качество перевода (будь то специальный текст, художественный или публицистический) должно оцениваться с точки зрения эквивалентности оригиналу всего текста перевода и его фрагментов, после чего делаются выводы относительно адекватности перевода в целом. Авторы различают «виды», «группы» и «категории» ошибок.

К видам ошибок относятся нарушения логического, синтаксического, лексического и стилистического характера. Данную типологию удобно использовать в переводческой редакторской, учебной и научно-исследовательской практике при обсуждении той или иной конкретной ошибки [3, с. 35].

Группы ошибок более уместны для квалификационной оценки перевода. Они более глобальны и должны отвечать требованиям эквивалентности и адекватности текста в частях и в целом: 1) ошибки передачи денотативного содержания текста; 2) ошибки передачи стилистической характеристики оригинала; 3) ошибки, связанные с передачей авторской оценки; 4) нарушения нормы и узуса переводящего языка» [3, с. 76].

Категории ошибок служат для оценивания перевода в практических целях. Такая оценка может выполняться в учебном процессе (например, руководителем учебной и производственной практик), и «на производстве» (например, руководителем переводческого подразделения). Категории призваны дифференцировать ошибки по уровням и «весу». Подразумевается, что допустимое количество ошибок зависит от их относительного «веса» в рамках разных текстовых категорий и определяется соображениями прикладного характера (тип текста, назначение перевода, требования заказчика, возможность последующего редактирования) [3, с. 36]. Например, ошибки первой группы категории I (ошибки передачи денотативного содержания текста–опущения, добавления, замена информации) будут самыми весомыми, и их количество в тексте должно быть ограничено; тогда как все категории ошибок четвертой группы (нарушения нормы и узуса переводящего языка) будут иметь наименьший «вес», хотя их чрезмерное количество может сделать перевод неадекватным.

Мера приемлемости / неприемлемости тех или иных ошибок, как правило, оговаривается в методических рекомендациях заказчиков. В качестве основы этих требований используются положения, изложенные в стандартах на оказание переводческих услуг (например, «Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору». 3-я редакция. – Союз переводчиков России, 2015; и др.) [13].

К сожалению, в практике преподавания перевода преобладает текстоцентрический подход к ОКП, когда оценка студента может зависеть от количества ошибок (лексических, синтаксических и т.д.) на определенный объем текста или от количества правильно переведенных предложений, а меры, отраженные в «кодексах» на оказание переводческих услуг, могут не учитываться. А ведь это не соответствует реальной переводческой практике. С точки зрения коммуникативно-функционального подхода, оценка деятельности студентов должна осуществляться так, как если бы это была реальная коммуникативная ситуация [2, с. 43].

Подводя итог сказанному, мы можем сделать вывод о том, что коммуникативно-функциональный подход к ОКП применительно к учебному и профессиональному переводу, с учетом специфики видов перевода и их разновидностей, типологии переводческих ошибок и их «веса» дают возможность если не унифицировать критерии ОКП, то повысить качество перевода студентов-переводчиков и переводчиков-практиков. Задача преподавателя перевода – соединить теорию и практику, профессиональные требования к переводу с требованиями, предъявляемыми в аудитории.

Библиографические ссылки

1. Семко С. А., Калмыков В. А. Проблемы общей теории перевода. Таллинн : Валгус, 1988. 200 с.
2. Сдобников В. В. Оценка качества перевода в аудитории и реальной жизни // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. №11. С. 41–45.
3. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Бузаджи Д. М. [и др.]. М. : Всероссийский центр переводов, 2009. 119 с.
4. Плеханова Ю. В. Определение комплекса критериев оценки качества устного перевода студентов-лингвистов // Вестник НВГУ. 2016. № 4. С. 39-43.
5. Сапожникова О. С. Критика перевода: поиски объективных критериев // Вестник НГЛУ. 2009. № 6. С. 11-18.
6. Орёл М.А. Передача терминологии как основа качества экономического перевода // Проблемы перевода, лингвистики и литературы. 2012. № 15. С. 116-130.
7. Тетерлева Е. В., Попова Ю. К. Типы переводческих ошибок // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. тр. Пермь ПГПУ, 2009. С. 64-71.
8. Куниловская М. А. Классификация переводческих ошибок и их разметка // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. № 16. 2013. С. 59-71.
9. Латышев Л. К. Технология перевода. М. : Академия, 2005. 320 с.
10. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М. : Изд-во Московского университета, 2004. 544 с.
11. Сдобников В. В. Переводческие несоответствия: коммуникативно-функциональный подход // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. №5. С. 29–36.
12. Бузаджи Д. М. Белые нитки. Логические аспекты перевода [Электронный ресурс] // Мосты. 2006. №3 (11). Режим доступа: http://www.thinkaloud.ru/featureak.html (дата обращения: 20.09.2019).
13. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору [Электронный ресурс] / Союз переводчиков России. Режим доступа: http://www.translators-union.ru (дата обращения: 20.09.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимпиева Екатерина Денисовна	студентка 5 курса специальности «Современные иностранные языки (перевод)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Бахтадзе Екатерина Александровна	старший преподаватель кафедры иноязычной подготовки Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Бобрикова Татьяна Анатольевна	магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
Бобылева Лиана Ивановна	доцент кафедры мировых языков УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент
Борботько Людмила Александровна	заместитель директора по международным связям, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранный языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», кандидат филологических наук, доцент
Борисевич Елена Викторовна	старший преподаватель кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Боричевская Анастасия Александровна	старший преподаватель кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Будаев Эдуард Владимирович	профессор ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», доктор филологических наук, доцент
Бурак Анна Васильевна	старший преподаватель кафедры мировых языков УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»
Васючкова Ольга Ивановна	доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент

Власова Влада Владимировна	студентка факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»
Воробьева Светлана Владимировна	доцент кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
Гайдук Лариса Дмитриевна	старший преподаватель кафедры профессионально-ориентированной английской речи УО «Белорусский государственный экономический университет»
Голубкова Ольга Николаевна	доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», кандидат педагогических наук, доцент
Гончарик Алла Владимировна	старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Гочаков Сергей Владимирович	преподаватель кафедры мировой литературы и иностранных языков УО «Полоцкий государственный университет»
Грушова Людмила Дмитриевна	доцент кафедры мировых языков УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», кандидат педагогических наук, доцент
Гумбатова Фидан Эхтибаровна	ассистент кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета
Дичковская Екатерина Анатольевна	старший преподаватель кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Дорош Наталья Леонардовна	старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного филологического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», магистр филологических наук
Дроздова Светлана Сергеевна	старший преподаватель кафедры профессионально ориентированной английской речи УО «Белорусский государственный экономический университет»
Епифанова Елена Анатольевна	ассистент кафедры иностранных языков ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Ерофеева Мария Игоревна	студентка 3 курса специальности «Современные иностранные языки (преподавание)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Жилевич Ольга Федоровна	доцент кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций УО «Полесский государственный университет», кандидат филологических наук, доцент
Жмурина Влада Михайловна	студентка 4 курса факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Зайцева Наталья Юрьевна	профессор кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации Института иностранных языков ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», доктор филологических наук, профессор
Занковец Оксана Васильевна	старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Зелезинская Наталья Станиславовна	старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Зинина Анастасия Михайловна	преподаватель кафедры иноязычной профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»
Ивкина Анастасия Валентиновна	доцент кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации Института иностранных языков ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», кандидат филологических наук, доцент
Исакова Анна Алексеевна	аспирант кафедры английского языка ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
Качан Вероника Петровна	учитель ГУО «Средняя школа № 7 города Гродно»
Коваленок Татьяна Васильевна	доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Кожинова Алла Андреевна	профессор Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, профессор

Кожушко Светлана Павловна	заведующая кафедрой международного туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса и языковой подготовки Университета имени Альфреда Нобеля (Днепр, Украина), доктор педагогических наук, профессор
Колесникова Дарья Владимировна	старший педагог кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
Кондратенко Татьяна Леонидовна	старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Конева Евгения Александровна	доцент кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат филологических наук
Кунцев Владислав Александрович	студент 4 курса специальности «Современные иностранные языки (преподавание)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Кусковская Виолетта Станиславовна	преподаватель кафедры мировой литературы и иностранных языков УО «Полоцкий государственный университет»
Кучминская Наталья Рудольфовна	доцент кафедры иностранных языков ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина», кандидат филологических наук
Лабовкин Дмитрий Андреевич	преподаватель кафедры мировой литературы и иностранных языков УО «Полоцкий государственный университет»,
Лапунова Ольга Владимировна	доцент кафедры романского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
Левко Татьяна Геннадьевна	студентка 5 курса специальности «Современные иностранные языки (перевод)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Личко Мария Юрьевна	студентка 5 курса специальности «Современные иностранные языки (перевод)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Лукина Ольга Анатольевна	доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат филологических наук, доцент

Манукян Янис Ашотович	ассистент кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук
Машкарева Елена Олеговна	старший преподаватель кафедры профессионально ориентированной английской речи УО «Белорусский государственный экономический университет»,
Мегрелишвили Татьяна Григорьевна	профессор Грузинского технического университета, департамент иностранных языков, направление «Русистика», доктор филологических наук
Минина Виктория Генриховна	доцент кафедры теории и практики перевода № 1 УО «Минский государственный лингвистический университет», кандидат филологических наук, доцент
Миронова Диана Михайловна	доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», кандидат филологических наук
Митюкова Елена Анатольевна	Преподаватель Лидского колледжа УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», кандидат филологических наук
Михайлова Елена Владимировна	профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Белорусская государственная академия музыки», кандидат филологических наук, доцент
Мочалова Татьяна Георгиевна	магистрант 1 курса кафедры языкознания и переводоведения Института иностранный языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
Мялик Ксения Игоревна	выпускница специальности «Современные иностранные языки (перевод)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Островская Татьяна Александровна	доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», доктор филологических наук, доцент
Перова Светлана Вячеславовна	аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета
Половцев Денис Олегович	заведующий кафедрой теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент

Попова Людмила Николаевна	доцент кафедры иностранных языков и методики их обучения факультета педагогики и психологии Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (Киев, Украина), доцент
Пригодич Елена Александровна	заведующий кафедрой немецкого языка факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
Приходченко Александра Алексеевна	доцент кафедры иностранных языков профессиональной направленности Запорожского национального университета, кандидат филологических наук
Приходько Анна Ильинична	профессор кафедры английской филологии Запорожского национального университета, доктор филологических наук, профессор
Пром Наталья Александровна	доцент кафедры «Иностранные языки» ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», кандидат филологических наук, доцент
Рогачевская Марина Станиславовна	профессор кафедры зарубежной литературы УО «Минский государственный лингвистический университет», доктор филологических наук, доцент
Санюта Полина Павловна	выпускница специальности «Современные иностранные языки (перевод)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Середа Людмила Михайловна	доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации факультета истории, коммуникации и туризма УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», кандидат филологических наук, доцент
Слівец Вольга Рыгораўна	аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі УА «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна», магістр філалагічных навук
Стебляк Елена Анатольевна	доцент кафедры дефектологического образования ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук
Стефановская Екатерина Игоревна	преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Субботенко Светлана Сергеевна	доцент кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат филологических наук, доцент

Тарнопольский Олег Борисович	заведующий кафедрой прикладной лингвистики и методики преподавания иностранных языков Университета имени Альфреда Нобеля (Днепр, Украина), доктор педагогических наук, профессор
Товмирзаев Дени Русланович	студент 4 курса специальности «Современные иностранные языки (преподавание)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Торжок Альбина Григорьевна	доцент кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
Трацяк Зоя Іванаўна	дацэнт кафедры сусветнай літаратуры і замежных моў УА «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт», кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Хачмафова Зайнета Руслановна	заведующий кафедрой немецкой филологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», доктор филологических наук, профессор
Хоменко Анна Юрьевна	аспирант аспирантской школы по филологическим наукам Национального исследовательского университете «Высшая школа экономики», старший преподаватель факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», департамент прикладной лингвистики и иностранных языков
Цвирко Елена Иосифовна	старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Цыганкова Майя Викторовна	студентка 5 курса специальности «Современные иностранные языки (перевод)» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Шаповалова Алла Федоровна	старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета
Шмык Екатерина Андреевна	аспирант факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Рогачевская М. С. Художественная литература и социальная среда в современной Великобритании……..... 3

Кожинова А. А. Образ мира: лингвистика текста на новом этапе своего развития……. 10

Мегрелишвили Т. Г. Коммуникативные стратегии нарратива и авторская картина мира Вл. Шарова …..... 15

Попова Л. Н. Лингводидактические технологии формирования готовности к межкультурному общению на английском языке в сфере современных информационных технологий…….. 10

Островская Т. А., Хачмафова З. Р., Середа Л. М. Социально-локальные формы английского языка как реализация концепта «гибкость мышления» в дискурсе британской элиты……. 24

РАЗДЕЛ 2. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПАРАМЕТРЫ, СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ДИСКУРСА

Борботько Л. А., Мочалова Т. Г. Стратегии и тактики предотвращения коммуникативной неудачи……..... 30

Васючкова О. И. , Коваленок Т. В. Особенности профессиональной межкультурной коммуникации юристов…… 35

Гайдук Л. Д. Дискурс-портрет рецензента научной статьи в экономическом дискурсе……... 40

Кучминская Н. Р. Когнитивное пространство французских стереотипов в речевой функции интерлингвальных вкраплений…….. 45

Лапунова О. В. Телевизионный репортаж в теории речевых актов ……. 49

Лукина О. А. Коммуникативные стратегии, тактики и средства эффективного взаимодействия с детьми от рождения до года…..…….. 54

Манукян Я. А. «Эмансипация от эмансипации»: репрезентация награды „*Ehrenkreuz der deutschen Mutter*“ в обиходном дискурсе в период Третьего рейха…….. 59

Михайлова Е. В. Особенности реализации музыкально-поэтического дискурса в текстах русских романсов XIX–XX вв…… 63

Приходько А. И. Оценочность в системе вербальной деятельности человека……. 68

Пром Н. А. Фактуализация реальности как медиаэффект…… 72

Стебляк Е. А. Проблемы презентационного функционирования педагогического дискурса специального образования…… 77

Стефановская Е. И. Понятие «дискурс» в современной лингвистике: элементы понятийного поля научной категории……... 82

Р А З Д Е Л 3 . СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бобрикова Т. А. Славянские реалии как пресуппозиция интерпретации романа Милорада Павича «Другое тело» …….. 89

Будаев Э. В. Типы сопоставления метафор в политическом дискурсе…… 95

Воробьева С. В. Новейшие англицизмы во французском языке: реальна ли угроза? ……..…… 100

Гончарик А В. Терминологические единицы астрономического дискурса и особенности их перевода…….…… 106

Гумбатова Ф. Э. Становление лингвистической терминологии XVIII века в Германии и России (на материале трудов И. К. Готшеда, И К. Аделунга, М. В. Ломоносова)…….…… 110

Дорош Н. Л. Деривационные сочетания *заниматься чем (займацца чым)* в составе номинативных рядов глаголов-отсубстантивов в русском и белорусском языке……. 114

Жмурина В. М., Миронова Д. М. К исследованию национально-культурной специфики метафорических образов (на материале английских и русских паремий о душе)……..…. 118

Исакова А. А. Двуязычные словари как источники изучения языка сибирских татар…… 122

Конева Е. А. Homo socius как объект лингвистического исследования… 126

Машкарева Е. О., Дроздова С. С. Металингвистика и межкультурная коммуникация……..……..... 130

Перова С. В. Чай – «растение небес» в диахроническом аспекте (на материале русского языка) ……..... 135

Пригодич Е. А. Ономастические реалии в лингвокультурологическом аспекте изучения иностранного языка……..... 138

Приходченко А. А. Лингвофилософский и культурологический аспекты оппозиции «жизнь – смерть»……..……... 143

Торжок А. Г. О синергийных свойствах английских глаголов говорения…….…….. 146
Хоменко А. Ю., Зинина А. М. Глобальный английский и интернет-сленг. Влияние на языковую личность современной молодежи (на материале русского и китайского языков)…….…… 152

Р А З Д Е Л 4. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

Алимпиева Е. Д. Роль исторических источников в создании трагедии У. Шекспира «Макбет»…….. 159
Борисевич Е. В. Между польской традицией и древнееврейским оригиналом: антропонимы в Библии Симона Будного…… 162
Боричевская А. А., Ерофеева М. И. Процесс архаизации слов английского языка как обязательное условие поддержания языка в состоянии коммуникативной пригодности……... 166
Гочаков С. В. Художественная специфика баллады У. Вордсворта «Нас семеро»……..…...…. 170
Дичковская Е. А. , Кунцев В. А., Товмирзаев Д. Р. Концепция правды в новой журналистике…… 175
Жилевич О. Ф. Роман Б. Дю Бушерона «Змейка». К вопросу о поэтике философско-аллегорической французской прозы…….…… 180
Зелезинская Н. С. Нулевая социальная идентичность героя современного подросткового романа…… 184
Зелезинская Н. С., Личко М. Ю. Вечный образ мальчика и лиса как проводник экосознания в романе Сары Пеннипакер «Пакс»…..……. 189
Кусковская В. С. Фантастический элемент как способ изображения военной действительности в новелле А. Бирса «Три плюс один равняется одному» ……..…... 193
Лабовкин Д. А. «Уходящие» и «бегущие» герои в произведениях Дж. Д. Сэлинджера о семье Глассов……..……. 198
Минина В. Г. Герой романов К. Исигуро – человек небунтующий…….. 205
Половцев Д. О., Санюта П. П. Способы создания «атмосферности» в романе д. Митчелла «Лужок Черного Лебедя»……..…… 209
Слівец В. Р. Андронімы як нацыянальна выразныя спосабы намінацыі персанажаў у мове мастацкай літаратуры……...……. 214

Трацяк З. І. «Натуральная гісторыя памерлых» Э. Хемінгуэя як метафара чалавечага быцця XX ст.…….. 218

Р А З Д Е Л 5. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИНГВИСТА-ПЕРЕВОДЧИКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Голубкова О. Н. Переводная множественность как средство повышения качества перевода художественного произведения ……..…… 225

Занковец О. В., Цыганкова М. В. Лексическая безэквивалентность юридических терминов ……. 229

Качан В. П. Приемы перевода названий американских фильмов, популярных среди подростков (на примере фильмов 2018 года)…..…… 234

Левко Т. Г. Специфика развития гендерного аспекта в отечественном переводоведении……..…….. 238

Митюкова Е. А. Особенности перевода латиноязычного текста…….. 242

Субботенко С. С. Смешение дискурсов как литературный прием – переводческий аспект (на материале пьесы К. Крауса «Последние дни человечества»)…… 245

Цвирко Е. И., Мялик К. И. Средства создания эпатирующего эффекта в речах современных политических деятелей и особенности их перевода на русский язык..……... 250

Шмык Е. А. Проблемы отражения авторской философской позиции в переводе «Wanderers Nachtlied II» И. В. Гёте на белорусский язык…. 256

Р А З Д Е Л 6. ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ

Бахтадзе Е. А. Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: платформа Go Formative …….. 261

Бобылева Л. И. Развитие умений письменного делового дискурса как важный фактор формирования готовности к межкультурному общению……..……. 266

Власова В. В. Использование лингводидактических технологий на CLIL-уроке: география и английский язык……. 271

Грушова Л.Д., Бурак А.В. Коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку студентов неязыкового профиля……..…… 275

Дроздова С. С. , Машкарева Е. О. Обучение иностранному языку на основе коммуникативных методов……... 279

Епифанова Е . Формирование межкультурной компетенции в процессе обучения немецкому языку студентов-медиков…..……. 283

Зайцева Н. Ю., Ивкина А. В. Учебный тезаурус как ресурс межкультурного профессионального общения…… 287

Колесникова Д. В. , Колесникова Л. В. Обучение переводу китайской терминологии по ландшафтному дизайну с опорой на культурные ценности……. 292

Кондратенко Т. Л. Эвристический потенциал изучения лингвострановедческих дисциплин в вузе в контексте организации эффективной межкультурной коммуникации…….. 296

Тарнопольский О. Б., Кожушко С. П. Культурно-обусловленные составляющие и методика формирования вторичной языковой личности у изучающих иностранный язык в его вузовском курсе…… 300

Шаповалова А. Ф. Методология оценки качества перевода в обучении и переводческой практике…….. 305

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ …….. 312

Научное издание

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

Материалы
V Международной научно-практической конференции,
посвященной 20-летию основания
кафедры теории и практики перевода
факультета социокультурных коммуникаций
Белорусского государственного университета

Минск, 24–25 октября 2019 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *С. В. Воробьева*

Подписано в печать 09.12.2018. Формат 60×86/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 18,83. Уч.-изд. л. 18,92.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.